

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК

ВЫПУСК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

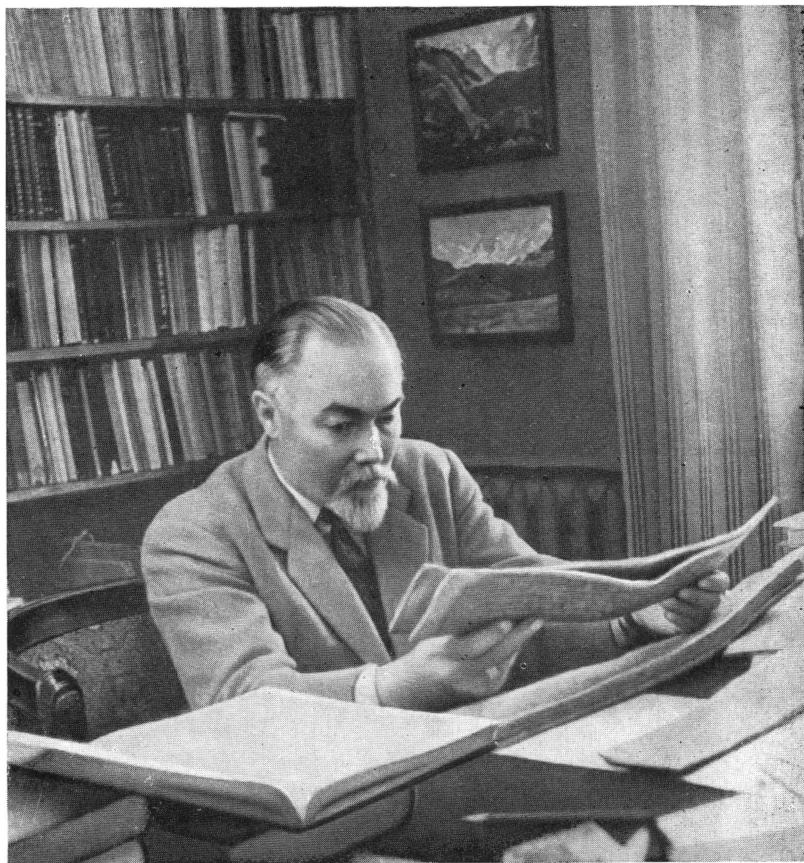
СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ВЫПУСК II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

Под редакцией
председателя Восточной комиссии академика *В. В. Струве*
и заместителя председателя *А. В. Королева*

Ю. Н. РЕРИХ (Москва, 1960 г.)

ПАМЯТИ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА РЕРИХА

Советская и мировая наука понесла тяжелую утрату. 21 мая 1960 г. неожиданно, в разгар напряженной научной и общественной деятельности, на пороге завершения многих научных трудов, от нас ушел Юрий Николаевич Рерих — русский ученый-востоковед с мировым именем, человек большого сердца, глубочайшего ума, огромных знаний и необычайной судьбы.

Юрий Николаевич родился 16 августа 1902 г. близ Окуловки в Новгородской области в семье замечательного русского художника, ученого и мыслителя академика живописи Н. К. Рериха.

Интерес и любовь к Востоку, которые Юрий Николаевич пронес через всю свою жизнь, пробудились у него с ранних лет. Еще гимназистом в Петербурге — центре русского востоковедения — он начал изучать египтологию у академика Б. А. Тураева. Затем, уже за границей, он получил блестящее разностороннее образование под руководством и с помощью крупнейших ученых Запада и Востока.

Сначала в Лондоне, в Институте востоковедения при университете, где Юрий Николаевич, в частности, начал изучать санскрит под руководством профессора Д. Росса, а затем в США, в Гарвардском университете, где он работал у санскритолога профессора Ч. Р. Ланмана, Юрий Николаевич глубоко изучил языки, археологию, искусство, философию многих стран Востока.

В начале 20-х годов в Париже, в Школе восточных языков при Сорбонне, где Юрий Николаевич работал с профессорами Бако и Пелио, он основательно изучил тибетологию и тибетский язык.

Все эти годы Юрий Николаевич много путешествовал по Индии и другим странам. В 1923 г. Юрий Николаевич, молодой, но уже сложившийся ученый-востоковед, обладающий фундаментальной подготовкой, поселился в Индии. Здесь, на месте, главным образом в Дарджилинге, он еще более углубил свои знания и продолжил научные изыскания в содружестве с выдающимися местными учеными.

В 1926—1929 гг. Юрий Николаевич принял участие в знаменитой экспедиции по Центральной Азии, руководимой его отцом. Эта экспедиция по своему научному значению, по продолжительности, по пройденному расстоянию представляет замечательный подвиг семьи Рерихов, особенно если вспомнить о тех невероятных трудностях, с которыми пришлось столкнуться ее участникам. Позже Юрий Николаевич обобщил материалы экспедиции в книге «Пути к сердцу Азии», изданной в США и во Франции.

По возвращении из экспедиции Юрий Николаевич возглавил Гималайский научно-исследовательский институт, основанный в 1929 г. Н. К. Рерихом в горной долине Кулу, в Пенджабских Гималаях. В институте изучались история, языки, философия, искусство народов

Гималаев и соседних районов, фауна и флора этого края, местная и тибетская медицина, собирались интересные коллекции и т. п. Душой и непременным участником всех исследований института был Юрий Николаевич.

В своей работе Юрий Николаевич опирался на блестящие знания множества западных и восточных языков. Помимо русского, он в совершенстве владел английским, французским, немецким, греческим, латинским, тибетским, монгольским, санскритским, пали, хиндустани, персидским языками, многочисленными местными наречиями Центральной Азии, хорошо знал испанский, итальянский, китайский и был знаком со многими другими живыми и мертвыми языками.

Свои поистине энциклопедические знания Юрий Николаевич использовал для разрешения разнообразных сложнейших проблем востоковедения.

Он создал много научных трудов. Некоторые из них представляют выдающийся вклад в мировую востоковедческую науку. В качестве примера можно назвать переведенные и изданные им с комментариями «Голубые Анналы» — капитальный труд по истории Тибета. Издание этого сочинения, содержащего полные сведения по истории Тибета, которое до него никто не смог осилить, потребовало огромных знаний и колоссального труда.

Крупнейшим научным подвигом Юрия Николаевича является составление монументального тибетско-санскритско-англо-русского словаря, который в настоящее время готовится к печати.

В рукописи осталось еще одно капитальное исследование, над которым Юрий Николаевич работал много лет. Это — почти законченная «История народов Средней Азии», широко освещающая прошлое всех народов этого края.

За рубежом Юрий Николаевич издал много других значительных трудов, свидетельствующих о необычайной эрудиции и неизмеримой широте и глубине знаний. Круг его научных интересов был поистине необъятным. Достаточно сказать, что, кроме названных выше работ, каждая из которых ставит Юрия Николаевича в ряд ведущих ориенталистов современности, он опубликовал книги, посвященные грамматике тибетского языка, наречиям Амдо и Лахула, учебник разговорного тибетского языка, труды о тибетской живописи, о так называемом зверином стиле в Тибете, жизнеописание буддийского подвижника Чаг-Лотсава, историческое описание Тибета (на тибетском языке) и много других книг, изданных в ряде стран на разных языках.

Юрий Николаевич написал также множество статей в области тибетского и монгольского языкознания, истории Центральной Азии и Индии, философии Востока (особенно буддизма), о русско-индийских связях (например, статья «Индология в России») и другие.

Юрий Николаевич вел активную общественную деятельность. Вместе со своим отцом он отдал немало сил делу создания и проведения в жизнь Международного пакта по охране культурных ценностей во время войны, известного как «Пакт Рериха», ратифицированного Организацией Объединенных Наций и правительствами большинства стран мира, в том числе правительством Советского Союза.

Юрий Николаевич был членом многочисленных научных обществ в Индии, Советском Союзе, Англии, Франции, США и других странах. Среди них можно упомянуть Азиатское общество Бенгалии в Калькутте, Географическое общество Союза ССР в Ленинграде, Королевское Азиатское общество в Лондоне, американские Археологическое и Этнографическое общества, Парижское географическое общество и т. д.

Юрий Николаевич был другом многих выдающихся людей нашего времени: Рабиндраната Тагора, Джавахарлала Неру, С. Радхакришнана, Джагадиш Чандра Боша, С. В. Рамана, Ромен Роллана, Поля Пелио и других крупных ученых, писателей, государственных и общественных деятелей.

Поистине трудно поверить, что один человек способен объять сразу так много, но Юрий Николаевич был именно таким человеком.

Живя в течение почти 40 лет вдали от родной страны, Юрий Николаевич оставался пламенным русским патриотом. Всю свою научную деятельность, всю свою жизнь он посвятил Родине и всегда мечтал быть ей полезным. И мы можем гордиться тем, что наш соотечественник за рубежом достойно продолжил славные традиции русского востоковедения, с честью пронес в Индии имя России и внес неоценимый вклад в дело сближения наших великих стран.

Юрий Николаевич был представителем замечательной семьи Рерихов, каждый член которой оставил значительный след в науке и культуре и многое сделал для поддержания и укрепления дружбы между народами Индии и Советского Союза, для дела борьбы за мир на земле. Как человек и ученый Юрий Николаевич сформировался под влиянием своей семьи, где все делалось сообща, где каждый дополнял и взаимно обогащал друг друга. И говоря о Юрии Николаевиче, мы должны вспомнить его мать — Елену Ивановну, отца — Николая Константиновича, которого, как и Рабиндраната Тагора, в Индии называли «Великим учителем», и его брата и друга Святослава Николаевича.

В 1957 г. сбылась заветная мечта Юрия Николаевича. Во время пребывания в Индии председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева Юрий Николаевич обратился к нему с просьбой о разрешении вернуться на родину. Н. С. Хрущев пригласил Юрия Николаевича приехать в Советский Союз. Юрий Николаевич привез с собой значительную часть художественного наследия своего отца. Переданные им в дар Советскому Союзу произведения Н. К. Рериха вошли в фонды Государственного Русского музея в Ленинграде.

По возвращении на родину Юрий Николаевич сразу развернул большую научную и организационную деятельность. Он возглавил Сектор истории религии и философии Индии в Институте востоковедения и тибетологическую группу в Институте китаеведения Академии наук СССР. Он явился также одним из инициаторов возобновления издания памятников литературы Востока в знаменитой серии «Библиотека буддизма».

Уже после возвращения в Советский Союз Юрий Николаевич опубликовал и подготовил к печати ряд новых книг и статей.

Много сил отдавал Юрий Николаевич работе с молодежью, считая одной из главных обязанностей передать свои обширные знания своим ученикам.

Юрий Николаевич был человеком богатой и щедрой души, мудрым, простым и доступным, удивительно скромным и даже застенчивым, всегда доброжелательным и отзывчивым, готовым поделиться своими необыкновенными знаниями и огромным опытом. Это чувствовал каждый, кому посчастливилось с ним встречаться.

Никогда не угаснет в наших сердцах светлая память о Юрии Николаевиче.

*ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР*

Ю. Н. Перих

КОЧЕВЫЕ ПЛЕМЕНА ТИБЕТА

Проблема человека на Тибетском нагорье еще ждет своего исследователя. Научные экспедиции прошлых лет стремились прежде всего заполнить белые пятна на карте высокогорной части Центральной Азии, выяснить орографические особенности, а также изучить фауну и флору нагорья. Человек, его культура и быт, социально-экономические условия, в которых развивалась тибетская государственность, — эти проблемы мало затрагивались в процессе работ иностранных экспедиций, что в значительной степени объясняется как незнанием тибетского языка, распадающегося на множество наречий и говоров, так и кратковременностью пребывания экспедиций в стране. И все же, несомненно, именно в Тибете скрыта разгадка многих проблем, связанных с вопросом обитания человека в Азии.

Тибет, в исследовании которого выдающееся место принадлежит русским ученым, представляет интерес не только как место развития одного определенного народа. Известно, что в неприступных тибетских горах время от времени укрывались различные племена и даже народы Центральной Азии, бежавшие сюда от тех или иных политических событий, происходивших во Внутренней Азии. В этом отношении особенно интересен северо-восток Тибетского нагорья, области Амдо и Северный Кхам. Сюда, в Тибет, проникали многие народности различного этнического корня, вложившие свой вклад в то сложное и многогранное явление, которое представляет собой тибетская культура.

Человек населял Тибетское нагорье в глубокой древности. Его стоянки, относящиеся к каменному веку, известны как на северо-востоке страны (Шаратханг), так и на крайнем западе (исследования де Терра). Имеются данные о том, что стоянки каменного века встречаются также в Южном и Восточном Тибете. Они расположены в долинах рек, по речным террасам, и лишь незначительная исследованность указанной части страны не позволяет уточнить этот вопрос. Наличие среди населения Южного Тибета примитивного физического типа с развитыми надбровными дугами и массивной челюстью делает изучение истоков происхождения человека в Тибете насущной задачей.

Современная наука придерживается мнения, что предки тибетских племен проникли в страну с северо-востока и что древнейшим центром распространения тибетских племен следует считать бассейн Желтой реки. Высокогорные степи Хөхө-нүра явились одним из главных центров этого расселения. Отсюда тибетские племена, теснимые северными

кочевниками, проникали в южную и восточную части нагорья. Известно, что еще до нашей эры племена тибетского корня занимали обширное пространство на территориях современных китайских провинций Ганьсу, Сычуань (северо-западная часть) и Нинся. Это были так называемые цяны, пастушеские племена овецодов, а в западной части провинции Сычуань — племена ди. Китайцам рано пришлось столкнуться с этими племенами. Исторические записи, относящиеся к 296 г. н. э., свидетельствуют о большом восстании племен ди, которым даже удалось основать свою государственность. Движение среди племен ди захватило и их северных соседей цянов. В дальнейшем, после 312 г. н. э., цяны еще продолжали играть политическую роль в жизни Китая, а племена ди постепенно распадаются.

Среди этих раннетибетских племен не существовало прочных племенных объединений. Очень часто они представляли собой временные военные объединения, возникшие в связи с постоянными столкновениями с соседями. Такое же положение характерно и для ранних тюркских и монгольских племен монгольской степи. Нечто подобное сохранилось и среди современных нам кочевых племен северо-востока Тибета — банаков и голоков, в среде которых продолжают бытовать многие пережитки глубокой древности.

С давних времен у цянов замечается сильная примесь иностранного элемента — юэчжи-токарские, тюркские и монгольские поколения. В числе названий тибетских поколений в имперскую эпоху истории, т. е. в VI—IX вв. н. э., часто попадаются названия поколений, явно говорящие об их иностранном происхождении. Так, например, у тибетских племен встречаются поколения То-кар, или тохаров-юэчжи (отмеченных в китайских анналах), поколения А-жа, или ту-юй-хуни (сяньбийская орда, перекочевавшая в начале IV в. н. э. с Ляо-хэ на Хөхө-нүр). Тибетское племенное название хор — не что иное, как тибетская транскрипция китайского ху — названия, которым обозначались центральноазиатские племена иранского и тюрко-монгольского корней.

Долины рек явились центрами создания тибетской государственности. Но юг не был единственным направлением движения племен. Другая мощная группа тибетских кочевых племен двинулась на юго-запад и запад от Хөхө-нүра в направлении на северное нагорье Тибета. Достигнув северных отрогов громадного горного хребта Ньэн-чэн Тхангла, кочевые племена устремились на запад, вдоль северных отрогов Транс-Гималаев. Великий паломнический путь, ведущий из Накчу через области Намру и Накц'анг к священной для всего Тибета вершине Кайлас, по всей вероятности, представлял древний кочевой путь, по которому происходило продвижение тибетских племен на дальний запад нагорья. На востоке, в низовьях речных долин, и на крайнем юго-западе тибетские кочевые племена встретились с лесными и бродячими племенами гималайского горного пояса, говорившими на языках и наречиях тибето-бирманской группы языков. На юго-западе, в области Шаншан, или Гугэ, в верховьях Сатледжа, они столкнулись с гималайскими племенами, которые еще в VI—VIII вв. н. э. принадлежали к культурному миру Индии.

Тибетцы, с присущей им наблюдательностью, рано установили деление Тибетского нагорья на определенные зоны, в общем соответствующие главным особенностям местного ландшафта. Это — тханг (ཁང་།), или высокогорная равнина, и в первую очередь Северное Тибетское нагорье, или чанг-тханг. На северо-западе оно достигает высоты 6 тыс. м, а к югу от хребта Гунь-Лунь представляет абсолютную пустыню. Затем

идут ганг (ཀོང་།), или ри-ганг, т. е. горные хребты, дрок (འབྲུག་།) — высокогорные степи, встречающиеся как вдоль южного травянистого пояса полупустынь и степей ч'анг-тханг, или северного нагорья, так и в Южном и Восточном Тибете, и, наконец, ронг (རྟོག་།), или речные долины, лежащие на высоте от 3 тыс. до 4 тыс. м, — часть страны с оседлым населением и центры развития тибетской государственности.

Периферические области Южного и Восточного Тибета с их глубокими и узкими речными долинами граничат на севере и северо-востоке с высокогорным травянистым поясом, который издревле служил пастбищем для скота кочевников. Этот пояс нагорных пастбищ со средней высотой 4—5 тыс. м обозначается тибетскими географами под именем «дрок», т. е. пастбище, непригодное под земледелие. Отсюда слово «дрок-па» — «кочевник, человек высокогорной степи».

Наиболее многочисленные племена кочевников-скотоводов кочуют на северо-востоке нагорья, в областях Амдо и Северный Кхам. Кочевые племена Амдо и Хөхө-нүра известны в русской географической литературе под общим названием тангутов (от монгольского «тангат»). Это многочисленные полунезависимые племена голоков к югу от Желтой реки, или Мач'у, кочевники амдо и банаки, или «черношатровые» племена Хөхө-нүра. Пояс травянистых степей в верховьях рек Ялунга, Янцзы, или Дри-чу, Меконга, или Дза-чу, и Сальвина, или Нак'чу, населен многочисленными племенами кочевников. К ним относятся кочевники нгава, кочевники нак-ч'эна в верховьях Дза-чу и 39 племен области Джа-дэ в верховьях Нак-чу. Далее на запад, вдоль пояса полупустынь и травянистых степей северного нагорья, лежат кочевья нуп-хоров, или западных хоров, занимающих обширные земли в верховьях Сальвина, между хребтом Ньэн-ч'эн тханг-ла и массивом Данг-ла.

На запад от нуп-хоров кочуют дамсоки, потомки монголов-хошутов. В настоящее время они весьма сильно отибетились, хотя и не утратили некоторых особенностей монгольского кочевого быта. Среди этих потомков хошуты Гуши-хана (XVII в.) монгольский язык сохранился лишь в песнях и топонимике области. Далее на запад, в области Великих озер, к северу от Транс-Гималаев, кочуют племена ч'ангпа, или «северяне». Редкое кочевое население, или дрок-па, встречается и на крайнем западе нагорья в области Нгā-ри и в Ладаке.

Необходимо отметить, что жители речных долин Восточного Тибета, или Кхама, являются одновременно и скотоводами и земледельцами. В холодное время они живут оседло. Населению речных долин Кхама свойственна так называемая вертикальная перекочевка — летом скот перегоняют на высокогорные пастбища, расположенные на высоте 4—5 тыс. м, а в октябре, с наступлением холодов, стада по склонам хребтов, окаймляющих речные долины, спускаются вниз до 3,5—4 тыс. м, где и проводят холодное время года. В отличие от населения Кхама кочевники северо-востока проводят три перекочевки в году и в этом отношении ближе стоят к своим соседям — монголам Цайдама и Амдо.

Среди кочевников северо-востока наибольший интерес для исследователя представляют многочисленные племена голоков. На старых картах Тибета можно увидеть надпись: «Территория голоковских племен». Сюда относится обширный район высокогорных пастбищ, к северу от верховьев Ялунга и на восток до Сунпаня на границах провинции Сычуань. На севере кочевья голоков простираются до Желтой реки.

Немногочисленные исследователи, пытавшиеся проникнуть к голокам, встречали отпор со стороны кочевников. Постоянные междоусоб-

ные войны голоков с их соседями банаками, оттесненными в конце XVIII в. к северу от Желтой реки, а также разбой вдоль караванных дорог способствовали укреплению запретного характера района. Кочевья голоков расположены между важными караванными путями, связывающими Джэкундо с Синином, Сунпанем и Да-цзян-лу. Столь выгодное положение было полностью использовано голоковскими отрядами. Они совершали постоянные набеги на проходящие караваны. Голоки — одна из наиболее многочисленных групп тибетских кочевников, численность которой, однако, трудно установить. В отношении языка они близки банакам Хёхё-нүра и кочевникам-амдосцам, составляющим группу северо-восточных тибетских наречий. Когда-то голоки пользовались широкой автономией. Их основное занятие — скотоводство, причем главное богатство области составляют многочисленные стада яков. Своеобразным «подсобным промыслом» служит организованный разбой вдоль караванных путей. Зиму, весну и лето голоки проводят в своих кочевьях. В августе — сентябре, т. е. в восьмом месяце тибетского лунного года, когда кони после пребывания на летних пастбищах находятся в теле, голоки собирались в отряды. Во время набегов их конные отряды покрывали большие расстояния. В прошлом голоки постоянно угрожали караванному пути на Лхасу и появлялись в Цайдаме, где совершали нападения на монгольские кочевья.

Во время второй мировой войны постоянные столкновения с войсками провинции Цинхай вынудили голоков откочевать далеко на запад, в район хребта Хёхё-шили на Лхасской караванной дороге, и тогда же отдельные отряды голоков проникли даже на крайний запад Тибетского нагорья, в далекую Нга-ри.

В течение столетий полунезависимая область голоков служила как бы пристанищем для всех недовольных феодальным гнетом, бежавших из соседних территорий. Все это отразилось не только на языке голоков, но и на их физическом типе. Постепенно они превратились в своеобразную вольницу. Слово «голоков» означает «повстанец» или «повернутая голова». Физический тип голоков возник на базе соседних банаков, с которыми они имеют много общего. Голоки делятся на несколько племен, составляющих своеобразный племенной союз. Названия племен указывают на их происхождение. Так, например, одно из многочисленных племен голоков носит название «хор-гэн», что означает «старые хоры». Это потомки пришельцев из соседней области Хор. Другие названия отражают как бы профессиональный характер, например ардзюн — «разбойник». Самыми влиятельными среди племен являются голоки-сэрта, или «голоки золотого коня». Все племена в свою очередь подразделяются на две группы: «низовые», или мэ-ги голоков, кочующие южнее Амдо, и «верхние», или тё-ги голоков, чьи кочевья прилегают к тибетским землям.

Среди голоков в неизменном виде сохранились черты тибетского кочевого уклада. Голоки называют себя «солнечными» голоками или ньи-ма голоков, что означает «славные» голоки, гордые своим прошлым и лихими набегами.

К западу от голоков и банаков кочуют многочисленные племена области Джа-дэ. Еще совсем недавно к ним причисляли племена нупхоров, или западных хоров. Племена области Джа-дэ делятся на пять групп: цэ-мар, атак-тхоми, комора и паору. Среди них также сохранились многие пережитки далекого прошлого. Кочевники придерживаются ритуалов шаманизма, культа синего неба, близкого древнему шаманизму тюрко-монголов. Вдоль травянистого пояса северо-тибетского нагорья это последняя многочисленная группа племен.

На западе их соседями являются племена «северян», или ч'анг-па, населяющих области Намруи и Накц'анга.

Кочевники современного Тибета составляют совершенно особую часть населения страны. Детальное лингвистическое и этнографическое обследование кочевий Северного и Северо-Восточного Тибета прольет новый свет на многие вопросы, связанные с эпохой великих переселений в пределах Внутренней Азии.

Среди племен хоров встречается тип с длинноголовыми черепными указателями, прямым разрезом глаз, прямым выдающимся носом, но без выдающихся скул. Присматриваясь к этническому типу современных кочевников хоров, мы различаем несколько разновидностей, среди которых выделяется тип homo alpinus, свидетельствующий о значительной примеси иностранной крови, по всей вероятности иранской. Присутствием этой примеси, возможно, объясняется и сохранение у хоров так называемого звериного стиля в орнаментике.

Во время пребывания в области Хор экспедиции академика Н. К. Периха удалось обнаружить многочисленные изделия, выполненные в этом стиле. Многие из предметов каждодневного обихода кочевников украшал «звериный» орнамент. Футляры для огнив, пояса, фибулы, нагрудные бляхи, ножны мечей и ладанки были покрыты орнаментом, повторяющим давно известные мотивы скифо-сибирского искусства. Тут были бегущие олени и антилопы, лежащие лоси, птицы, изображения фантастических животных, переходящие в чистый орнамент. Все эти находки убедительно свидетельствуют о древней связи кочевого Тибета с великим кочевым искусством Центральной Азии. Тибетско-кочевник еще и поныне вдохновляется окружающей его природой, животным миром и следует заветам «звериной» орнаментики.

Кочевые племена Тибета, оторванные от внешнего мира, сохранили не только примитивный кочевой уклад, но и своеобразные говоры, полные архаизмов. Детальное изучение этих говоров прольет свет на фонетический строй древнетибетского языка.

Обычно с Тибетом связывается представление о бесчисленных буддийских монастырях, богатых памятниках индийского и китайского искусства, о многочисленных книгохранилищах, содержащих бесценные рукописи на древнеиндийском языке санскрите, давно утерянные в самой Индии. И вот бок о бок с этим буддийским Тибетом продолжает жить кочевой Тибет, Тибет Гэсэр-хана и кочевого эпоса, Тибет черной веры, или шаманства.

По всему Тибетскому нагорью к северу от Транс-Гималаев разбросаны памятники древней кочевой культуры. К ним относятся каменные могилы и курганы, встречающиеся небольшими группами в две-три могилы, и каменные могилы, огражденные плитообразными валунами. Область к северу от Транс-Гималаев изобилует любопытными мегалитическими памятниками (менгиры, кромлехи и ряды менгиров). Некоторые из них связаны с древнетибетским шаманизмом, другие еще носят следы обильных возлияний маслом. Многие из менгиров являются обиталищем древних добуддийских духов — покровителей местности.

За последние годы подобные менгиры были найдены в Западных Гималаях и в Западном Непале. Эти находки говорят о широком распространении мегалитической культуры, быть может, принадлежавшей древнейшим насельникам нагорья и прилегающих Гималаев — тибето-бирманским племенам.

Влияние среднеазиатских кочевников-иранцев на кочевников Тибета особенно сказалось в области вооружения. Китайская конница, созданная в эпоху Хань, заимствовала вооружение и тактику у кочевни-

ков, постоянно угрожавших своими набегами западной окраине Китая. Длинный меч китайской конницы этой эпохи сроден «сарматским» мечам причерноморских степей и кочевых племен Средней Азии (иранцев и индо-скифов). В конце IV и в начале III в. до н. э. на смену легкой коннице скифов и хуннов, главным оружием которой был лук, пришел новый тип ударной панцирной конницы, вооруженной длинным мечом и тяжелым копьем. Носителями этого нового вооружения и связанной с ним новой конной тактики явились иранские племена. Указанная культура, как известно, принесла с собой и обновление кочевого искусства. Среднеазиатские иранские племена широко раздвинули границы распространения «звериного» орнамента. Появившийся в Китае в эпоху Хань, он относится именно к этому сарматскому периоду. Тибетские кочевые племена, издавна находившиеся в контакте с китайцами, хуннами и юэчжи-тохарами, переняли это новое вооружение и сохранили его до наших дней. Доказательством этого служит форма длинных мечей тибетской конницы, тяжелые копья и ударная тактика конных дружин кочевников.

Тибетский кочевой мир — часть среднеазиатского кочевого мира, откуда шли культурные влияния внешнего мира, и потому нас не должно удивлять, что из уст тибетца-кочевника можно услышать сказку об одноглазом великане Полифеме.

И. В. Сахаров

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
РАЗДЕЛА БЕНГАЛА (1947 г.)**

В 1947 г. в результате мощного подъема национально-освободительного движения Индия обрела независимость. Однако английское правительство, будучи вынуждено предоставить своей бывшей колонии права доминиона, разделило ее на два государства — Индия и Пакистан. Расчленение было произведено по религиозному признаку, причем географические, экономические, национальные связи не принимались во внимание. Правящие круги Англии пошли на этот шаг, чтобы затруднить хозяйственное развитие новых государств, усилить их экономическую зависимость от Англии и, используя трения между ними, сохранить и упрочить свои экономические и политические позиции в обеих странах. Последствия раздела были исключительно тяжелы. Особенно сильно пострадали провинции, непосредственно затронутые разделом, — Бенгал и Ассам на востоке и Пенджаб на западе. В настоящей статье рассматриваются некоторые экономические проблемы, возникшие в связи с расчленением Бенгала. Статья посвящена в основном штату Западный Бенгал, а попутно и другим штатам и территориям Восточной Индии¹, и рассматривает вопросы миграции населения, положение в джутовой промышленности и положение на транспорте.

* * *

Раздел Бенгала (как и Пенджаба) вызвал стихийный «обмен» населением между Индией и Пакистаном — одну из величайших в мире массовых миграций населения, происшедшую в очень короткий срок².

¹ Подготовка и проведение раздела Индии и некоторые его последствия для страны в целом рассматриваются в следующих работах: С. М. Мельман, *Экономика Индии и политика английского империализма*, М., 1951; А. М. Дьяков, *Индия во время и после второй мировой войны (1939—1949 гг.)*, М., 1952; С. N. Vakil, *Economic consequences of divided India. A study of the economy of India and Pakistan*, Bombay, 1950; V. P. Menon, *The transfer of the power in India*, London, 1957; J. B. Das, Gupta, *Indo-Pakistan relations 1947—1955*, Amsterdam, 1960, и др.

² О том, как повлиял раздел Индии на экономику Восточного Бенгала, составившего часть Пакистана, см.: В. Г. Растяников, С. А. Кузьмин, *Проблемы экономики Пакистана*, М., 1958; Ф. А. Тринич, *Восточный Пакистан (экономико-географический очерк)*, М., 1959; С. М. Ахтар, *Экономика Пакистана*, М., 1957; J. R. Andrus and A. F. Mohammed, *The economy of Pakistan*, London — Karachi — Dacca, 1958; N. Ahmad, *An economic geography of East Pakistan*, London — Karachi — New York, 1958.

По данным переписи 1941 г., население Бенгала составляло 60,3 млн., в том числе 25,1 млн. индусов и 33 млн. мусульман, а также 1,9 млн. представителей различных племен. Кроме того, около 0,7 млн. индусов и 0,4 млн. мусульман населяли бенгальские княжества Куч-Бихар и Трипуру (см. табл. 1 и карту на стр. 15) ³.

Когда встал вопрос о разделе Бенгала, то лишь Миднапур, Банкура, Хугли, Хаура и Бурдван (дистрикты с явно индусским большинством), Читтагонг, Ноакхали, Типпера, Дакка, Майменсингх, Пабна и Богра (дистрикты с явно мусульманским большинством) были без споров переданы соответственно Индии и Пакистану. Принадлежность же остальных 15 дистриктов, в том числе и Калькутты (которую Мусульманская лига предлагала поставить под совместный контроль), оспаривалась обеими сторонами.

Таблица 1
РЕЛИГИОЗНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ БЕНГАЛА НА 1941 г., %*

Области или дистрикты	Мусульмане	Индусы
Область Раджшахи (без Дарджилинга и Джалпайгури)	68,72	27,84
" Дакка	71,59	27,70
" Читтагонг	75,40	20,70
Дистрикт Надиа	61,26	37,38
" Муршидабад	56,55	41,75
" Джессур	60,21	39,44
Область Бурдван	13,90	78,98
Дистрикт 24 Парганы	32,47	65,32
" Калькутта	23,59	72,62
" Кхульна	49,36	50,31
" Джалпайгури	23,08	50,63
" Дарджилинг	2,42	47,43

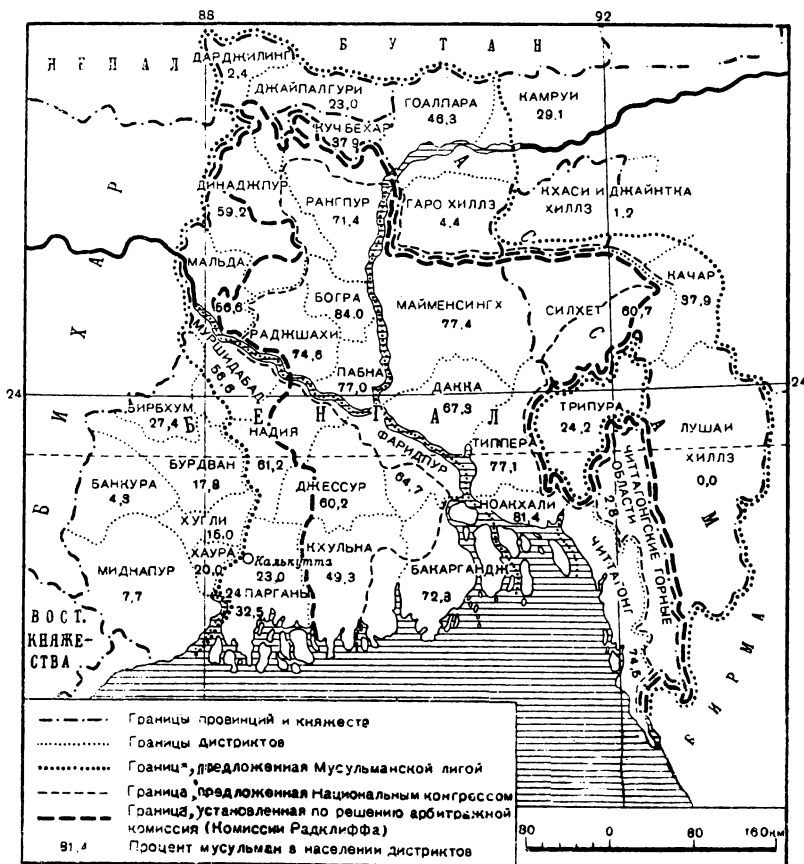
* P. P. Karan, *Indo-Pakistan boundaries. Their fixation, function and problems*, — «The Indian geographical journal», vol. XXVIII, 1953, № 1 & 2, p. 25.

Раздел провинции был осуществлен в соответствии с решением Комиссии Радклиффа по принципу религиозного большинства ⁴. Западный Бенгал, отошедший к Индии, получил около 36% территории и около 35% населения прежнего Бенгала. При этом подавляющее большинство мусульман Бенгала — 27,7 млн. (т. е. более 80% всех мусульман провинции) — оказалось в Восточном Пакистане. Немусульмане были численно поделены примерно поровну между обеими частями Бенгала. В результате в Восточном Пакистане оказалось около 10,7 млн. индусов Бенгала, к которым добавился 1,1 млн. индусов Силхета (этот ассамский дистрикт также был присоединен к Восточному Пакистану) ⁵. При этом один из отошедших к Пакистану дистриктов (Кхульна) имел даже индусское большинство.

³ Детальные сведения о религиозном составе населения Бенгала до раздела см. в кн.: Bengal. Tables, — «Census of India 1941», vol. 4, Delhi—Simla, 1942, pp. 44—47. 74—105.

⁴ О том, как проходит граница между Индией и Восточным Пакистаном («линия Радклиффа»), см. S. P. Chatterjee, *Bengal in maps...*, pp. 6, 7, 11; см. также: N. Ahmad, *The Indo-Pakistan boundary disputes tribunal, 1949—1950*, — «The geographical review», vol. XLIII, 1953, № 3, pp. 329—337.

⁵ S. P. Chatterjee, *Bengal in maps...*, pp. 42, 44; P. P. Karan, *Indo-Pakistan boundaries...*, pp. 24—26.

КАРТА БЕНГАЛА ПОСЛЕ РАЗДЕЛА

Воспроизведена из статьи О. Х. К. Спейта. См. О. Н. К. Spate, *The partition of India and the prospects of Pakistan*, — «The geographical review», vol. XXXVIII, 1948, № 1, p. 13.

К середине XX в. бенгальцы уже представляли собой сложившуюся нацию, обладавшую хозяйственным и языковым единством, древней и самобытной культурой, единым экономическим, политическим и культурным центром — Калькуттой. В результате раздела эти экономические и культурные связи были искусственно разорваны, и около $\frac{2}{3}$ бенгальцев оказались за пределами Индии, составив подавляющее большинство населения Восточного Пакистана. Последствия раздела оказались поистине трагическими. Индусы Восточного Пакистана попали в положение угнетаемого меньшинства и после разрыва торговых связей (см. ниже) огромной массой хлынули через границу.

В 1951 г. общая численность беженцев из Восточного Пакистана, где в это время оставалось еще более 9 млн. индусов⁶, превысила 2,5 млн., из них почти половина прибыла в Индию в 1950 г.

Приток беженцев не прекращался и после 1951 г. Например, за 1955 г. из Восточного Пакистана в Индию переселилось более 240 тыс. человек, а только в январе — феврале 1956 г. — около 70 тыс. человек⁷.

⁶ «Population according to religion», — «Census of Pakistan, 1951», «Census bulletin», № 2, Karachi, 1951, p. 1.

⁷ «The Eastern economist», vol. XXVI, 1956, № 13, p. 519

Общее число переселенцев из Восточного Пакистана к началу 1956 г. составляло около 3,7 млн.⁸, а к концу 1957 г. превышало 4,1 млн. человек⁹ и к настоящему времени еще более возросло.

В Пенджабе встречные потоки беженцев по численности более или менее уравнивали друг друга; беженцы из Западного Пакистана — индусы и сикхи — могли занять места, оставленные мусульманами. Кроме того, этот «обмен» населением произошел в течение нескольких месяцев и вскоре прекратился. В настоящее время в Западном Пакистане индусов и сикхов почти не осталось. Наконец, беженцы из Западного Пенджаба рассредоточились по многим штатам Индии. Часть из них (более 30 тыс.) поселилась даже в Восточной Индии, в основном в штатах Бихар и Западный Бенгал¹⁰. Число же беженцев из Восточного Пакистана в Индию значительно превосходило число беженцев в обратном направлении¹¹. К тому же значительная часть переселившихся в Восточный Пакистан вскоре вернулась обратно. Кроме того, подавляющее большинство покинувших Восточный Пакистан — бенгальцы, и почти все они стремятся поселиться в Западном Бенгале — штате, и без того имеющем чрезвычайно высокую плотность населения и хронический продовольственный дефицит, а также в Ассаме и Трипуре, где бенгальцы составляют значительную часть населения.

В результате этого численность населения указанных районов, особенно Западного Бенгала, заметно возросла (табл. 2).

Т а б л и ц а 2
ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ БЕЖЕНЦЕВ
В ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ, тыс.*

Ш т а т ы	В 1951 г.	В конце 1957 г.
Западный Бенгал	2104,2	3160
Ассам	274,5	487
Бихар	73,5	67
Орисса	20,0	12
Манипур	1,0	2
Трипура	101,2	374
В с е г о	2574,4	4102

* По данным переписи населения Индии 1951 г. (см.: «Abstract of economic and social statistics of East India», p. 11); М. С. Khanna, *Rehabilitation of displaced persons*, — «A.I.C.C. economic review», vol. IX, 1958, № 17—19, p. 26.

⁸ Ibid., p. 520.

⁹ J. M. Kaul, *Refugee rehabilitation in West Bengal*, — «New age», vol. VIII, 1959, № 1, p. 38.

¹⁰ «Abstract of economic and social statistics of East India», Santiniketan, 1957, p. 11 (по данным переписи населения Индии 1951 г.).

¹¹ В Западном Бенгале численность мусульман уменьшилась с 5,5 млн. в 1941 г. до 4,9 млн. в 1951 г., т. е. примерно на 0,6 млн., численность же индусов возросла с 14,7 млн. до 19,4 млн. (см. «Religion—1951 Census», — «Census of India», Paper A. 2, 1953, New Delhi, 1953, p. 25). По данным переписи населения Пакистана 1951 г., после раздела в Восточный Пакистан из Индии иммигрировало 700 тыс. человек, из них 467 тыс. (66,7%) — из Западного Бенгала, 102 тыс. — из Бихара, 83 тыс. — из Ассамы (см. «East Bengal. Report and tables», — «Census of Pakistan, 1951», vol. 3, pt I, Karachi, s. a., pp. 80—81). По другим, более поздним данным, к концу 1955 г. в Восточном Пакистане было около 1,25 млн. переселенцев из Индии (J. R. Angus and A. F. Mohammed, *The economy of Pakistan*, p. 464).

Многие мусульмане, покинувшие Индию, были квалифицированными рабочими. Поэтому в первые годы после раздела некоторые отрасли хозяйства Восточной Индии (например, транспорт, угольная промышленность и др.) испытывали нехватку рабочих кадров. Большую же часть переселенцев из Восточного Пакистана составляют представители средних слоев населения — землевладельцы, торговцы, ростовщики, врачи, учителя, ремесленники, юристы. Вся эта масса людей устремилась прежде всего в города, особенно в Калькутту. Жилищная же проблема в этом городе еще и до раздела была далека от разрешения, так как в годы второй мировой войны численность населения Калькутты стремительно возросла в связи с ростом промышленности. Огромный приток беженцев еще более обострил жилищный кризис. Значительное число их еще и сейчас живет в специальных временных лагерях¹². В результате бегства из Пакистана многие из них потеряли средства существования; проблема же покинутой ими собственности до сих пор окончательно не решена¹³.

Непрекращающийся приток переселенцев из Восточного Пакистана представляет для Восточной Индии, и в первую очередь для Западного Бенгала, серьезную экономическую, политическую и социальную проблему, требующую скорейшего разрешения. Ассигнования на их трудоустройство, поселение на землю (в условиях нехватки пригодных земель это требует больших затрат на развитие ирригации), жилищное строительство, здравоохранение, обучение и т. п. тяжелым бременем легли на бюджет Индии, особенно на бюджет Западного Бенгала. Центральное правительство и правительства восточных штатов оказывают беженцам значительную помощь. В стране создано специальное министерство по делам беженцев. С 1947 по апрель 1960 г., по данным этого министерства, на нужды беженцев из Восточного Пакистана было ассигновано более 1,6 млрд. рупий¹⁴. Немалая помощь была оказана переселенцам таким мероприятием, как поощрение развития ряда отраслей промышленности, в частности кустарной.

* * *

Ни одна отрасль экономики Индии не пострадала в результате раздела так сильно, как джутовая промышленность. Между тем в экономике страны джутовая промышленность играет жизненно важную роль. Джутовые изделия — самая крупная статья индийского экспорта. За последние годы стоимость экспортированных джутовых изделий составляла обычно около $\frac{1}{5}$, а иногда (в 1948/49, 1951/52 гг.) превышала $\frac{1}{3}$ общей стоимости экспорта Индии¹⁵. Поскольку значительная часть экспорта джутовых изделий приходится на США, он дает Индии более 35—40% долларовых поступлений¹⁶. По вложенному капиталу и

¹² В 1959 г. в Западном Бенгале и Бихаре имелся 91 лагерь для беженцев, где проживало около 140 тыс. человек («Indian finance», vol. LXV, 1960, № 13, p. 602).

¹³ См.: C. N. Vakil, *Economic consequences of divided India. A study of the economy of India and Pakistan*, Bombay, 1950, pp. 102—116; J. R. Andrus and A. F. Mohammed, *The economy of Pakistan*, pp. 475—477; J. B. Das Gupta, *Indo—Pakistan relations*, pp. 188—211.

¹⁴ «Indian finance», vol. LXV, 1960, № 13, p. 602.

¹⁵ «Jute and gunny review», vol. XI, 1960, № 10, p. 396; «The wealth of India. A dictionary of Indian raw materials and industrial products. Raw materials», vol. II, Delhi, 1950, p. 344.

¹⁶ «Jute and gunny review», vol. XI, 1960, № 10, p. 396.

по числу рабочих джутовая промышленность занимает в Индии второе место после хлопчатобумажной. Согласно официальной промышленной переписи 1956 г., охватившей 105 джутовых фабрик из 112 (из которых 101 была расположена в Западном Бенгале), общие капиталовложения в джутовую промышленность превышали 830 млн. рупий; в ней было занято 273,7 тыс. человек (в том числе 253,5 тыс. — на фабриках Западного Бенгала)¹⁷. Наконец, для того чтобы еще более подчеркнуть значение этой отрасли для мировой экономики, следует отметить, что, по данным на 1955 г., общая мощность джутовых фабрик Индии, насчитывавших более 72 тыс. станков, составляла 53% мощности всех джутовых предприятий мира¹⁸.

В результате раздела страны все джутовые фабрики, расположенные в подавляющем большинстве в Западном Бенгале, на узкой полосе вдоль берегов реки Хугли выше и ниже Калькутты, остались на территории, отошедшей к Индии, и столкнулись с резкой нехваткой сырья.

До раздела Индия обладала мировой монополией в производстве джута-сырца. В 1946 г. под этой культурой было занято около 0,8 млн. га, а в 1947 г. — почти 1,1 млн. га, с которых было собрано более 1,5 млн. т джута¹⁹. Индия не только целиком удовлетворяла потребности своей джутовой промышленности в сырье за счет собственного производства, но и имела значительные экспортные излишки. В первые послевоенные годы джут-сырец составлял около 6% стоимости всего индийского экспорта²⁰. В результате раздела Индия лишилась контроля над основными джутопроизводящими районами. К Пакистану отошло около $\frac{3}{4}$ площадей, занятых под посевами этой культуры и дававших около $\frac{4}{5}$ всей продукции джута, в том числе весь джут высокого качества. При этом на оставшейся в Индии территории лишь 25% собираемого джута удовлетворяло по качеству требованиям промышленности²¹. В результате в первые годы после раздела джутовая промышленность попала в полную зависимость от импорта сырья из Пакистана.

В 1947/48 г. в Индии было собрано 0,3 млн. т джута, тогда как нормальные потребности джутовой промышленности составляют около 1,3 млн. т²². «Джутовый голод» был еще более обострен тем обстоятельством, что территория Ассама — крупного производителя джута — в результате раздела была фактически отрезана от остальной части страны.

Естественно, что перед Индией встала проблема создания собственной сырьевой базы. Положение с сырьем стало особенно критическим с конца 1949 г.

18 сентября 1949 г. английское правительство без предварительной консультации с другими государствами, входящими в стерлинговую зону, объявило о девальвации фунта стерлингов, курс которого по отношению к доллару был снижен на 30,5%. Через четыре дня Индия обесценила свою валюту в той же степени, так как должна была сохранить

¹⁷ «Eleventh census of Indian manufactures 1956», Delhi, 1959, p. 306.

¹⁸ «Programmes of industrial development 1956—61» (далее — PID), Delhi, 1956, p. 355.

¹⁹ «Jute. A survey of markets, manufacturing and production», — United Nations. Food and agriculture Organization. «FAO commodity series», Bulletin № 28, Rome, 1957, pp. 63—64.

²⁰ «The wealth of India. Raw materials», vol. II, p. 344.

²¹ PID, 1951—56, p. 217.

²² PID, 1956—61, p. 357.

прежнее отношение рупии к фунту в силу ориентации своей внешней торговли в значительной мере на страны стерлинговой зоны. Пакистан, однако, решил отказаться от девальвации. В результате курс пакистанской рупии по отношению к индийской резко повысился. Обесценение индийской рупии имело крайне неблагоприятные последствия для экономики Индии, особенно для экономики восточных районов страны.

Пакистан был главным поставщиком джута-сырца на джутовые фабрики Большой Калькутты. Но после нарушения равновесия между валютами пакистанский экспорт в Индию стал для нее дороже на одну треть. Между тем стоимость джута-сырца составляет около 70% стоимости готовых джутовых изделий. Удорожание джута означало увеличение его продукцию и наносило удар по экспорту джутовых изделий. Оба правительства не смогли прийти к соглашению относительно курса валют. Ассоциация индийских джутовых фабрик, объединяющая подавляющее большинство джутовых предприятий страны, и правительство Индии решили не платить столь дорого за восточнобенгальский джут. Пакистан же отказался продавать джут по прежней цене, и цены на сырой джут в этой стране начали быстро падать. Пакистанскому правительству пришлось ввести контроль над ценами. Однако правительство Индии резко повысило экспортные пошлины на джутовые изделия²³. В ответ на это правительство Пакистана, нарушая индо-пакистанское торговое соглашение, отказалось экспортировать джут, закупленный Индией еще до девальвации, и стало препятствовать транзиту ассамского джута через пакистанскую территорию. Тогда правительство Индии прекратило экспорт угля в Восточный Бенгал. Центральные банки обоих государств отказывались от обоюдной котировки валют, в результате чего все финансовые и торговые операции между Индией и Пакистаном фактически прекратились.

Несмотря на то что застой в торговле несколько смягчался контрабандной торговлей и небольшим товарообменом по бартерному соглашению, в Пакистане стали накапливаться излишки джута-сырца, а индийские джутовые фабрики начали испытывать острую нехватку сырья. В это время (с января 1950 г.) в результате роста антииндийских настроений в Пакистане началось массовое бегство индусов в Индию. Индия была вынуждена заключить временное торговое соглашение с Пакистаном.

В 1950 г. военно-спекулятивный бум, связанный с войной в Корее, вызвал повышение цен на джут. Это позволило Пакистану удержать старый паритет своей рупии. 25 февраля 1950 г. Индия признала новое соотношение между индийской и пакистанской рупиями (100 пакистанских рупий = 144 индийским), и торговля была возобновлена²⁴:

Во время этих событий поставки джута из Пакистана резко сократились. Если в 1948/49 г. импорт пакистанского джута-сырца превысил 750 тыс. т, то в 1949/50 г. он составил лишь около 150 тыс. т (при собственном производстве в Индии соответственно около 370 тыс.

²³ Между прочим, как отмечает А. Р. Конэн, «высокие экспортные пошлины на джутовые изделия по существу помогали Пакистану сбывать свой джут-сырец, поскольку эти пошлины стимулировали спрос на сырье в других (кроме Индии) странах, имевших предприятия, обрабатывавшие джут» (см. А. Р. Конэн, *Стерлинговая зона*, М., 1954, стр. 113).

²⁴ Интересный материал по этому вопросу содержится в следующих работах: С. N. Vakil, *Economic consequences of divided India...*; К. N. S. Nambudiripad, *A short history of Indian currency*, Роопа, 1955; А. Р. Конэн, *Стерлинговая зона*; Л. И. Фрей, *Денежно-кредитная система и международные расчеты Республики Индии*, М., 1956,

и 560 тыс. т и нормальных потребностях промышленности около 1300 тыс. т).

Индийское правительство взяло курс на обеспечение джутовой промышленности собственным сырьем. В стране развернулась кампания по расширению посевных площадей под джутом и увеличению его производства. На экспорт джута-сырца были наложены жесткие ограничения, а в 1950/51 г. он совсем прекратился. В результате сокращения импорта из Пакистана и бума, связанного с войной в Корее, цены на джут резко повысились, что стимулировало рост посевных площадей под джутом. В последующие годы размеры посевной площади под джутом и сбор джута-сырца испытывали значительные колебания (табл. 3) в зависимости как от экономических факторов (резкие колебания цен, конкуренция со стороны других стран, производящих джутовые изделия или заменители джута, и т. д.), так и от природных (неблагоприятные условия погоды, наводнения и т. п.). В целом же Индия достигла значительных успехов в обеспечении джутовой промышленности собственным сырьем. За тринадцать лет (с 1947/48 по 1959/60 г.) площадь под джутом в стране возросла с 250 тыс. до 680 тыс. га; за эти же годы производство джута-сырца увеличилось с 300 тыс. до 830 тыс. т, т. е. почти в три раза.

Таблица 3

ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ ПОД ДЖУТОМ, тыс. га (I),
и ПРОИЗВОДСТВО ДЖУТА-СЫРЦА, тыс. т (II)*

Г о д	Индия		Западный Бенгал**		Бихар**		Ассам		Орисса	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
1946/47	221	240	76	96	58	45	72	83	10	11
1947/48	252	301	106	118	58	73	82	97	9	8
1948/49	315	373	140	165	65	83	90	109	12	12
1949/50	465	561	199	264	133	131	92	130	22	27
1950/51	564	596	260	272	126	119	100	147	22	44
1951/52	780	850	350	423	195	174	134	153	64	70
1952/53	725	834	328	429	184	160	125	166	46	46
1953/54	491	561	214	272	123	85	114	164	24	23
1954/55	509	573	219	266	121	110	113	141	35	35
1955/56	696	762	342	365	141	93	147	220	44	44
1956/57	763	780	288	265	266	251	142	190	36	33
1957/58	701	742	304	332	191	141	140	199	38	38
1958/59	724	937	350	471	182	226	129	180	40	32
1959/60	683	826	330	394	169	169	134	202	30	34
1965/66***	—	1180	—	545	—	218	—	286	—	84

* «Indian jute statistics 1950—51», Delhi, 1952; «Area, production and average yield per acre of principal crops in India 1949—50 to 1957—58». (Stat. suppl. to «Agricultural situation in India»), Delhi, 1959; «Commerce», vol. C, 1960, № 2545, p. 18; «Jute bulletin», vol. 22, 1959, № 8 & 9, p. 177; ibid., № 4, p. 77.

** С 1955/56 г. — в новых административных границах.

*** Задание по третьему пятилетнему плану Индии (предварительные данные).

Рост производства джута-сырца был достигнут как за счет увеличения посевных площадей под этой культурой (в частности, путем подьема целины, использования одних и тех же земель дважды в году — для выращивания риса, джута и т. д.), так и за счет повышения урожайности (благодаря более широкому применению удобрений, современным методам агротехники, мероприятиям по защите растений и т. п.).

В результате раздела Бенгала в выращивании джута в Индии произошли некоторые территориальные сдвиги (см. табл. 3). Впрочем, монополия Восточной Индии в этом отношении не была нарушена. В основном это объясняется тем, что необходимым условием для успешного выращивания джута являются плодородные глинистые или суглинистые аллювиальные почвы, обилие проточной воды, жаркий и влажный климат, что характерно для востока страны, и тем, что здесь же расположены почти все джутовые фабрики Индии.

Важнейшим штатом страны по производству джута-сырца остается Западный Бенгал. Несмотря на малые размеры территории штата, его доля в производстве джута составляет более трети. Почвенно-климатические условия штата, особенно в восточной и северной его части, вполне удовлетворяют требованиям культуры джута. Однако дальнейший сколько-нибудь значительный рост посевной площади под джутом возможен здесь только за счет сокращения посевной площади под рисом и другими продовольственными культурами. Между тем Западный Бенгал испытывает хроническую нехватку продовольствия, особенно после массового бегства индусов из Восточного Пакистана. Поэтому не удивительно, что за последние годы доля этого штата в производстве джута несколько снизилась.

В настоящее время крупным производителем джута стал Бихар. Джут выращивается главным образом в восточной части Северного Бихара (особенно в граничащем с Западным Бенгалом дистрикте Пурнеа). Однако этот район подвержен частым засухам, сильным наводнениям (например, катастрофическое наводнение 1954 г.), поэтому выращивание джута здесь ненадежно²⁵.

В отношении природных условий большие возможности для дальнейшего расширения посевов джута и получения высоких устойчивых урожаев имеет штат Ассам (долина Брахмапутры). Следует также отметить, что среди других штатов Восточной Индии Ассам выделяется наличием значительных массивов необрабатываемых земель, пригодных для земледелия, в том числе и для выращивания джута²⁶. Но этот штат наиболее удален и, главное, полуизолирован от джутовых фабрик Калькутты, так как транспортировка джута-сырца из Ассама в Калькутту возможна только через территорию Пакистана.

Другой растущий центр производства джута — штат Орисса (дельта реки Маханади). Однако по выращиванию джута и по своим потенциальным возможностям этот район значительно уступает трем предыдущим. Небольшое количество джута выращивается также на территории центрального подчинения Трипура и в штате Уттар-Прадеш. В целом в стране за пределами Восточной Индии возможности выращивания джута сильно ограничены.

Чтобы правильно оценить перспективы Индии в достижении самообеспеченности джутом-сырцом, необходимо отметить следующее. В настоящее время возможности дальнейшего значительного расширения площади под джутом во многих районах Восточной Индии если не исчерпаны, то во всяком случае весьма невелики. Острая нехватка джута в стране вынудила выращивать его на землях, прежде занятых под рисом, или в районах, природные условия которых не очень благоприятны для произрастания джута. Например, только за 1951/52 и

²⁵ Например, сокращение площади под джутом и производства джута-сырца в 1957/58 г. (см. табл. 3) объясняется неблагоприятными условиями погоды в Бихаре («Jute bulletin», vol. 20, 1958, № 11, p. 280).

²⁶ См., например: «Agricultural statistics of reorganised states», New Delhi, 1956, p. 2, 8; «Indian agricultural statistics 1949—50», vol. II, Delhi, 1955, p. XV.

1952/53 гг. в Восточной Индии джутом было засеяно около 90 тыс. га земли, на которой прежде выращивался осенний рис (аус) ²⁷. В условиях нехватки продовольствия в ряде районов Восточной Индии дальнейшее вытеснение джутом продовольственных культур затруднено.

С другой стороны, размер зависимости Индии от Пакистана в джуте-сырце определяется не только количеством выращенного джута, но и его качеством. Между тем из-за того, что почвенные и климатические условия в Восточной Индии менее благоприятны для выращивания джута, чем в Восточном Пакистане, по качеству индийский джут уступает пакистанскому. Он дает более короткое волокно, а получаемые из него ткани имеют грязноватый цвет, так как вымочку джутового волокна в Восточной Индии приходится производить в основном в илистых полустоячих водах рукавов Ганга или в прудах. В 1950 г. Ч. Н. Вакил отмечал, что только 30—40% индийского джута по качеству соответствовало фабричным стандартам ²⁸. Приходится сомневаться в том, что это соотношение в ближайшие годы радикально изменится в лучшую сторону, тем более что некоторые сорта джута, например длиноволокнистый «лонг джат», необходимый для производства высококачественного холста, могут расти только в Восточном Пакистане ²⁹.

В этих условиях все большее значение в решении проблемы сырья для джутовой промышленности Индии приобретает места (так в Индии называют кенаф — *Hibiscus cannabinus*), волокно которой по качеству во многих отношениях не уступает джутовому и легко поддается прядению на джутовом оборудовании. Места издавна выращивалась в различных районах Индии, но до раздела страны почти не использовалась на джутовых фабриках. Напротив, в условиях изобилия джута владельцы индийских джутовых предприятий, опасаясь конкуренции со стороны других стран, обычно утверждали, что волокно месты по качеству гораздо хуже джутового.

Между тем результаты экспериментов как в Индии, так и в других странах свидетельствуют о возможности успешного широкого использования волокна месты для производства грубых тканей. Давно было известно, что при соответствующей обработке определенных сортов месты ее можно примешивать к джуту до 40% смеси без существенного влияния на качество продукции. После раздела страны в результате наступившего сырьевого кризиса джутовые фабрики Индии были вынуждены все в большем количестве добавлять месту к джуту, что, по сути дела, уже означало признание того факта, что она может служить приемлемым заменителем джута. В настоящее время полагают, что в связи с улучшением качества месты, выращиваемой в Западном Бенгале, долю месты в смеси можно довести до 80% ³⁰. Известно, что на

²⁷ В. Banerjee, *A study of jute cultivation in West Bengal*, — «The Indian geographical journal», vol. XXX, 1955, № 3, p. 76. — В дистрикте Хугли, например, более 90% земли, обычно предназначавшейся для риса, перешло к джуту (см. В. Banerjee, *Jute — especially as produced in West Bengal*, — «Economic botany», vol. 9, 1955, № 2, p. 167).

²⁸ С. N. Vakil, *Economic consequences of divided India...*, p. 275.

²⁹ «Falling raw jute imports from Pakistan», — «Capital», vol. CXXXXI, 1958, № 3517, suppl., p. 37.

³⁰ См., например: Kénaf («mesta») in India. 1. A general survey, — «Fibres», vol. XVIII, 1957, № 11, pp. 363, 386; K. K. Chatterjee, *Kénaf («mesta») in India*, 2. «In blends with jute», — (ibid. pp. 364—365). Более того, эксперименты в западных странах показали, что мешки, изготовленные из кенафа, выдерживают испытание на прочность лучше, чем мешки из чистого джута (см.: А. Е. Хаагер, *Kénaf ou jute? L'Inde doit prendre une décision rapide*, — «Coton et fibres tropicales», vol. XIV, 1959, fasc. 1, pp. 57—58).

джутовой фабрике в Райгархе (Мадхья-Прадеш) холст и мешковина производятся даже целиком из месты³¹.

В условиях высокого спроса на месту крестьяне восточных штатов Индии стали расширять ее посеvy. В 1952/53 г. посевная площадь под местой в Индии составляла менее 200 тыс. га (в том числе в Западном Бенгале лишь 7 тыс. га), а ее производство — менее 125 тыс. т (в том числе в Западном Бенгале — лишь 9 тыс. т)³². В 1958/59 г. посевная площадь под местой в Индии превысила 340 тыс. га, а ее производство достигло почти 290 тыс. т³³.

Особенно значительный рост производства месты наблюдается в Западном Бенгале (см. табл. 4). В 1958/59 г. посевная площадь под этой культурой составила здесь почти 145 тыс. га (более 40% общеиндийской), а ее производство достигло 156 тыс. т (более 50% общеиндийского). Западнобенгальская места по качеству лучшая в стране, а урожайность ее выше, чем джута³⁴.

Характерно, что в ряде районов Западного Бенгала рост посевной площади под местой происходит за счет джута. Переход крестьян с джута на месту в последние годы был таким быстрым, что в печати стали даже высказываться опасения, как бы этот процесс не завершился вскоре полным вытеснением джута³⁵.

Чем же он объясняется? Выращивание джута в Восточной Индии, в том числе и в Западном Бенгале, сопряжено с большим риском. Значительный ущерб ему наносят нередкие здесь засухи и наводнения. Кроме того, джут подвержен болезням и часто поражается сельскохозяйственными вредителями. К тому же после раздела Индии значительная его часть выращивается в районах, мало пригодных для этой культуры, что снижает качество волокна. Места плохо переносит затопление, но зато может расти в более сухих районах; она нетребовательна к почве, менее подвержена болезням и не боится сельскохозяйственных вредителей. Поэтому ее выращивание надежнее.

В обычные годы, когда затраты на выращивание месты и джута примерно одинаковы, джут приносит крестьянину несколько большую прибыль, чем места³⁶. Однако стихийные бедствия постоянно угрожают повышением затрат на производство джута и падением прибыли. Поэтому в условиях незначительной разницы цен на обе эти культуры западнобенгальские крестьяне нередко склонны часть земли, обычно занятой джутом, использовать для выращивания месты³⁷.

³¹ См.: P. Sanyal, *Hibiscus fibres and their need for development in India*, — «Jute and gunny review», vol. XI, 1959, № 1, p. 11. Кстати, на джутовых фабриках Андхра-Прадеша при производстве грубой мешковины к джуту добавляется другое волокнистое растение рода *Hibiscus* — розелла *H. sabdariffa* (ibid., pp. 10—11). Однако по возможностям применения в промышленности розелла значительно уступает месте.

³² А. Е. Наагер, *Kénaf ou jute?...*, p. 59.

³³ «Jute bulletin», vol. 22, 1959, № 2, p. 27.

³⁴ Второе место после Западного Бенгала в 1958/59 г. занял штат Бихар (посевная площадь под местой около 46 тыс. га, производство около 36 тыс. т), далее следовали Бомбей, Майсур и другие штаты (см. «Jute bulletin», vol. 22, 1959, № 2, p. 27). Однако во всех этих штатах и качество, и урожайность месты значительно ниже, чем в Западном Бенгале, и, что важно, ниже, чем джута. Видимо, это объясняется неправильными методами ее выращивания и худшими природными условиями.

³⁵ А. Е. Наагер, *Kénaf ou jute?...*, pp. 57—60.

³⁶ В настоящее время в Западном Бенгале за один маунд (37,3 кг) джута крестьянин получает около 25 рупий, за один маунд месты — около 20 рупий. Хотя урожайность месты несколько выше, чистая прибыль с 1 га джута составляет около 360 рупий против 300 рупий с 1 га месты (см. В. Banerjee, *Mesta cultivation in West Bengal*, — «Geography», vol. XLIX, 1959, pt 3, № 205, p. 206).

³⁷ При сопоставлении преимуществ и недостатков выращивания месты или джута следует, однако, учитывать и то обстоятельство, что места имеет более длительный период созревания, чем джут.

Таблица 4

ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ ПОД МЕСТОЙ
И ЕЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЗАПАДНОМ БЕНГАЛЕ*

Год	Посевная площадь, тыс. га	Производство, тыс. т
1952/53	7,2	9,1
1953/54	4,8	6,5
1954/55	52,4	77,7
1955/56	77,2	111,1
1956/57	118,8	146,0
1957/58	118,4	119,1**
1958/59	144,8	156,4
1959/60***	85,6	74,1

* B. Banerjee, *Mesta cultivation in West Bengal*, p. 206; «Jute bulletin», vol. 22, 1959, № 2, p. 27; *ibid.*, vol. 22, 1960, № 12, p. 249.

** Снижение производства месты в 1957/58 г. объясняется неблагоприятными условиями погоды: длительной засухой во время посева и сильными дождями и наводнениями в период роста.

*** Причиной нарушения тенденции роста посевной площади под этой культурой явились очень низкие цены на месту в предшествовавший сезон; падение производства месты вызвано сокращением посевной площади под нею и неблагоприятными условиями погоды.

По-видимому, в настоящее время, как полагает Б. Банерджи³⁸, наиболее рационально было бы в тех районах, которые идеально подходят для выращивания высококачественного джута, установить цены на джут, значительно более высокие, чем цены на месту, и одновременно обеспечить на землях, занятых во влажное время года под джут, сбор второго урожая продовольственных культур (путем расширения искусственного орошения, внедрения скороспелых сортов и т. п.). В районах же, малопригодных для джута, в частности не подверженных ежегодным затоплениям, где у месты больше шансов, чем у джута, и где ее качество и урожайность могут быть выше, чем у джута, следует поощрять выращивание месты.

Несомненно, широкое использование месты в джутовой промышленности Индии будет еще более содействовать преодолению затруднений с сырьем. Однако это может вызвать далеко идущие последствия, неблагоприятные для Индии (а также и, возможно, в еще большей степени для Пакистана, являющегося крупным экспортером джута-сырца). Дело в том, что если в выращивании джута Восточная Индия и Восточный Пакистан обладают надежной мировой монополией, то для производства кенафа большие возможности имеются и во многих других странах. Например, в настоящее время его с успехом начинают выращивать в различных странах Африки³⁹. Удачный опыт Индии может побудить многие другие страны, в том числе и те, которые в больших количествах импортируют джут-сырец и джутовые изделия, также перейти частично или полностью на собственное производство кенафа или на его импорт (при этом, возможно, не из Индии!) и на его потребление в соб-

³⁸ B. Banerjee, *Mesta cultivation...*, pp. 206—207.

³⁹ A. E. Haarer and C. R. Harler, *Jute at the crossroads*, — «World crops», vol. 11, 1959, № 3, pp. 107—109; «Jute bulletin», vol. 22, 1959, № 7, pp. 154—155.

ственной джутовой промышленности. В результате спрос на изделия джутовой промышленности Индии может упасть ⁴⁰.

Какую роль в обеспечении джутовой промышленности Индии сырьем сыграет места, покажет ближайшее будущее. Так или иначе, как свидетельствуют данные табл. 3 и 4, Индия достигла немалых успехов в обеспечении своей джутовой промышленности собственным сырьем. Показателем этих успехов является также сокращение импорта джута из Пакистана (в тыс. т) ⁴¹:

1947/48 г.	887	1951/52 г.	332	1955/56 г.	266
1948/49 г.	751	1952/53 г.	240	1956/57 г.	115
1949/50 г.	151	1953/54 г.	269	1957/58 г.	115
1950/51 г.	468	1954/55 г.	225	1958/59 г.	32

После десятилетнего перерыва Индия возобновила экспорт джута ⁴². Однако в 1959/60 г. импорт джута снова возрос до 112 тыс. т ⁴³.

Вернемся к положению в джутовой промышленности. Как уже отмечалось, до раздела Индия являлась монопольным поставщиком джутовых изделий на мировой капиталистический рынок. После раздела джутовая промышленность страны столкнулась со значительными затруднениями: Резкая нехватка сырья сделала хроническим значительное недоиспользование существующих мощностей. Усиление конкуренции заменителей джута (прежде всего бумажных и хлопчатобумажных мешков), расширение отгрузки некоторых товаров навалом и, наконец, конкуренция со стороны джутовой промышленности других стран, в частности Пакистана, сильно ухудшили условия реализации индийских джутовых изделий на мировом рынке.

Кроме того, перед Индией встала задача заменить устаревшее и износившееся оборудование джутовых фабрик современным, так как это позволило бы удешевить производство, улучшить качество, расширить ассортимент и повысить конкурентоспособность джутовых изделий на внешних рынках.

Все эти обстоятельства вызвали падение экспорта, накопление не реализованных запасов готовой продукции и в конечном итоге сокра-

⁴⁰ В связи с этим некоторые специалисты считают возможным в интересах Индии объявить, что качество сырья не соответствует фабричным стандартам, запретить ее производство и потребление на фабриках, заставить крестьян выращивать только джут и гарантировать стопроцентное содержание джута в джутовых изделиях (см., например: Kenaf («mesta») in India. In A general survey, pp. 363, 368; A. E. Haager, *Kenaf ou jute?*..., p. 58).

⁴¹ «Jute. A survey of markets...», pp. 60—61; «Falling raw jute imports from Pakistan», p. 37; «Jute bulletin», vol. 22, 1959, № 4, p. 79. — Эти данные, несомненно, свидетельствуют об уменьшении зависимости джутовых фабрик Индии от поставок джута-сырца из Пакистана. Необходимо, однако, учитывать, что некоторое количество джута поступает в Индию контрабандой. Например, в сезон 1956/57 г., по официальным данным, контрабандная торговля джутом составила около 90 тыс. т, по другим данным, — более 180 тыс. т, т. е. превысила официальный импорт. Попытки пакистанского правительства закупить весь джут-сырец в пограничной с Индией полосе шириной 8 км успеха не имели (см. «Falling raw jute imports from Pakistan», p. 37). Чтобы уменьшить контрабандную торговлю, правительство Восточного Пакистана запретило выращивание джута в нескольких граничащих с Индией районах [См.: «Jute bulletin», vol. 21, 1959, № 10, p. 272; «Бюллетень иностранной коммерческой информации» (далее — БИКИ), 9 февраля 1960 г.; см. также: «Commerce», vol. XCVIII, 1959, № 2513, p. 871].

⁴² Продажа джута-сырца на экспорт началась еще в декабре 1958 г., а в апреле 1959 г. в Калькутте были отгружены его первые партии для Англии и других стран Западной Европы (см.: «Commerce», vol. XCVIII, 1959, № 2510, p. 717; «The Hindustan times», 6.IV.1959).

⁴³ См. БИКИ, 27 августа 1960 г.; там же, 9 мая 1961 г.

щение производства. В результате разрыв между потенциальной мощностью джутовых фабрик и фактическим производством еще более увеличился. В этих условиях Ассоциация индийских джутовых фабрик в 1949 г. законсервировала 12,5% своих мощностей. Вскоре после этого джутовые фабрики перешли на сокращенную рабочую неделю, а некоторые из них закрылись.

Увеличение спроса на джутовые изделия, вызванное войной в Корее, оказалось временным. Задание первого пятилетнего плана — довести производство джутовых изделий к 1955/56 г. до 1200 тыс. т, а экспорт — до миллиона тонн — выполнено не было.

Приводим данные о производстве джутовых изделий в Индии (тыс. т)⁴⁴:

1947 г.	1052	1950 г.	836	1953 г.	869	1956 г.	1093
1948 г.	1091	1951 г.	875	1954 г.	928	1957 г.	1030
1949 г.	923	1952 г.	952	1955 г.	1027	1958 г.	1062
						1959 г.	1052

Несмотря на то что в августе 1955 г., сразу же после девальвации пакистанской рупии, правительственная политика снижения экспортных пошлин на джутовые изделия завершилась полной отменой этих пошлин, джутовая промышленность Индии и в настоящее время испытывает серьезные затруднения. В частности, до сих пор бездействует значительная часть оборудования джутовых фабрик: размер неиспользуемого имеющегося мощностей за последние годы колебался, но вплоть до самого недавнего времени не опускался ниже 1/10 общего парка станков, а иногда достигла 14% и даже 19%⁴⁵.

За последние годы предпринимается много усилий по модернизации оборудования на джутовых фабриках для снижения себестоимости производства и повышения качества изделий. Уже в 1958 г. более половины джутовых компаний заменило свыше 40% устаревших прядильных машин современными⁴⁶.

Модернизация джутовых предприятий сопровождалась закрытием некоторых из них. В результате этого численность рабочих, занятых в джутовой промышленности Индии, за последние годы сократилась на несколько десятков тысяч человек⁴⁷. Модернизацию джутовых фабрик предполагается в основном завершить к концу второго пятилетнего плана⁴⁸.

Вторым пятилетним планом Индии (1956—1961) в области джутовой промышленности предусмотрено достичь полного использования существующих мощностей и довести к 1960/61 г. производство джутовых изделий до 1200 тыс. т, а экспорт — до 900 тыс. т в год⁴⁹.

⁴⁴ PID, 1951—56, p. 221; «Statistical abstract, India 1955—1956», New series, № 6, Delhi, 1957, p. 674; «Statistical abstract, India 1956—1957», New series, № 7, Delhi, 1958, p. 648; «Jute bulletin», vol. 22, 1959, № 8 & 9, p. 165. — С 1949 г. данные о производстве джутовых изделий относятся только к фабрикам, входящим в Ассоциацию индийских джутовых фабрик, а также к одной фабрике, не являющейся членом Ассоциации.

⁴⁵ См.: «Commerce», vol. XCVIII, 1959, № 2518, p. 1070; «Jute bulletin», vol. 22, 1959, № 3, p. 51; БИКИ, 13 февраля и 22 ноября 1960 г. Индийская ассоциация джутовых фабрик приняла решение сократить с 1 мая 1960 г. размер законсервированного оборудования до 9% (см.: «Indian finance», vol. LXV, 1960, № 15, p. 740; БИКИ, 23 апреля 1960 г.), однако в дальнейшем неиспользование мощностей вновь возросло.

⁴⁶ «Jute bulletin», vol. 20, 1958, № 11, p. 277.

⁴⁷ См.: ibid., vol. 20, 1957, № 9, p. 231; «Commerce», vol. XCIX, 1959, № 2538, p. 801.

⁴⁸ «Jute bulletin», vol. 22, 1959, № 8 & 9, p. 170.

⁴⁹ PID, 1956—61, p. 358.

Ни по первому, ни по второму пятилетним планам не предполагалось строительства новых или расширение старых джутовых предприятий. Единственным штатом, где в силу особенностей его географического положения, благоприятных природных условий, наличия свободных земель и т. д. правительство Индии дало лицензию на сооружение новой джутовой фабрики, является Ассам⁵⁰.

Для того чтобы правильно оценить будущее джутовой промышленности Восточной Индии, следует иметь в виду, что Пакистан, до раздела не имевший ни одной джутовой фабрики, делает первые шаги по созданию собственной джутовой промышленности. В 1951 г. вступила в строй первая джутовая фабрика, а к концу 1958 г. в Восточном Пакистане уже действовало 13 джутовых фабрик, на которых работало 7030 станков⁵¹. В 1960 г. производство джутовых изделий в стране достигло 264,7 тыс. т⁵². По второму пятилетнему плану Пакистана намечено довести число станков на джутовых фабриках до 12 тыс.⁵³. Пакистанская джутовая промышленность имеет значительные преимущества перед индийской: дешевизна рабочей силы, дешевизна и изобилие высококачественного сырья, более современное оборудование фабрик. Кроме того, пакистанские джутовые фабрики в отличие от индийских имеют возможность не только использовать весь свой станочный парк, но и работать в две и даже три смены. Поэтому есть основания полагать, что в недалеком будущем пакистанская джутовая промышленность явится сильным конкурентом Индии на мировом рынке⁵⁴.

* * *

Раздел Бенгала тяжело отразился и на транспорте Восточной Индии. Ряд железнодорожных мастерских оказался на территории Пакистана. Кроме того, сразу же после раздела в связи с уходом мусульман железные дороги Восточной Индии лишились значительной части квалифицированных рабочих. Например, нехватка кочегаров и машинистов доходила до 45% общей в них потребности⁵⁵. Впрочем, в течение одного года проблема кадров была решена. Значительно хуже обстояло дело с налаживанием нормальных транспортных связей между отдельными частями Восточной Индии, оказавшимися полуизолированными друг от друга.

Как уже отмечалось, главным критерием при установлении границы между Индией и Пакистаном была религиозная принадлежность большинства населения. Руководствуясь этим принципом, комиссия по установлению границ стремилась обеспечить неразрывность территорий с мусульманским и немусульманским большинством. В результате крайне извилистая граница между обоими государствами, не согласованная с естественными рубежами (например, с реками) или не учиты-

⁵⁰ Ibid., p. 350. — Кроме того, построить джутовую фабрику предполагало и правительство Ориссы, которое вело переговоры с некоторыми владельцами джутовых фабрик в Западном Бенгале о перемещении их предприятий в Ориссу (см. «Jute bulletin», vol. 20, 1957, № 2, p. 35).

⁵¹ «Monthly summary of jute goods statistics», 1958, № 30.

⁵² «Statistical bulletin», vol. 9, 1961, № 4, p. 290.

⁵³ «Jute bulletin», vol. 22, 1959, № 8 & 9, p. 178.

⁵⁴ Уже известны случаи, когда джутовая промышленность Пакистана успешно конкурировала с индийской даже на традиционных индийских рынках сбыта (см., например: «Raw jute self-sufficiency creates new problem for India». In: «Annual review of trade, commerce and industry», — «Capital», vol. CXXXIII, 1959, № 3589, suppl. p. 137).

⁵⁵ C. N. Vakil, *Economic consequences of divided India...*, pp. 406—407.

вавшая транспортно-экономических условий, нарушила единство многих основных водных и железнодорожных путей сообщения⁵⁶.

Большая часть Бенгальско-Ассамской железной дороги, соединяющей Калькутту с Северным Бенгалом и Ассамом, отошла к Восточному Пакистану. Следует также учесть, что на всем протяжении Ганга в пределах Бихара и Западного Бенгала не было ни одного моста.

Раздел Бенгала нарушил также единство главной индийской водно-транспортной системы Ганг—Брахмапутра. Чтобы понять важность этого водного пути, достаточно привести следующие данные. В 1955 г. только одна крупнейшая в Индии пароходная компания «Джойнт стиммер компани» доставляла по воде из Ассама и Трипуры в Калькутту более 800 тыс. т различных грузов, в том числе более 84 тыс. т джута-сырца и 175 тыс. т чая; в настоящее время по воде в Калькутту доставляется 95% ассамского чая⁵⁷. Однако после раздела значительная часть этой воднотранспортной системы проходит по территории Пакистана.

Из сказанного выше становятся понятны те трудности, с которыми столкнулись Северный Бихар и Северный Бенгал. Но в особенно тяжелом положении оказался, конечно, Ассам, практически отрезанный от остальной части Индии.

Штат Ассам — крупный производитель джута, в котором стали остро нуждаться западнобенгальские джутовые фабрики, и главный производитель чая в стране (более 150 тыс. т в год). Экспорт чая, значение которого для экономики Индии общеизвестно, после потери Индией порта Читтагонг осуществляется целиком через Калькутту. Ассам — крупный производитель нефти, которая почти целиком потребляется за его пределами. Наконец, Ассам обладает излишками продовольствия. С другой стороны, штат нуждается в завозе товаров широкого потребления, удобрений, угля и т. д. Естественно, что экономические, политические и стратегические интересы Индии требовали скорейшего принятия ряда мер по обеспечению нормальных транспортных связей с Ассамом. Это было отчетливо доказано во время застоя в торговле, когда Пакистан отказался пропустить через свою территорию ассамский джут и чай и когда чай пришлось доставлять из Ассама в Калькутту на самолетах⁵⁸.

Узкая полоска земли, связывающая Ассам с Западным Бенгалом, имеет пересеченный рельеф. В период муссонных дождей, длящихся более шести месяцев в году, местные горные реки и речки превращаются в опасные бурные потоки. В 1949 г. в исключительно трудных условиях была построена железная дорога от Кишанганджа в Бихаре до Факирграма на Ассамской железной дороге общей протяженностью около 320 км, с шириной колеи 1 м. Дорога была полностью введена в эксплуатацию в январе 1950 г.

Нужно, однако, отметить, что новая железная дорога облегчила, но далеко не ликвидировала затруднения в транспортных связях с Ассамом. Из-за ее малой пропускной способности ассамский чай по-прежнему приходится перевозить в Калькутту по водному пути через Пакистан. К тому же за последние годы в период муссонных дождей эта дорога несколько раз выходила из строя, так как бурные потоки размывали полотно и разрушали мосты. Поэтому большой интерес для Индии имеют планы строительства магистральной железной дороги из

⁵⁶ См. О. Н. К. Spate, *The partition of the Punjab and of Bengal*, — «The geographical journal», vol. CX, 1948, № 4—6, pp. 212—215.

⁵⁷ «Water transport in N.—E. India», — «Bhagirath», vol. IV, 1957, № 1, p. 49.

⁵⁸ A. Gutfield, *Die Wirtschaftsstruktur der Indischen Union*, Berlin, 1952, S. 14.

Ассама (Дхубри) в Западный Бенгал. Проект предусматривает, что она будет иметь широкую колею (1676 мм) и пройдет по территории, которой меньше угрожают летние ливни⁵⁹.

Большое значение для экономики Восточной Индии, особенно Бихара, имеет новый железнодорожный мост через Ганг близ важного транспортного центра Мокамех (в Бихаре, между городами Патна и Монгхир). Постройка этого моста, вступившего в строй весной 1959 г., значительно облегчает транспортные связи Северного Бихара и отчасти Северного Бенгала с соседними районами Индии⁶⁰. Достаточно сказать, что, по утверждениям печати, до постройки моста в Мокамехе уголь из долины Дамодара было легче перевозить в Дели, чем в соседние дистрикты Северного Бихара⁶¹.

На повестку дня поставлен также вопрос о строительстве на Ганге огромной плотины близ Фаракки⁶². Сооружение этой плотины обеспечит прямую железнодорожную и шоссейную связь между левобережьем и правобережьем нижнего Ганга. Проектом предусмотрено также строительство близ плотины судоходного канала Фаракка — Джангипур и обводнение реки Бхагиратхи, с тем чтобы открыть прямой судоходный путь от Калькутты по Бхагиратхи к Гангу, который в настоящее время возможен только через территорию Пакистана, по Падме.

Раздел Бенгала вызвал затруднения и в ряде других отраслей хозяйства Восточной Индии. Например, бумажная промышленность Восточной Индии, основным источником сырья для которой служит бамбук, была отрезана от главного района бамбуковых лесов, отошедшего к Пакистану. Чайные плантации Ассама и Северного Бенгала также испытывали значительные затруднения в транспортировке продукции к Калькутте и т. д. Однако размер статьи не позволяет нам уделить внимание остальным отраслям хозяйства Восточной Индии.

* * *

Итак, к моменту расчленения Индии на востоке страны сложилось определенное территориальное разделение труда между отдельными районами, при котором они взаимозависели друг от друга. Однако при разделе страны английскими колонизаторами соображения экономической целесообразности в расчет не принимались. Искусственно проведенная граница оторвала главные районы производства сырья от главных районов его переработки и нарушила некоторые сложившиеся хозяйственные связи. Раздел имел также своим следствием массовое переселение индусов из Восточного Пакистана в Индию. Все это породило ряд сложных проблем для экономики штатов Восточной Индии, разрешение которых требовало и требует значительных усилий.

⁵⁹ «A letter from I.T.P.A. to the Hon'ble Minister of railways», — «The Assam review and tea news», vol. 43, 1955, № 11, pp. 803—805.

⁶⁰ См. «Ganga bridge», — «Industrial India», vol. 10, 1959, № 5, pp. 41—60; «Eastern Railway magazine», vol. VIII, 1959, № 5, pp. 17—32.

⁶¹ «Commerce», vol. XCII, 1956, № 2348, p. 400.

⁶² См. L. Mitra, *Faracca barrage*, — «Geographical review of India», vol. XIX, 1956, № 1, pp. 47—48.

И. В. Сахаров

О СЫРЬЕВОЙ И ТОПЛИВНОЙ БАЗЕ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

В 1955 г., перед началом осуществления второго пятилетнего плана (1956—1961), в Индии — огромной стране, насчитывающей около 400 млн. жителей и обладающей значительными и разнообразными ресурсами, производилось всего лишь около 1,7 млн. т стали, 0,4 млн. т литейного чугуна и 1,3 млн. т проката.

По выплавке металла Индия значительно уступала даже такой маленькой стране, как Бельгия, которая к тому же не располагает собственными ресурсами железной руды. В 1955 г. выплавка стали на душу населения в Индии составила всего лишь 5 кг, тогда как в Бельгии она превысила 660 кг, в США — 640, в Англии — 390 кг и даже в таких странах, как Бразилия и Турция, была больше, чем в Индии (табл. 1).

ТАБЛИЦА 1
ВЫПЛАВКА ЧУГУНА И СТАЛИ В ИНДИИ
И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ СТРАНАХ в 1955 г. *

	Общее производство, тыс. т		Доля в мировом производстве, %		Производство на душу населения, кг	
	чугун	сталь	чугун	сталь	чугун	сталь
Весь мир** . .	190 500	270 400	100,00	100,00	71	100
В том числе						
США . .	70 570	106 173	37,04	39,27	427	642
Англия . .	12 670	20 108	6,65	7,44	249	395
Бельгия . .	5 320	5 894	2,79	2,18	600	665
Япония . .	5 217	9 408	2,74	3,48	59	106
Бразилия . .	1 069	1 163	0,56	0,43	18	20
Турция . .	201	188	0,11	0,07	7	10
Индия . .	1 965	1 732	1,03	0,64	5	5

* «Stahl und Eisen», 78. Jg., 1958, 8. Hft, S. 548; *ibid.*, 9. Hft, S. 704.

** Оценочные данные.

Столь незначительный уровень развития индийской черной металлургии является прямым следствием длительного колониального господства англичан, проводивших политику торможения промышленного развития страны.

Естественно, что Индия, завоевав политическую независимость, в своем стремлении обрести также и экономическую независимость должна была уделить особое внимание делу индустриализации, и если

главной задачей ее первого пятилетнего плана (1951—1956) было развитие сельского хозяйства, строительство комплексных ирригационных и энергетических сооружений, улучшение продовольственного положения, то во втором пятилетнем плане был взят курс на индустриализацию страны. При этом значительное место было уделено развитию тяжелой и особенно металлургической промышленности.

Ассигнования, запроектированные по второму пятилетнему плану на развитие черной металлургии, по сравнению с первым пятилетним планом резко возросли. На развитие этой отрасли было намечено израсходовать более 4,6 млрд. рупий, в том числе в государственном секторе около 3,5 млрд., а в частном около 1,1 млрд. рупий¹. Фактически же только непосредственные расходы на строительство государственных заводов составят около 4,4 млрд. рупий, а общие затраты (включая строительство поселков, рудников и т. п.) достигнут почти 5,6 млрд. рупий².

Была поставлена задача довести к 1960/61 г. производственную мощность металлургии по стали до 6 млн. т, по литейному чугуна — до 1 млн. и по прокату — до 4,7 млн. т в год, выплавку литейного чугуна — до 0,75 млн. т, а производство проката — до 4,3 млн. т в год³. Эта задача решается двумя путями.

Во-первых, путем реконструкции и расширения мощности существующих заводов. К началу второго пятилетнего плана в стране имелось три крупных металлургических завода — в Джемшедпуре, в Бурнпуре (заводы с полным металлургическим циклом) и в Култи (только производство чугуна). На крупнейшем из них — Джемшедпурском заводе (Бихар), принадлежащем «Тата айрон энд стил компани» (далее — ТАСКО), в 1955 г. производилось около 1,1 млн. т стали и около 0,8 млн. т проката. На заводах в Бурнпуре и Култи (оба — в Западном Бенгале), принадлежащих «Индиан айрон энд стил компани» (далее — ИАСКО), производство составило: стали — около 0,5 млн. т и проката — около 0,45 млн. т. Кроме того, около 35 тыс. т проката производилось на небольшом государственном металлургическом заводе на юге Индии, в Бхадравати (Майсур)⁴. К 1961 г. мощность завода в Джем-

¹ «Second five year plan», New Delhi, 1956, p. 406 (см. также p. 56—57).

² «Commerce», vol. XCVIII, 1959, № 2504, p. 457.

³ См. «Programmes of industrial development 1956—61» (далее — PID), Delhi, 1956, p. 1—22.

⁴ Нельзя не упомянуть также о полутора тысячах литейных предприятий, на которых занято в общей сложности около 400 тыс. человек. На некоторых из них работает более тысячи рабочих, но подавляющее их большинство представляет мелкие кустарные или полукустарные мастерские с примитивным оборудованием, дающие продукцию низкого качества. Особенное развитие литейная промышленность получила в Западном Бенгале, где имеется более 150 литейных предприятий с общим числом рабочих около 40 тыс. К 1960/61 г. литейным предприятиям Индии в год требуется около 900 тыс. т плавильного чугуна. Из-за нехватки чугуна и кокса они работают обычно на 40—50% мощности. После вступления в строй металлургических заводов в Дургануре и Бхилаи, где ежегодно будет производиться примерно 700 тыс. т литейного чугуна, положение с сырьем для литейной промышленности значительно улучшится [M. L. Atta, *Problems facing the foundry industry*, — «The Eastern metals review» (далее — EMR), vol. VIII, 1955, № 33, pp. 761—764; R. M. Krishnan, T. Bannerjee, P. K. Gupta, *Scope for development of foundry industry in India*, — «Indian construction news», vol. 7, 1958, № 11, pp. 345—350; см. также: W. Dürr, *Die indische Gießereindustrie*, — «Giesserei», 46. Jg., 1959, Hft. 5, Ss. 122—123]. Наконец, в стране имеется еще около 140 небольших сталеплавильных и сталепрокатных предприятий, где производится в основном прокатка стальной заготовки и повторная прокатка изделий, бывших в употреблении. Общая годовая мощность этих заводов около 720 тыс. т проката, причем более трети (примерно 250 тыс. т) приходится на 25 (по другим данным — 27) заводов Западного Бенгала, на которых занято 33 тыс. человек из общего числа 88 тыс. («Eleventh census of Indian manufactures 1956», Delhi, 1959, pp. 363—364; PID, p. 20). Эти заводы также переживают тяжелый сырьевой кризис..

шедпуре должна быть доведена до 2 млн. т стали и 1,5 млн. т проката, мощность завода в Бурнпуре⁵ — до 1 млн. т стали и 0,8 млн. т проката, мощность завода в Бхадравати — до 100 тыс. т проката в год.

Во-вторых, путем строительства новых государственных металлургических заводов в Роуркеле (Орисса) с помощью Западной Германии, в Дургапуре (Западный Бенгал) с помощью Англии и в Бхилаи (Мадхья-Прадеш) с помощью СССР годовой мощностью около 1 млн. т стали и 0,7—0,8 млн. т проката каждый, с расчетом дальнейшего значительного увеличения их мощности в будущем.

Все три завода уже начали давать металл.

В годы третьего пятилетнего плана (1961—1966) намечается еще большее развитие черной металлургии. По предварительным данным, ежегодную выплавку стали в стране намечается довести примерно до 9—10 млн. т, а литейного чугуна — до 1,5—2 млн. т⁶. Этого предполагается достигнуть главным образом за счет расширения мощности существующих заводов (в частности, завода в Бхилаи — до 2,1 млн. т, завода в Роуркеле — до 1,8 млн. и завода в Дургапуре — до 1,6 млн. т стали в год) и путем строительства еще одного крупного металлургического завода (мощностью 0,5—1 млн. т стали в год) в Бокаро (Бихар)⁷. Планируется также сооружение металлургических предприятий меньшего размера, в частности завода по производству специальных сталей и сплавов годовой производительностью 80 тыс. т⁸.

За годы четвертого пятилетнего плана (1966—1971) выплавка черных металлов в Индии, по-видимому, еще более возрастет. По подсчетам Национального совета прикладных экономических исследований, потребности в прокате черных металлов в Индии составят к 1960/61 г. 3,6 млн. т, к 1965/66 г. — 7,2 млн., а к 1970/71 г. — 12,9 млн. т, т. е. соответственно 4,8 млн., 9,6 млн. и 17,1 млн. т стали⁹.

Значительное увеличение выплавки черных металлов за годы второго и третьего пятилетних планов потребует большого количества сырья и топлива — железной и марганцевой руд, коксующегося угля, легирующих металлов, известняка, доломита и т. д. По подсчетам Плановой комиссии, к концу второго пятилетнего плана ежегодные потребности в сырье и топливе только пяти главных металлургических заводов страны составят: угля — более 11 млн. т, железной руды — около 11 млн. т, марганцевой руды — более 300 тыс. т, известняка — более 3 млн. т (табл. 2). В годы третьего пятилетнего плана эти потребности возрастут еще в полтора-два раза.

В связи с этим значительный интерес представляет оценка потенциальных возможностей обеспечения черной металлургии Индии сырьем и топливом, а также изучение размещения сырьевых и топливных

⁵ По имеющимся сведениям, выплавку чугуна на заводе в Култи в ближайшие годы предполагается прекратить из-за нерентабельности эксплуатации доменных печей этого предприятия (см. «Metal bulletin», 1957, № 4232, p. 19).

⁶ EMR, vol. XII, 1959, № 47, p. 1255; «Бюллетень иностранной коммерческой информации» (далее — БИКИ), 7 апреля 1960 г.; «Commerce», vol. C, 1960, № 2559, p. 642.

⁷ EMR, vol. XIII, 1960, № 17, p. 510; «Commerce», vol. C, 1960, № 2559, p. 642. — Важной опорой развития металлургической промышленности в Индии явится завод тяжелого машиностроения в Хатиа, близ Ранчи (Бихар), который будет построен с помощью СССР и где будет производиться оборудование для металлургических предприятий. При этом заводе с помощью Чехословакии намечено построить крупное предприятие по производству литья и поковок.

⁸ EMR, vol. XIII, 1960, № 12, p. 409. — Кроме того, ТАСКО вела переговоры с японскими металлургическими компаниями о строительстве завода спецсталей производительностью 100 тыс. т в год (ibid., p. 409).

⁹ EMR, vol. XIII, 1960, № 2, p. 187; «Supply and demand for steel», — «Industrial India», vol. 1960, № 2, pp. 58—59.

ресурсов, оказывающего, особенно в условиях Индии, значительное воздействие на размещение металлургических заводов, а отчасти и на развитие металлургической промышленности.

Таблица 2

ПОГРЕБНОСТИ КРУПНЕЙШИХ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДОВ ИНДИИ
В ОСНОВНЫХ ВИДАХ СЫРЬЯ И ТОПЛИВА В 1960/61 г., тыс. т*

Сырье	Заводы					Итого
	Джамшед- пур	Бурнпур и Култи	Роуркела	Дурганпур	Бхилая	
Уголь	3500	2467	1600	1830	1790	11 187
Железная руда . . .	3200	2180	1700	1940	1940	10 960
Марганцевая руда . .	60	40	112	64	33	309
Известняк	900	650	523	617	551	3 241

* РИД, pp. 13, 15—16.

Указанным вопросам и посвящена настоящая статья. Попутно, для полноты картины, в ней приводятся краткие сведения о горнодобывающей промышленности и промышленности по производству различных вспомогательных материалов, используемых в черной металлургии.

В статье рассматриваются в основном вопросы развития черной металлургии Восточной Индии — Бихара, Западного Бенгала и Ориссы, так как здесь сосредоточены почти все главные металлургические заводы страны¹⁰, да и в будущем развитие черной металлургии также намечается преимущественно в Восточной Индии¹¹.

* * *

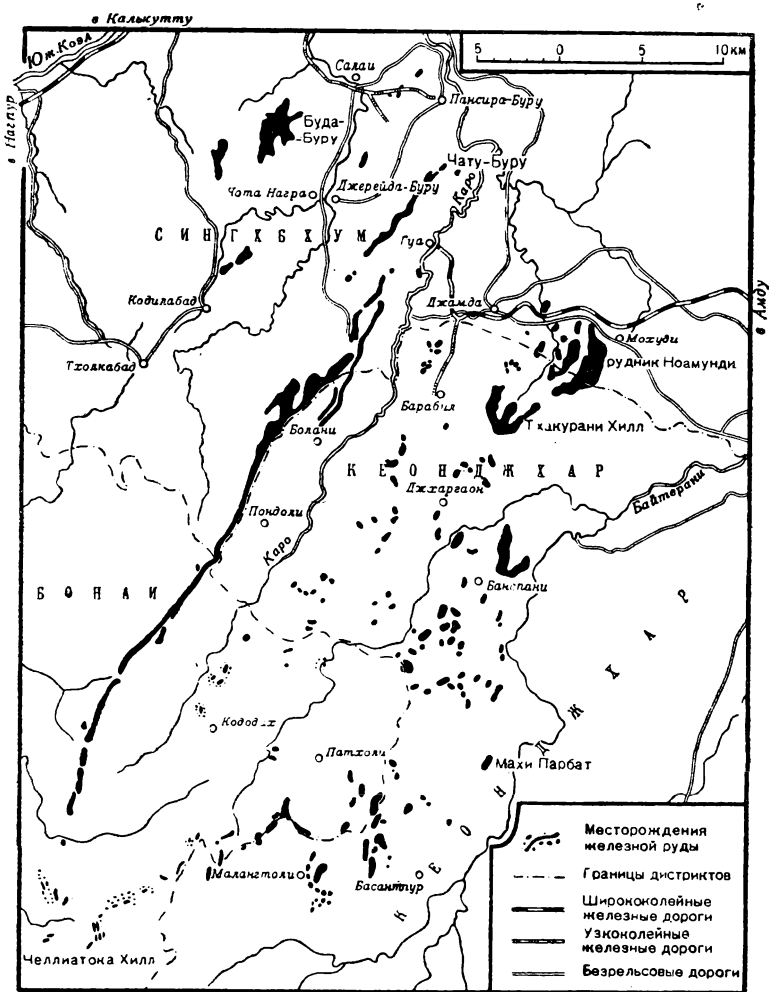
По ресурсам железной руды Индия — одна из богатейших стран мира. Железная руда имеется практически во всех штатах. В Индии встречаются гематитовая, магнетитовая, сидеритовая, лимонитовая и, наконец, латеритная железные руды.

Особенное значение для черной металлургии имеют гематитовые руды (гематит — Fe_2O_3), самые крупные и богатые месторождения которых находятся в Восточной Индии, на границе между Бихаром и Ориссой — в дистриктах Сингхбхум, Сундаргарх (преимущественно на территории бывшего княжества Бонаи), Кеонджхар и Маюрбхандж, где руда подчинена осадочно-метаморфическому комплексу пород дхарварского возраста (архей)¹². По недавним данным Геологической службы Индии, разведанные запасы гематитовой железной руды с содер-

¹⁰ За пределами Восточной Индии имеется лишь один крупный металлургический завод — в Бхилая (штат Мадхья-Прадеш), построенный с помощью СССР. Подробные сведения об этом заводе см. в кн.: И. С. Зволинский, *Черная металлургия Индии*, М., 1958, стр. 277—375, и в специальном выпуске журнала «Indian construction news» (далее — ICN), vol. 8, 1959, № 10.

¹¹ Кстати, как будет показано ниже, эта тенденция в размещении черной металлургии страны связана в первую очередь с особенностями размещения ее топливно-сырьевой базы.

¹² Детальные геологические данные и описание железорудных месторождений этого района содержатся в следующих работах: Н. С. Jones, *Iron-ore deposits of Bihar and Orissa*, — «Memoirs of the Geological survey of India» (далее — MGS), vol. LXIII, pt 2, 1934; М. S. Krishnan, *Iron-ore, iron and steel*, — «Bulletins of the Geological survey of India» (далее — BGS), Series A — economic geology, № 9, 1954, pp. 116—124; J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth. A guide to the occurrences and economics of the useful minerals of India, Pakistan and Burma*, London, 1955, pp 176—183 и др.

ЖЕЛЕЗОРУДНЫЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ СИНГХБХУМА, КЕОНДЖХАРА И БОНАИ

Карта воспроизведена из книги: Н. С. Jones, *Iron-ore deposits of Bihar and Orissa*. — «Memoirs of the Geological survey of India», vol. LXIII, pt 2, 1934.

жанием железа более 60% составляют (в скобках указаны вероятные запасы) около 5,3 млрд. т (17,6 млрд. т), из которых на долю Бихара и Ориссы приходится более 2,7 млрд. т (8 млрд. т), а на долю Мадхья-Прадеша — около 1,6 млрд. т (7 млрд. т)¹³.

По-видимому, при оценке разведанных железорудных ресурсов Восточной Индии за основу взяты данные Х. С. Джонса, подсчитавшего в 1934 г., что в Южном Бихаре и Северной Ориссе имеется около 2,7 млрд. т железной руды с минимальным содержанием железа 60%, в том числе (в млн. т) в Сингхбхуме — 1047, в Бонаи — 648, в Кеонджхаре — 988 и в Маюрбхандже — 18¹⁴. Здесь в непосредственной близости друг от друга расположено более 50 месторождений с запасами

¹³ «The mineral production of the Indian Union during the year 1954», — «Indian minerals», vol. X, 1956, № 1, p. 31.

¹⁴ Н. С. Jones, *Iron-ore deposits of Bihar and Orissa*, p. 249.

от 5 млн. до 100 млн. т и 3 месторождений с запасами от 100 млн. до 700 млн. т руды каждое¹⁵.

Х. С. Джонс, однако, в ряде случаев явно недооценил железорудные ресурсы Восточной Индии. Например, по подсчетам М. С. Кришнана, запасы богатой гематитовой руды в Кеонджхаре составляют почти 1,5 млрд. т¹⁶, т. е. в полтора раза больше, чем предполагал Х. С. Джонс. В 1944 г. запасы месторождения Бадампахар, которые Х. С. Джонс оценил в 7 млн. т, в действительности оценивались в 44 млн. т¹⁷. В последние годы Геологическая служба Индии обнаруживает все новые и новые значительные месторождения богатой гематитовой железной руды в Каттаке, Ганджаме, Корапуте, Пури, Самбалпуре и в других дистриктах Ориссы¹⁸. Следует иметь в виду, что, как правило, при оценке железорудных ресурсов в расчет принимались только руды с содержанием железа 60% и выше, залегающие близко от поверхности. Не исключено, что под толщей аллювиальных отложений в Ориссе скрыты неизвестные пока ресурсы гематитовых руд. Поэтому данные видного американского специалиста, работавшего в Индии по заданию Дж. Н. Таты, Ч. П. Перина, подсчитавшего, что в пределах прямоугольника длиной 640 км и шириной 320 км, в северо-восточном углу которого находится Калькутта, имеется около 20 млрд. т богатой железной руды¹⁹, представляются правдоподобными.

На территории Восточной Индии, кроме гематитовых, встречаются также месторождения железных руд других типов. Разведанные запасы магнетитов в Паламау и титановых магнетитов в Сингхбхуме и Маюрбхандже (содержат 10—25% TiO_2 и обычно менее 2%, но иногда до 7% окиси ванадия V_2O_5 ²⁰), связанных по происхождению с ультраосновными интрузиями, составляют около 5 млн. т²¹.

В угольных месторождениях долины реки Дамодар (особенно в Ранигандже) имеются сидеритовые и лимонитовые железные руды осадочного происхождения в количестве более 500 млн. т (вероятные запасы — около 2 млрд. т) с содержанием железа до 35—40%²². Наконец, велики запасы бедных (обычно — 25—40% железа) латеритных железных руд.

Вплоть до начала нынешнего столетия сидеритовые, лимонитовые и магнетитовые руды использовались в Индии в доменном производстве²³, а также в выплавке железа примитивными, кустарными методами, например у племени асуров. Однако после открытия огромных запасов богатых гематитовых руд железные руды других типов потеряли практическое значение для металлургии.

Рудные тела в месторождениях гематитовых руд в Индии, как правило, выступают на поверхность сплошными массами в виде отдельных холмов или невысоких хребтов, протянувшихся обычно с северо-северо-востока на юго-юго-запад и имеющих абсолютную высоту до 400—

¹⁵ Ibid., pp. 250—299.

¹⁶ Ibid., pp. 255—258.

¹⁷ J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, p. 182.

¹⁸ См., например: EMR, vol. IX, 1956, № 2, p. 192; *ibid.*, № 6, p. 261.

¹⁹ C. P. Perin, *Recent development in the iron and steel industry of India*, — «Transactions of the American iron and steel institute», 1920, p. 12.

²⁰ M. S. Krishnan, *Iron-ore, iron and steel*, p. 116—124.

²¹ «The mineral production of the Indian Union during the year 1954», p. 31. — Общие запасы магнетитов в Индии (в основном на юге страны — в Мадрасе и Майсуре) превышают 600 млн. т.

²² Ibid., p. 32.

²³ Например, завод в Култи был построен в расчете на руды Раниганджа.

450 м (800—900 м над уровнем моря). Самой значительной группой месторождений Восточной Индии является Железорудный хребет, поднимающийся над окружающей равниной на 400—500 м и протянувшийся, с небольшими перерывами, от Гуа (Сингхбхум) в юго-юго-западном направлении вдоль границы между Сингхбхумом и Кеонджхаром и далее на территории Бонаи до Ронтха на расстоянии около 48 км. Практически на всем своем протяжении (преимущественно на вершинах и более возвышенных участках) этот хребет сложен высококачественными гематитами. В 1934 г. запасы богатой руды в нем оценивались Х. С. Джонсом и М. С. Кришнаном почти в 1,9 млрд. т²⁴.

Среди других крупных месторождений района Сингхбхум — Кеонджхар выделяются хребты в районе Гуа, Буда-Буру, группа месторождений Ноамунди, общие запасы которых, по Х. С. Джонсу и М. С. Кришнану, составляют около 450 млн. т²⁵, Тхакуруни Хилл, Бара Парбат и Банспани Пахар (оба близ Джода; запасы руды здесь, по данным М. С. Кришнана, насчитывают почти 380 млн. т²⁶) и возвышенности в районе Курбанд. Наконец, ресурсы руды имеются в соседнем дистрикте Маюрбхандж. В 1934 г. Х. С. Джонс оценил железорудные запасы этого дистрикта в 18 млн. т, однако, по более поздним данным М. С. Кришнана, здесь имеется по меньшей мере около 60 млн. т²⁷. Главные месторождения Мюарбханджа — Горумахисани и хребет Сулайпат — Бадампахар (длиной почти 20 км).

Во всех упомянутых гематитовых месторождениях содержание железа в руде составляет 60—69%, а иногда и выше. Так, например, на вершинах хребта Сулайпат встречается руда с содержанием железа до 86%²⁸. Содержание фосфора в руде варьирует от 0,02 до 0,15%; содержание серы обычно не выше 0,02—0,03²⁹.

Главные гематитовые месторождения Бихара и Ориссы были открыты между 1904 (Маюрбханджская группа) и 1917 гг. (Ноамунди). Добыча руды началась в Маюрбхандже в 1909 г. В следующем году начал давать продукцию рудник Горумахисани, в 1915 г. — Сулайпат, а в 20-х годах — Бадампахар, Гуа, Ноамунди и Барабил.

Поверхностное залегание руды позволяет добывать ее открытым способом, что повышает производительность труда, снижает издержки производства и наряду с дешевой рабочей силой обуславливает низкую себестоимость добычи индийской железной руды.

В 1954 г., по официальным данным, в Индии было добыто около 4,3 млн. т железной руды, из которых на долю Сингхбхума приходилось более 1,9 млн. (почти половина общеиндийской добычи), а на долю Маюрбханджа и Кеонджхара — соответственно около 1060 тыс. и 680 тыс. т (вместе — более $\frac{2}{5}$ общеиндийской добычи); кроме того, добыча руды производилась и в других дистриктах Бихара и Ориссы — в Каттаке (около 50 тыс. т), Хазарибаге, Манбхуме, Шахабаде³⁰. В том же году на добыче железной руды в Индии было занято около 30,8 тыс.

²⁴ См. H. C. Jones, *Iron-ore deposits of Bihar and Orissa*, pp. 277—280, 292.

²⁵ По данным П. П. Карана, запасы гематитовой руды со средним содержанием железа свыше 60% составляют в Ноамунди более 600 млн. т (см. P. P. Karan, *Iron mining in Singhbhum — Mayurbhanj region of India*, — «Economic geography», vol. 33, 1957, № 4, p. 357).

²⁶ См. H. C. Jones, *Iron-ore deposits of Bihar and Orissa*, p. 256.

²⁷ M. S. Krishnan, *Iron-ore, iron and steel*, p. 127.

²⁸ Ibid., p. 126.

²⁹ Ibid., p. 133. — О качестве индийской железной руды см. также: B. V. Engineer, *Principal mineral raw materials for iron and steel industry*, — ICN, vol. 8, 1959, № 8, pp. 96—100.

³⁰ «The mineral production of the Indian Union during the year 1954», pp. 29—30.

человек, в том числе в Бихаре — около 15,1 тыс. и в Ориссе — около 12 тыс. человек³¹. Из года в год добыча руды возрастает. В 1960 г. она составила 10,2 млн. т, в том числе в Бихаре — 2,8 млн. (26,7%), в Ориссе — 3,7 млн. (34,9%), в Майсуре — 1,9 млн. (17,5%), в Мадхья-Прадеше — 1,4 млн. (14,1%), в Махараштре — 0,3 млн. т (3%)³².

Приведенные данные показывают, что Южный Бихар и Северная Орисса по добыче железной руды стоят далеко впереди остальных штатов Индии. Это объясняется, с одной стороны, обилием, доступностью для разработки и высоким качеством руды в месторождениях этих штатов, с другой — близостью рудных месторождений к месторождениям коксующегося угля в долине Дамодара, к главным металлургическим заводам Индии и, наконец, к морскому побережью, что благоприятствует экспорту.

Добыча руды ведется в основном крупными частными компаниями. ТАСКО разрабатывает рудники в Ноамунди, Горумахисани, Бадампахаре, Сулайпате (Окампаде) и др., ИАСКО — в Гуа, Буда-Буру и др., «Орисса минерал девелопмент компани» — в Барабиле. Ноамунди, Горумахисани и Барабил — крупнейшие железные рудники Индии. Например, в Ноамунди, расположенном на границе между Сингхбхумом и Кеонджхаром, в хребте Котамати-Буру, в настоящее время ежегодно добывается около 1 млн. т руды; на этом руднике занято около 6—7 тыс. человек³³. В 1958 г. начата добыча руды в Джода (Кеонджхар). Ожидается, что этот рудник, принадлежащий ТАСКО, будет давать заводу в Джамшедпуре ежегодно около 1 млн. т³⁴. Кроме трех названных главных компаний, значительное число мелких компаний разрабатывает небольшие рудники.

На многих рудниках, в том числе крупных, добыча руды ведется главным образом вручную, с применением самых примитивных орудий. Механизация рудников и более полное и рациональное использование руды³⁵ представляют важную проблему железорудной промышленности Индии, особенно в свете планов быстрого увеличения добычи.

Когда новые металлургические заводы в Индии полностью войдут в строй, каждый из них потребует около 2 млн. т железной руды ежегодно. В Восточной Индии для этих заводов будут разрабатываться

³¹ «The Indian labour year book 1954—55», Delhi, 1957, p. 406.

³² См. БИКИ, 4 мая 1961 г.

³³ Описание этого рудника и краткий общий обзор железорудной промышленности Восточной Индии см. в ст.: P. P. Karan, *Iron mining in Singhbhum—Mayurbhanj region of India*, pp. 349—361.

³⁴ EMR, vol. XI, 1958, № 36, p. 1079. — На руднике в Джода в октябре 1958 г. вступила в строй подвесная канатная дорога длиной 1,6 км, изготовленная в Германской Демократической Республике («Commerce & industry», vol. LX, 1959, № 1, p. 11; «Indian mining journal», vol. VI, 1958, № 12, pp. 23—25). По этой дороге руда доставляется от места добычи к железнодорожным вагонам. Ее постройка — одно из первых мероприятий по механизации железорудной промышленности Индии.

³⁵ Подготовка индийской железной руды для загрузки в доменные печи обычно требует предварительного ее дробления, так как высокая зольность индийского кокса делает оптимальным размер руды 30—35 мм. При добыче и в результате дробления остается очень много (до 40% первоначального количества руды) рудной мелочи (10 мм и менее), непригодной для доменной плавки. Как правило, она выбрасывается в отвалы. Между тем, рудная мелочь содержит более 50% железа и при соответствующей обработке (главным образом путем прокаливания) может быть использована для выплавки металла (см.: R. F. Jennings, A. M. Frankau, *Blast furnace burden preparation with reference to high ash coke*, — ICN, vol. 8, 1959, № 8, pp. 90—93; P. P. Karan, *Iron mining in Singhbhum—Mayurbhanj region of India*, p. 358).

новые рудники, в частности в Барсуа (для завода в Роуркеле) и в Болани, в районе Гуа (для завода в Дургапуре) ³⁶.

К концу второго пятилетнего плана ежегодную добычу железной руды в Индии намечалось довести приблизительно до 12,5 млн. т, из которых более 8 млн. придется на долю Ориссы ³⁷.

В своем развитии железорудная промышленность Индии опирается не только на потребности собственной черной металлургии, но и на спрос на внешних рынках. Из года в год добыча железной руды в стране намного превышает внутренние потребности, и значительная ее часть идет на экспорт. Например, в 1957 г., когда было добыто 5 млн. т руды, экспорт составил около 2,3 млн. т, главным образом в Японию (1,3 млн. т), Чехословакию (0,5 млн. т) и Польшу (0,1 млн. т) ³⁸. В 1959 г. было вывезено более 2 млн. т руды ³⁹, также в основном в Японию ⁴⁰. В ближайшие годы ожидается дальнейший значительный рост экспорта руды. Предполагается, что к 1966 г. Индия будет вывозить около 12 млн. т железной руды в год ⁴¹. Таким образом, и в будущем развитие индийской железорудной промышленности будет тесно связано с потребностями мирового рынка. В ближайшие годы экспорт руды достигнет столь большого размера, что позволительно говорить о крупном международном значении добычи железной руды в Индии.

Главнейшими поставщиками руды на экспорт являются рудники Восточной Индии, в особенности Ориссы и Мадхья-Прадеша.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в Южном Бихаре и Северной Ориссе расположен один из крупнейших железорудных бассейнов мира, ресурсы которого вполне в состоянии обеспе-

³⁶ EMR, vol. X, 1957, № 44, p. 989, 998; S. S. Pillai, *Iron ore for Rourkela — the Barsua iron mine*, — ICN, vol. VII, 1958, № 12, pp. 96—101.

³⁷ EMR, vol. IX, 1956, № 1, p. LI; *ibid.*, vol. IX, 1956, № 18, p. 496.

³⁸ EMR, vol. XI, 1958, № 24, p. 711. — По другим данным, экспорт индийской железной руды в Японию в 1957 г. превысил 1,6 млн. т, составив 17% всего импорта железной руды в Японию (EMR, vol. XI, 1958, № 16, p. 547). Интересно отметить, что еще 1,3 млн. т руды (14% всего импорта) было ввезено в Японию из Португальской Индии (*ibid.*, p. 547).

³⁹ «Commerce», vol. C, 1960, № 2552, p. 325.

⁴⁰ За последние годы японские металлургические компании проявляют большую заинтересованность в импорте индийской железной руды. В настоящее время железная руда из Индии (в основном из Ориссы) поставляется в Японию в соответствии с соглашением, предусматривающим поставку в 1957—1962 гг. 7,2 млн. т (EMR, vol. XIII, 1960, № 7, p. 295). Глава японской делегации, изучавшей железорудные ресурсы Индии, заявил, что Япония готова покупать в Индии всю необходимую ей руду при условии ее подходящего качества и стоимости (*ibid.*, vol. X, 1957, № 46, p. 1031—1032; *ibid.*, vol. X, 1957, № 43, p. 971). По-видимому, Япония намерена через несколько лет осуществить эти планы. По соглашению между обеими странами начато осуществление проекта дальнейшего расширения добычи железной руды в районе Роуркелы для вывоза ее в Японию. Этот проект, который должен быть завершен в 1964 г. и который финансируется, в частности, Японией и США, предусматривает эксплуатацию рудников мощностью около 2 млн. т в год (см., например: «The Times of India», 20.III.1958; «Commerce», vol. XCVI, 1958, № 2454, pp. 562—563; EMR, vol. XI, 1958, № 19, p. 615). Кроме того, недавно заключено новое соглашение о поставке в Японию из района Байладила (дистрикт Бастар в Мадхья-Прадеше) еще 4 млн. т индийской руды ежегодно в течение 15 лет начиная с 1966 г. (EMR, vol. XIII, 1960, № 7, p. 295). Вывоз руды в Японию будет осуществляться через порт Висакхапатнам (для этого будет построена специальная железная дорога) и, возможно, через порт-сателлит Калькутты, строительство которого предполагается в низовьях реки Хугли (см.: EMR, vol. X, 1957, № 46, p. 1044; A. K. Deb, *Development of new port in West Bengal*, — «Geographical review of India», vol. XIX, 1957, № 1, pp. 6—11). Ожидается также рост экспорта руды и в другие страны. Например, по соглашению, подписанному в марте 1959 г., Индия должна была вывезти 1 млн. т руды в Чехословакию (БИКИ, 21 апреля 1959 г.).

⁴¹ EMR, vol. XII, 1959, № 45, p. 1203.

чить потребности быстро растущей металлургической промышленности Восточной Индии. Характерным выражением этого изобилия высококачественной железной руды служит тот факт, что в доменных печах металлургических заводов Восточной Индии, как правило, не используются руды, содержащие менее 58—60% железа⁴².

* * *

По разведанным ресурсам марганцевых руд Индия также занимает одно из первых мест в мире. Наиболее богатые месторождения этих руд находятся за пределами Восточной Индии, главным образом в Бомбее (дистрикты Бхандара, Нагпур и др.) и в Мадхья-Прадеше (Балагхат, Чиндвара). Разведанные запасы составляют здесь около 100 млн. т, в том числе 35—60 млн. т руды с содержанием марганца 42% и выше⁴³. Однако и Восточная Индия располагает собственными ресурсами марганцевых руд. Основные месторождения Восточной Индии, относящиеся преимущественно к метаморфизированным осадочным породам дхарварской системы (архей), расположены главным образом в Северной Ориссе, особенно в Бонаи (дистрикт Сундаргарх), а также в Кеонджхаре, Калаханди и в прилегающих районах Южного Бихара (дистрикт Сингхбхум)⁴⁴. Запасы руды в Северной Ориссе и Южном Бихаре оцениваются в 4,5—6 млн. т, из которых около 2 млн. т пригодны для производства ферромарганца⁴⁵. Руда, добываемая в Ориссе, используется в черной металлургии Восточной Индии. Индийские марганцевые руды отличаются высоким содержанием железа⁴⁶ и, что тоже является неблагоприятным, повышенным содержанием фосфора. Между тем для выплавки ферромарганца, которая, кстати, вплоть до недавнего времени производилась в доменных печах (на заводе в Джамшедпуре), требуется марганцевая руда (а также и кокс) с низким содержанием фосфора. Такую руду приходится привозить из Балагхата (Мадхья-Прадеш), где, например, руда месторождения Бхарвели содержит лишь 0,07% фосфора⁴⁷. Велико содержание фосфора и в индийских коксующихся углях (и соответственно в коксе). Низкофосфористый кокс (с содержанием фосфора 0,022%) получается только из угля месторождения Гиридик⁴⁸. Впрочем, применение для выплавки ферромарганца электропечей в связи с изменением технологического процесса по сравнению с доменными печами в значительной мере уменьшит эти трудности. Например, для производства 1 т ферромар-

⁴² В. В. Engineer, *Principal mineral raw materials...*, p. 97.

⁴³ «The mineral production of the Indian Union during the year 1954», p. 36. — По другим данным, месторождения руды с содержанием марганца свыше 48% в Бомбее и Мадхья-Прадеше имеют минимум 10,5 млн. т [см. «Development of mineral resources in Asia and the Far East» (United Nations Organization, Economic Commission for Asia and the Far East), — «Mineral resources development series», № 2, Bangkok, 1953, p. 248].

⁴⁴ Подробные сведения о геологии месторождений марганцевой руды в Индии, о качестве руды и т. п. см. в работах: J. A. Dunn, *Manganese ore*, — «Records of the Geological survey of India» (далее — RGS), vol. LXXVI, «Bulletins of economic minerals», № 9, 1947; J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, pp. 209—221 и др.

⁴⁵ В. В. Engineer, *Principal mineral raw materials...*, p. 107. — По данным, приведенным С. Нараянасвами, запасы марганцевых руд высокого качества в Бонаи и Кеонджхаре составляют около 10 млн. т (S. Narayanaswamy, *Ferro-manganese in India*, — «Indian mining journal», vol. V, 1957, № 10, p. 84).

⁴⁶ См. N. Nayak, *Production of ferro-manganese in India*, — EMR, vol. XI, 1958, № 26, pp. 834—835.

⁴⁷ J. A. Dunn, *Manganese ore*, p. 26.

⁴⁸ J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, p. 220.

ганца в доменных печах требуется 2—2,5 т кокса, а в электропечах — лишь 0,8 т⁴⁹. Кроме того, обнадеживающими были и результаты недавнего изучения марганцевых месторождений в дистриктах Калаханди и Корапут (штат Орисса) на предмет их использования для производства ферромарганца. По предварительным данным, здесь было обнаружено около 1 млн. т руды хорошего качества⁵⁰.

Добыча марганцевой руды в Индии намного превышает потребности внутреннего рынка. Большая часть руды добывается за пределами Восточной Индии, хотя в настоящее время среди других штатов Индии Орисса и занимает ведущее место. В 1957 г., по данным Индийского бюро шахт и рудников, в стране было добыто около 1,6 млн. т марганцевой руды, из которых почти одну четверть (более 380 тыс. т) дала Орисса, а остальное — Бомбей (359 тыс.), Мадхья-Прадеш (329 тыс.), Майсур (262 тыс.), Андхра-Прадеш (193 тыс.)⁵¹. На выплавку же ферромарганца в первые годы второго пятилетнего плана ежегодно расходовалось лишь 45—50 тыс. т марганцевой руды (из расчета 2 т руды на 1 т ферромарганца).

К концу второго пятилетнего плана ожидается, что потребление ферромарганца в стране возрастет до 60 тыс. т в год. В связи с этим было предпринято крупное строительство заводов по выплавке ферромарганца в электропечах общей ежегодной производительностью около 160 тыс. т, для чего потребуются примерно 320 тыс. т высококачественной марганцевой руды, 92 тыс. т низкофосфористого кокса, 80 тыс. т известняка и 500—650 квт/час электроэнергии⁵². В частности, в Восточной Индии по второму пятилетнему плану было намечено построить заводы общей мощностью более 80 тыс. т ферромарганца в год, в том числе два завода в Бихаре и два в Ориссе (в Раягаде и Джоде). Завод в Джоде⁵³ (принадлежит ТАСКО) мощностью 36 тыс. т в год, с предполагаемым в дальнейшем расширением до 100 тыс. т, и в Раягаде мощностью около 12 тыс. т были введены в строй в 1958 г. Заводы по выплавке ферромарганца в Бихаре и Ориссе в отличие от заводов, находящихся за пределами Восточной Индии, рассчитаны преимущественно на удовлетворение потребностей внутреннего рынка.

* * *

Одним из наиболее важных легирующих элементов, используемых в черной металлургии, является хром. Индия располагает значительными ресурсами хромитов, разведанные запасы которых (с содержанием Cr_2O_3 40—50%) превышают 1,3 млн. т⁵⁴. Кроме того, имеется большое количество бедных хромитовых руд, поддающихся обогащению.

Главные разведанные месторождения хромитов расположены в Ориссе (дистрикты Кеонджхар, Дхенканал, Каттак), в Бихаре (Сингхбхум), а также за пределами Восточной Индии — в штатах Майсур и Андхра-Прадеш⁵⁵. Добыча хромитов в Индии колеблется из

⁴⁹ N. Nayak, *Production of ferro-manganese in India*, p. 836.

⁵⁰ EMR, vol. XI, 1958, № 33, pp. 1017, 1019.

⁵¹ «Commerce», vol. XCVI, 1958, № 2461, p. 925.

⁵² PID, p. 26.

⁵³ С постройкой этого завода доменные печи Джамшедпура перестали использоваться для выплавки ферромарганца.

⁵⁴ «The mineral production of the Indian Union during the year 1954», p. 21.

⁵⁵ См.: M. S. Krishnan, *Chromite*, — BGS I, Series A — economic geology, № 7, 1953; J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, p. 231—236; B. K. Sahu and T. C. Bagchi, *Chromite deposits of Saruabil area, district Cuttack, Orissa*, — EMR, vol. XII, 1959, № 29, pp. 781—793.

года в год. В 1959 г. здесь было добыто 85 тыс. т хромовой руды, из которых 81 тыс. дала Орисса⁵⁶. Почти вся продукция идет на экспорт, поскольку производство феррохрома и хромитовых огнеупоров в стране развито слабо.

Индия располагает также запасами других легирующих металлов⁵⁷. В ряде штатов, например в Раджастхане, а также в Бихаре (Сингхбхум), Западном Бенгале (Банкура) и др., имеются небольшие месторождения небогатых вольфрамовых руд. Выше упоминалось о титано-магнетитах Сингхбхума и Маюрбханджа, содержащих титан и ванадий. Титан обнаружен также в кианитовых породах месторождения Лапса-Буру (Сингхбхум). В некоторых районах страны находятся большие месторождения молибденовой руды, например в Хазарибаге и других дистриктах Южного Бихара. В медных рудах Сингхбхума в небольшом количестве содержится никель, однако его разведанные запасы весьма ограничены⁵⁸. Месторождения этих металлов в Индии в настоящее время мало изучены и почти не разрабатываются, так как производство качественных сталей в стране пока не получило сколько-нибудь широкого развития.

Индия располагает значительными ресурсами материалов, используемых в качестве металлургических флюсов. Главные разрабатываемые месторождения известняка расположены в Северной Ориссе — в Гангпуре. Одним из крупнейших месторождений является Бирмитрапур, где запасы металлургического известняка (до глубины 30 м) оценивались в 1950 г. приблизительно в 17 млн. т⁵⁹. Из других месторождений этого района следует упомянуть расположенные по соседству месторождения района Дублабера — Раджгангпур — Пуркапали, среди которых выделяется Ланджиберна (около 5 млн. т); месторождения долины реки Кхатма Нала: Хатхибари (вероятные запасы металлургического известняка — около 1,5 млн. т), Пурнапани (вероятные запасы — около 7,2 млн. т), Гитатангар (около 5,5 млн. т) и др. Немалые ресурсы известняка имеются и в других дистриктах Ориссы (Самбалпур, Корапут и др.), во многих дистриктах Бихара (Шахабад, Паламау, Хазарибаг и т. д.) и в других штатах⁶⁰. По последним данным, обнаружены новые запасы известняка⁶¹.

Главным поставщиком известняка для черной металлургии Восточной Индии служат крупнейшие в стране открытые карьеры в Бирмитрапуре, разрабатываемые с 1917 г. компанией «Бисра стоун лайм компани». В 1945—1949 гг. здесь добывалось в среднем около 675 тыс. т известняка, около 90% которого шло на заводы в Джамшедпуре, Култи и Бурнпуре. Месторождения, принадлежащие ТАСКО, за исключением Хатхибари, почти не разрабатываются. Общим названным компаниям принадлежат почти все разведанные месторождения известняка и доломита в Гангпуре.

⁵⁶ БИКИ, 21 апреля 1960 г.

⁵⁷ См. J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, pp. 236—256.

⁵⁸ *Ibid.*, pp. 221—227. — Интересно отметить, что Национальная металлургическая лаборатория в Джамшедпуре освоила выплавку нержавеющей стали, не содержащей никель (см. EMR, vol. X, 1957, № 44, p. 992).

⁵⁹ S. Narayanaswamy, Mukti Nath, S. C. Chakravarty and A. R. Gokul, *Limestone and dolomite deposits in Gangpur, Sundargarh district, Orissa*, — BGSi, Series A — economic geology, № 12, 1957, p. 27; см. также: M. S. Krishnan, *Geology of the Gangpur State, Eastern States*, — MGSi, vol. LXXI, 1937.

⁶⁰ См. J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, pp. 326—327.

⁶¹ См.: Mukti Nath, *Limestone and dolomite deposits suitable for use in the iron and steel industries of Eastern India*, — «Indian minerals», vol. XIII, 1959, № 4, pp. 299—316.

В Бихаре (дистрикты Парганы Санталов, Гая, Манбхум, Сингх-бхум), Западном Бенгале (Бурдван, Банкура), Ориссе (Самбалпур), а также в Мадхья-Прадеше и Раджастане имеются месторождения плавикового шпата, некоторые из которых разрабатываются⁶².

* * *

Восточная Индия обладает значительными ресурсами разнообразного огнеупорного сырья, причем многие крупные месторождения этого сырья расположены недалеко от главных металлургических заводов.

Велики запасы пригодных для производства шамотных огнеупоров огнеупорных глин, главные разрабатываемые месторождения которых расположены в угольных месторождениях Ранигандж и Джхария, где имеется соответственно не менее 4 и 5,3 млн. т глин высокого качества⁶³. Данными о запасах других месторождений мы не располагаем. Крупные месторождения огнеупорных глин, многие из которых мало изучены и не разрабатываются, имеются и в других районах Бихара (например, в дистриктах Парганы Санталов, Бхагалпур), а также в Ориссе (например, в Самбалпуре, близ Белпахара, разрабатываются ТАСКО), Сундаргархе и т. д.⁶⁴.

По добыче огнеупорных глин Восточная Индия занимает ведущее место в стране. Например, в 1954 г. добыча огнеупорных глин в стране составила около 93 тыс. т, из которых Западный Бенгал, Бихар и Орисса дали соответственно более 26 тыс., 30 тыс. и 10 тыс. т⁶⁵.

При производстве огнеупоров используются также бокситы. Их месторождения имеются в Бихаре (дистрикт Ранчи).

Основные разведанные месторождения пригодного для производства огнеупоров доломита находятся там же, где и главные месторождения известняка, — в Гангпуре. Наиболее крупным разрабатываемым месторождением является Бирмитрапур, где запасы высококачественного доломита до глубины 40—50 м, по данным М. С. Кришнана, составляют около 84 млн. т⁶⁶. Среди других месторождений выделяются Лифрипара, в 25 км к западу от Сундаргарха (по данным Х. Нанди, в 1943 г. — около 1,7 млн. т⁶⁷), Хатхибари, Панпош и Амгхат и др.

Огромные, но малоизученные и удаленные от металлургических центров месторождения доломита имеются также на севере Западного Бенгала, в Западных Дуарах (дистрикт Джалпайгури), где целиком из доломита сложены высокие хребты⁶⁸.

Добыча доломита производится главным образом в Панпоше (ТАСКО) и Бирмитрапуре («Бисра стоун лайм компани»). В 1946—1949 гг. ежегодная добыча доломита составляла в среднем 30—40 тыс. т в Панпоше и около 20 тыс. т в Бирмитрапуре. С 1955 г. она стала быстро расти и в 1959 г. достигла 325 тыс. т, из которых около 98% дал дистрикт Сундаргарх⁶⁹.

⁶² J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, pp. 380—388; «The mineral production of the Indian Union during the year 1954», pp. 26—27.

⁶³ D. R. S. Mehta, *Fire clay deposits in the Raniganj and Jharla coalfields (Bengal and Bihar)*, — «Indian minerals», vol. II, 1948, № 2, pp. 103—111.

⁶⁴ См. J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, pp. 392—397.

⁶⁵ «The mineral production of the Indian Union during the year 1954», p. 20.

⁶⁶ M. S. Krishnan, *Geology of the Gangpur State, Eastern States*.

⁶⁷ S. Narayanaswamy, Mukti Nath, S. C. Chakravarty and A. R. Gokul, *Limestone and dolomite deposits in Gangpur...*, pp. 39—48, 51.

⁶⁸ J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, p. 400.

⁶⁹ «Commerce», vol. C, 1960, № 2556, p. 985.

Почти во всех штатах страны имеются месторождения белого песка, или кварцита, пригодного для производства динасовых огнеупоров. Выделяются месторождения в Кхаракпур Хиллз (дистрикт Монгхир), в Раджгир Хиллз (Гая), в Бихаршарифе (Патна), в дистрикте Сингхбхум и в других местах; на заводе в Джамшедпуре используются также кварциты из дистрикта Джаббалпур (Мадхья-Прадеш) ⁷⁰.

Восточная Индия обладает крупными запасами высокоглиноземистого сырья — кианита и силлиманита. Через дистрикты Сингхбхум, Манбхум и Маюрбхандж протянулся так называемый «кианитовый пояс» длиной около 100 км. Здесь находится крупнейшее в мире месторождение кианита Лапса-Буру (на территории бывшего княжества Кхарсаван, ныне входящего в состав дистрикта Сингхбхум) и ряд других. Разведанные запасы кианита до глубины не более 1,5 м только в Сингхбхуме (главным образом в Лапса-Буру) оцениваются в 750 тыс. т ⁷¹, а вероятные — в миллионы тонн.

Добыча кианита из года в год сильно колеблется. В 1954 г. она составила 42,3 тыс. т, из которых 41,7 тыс. было добыто в Сингхбхуме ⁷². Почти вся продукция идет на экспорт.

В Восточной Индии расположено и крупнейшее в мире месторождение силлиманита — Сонапахар в дистрикте Кхаси Хиллз (Ассам).

Накопец, выше говорилось о хромитах, из которых можно также производить высококачественные огнеупоры ⁷³.

Из важных видов огнеупорного сырья в Восточной Индии отсутствует лишь магнезит. Он, однако, имеется в других районах страны, в основном на юге — в дистрикте Салем (Мадрас), где его разведанные запасы до глубины 30 м превышают 80 млн. т ⁷⁴.

В 1956 г. в Индии насчитывалось около 30 заводов по производству огнеупоров общей установленной мощностью более 440 тыс. т в год. Около $\frac{3}{4}$ всех мощностей было сосредоточено в Восточной Индии, где расположены основные источники сырья и топлива и главные потребители огнеупоров ⁷⁵. Главные центры — Култи, Ранигандж, Мугма, Джхария, Кумардхуби, Чанч Баракар, Джамшедпур и др. (почти все близ угольных месторождений Дамодара). В 1955—1956 гг., по оценочным данным, производство огнеупоров (в основном в Восточной Индии) составило около 280 тыс. т, в том числе около 175 тыс. т — шамотный кирпич, около 34 тыс. т — динас и т. д. ⁷⁶.

В связи с ростом металлургической промышленности за годы второго пятилетнего плана значительно увеличился спрос на огнеупоры. По оценке Плановой комиссии Индии, ежегодная потребность черной металлургии в огнеупорах за первые три года второго пятилетнего

⁷⁰ Ibid., pp. 409—411.

⁷¹ «The mineral production of the Indian Union during the year 1954», p. 33; см. также: J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, pp. 414—422; S. Narayanaswamy, *Aluminous refractories—andalusite, dumortierite, kyanite and sillimanite*, — «Indian minerals», vol. VIII, 1954, № 3, pp. 153—166; «Kyanite in India», *ibid.*, vol. II, 1948, № 1, pp. 40—44; A. Mookherjee and T. C. Bagchi, *Kyanite deposits in Singhbhum district*, — EMR, vol. XIII, 1960, № 1, pp. 131—133.

⁷² «The mineral production of the Indian Union during the year 1954», p. 33.

⁷³ См. также: J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, pp. 411—414.

⁷⁴ Ibid., pp. 404—409; см. также: N. K. Aiyengar, *Magnesite*, — BGSJ, Series A — economic geology, № 6, 1953.

⁷⁵ К началу второго пятилетнего плана в Бихаре имелось восемь заводов, в Западном Бенгале — три и в Ориссе — один общей годовой мощностью соответственно около 240 тыс., 96 тыс. и 12 тыс. т. За пределами Восточной Индии крупным производителем огнеупоров является штат Мадхья-Прадеш, где имелось пять заводов общей мощностью около 38 тыс. т в год (см. PID, p. 309).

⁷⁶ Ibid., p. 310.

плана составит около 440 тыс. т, а в 1959—1961 гг. превысит 500 тыс. т. Поэтому к 1960/61 г. было намечено довести общую мощность заводов по производству огнеупоров до 1 млн. т, а их производство — до 800 тыс. т. Особенно крупные работы по строительству новых и расширению старых заводов огнеупоров развернулись в Восточной Индии. В 1956—1959 гг. вступили в строй 11 заводов, в том числе в Бихаре — три, в Западном Бенгале — три, в Ориссе — один. В 1960 г. в Ориссе начал давать продукцию крупный завод в Белпахаре. За период второго пятилетнего плана общая мощность заводов по производству огнеупоров в Восточной Индии возрастет более чем на 260 тыс. т, причем свыше половины этого прироста придется на Ориссу⁷⁷.

* * *

Если самые умеренные подсчеты свидетельствуют о наличии в Индии практически неисчерпаемых запасов железной руды, то даже самые оптимистические оценки запасов коксующегося угля весьма неутешительны. Поэтому на проблеме топлива для индийской черной металлургии мы остановимся подробнее.

Большая часть разведанных запасов каменного угля страны сосредоточена в Восточной Индии, главным образом в долине реки Дамодар (Бихар и Западный Бенгал). Угленосные породы приурочены здесь к нижнегондванским отложениям осадочных пород, условно причисляемым к перми, триасу и юре⁷⁸. Месторождения угля в других районах страны, в том числе в Мадхья-Прадеше и в Ориссе, уступают по количеству и, главное, по качеству угля месторождениям долины Дамодара. Основные месторождения Бихара и Западного Бенгала — Джхария, Ранигандж, Бокаро, Северная и Южная Каранпура, Гиридик и др.

Что касается коксующегося угля, пригодного для черной металлургии, то практически все его известные запасы сосредоточены в долине Дамодара, в основном — в месторождении Джхария, а также в Ранигандже, Гиридике и некоторых других. Условия добычи здесь довольно благоприятны: пласты угля отличаются значительной мощностью, небольшим наклоном и залегают сравнительно близко от поверхности, что позволяет в некоторых местах вести добычу открытым способом.

Дамодарские угольные месторождения были известны в XVIII в. Добыча угля началась с 1814 г. в Ранигандже, который в течение почти ста лет оставался главным центром добычи угля в стране, пока не уступил первенство (в 1906 г.) месторождению Джхарии. Вплоть до настоящего времени оба эти месторождения дают более половины каменного угля, добываемого в Индии.

⁷⁷ Ibid., p. 312—315; «Commerce», vol. C, 1960, № 2552, p. 344; см. также: В. Ghosal, *Durgapur steel project. Hindustan steel private limited. Development of ceramic industry at Durgapur*, — «Indian ceramics», vol. V, 1958, № 9, pp. 187—191.

⁷⁸ Детальные данные о геологии угольных месторождений Восточной Индии содержатся в работах: С. S. Fox, *Lower Gondwana coalfields of India*, — MGSI, vol. LIX, 1934; С. S. Fox, *The geology and coal resources of the Jharia coalfield*, — ibid., vol. XXXIX, 1933; E. R. Gee, *The geology and coal resources of the Raniganj coalfield*, — ibid., vol. LXI, 1932; E. R. Gee, *Coal*, — RGSJ, vol. LXXVI, «Bulletins of economic minerals», № 16, 1948; D. R. S. Mehta, *A revision of the geology and coal resources of the Raniganj coalfield*, — MGSI, vol. 84, 1956, pt I; D. R. S. Mehta and B. R. Naravana Murthy, *A revision of the geology and coal resources of the Jharia coalfield*, — ibid., vol. 84, 1956, pt II; J. C. Brown and A. K. Dey, *India's mineral wealth...*, pp. 3—26 и др.; см. также: F. Ahmad, *A preliminary note on the possibility of finding concealed Barakar coalfields in India*, — «Journal of mines, metals & fuels», vol. VII, 1959, № 10, pp. 8—13.

В 1955 г. в Индии насчитывалось более 950 действующих угольных шахт (в том числе около 220 в Западном Бенгале и около 640 в Бихаре), на которых работало более 340 тыс. человек⁷⁹. В том же году в стране было добыто около 38,2 млн. т каменного угля; из этого количества 31,8 млн. т приходилось на Восточную Индию, в том числе на Бихар — 19,4 млн. и на Западный Бенгал — 11,3 млн. т⁸⁰. В 1961 г. предполагается добыть около 60 млн. т каменного угля, из которых на долю Бихара и Западного Бенгала придется более 44 млн. т, в том числе коксующегося угля около 14 млн. т⁸¹. Добыча коксующегося угля за последние годы идет более или менее в соответствии с планом, хотя в целом задание второго пятилетнего плана по добыче угля, по-видимому, будет невыполнено: в 1958 г. она составила лишь 45,3 млн т⁸².

Несколько слов о коксохимической промышленности, дающей твердый металлургический кокс для выплавки чугуна, стали, ферромарганца и для литейных операций.

Хотя основным сырьем для коксохимической промышленности служит уголь, размещение выжига кокса отличается от размещения угледобывающих центров: производство кокса сосредоточено преимущественно на главных металлургических заводах и лишь частично — на местах добычи угля. К началу второго пятилетнего плана общая годовая мощность заводов по производству твердого кокса составляла около 3,5 млн. т угля, в том числе на металлургических заводах в Джамшедпуре, Бурнпуре и Култи — около 2,9 млн. т⁸³. Производство твердого кокса в 1955 г. превысило 2,3 млн. т, в том числе на металлургических заводах — около 1,9 млн.⁸⁴, в основном кокс размером более 40 мм⁸⁵.

Если намеченные планы по выплавке чугуна и стали будут выполнены, то к концу второго пятилетнего плана ежегодное потребление твердого кокса главными металлургическими заводами страны превысит 6 млн. т. Подсчитано, что для выплавки ферромарганца, литейных операций и т. п. понадобится еще 0,8—0,9 млн. т твердого кокса в год.

В соответствии с этим ожидается, что годовое производство кокса к концу второго пятилетнего плана составит 8,2 млн. т, в том числе

⁷⁹ Однако свыше трети шахт страны имели ежегодную производительность менее 10 тыс. т угля. В то же время свыше половины добычи приходилось на шахты производительностью 100 тыс. т и более в год. Таких шахт насчитывалось около ста — в основном в Бихаре и Западном Бенгале.

⁸⁰ «Indian coal statistics 1955. Issued by the Chief inspector of mines in India, Dhanbad», Delhi, 1956, p. 27. — Добыча угля (в млн. т) по отдельным главным месторождениям Бихара и Западного Бенгала в 1955 г. составила (в скобках указана добыча угля в этих месторождениях, намеченная на 1960/61 г.): Джхария—13,3 (16,7); Ранигандж (главным образом на территории Западного Бенгала, отчасти — Бихара)—12,9 (18,2): Бокаро—2,4 (2,9); Каранпура—0,6 (6,0) [см.: *ibid.*, p. 17—21; M. S. Thacker, *India's power economy*, — «Fuel research institute news» (далее—FRIN), vol. 6, 1956, № 2, p. 36.

⁸¹ M. S. Thacker, *India's power economy*, p. 36; «Commerce», vol. XCII, 1956, № 2361, p. 1055.

⁸² «Monthly statistics of the production of selected industries of India for December 1959», vol. XI, 1960, № 12, p. 58.

⁸³ Кроме того, кокс производился на нескольких небольших частных заводах (общей мощностью около 240 тыс. т в год), на государственном заводе в Гиридикхе (56 тыс. т) и на вступившем в строй в 1955 г. государственном заводе химических удобрений в Синдри (около 280 тыс. т) (см. PID, pp. 209—210).

⁸⁴ «Indian coal statistics 1955», pp. 38—39.

⁸⁵ Для выплавки чугуна и стали в Индии обычно используется кокс размером более 40 мм, а в литейных операциях — размером 25—40 мм.

твердого металлургического кокса—около 7 млн. т. Как и прежде, основными производителями будут коксохимические цехи металлургических заводов в Джамшедпуре, Бурнпуре и Култи и новых заводов в Роуркеле, Дургапуре и Бхилаи. Кроме того, металлургический кокс дает также вступивший в строй в марте 1959 г. коксохимический завод в Дургапуре, принадлежащий правительству Западного Бенгала ⁸⁶.

Согласно оценкам различных исследователей, запасы коксующегося угля, пригодного для производства металлургического кокса, в Индии весьма невелики ⁸⁷. Рассмотрим данные Комитета по сохранению металлургического угля ⁸⁸, поскольку они являются одними из самых новых и детальных и сделаны органом, специально изучавшим возможности развития черной металлургии в Индии, и попытаемся дать всестороннюю и обстоятельную оценку подсчетам и прогнозам, сделанным в докладе этого Комитета.

Комитет оценил запасы коксующегося угля, пригодного для металлургий, приблизительно в 2,8 млрд. т. *in situ* ⁸⁹ (табл. 3).

Т а б л и ц а 3
РАЗВЕДАННЫЕ ЗАПАСЫ КОКСУЮЩЕГОСЯ УГЛЯ В ИНДИИ, млн. т *

Месторождения	Запасы, пригодные для эксплуатации (workable)	Запасы, которые могут быть извлечены (extractable)	
		с применением закладки	без применения закладки
Джхария	1960,6	1549,9	890,9
Ранигандж	102,5	83,6	30,9
Гиридих	16,5	13,9	10,9
Западный и Восточный Бокаро	693,3	567,0	348,0
Итого	2772,9	2214,4	1280,7

* RCCMC, p. 48.

Угольные ресурсы Бихара и Западного Бенгала разведаны, пожалуй, лучше, чем в других штатах. Однако за последние годы Геологической службой Индии обнаружены новые запасы угля, в том числе коксующегося. Кроме того, надо иметь в виду, что в Индии при подсче-

⁸⁶ Производственная мощность этого завода рассчитана на выпуск 325—350 тыс. т литейного кокса в год (в том числе твердого кокса размером более 25 мм—свыше 290 тыс. т), который будет распределяться между литейными предприятиями Индии (см. «Commerce», vol. XCVIII, 1959, № 2504, p. 438; PID, p. 212). Этот завод будет производить также низкофосфористый кокс для выплавки ферромарганца и других ферросплавов. Недавно правительство Западного Бенгала решило удвоить мощность этого завода за период третьего пятилетнего плана (*ibid.*, vol. C, 1960, № 2547, p. 101).

⁸⁷ С. С. Фокс в 1934 г. подсчитал, что ресурсы коксующегося угля высокого качества в стране составляют около 1,5 млрд. т (C. S. Fox, *Lower Gondwana coalfields of India*, pp. 334—335). Е. Р. Ги оценил запасы такого угля на 1944 г. менее чем в 1,2 млрд. т (E. R. Gee, *Coal*, p. 108); по данным специального Индийского комитета по угольным месторождениям, в 1946 г. ресурсы высококачественного коксующегося угля в Индии оценивались приблизительно лишь в 700—750 млн. т («Report of the Indian coalfields' committee 1946», vol. I, New Delhi, 1947, pp. 20—21).

⁸⁸ Далее — Комитет.

⁸⁹ «Report of the Committee on conservation of metallurgical coal. May 1950» (далее — RCCMC), Delhi, 1951, p. 48.

те запасов угля в Ранигандже и Джхарии пласты, лежащие на глубине более 600 м (а во всех других месторождениях — на глубине более 300 м), обычно в расчет не принимались, так как до недавнего времени считалось, что добывать уголь на большой глубине технически затруднительно и экономически невыгодно. Между тем запасы угля, по-видимому, имеются и на глубине более 600 м от поверхности; современная же техника угледобычи позволяет разрабатывать угольные пласты и на большей глубине⁹⁰. Но на наш взгляд, данные геологии не позволяют надеяться на обнаружение очень больших новых ресурсов коксующегося угля, во всяком случае (что важно с точки зрения размещения новых металлургических заводов в будущем) за пределами долины Дамодара.

В этой связи следует упомянуть оценку запасов угля в Джхарии и Ранигандже, сделанную несколько лет назад сотрудниками Геологической службы Индии⁹¹. Согласно их подсчетам, ресурсы коксующегося угля всех типов в этих двух месторождениях на глубине до 600 м вчетверо больше, чем полагал Комитет.

За последние годы разведанные запасы угля действительно возросли. Однако в упомянутых работах не дана качественная оценка запасов, и, судя по материалам индийской специальной литературы, в которой новые данные не получили всеобщего признания, есть основания полагать, что эти подсчеты неточны и запасы спекающегося угля, видимо, преувеличены. Поэтому при дальнейшем изложении материала мы будем основываться на данных Комитета.

Как отмечается в докладе Комитета, далеко не весь уголь *in situ* может быть извлечен. В результате обвалов, пожаров и, главное, неэффективных, отсталых методов добычи потери угля в индийских месторождениях, как это признает и большинство других специалистов, составляют от одной трети до половины; в главных месторождениях (Джхария, Ранигандж) после эксплуатации в земле остается свыше половины угля. Особенно большое значение для более полного извлечения угля в Индии имеет закладка выработанного пространства песком (*sand-stowing*).

Комитет считает, что если при добыче угля совсем не применять закладку, то потери составят более половины и можно будет извлечь лишь около 1,3 млрд. т, тогда как при повсеместном и полном применении закладки можно было бы сократить потери до одной пятой, что позволило бы извлечь около 2,2 млрд. т (см. табл. 3). Дело в том, что пласты угля в месторождениях долины Дамодара нередко отличаются большой мощностью, часто превышающей 5—10, а иногда и 20 м. Такая толщина пласта вынуждает оставлять значительную часть угля в качестве подпорок, что не только влечет за собой основную часть потерь угля, но и служит причиной обвалов в шахтах. Кроме того, закладка в определенной мере косвенно содействует консервации ресурсов коксующегося угля, поскольку ее применение замедляет его добычу, которая значительно превышает потребности черной металлургии (см. ниже). Запасы песка, пригодного для закладки, имеются в достаточном количестве в непосредственной близости от месторождения Рани-

⁹⁰ Например, в месторождении Ранигандж в шахте Чинакури, принадлежащей «Бенгал коул компани», добыча угля ведется на глубине около 600 м, и, по-видимому, вскоре будут разрабатываться пласты и на большей глубине (см.: D. R. S. Mehta, *A revision of the geology and coal resources of the Raniganj coalfield*, p. 60).

⁹¹ D. R. S. Mehta, *A revision of the geology and coal resources of the Raniganj coalfield*; D. R. S. Mehta and B. R. Narayana Murthy, *A revision of the geology and coal resources of the Jharia coalfield*.

гандж⁹². Что касается Джхарии, то здесь можно будет брать песок и ил со дна водохранилищ, недавно построенных на Дамодаре⁹³.

Однако до сих пор вопреки расчетам Комитета закладка на индийских шахтах не нашла сколько-нибудь широкого применения, так как с нею связан рост себестоимости угля. Например, несмотря на попытки правительства ввести принудительную закладку, в 1957 г. она применялась только на 81 шахте из 830; в Джхарии с применением закладки было извлечено менее $\frac{1}{10}$ добытого коксующегося угля⁹⁴.

На шахтах Индии широко практикуются и другие хищнические, нерациональные методы добычи: выборочная разработка пластов более дорогого коксующегося угля; преимущественная разработка лучших пластов или даже только лучших частей пласта, тогда как уголь худшего качества оставляют в земле, и т. п. Все это в значительной мере объясняется тем, что главную роль в добыче угля в стране играет частный, главным образом английский капитал⁹⁵, заинтересованный прежде всего в получении максимальных прибылей. Не удивительно поэтому, что прогрессивные слои индийской общественности и, в частности, многие специалисты выдвигают требование принять меры по вытеснению частных компаний из угледобывающей промышленности, ликвидировать засилье иностранного капитала в этой отрасли и национализировать ее.

Значительная часть индийских углей, в том числе и коксующихся, отличается довольно высоким содержанием минеральных веществ, которое нередко превышает 20—25%⁹⁶. При этом в результате хищнической разработки малозольных углей их запасы все более истощаются; с другой стороны, расширение механизации добычи ведет к повышению средней зольности добываемого угля, составлявшей в 1953 г. около 20%⁹⁷. Желательной же в Индии считается зольность коксующегося угля не более 15%. Каждый лишний процент минеральных веществ в коксующемся угле, при прочих равных условиях, означает рост потребления кокса на 4—5%, а известняка — на 5% и уменьшение производительности доменных печей на 3—6%⁹⁸. Поэтому высокзольные спекающиеся угли нуждаются в обогащении, которое позволяет снизить содержание золы (а также и серы) в угле, усреднить его состав и улучшить спекаемость, повысить производительность доменных печей и несколько увеличить топливную базу черной металлургии Индии, а также повысить транспортабельность угля и соответственно разгрузить железные дороги Восточной Индии. Таким образом, в условиях Индии обогащение угля имеет большое народнохозяйственное значение и представляет важную проблему для угледобывающей промышленности.

Эта проблема весьма актуальна, потому что индийские металлургические заводы уже испытывают значительные затруднения. В настоящее время ощущается нехватка высококачественного коксующегося

⁹² См., например: E. R. Gee, *The geology and coal resources of the Raniganj coalfield*, — MGSI, vol. LXI, 1932, pp. 298—302.

⁹³ Тем более, что расчистка водохранилищ сама по себе необходима и неизбежна, так как реки несут в них так много взвешенного материала, что без специальной выемки песка и ила эти водохранилища будут вскоре ими заполнены и выйдут из строя.

⁹⁴ «Commerce», vol. XCVIII, 1959, № 2512, p. 801.

⁹⁵ Например, в 1955 г. на шахтах, принадлежащих частному сектору, было добыто 33,7 млн. т каменного угля, а на государственных шахтах — только 4,5 млн. т (см. «Commerce», vol. XCII, 1956, № 2361, p. 1055).

⁹⁶ Детальные сведения о качестве угля по шахтам и пластам угольных месторождений Восточной Индии см. в кн.: E. R. Gee, *Coal*, pp. 85—102.

⁹⁷ FRIN, vol. 5, 1955, № 1, p. 5.

⁹⁸ B. V. Engineer, *Principal mineral raw materials...*, p. 100; см. также: ICN, vol. 8, 1959, № 8, p. 70.

угля. Ее приходится восполнять, потребляя уголь низкого качества. За последние годы на металлургические предприятия страны поступает все более высокозольный уголь⁹⁹, что нарушает их нормальную работу. Как заявил директор ИАСКО, из-за низкого качества угля и известняка выплавка чугуна на заводах компании на 18—20% ниже установленной мощности, и в настоящее время доменные печи дают больше шлака, чем металла¹⁰⁰.

По данным Комитета, лишь 500 млн. т коксующегося угля в Индии имеют зольность ниже 15% и не нуждаются в обогащении; 750 млн. т коксующегося угля имеют зольность от 15 до 17%, а остальные 1500 млн. т — более 17%. Таким образом, свыше 80% всех запасов спекающихся углей требуют обогащения. Если обогащать все коксующиеся угли, содержащие 15% минеральных веществ, их реальные запасы уменьшаются до 2,1 млрд. т¹⁰¹ (табл. 4).

Т а б л и ц а 4
КОЛИЧЕСТВО УГЛЯ, КОТОРОЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛУЧЕНО
В РЕЗУЛЬТАТЕ ОБОГАЩЕНИЯ, млн. т*

Сорт угля	Содержание золы, %	Запасы, пригодные для экс- плуатации	Может быть по- лучено
«Selected A»	15 и менее	500	500
«Selected B»	15—17	750	600
«Grades I & II»	Более 17	1500	1000
Итого		2750	2100

* RCCMC, p. 50.

Предполагая, что внедрение передовых методов добычи угля и особенно закладки будет постепенно расширяться, Комитет подсчитал, что из этого количества (2,1 млрд. т) фактически может быть извлечено около 75%, т. е. около 1,6 млрд. т (в пересчете на уголь зольностью не более 15%).

В то же время Комитет признал возможным благодаря высокому качеству индийской железной руды использовать в доменном производстве кокс с содержанием золы до 22,5%, т. е. применять для коксо-

⁹⁹ Согласно заявлению президента Индийской ассоциации потребителей угля, только за 1959 г. зольность кокса, потребляемого в черной металлургии Индии, повысилась в некоторых случаях на 2% («Capital», vol. CXXXXIV, 1960, № 3593, p. 81).

¹⁰⁰ EMR, vol. XIII, 1960, № 8, p. 319.

¹⁰¹ Необходимо отметить, что в Индии обогащение коксующегося угля производится из расчета иметь концентрат с содержанием золы не более 15%, из которого можно было бы получить металлургический кокс с зольностью около 20% (RCCMC, p. 39—40). Например, на одном из углемечных заводов, принадлежащих ТАСКО, обогащается уголь, содержащий 18—22% золы, на другом — 20—24%; в первом случае выход концентрата с зольностью 13% составляет 85%, во втором — с зольностью 15%—76% (Н. Б. Арутюнов, И. Г. Горелик, Е. В. Гохман, *Черная металлургия капиталистических стран, ч. I, Техничко-экономический обзор*, М., 1956, стр. 550). Содержание фосфора и серы в концентрате не должно превышать соответственно 0,15 и 0,6%, чтобы из него можно было получить кокс, содержащий менее 0,2% фосфора и менее 0,6% серы (RCCMC, p. 39—40). Из-за высокого содержания фосфора в индийском коксе (и в результате в чугуне) бессемеровский способ выплавки стали не получил в Индии широкого применения; подавляющая часть стали выплавляется при помощи более дорогостоящего дуплекс-процесса: бессемеровский конвертор—основная марте-новская печь.

вания, не обогащая, уголь зольностью до 17%¹⁰², что значительно превышает нормы, обычно допускаемые в металлургии¹⁰³. Возможность использования такого угля (или концентрата) означает некоторое увеличение реальных топливных ресурсов¹⁰⁴.

Общие ежегодные потребности черной металлургии в обогащенном коксующемся угле к концу второго пятилетнего плана оцениваются приблизительно в 10,3 млн. т¹⁰⁵. Для удовлетворения этих потребностей за последние годы в долине Дамодара, в основном близ Джхари, развернулось строительство заводов по мокрому обогащению угля. В частном секторе для завода в Джамшедпуре были построены углеобогатительные предприятия в Джамадоба (близ Джхари) и в Западном Бокаро; эти заводы должны давать ежегодно 1,5 млн. т обогащенного угля. Около 0,44 млн. т даст заводам ИАСКО собственный углемоечный завод в Лодна (близ Джхари).

По второму пятилетнему плану было намечено построить пять государственных углеобогатительных предприятий: в Каргали (1,6 млн. т обогащенного угля в год, в том числе 1,1 млн. т для завода в Роуркеле и 0,5 млн. т для завода в Бхилаи), в Дугде (1,8 млн. т, главным образом для завода в Бхилаи, а также для Роуркелы), в Бходжудихе (0,9 млн. т для завода в Джамшедпуре), в Патхердихе (1,8 млн. т для заводов ИАСКО) и в Дургапуре (1,2 млн. т для завода в Дургапуре) общей годовой мощностью около 7,3 млн. т обогащенного угля¹⁰⁶. Они должны были быть введены в строй одновременно с новыми металлургическими заводами. Однако строительство предприятий по обогащению угля идет медленнее, чем предполагалось. Построены лишь завод в Каргали, рассчитанный на обогащение 2,2 млн. т сырого угля в год, и завод в Дургапуре¹⁰⁷. По-видимому, к 1960/61 г. с опозданием будут закончены еще два завода, два же остальных будут введены в строй лишь в годы третьего пятилетнего плана. Поэтому к концу второго пятилетнего плана черная металлургия Индии получит не 9—10 млн. т обогащенного угля в год, как ожидалось, а, видимо, лишь около 4 млн. т¹⁰⁸. Тем не менее можно предполагать, что в течение ближайших лет будет построено достаточное количество углемоечных заводов, чтобы выполнить задачу, поставленную правительством Индии,—обогащать весь добываемый в стране коксующийся уголь.

¹⁰² RCCMC, pp. 38—39, 43.

¹⁰³ Н. Б. Арутюнов, И. Г. Горелик, Е. В. Гохман, *Черная металлургия капиталистических стран*, ч. 1, стр. 548—549.

¹⁰⁴ По данным табл. 4, можно подсчитать, что пригодные для металлургии запасы угля *in situ* возрастут на 150 млн. т (750 млн. т минус 600 млн. т), из которых может быть извлечено около 75%, т. е. около 110—120 млн. т. Один из членов Комитета считает, что чугун из индийской железной руды целесообразно выплавлять на коксе даже с еще более высоким содержанием золы; несмотря на то что при этом производительность доменных печей несколько снизится, это, по его мнению, оправдано из-за нехватки ресурсов коксующегося угля (см. RCCMC, pp. 73—74).

¹⁰⁵ Эти потребности (в млн. т) распределяются следующим образом: завод в Роуркеле — около 1,6; завод в Дургапуре — около 1,8; завод в Бхилаи — около 1,7; завод в Джамшедпуре — около 2,4; заводы в Култи и Бурнпуре — около 2,2; коксохимический завод в Дургапуре — около 0,5 (см. FRIN, vol. 7, 1957, № 2, p. 53).

¹⁰⁶ См.: R. M. Krishnan, K. N. Srivastava, T. Banerjee, *The development of iron and steel industry in India's five year plans*, — ICN, vol. 8, 1959, № 8, p. 344; G. G. Sarkar and A. Lahiri, *Preparation of coking coals in central washeries for the steel plants in second five year plan period*, — «Journal of mines, metals & fuels», vol. VII, 1959, № 6, pp. 1—8.

¹⁰⁷ См., например: «Commerce», vol. XCVIII, 1959, № 2508, p. 635; *ibid.*, vol. C, 1960, № 2558, p. 589.

¹⁰⁸ «Commerce», vol. C, 1960, № 2545, p. 1; «Urgent need to raise coal output». In: «Annual review of trade, commerce and industry» («Capital», vol. CXXXIII, 1959, № 3589, suppl.), p. 139; см. также: БИКИ, 24 марта 1960 г.

Попутно отметим, что после обогащения угля на углемоечных заводах остается значительное количество (до 30—40%)¹⁰⁹ отходов, в том числе промпродукт (middlings), содержащий в среднем около 35—40% золы и пригодный для сжигания в топках ТЭС¹¹⁰. Поэтому побочные продукты обогащения угля могут стать важной опорой дальнейшего роста энергетики Восточной Индии, не сопровождающегося ростом потребления высококачественного угля. Это в свою очередь поможет электрифицировать железные дороги Восточной Индии, что не только повысит их пропускную способность, но и избавит от значительных расходов высококачественного угля, ныне сжигаемого в топках паровозов.

Некоторые слабококующиеся или даже сами по себе не кокующиеся индийские угли (особенно в месторождении Ранигандж) при смешении с определенными сортами сильнококующихся углей способны давать хороший металлургический кокс. Как показывают недавние исследования индийских ученых¹¹¹, смешивание различных типов угля — реальный путь к увеличению топливных ресурсов черной металлургии Индии.

В Индии делаются попытки использовать эти возможности. Например, металлургический завод в Дургапуре рассчитан на коксование обогащенной смеси, составленной на 75% из слабококающегося раниганджского угля (пласты Лайкдих-Рамнагар и Дишергарх) и лишь на 25% из сильнококующегося джхарийского угля; кокс на коксохимическом заводе в Дургапуре будут получать из смеси, состоящей на 75% из угля Раниганджа и на 25% из спекающегося угля Гиридиша¹¹². Такого рода мероприятия помогут уменьшить расходование высококачественного спекающегося угля Джхарии. Принимая соотношение коксующегося и некоксующегося угля в пригодной для коксования смеси в среднем как 4 : 1, Комитет полагает, что реальные запасы угля могут увеличиться на одну пятую, т. е. к первоначальному количеству коксующегося угля, которое может быть извлечено (1,6 млрд. т), можно добавить около 0,4 млрд. т угля, самого по себе для получения металлургического кокса непригодного.

Итак, по мнению Комитета, если весь коксующийся уголь будет добываться современными методами (особенно с применением закладки) и если весь добытый уголь будет обогащаться и смешиваться со слабококующимся или некоксующимся углем, черная металлургия страны

¹⁰⁹ Большинство индийских коксующихся углей при снижении зольности на 1% дает в среднем 5% отходов (см. A. Lahiri, *Problem of coal utilization*, — EMR, vol. XII, 1959, № 1, p. 32).

¹¹⁰ Например, углемоечный завод в Каргали уже снабжает отходами крупную ТЭС в Бокаро. Решено также построить ТЭС при заводах в Дугда (в Чандрапуре, мощностью 125 тыс. кВт) и в Дургапуре (см. S. K. Majumdar, A. Lahiri, *Mass handling of materials*, — ICN, vol. 8, 1959, № 8, p. 457). Углемоечный завод в Патхердихе также даст ежегодно 0,75 млн. т промпродукта; этого количества достаточно для питания ТЭС мощностью около 200 тыс. кВт (FRIN, vol. 7, 1957, № 2, p. 53).

¹¹¹ См.: A. Lahiri, N. N. Das Gupta, T. N. Basu, *Some aspects of preparation of coal for coking (II)*, — ICN, vol. 8, 1959, № 8, p. 286—289; N. N. Das Gupta, K. Y. Shrikhande, V. V. Rao, *The problem of supply of coal for the new steel plants*, — *ibid.*, pp. 467—482; A. Lahiri, *Coke from non-coking coals*, — «The coalfield times», vol. X, 1957, № 40, pp. 11—14; D. C. Driver, *Bengal's sun is rising in the West*, — EMR, vol. X, 1957, № 1, p. 88; EMR, vol. IX, 1956, № 35, p. 857; «Metallurgical coke from Raniganj coals», Jealgora, s. a.

¹¹² FRIN, vol. 7, 1957, № 2, p. 53. — По более поздним данным, в смеси, которая будет использоваться для коксования на коксохимическом заводе в Дургапуре, коксующийся уголь составит не более 20% (см.: «Commerce», vol. XCVIII, 1959, № 2504, p. 438; A. Lahiri, *Problem of coal utilization*, p. 33).

сможет рассчитывать на получение в общей сложности 2 млрд. т угля, пригодного для производства металлургического кокса¹¹³.

Исходя из того, что во время подготовки Комитетом доклада слабо-развитая металлургическая промышленность Индии, выплавлявшая около 1,4 млн. т стали, потребляла примерно 3,5 млн. т спекающегося угля в год, Комитет подсчитал, что если в ближайшие 50 лет выплавка стали возрастет не более чем в десять раз (т. е. в 2000 году не превысит 14 млн. т), то ресурсов коксующегося угля для черной металлургии страны хватит не более чем на 55 лет, — и это при условии проведения всех тех мероприятий по рационализации добычи и использования угля, о которых говорилось выше.

Однако даже этот довольно неутешительный прогноз явно преувеличивает возможности черной металлургии Индии.

Во-первых, в своем прогнозе Комитет исходил из предположения, что черная металлургия явится единственным потребителем всего добываемого в стране спекающегося угля. Выше уже говорилось о хищнических методах добычи угля. К этому следует добавить, что, несмотря на ограниченность запасов коксующегося угля, его добыча намного превышает потребности в нем металлургической и коксохимической промышленности. Ныне правительством Индии принимаются меры по ограничению и даже запрещению потребления спекающегося угля всеми отраслями промышленности и транспорта, кроме черной металлургии и коксохимии, и к переводу их на некоксующийся и по возможности высокозольный уголь¹¹⁴. Но, несмотря на это, коксующийся уголь по-прежнему используется поистине расточительно. Например, в 1953/54 г. из 36,8 млн. т добытого каменного угля около 14 млн., т. е. более одной трети, приходилось на высококачественный коксующийся уголь. Из этих 14 млн. т в черной металлургии было использовано лишь около 3,5 млн. т¹¹⁵. В 1957 г. более 50% добытого спекающегося угля марок «selected A» и «selected B» и более 80% угля марок «grade I» и «grade II» было использовано в отраслях, в которых возможно применение низкокачественного угля¹¹⁶. Кроме того, испытывая в последние годы значи-

¹¹³ Представляет также интерес применение специальной химической обработки некоксующегося угля (см., например: L. D. Ahuja, J. N. Sharma, K. A. Kini & A. Lahiri, *Conversion of a non-coking coal into coking type by partial hydrogenation*, — *Journal of scientific & industrial research*, vol. 17A, 1958, № 1, pp. 27—29). Дальнейшие исследования свойств различных сортов угля и способов их химической обработки, очевидно, дадут черной металлургии Индии дополнительные возможности. Однако, насколько эти возможности велики, судить трудно, тем более что в значительной мере проводившиеся исследования пока не вышли за пределы лабораторных опытов.

¹¹⁴ Например, правительство Индии решило переводить все ТЭС мощностью 10 тыс. квт и выше на сжигание угля зольностью не менее 35% (см. «Bhagirath», vol. III, 1957, № 12, p. 562). Кстати, отметим, что примерно такой зольностью обладает промпродукт (см. раздел, посвященный обогащению угля).

¹¹⁵ «Commerce», vol. XCII, 1956, № 2346, p. 297. — В то же время железные дороги ежегодно потребляют около 4,7 млн. т коксующегося угля (B. V. Nijhawan, *Iron and steel industry in India*, — ICN, vol. 8, 1959, № 8, p. 322). К этому можно лишь добавить, что такое расточительное отношение к спекающемуся углю характерно для угольной промышленности Индии издавна. Например, в 20-х годах, когда ежегодная добыча угля составляла около 20 млн. т, на коксующийся уголь приходилось опять-таки около 14 млн. т, т. е. примерно 70%. В те годы уголь высшего качества использовался даже для производства кирпича (см. J. N. Mookherjee, *Coal industry in India*, — «Journal of mines, metals & fuels», vol. VII, 1959, № 12, p. 6).

¹¹⁶ «Commerce», vol. XCVIII, 1959, № 2512, p. 801. — Можно добавить и о нерациональном использовании полукоксующегося угля. Например, из пласта Дишергарх (месторождение Ранигандж) ежегодно добывается около 1,5 млн. т угля, пригодного для коксования в смеси со спекающимся углем. До самого недавнего времени уголь из этого пласта почти целиком сжигался на ТЭС и в топках паровозов (FRIN, vol. 7, 1957, № 2, p. 53).

тельные финансовые затруднения, правительство Индии, стремясь увеличить приток иностранной валюты и всячески поощряя для этого экспорт индийских товаров, вынуждено также содействовать и вывозу коксующегося угля, несмотря на то что это связано с ущербом для черной металлургии¹¹⁷. Таким образом, до сих пор около $\frac{3}{4}$ добываемого в стране спекающегося угля используется как топливо на транспорте, в ТЭС, в различных отраслях промышленности, где можно использовать и некоксующийся уголь. Поэтому истощение запасов коксующегося угля происходит гораздо быстрее, чем предполагал Комитет.

Во-вторых, прогноз Комитета о том, что ресурсов спекающегося угля хватит не более чем на 55 лет, основывался на весьма спорном предположении, что в ближайшие 50 лет ежегодная выплавка стали в Индии не превысит 14 млн. т. Между тем, как говорилось выше, ожидается, что уже к 1970/71 г. ежегодные потребности Индии в стали возрастут примерно до 17 млн. т, и вполне вероятно, что уже в начале 70-х годов выплавка стали в стране превысит 15 млн. т в год.

За последнее время в индийской печати опубликован ряд оценок роста потребления коксующегося угля черной металлургией страны в ближайшие десятилетия¹¹⁸. Не вдаваясь в детали, отметим, что, хотя эти прогнозы несколько преувеличивают темпы роста добычи и потребления спекающегося угля¹¹⁹, они все же представляют интерес и так или иначе свидетельствуют о том, что прогноз о расходовании ресурсов коксующегося угля, сделанный Комитетом, явно недооценившим будущие темпы развития черной металлургии Индии, был слишком оптимистичен.

Вот некоторые приблизительные подсчеты. По-видимому, в начале 70-х годов выплавка стали в Индии составит 15—20 млн. т в год, для чего потребуется ежегодно 13—17 млн. т твердого металлургического кокса. Такое количество кокса можно получить примерно из 21—28 млн. т обогащенного коксующегося угля, что соответствует приблизительно 30—40 млн. т сырого угля.

Даже если допустить, что потребление спекающегося угля к этому времени можно будет сократить в полтора раза путем широкого внедрения в практику всех новейших научно-технических достижений (максимально возможное смешивание спекающегося угля с неспекающимся, использование кокса размером менее стандартного, использование угольной мелочи и т. д.)¹²⁰, для черной металлургии потребуется все же не менее 20—27 млн. т сырого угля.

¹¹⁷ В 1958 г. было принято решение экспортировать 500 тыс. т металлургического угля в год (в дополнение к ежегодному вывозу 2,5 млн. т угля) (см.: «Indian mining journal», vol. VI, 1958, № 11, p. 18; EMR, vol. XI, 1958, № 33, p. 1015; «The times of India», 24.IX.1958). В 1960 г., несмотря на неоднократно высказывавшееся мнение о том, что это нецелесообразно, экспорт коксующегося угля было решено продолжать (см. «Commerce», vol. C, 1960, № 2552, p. 323). В связи с этим определенным интерес представляет предложение вывезти не коксующийся уголь, а кокс, полученный из смеси спекающегося и неспекающегося угля (FRIN, vol. 9, 1959, № 1, p. 24).

¹¹⁸ См., например: A. Lahiri, *Energy in India. A pattern of zonal development*, — EMR, vol. X, 1957, № 1, pp. 95—100; «Assessment of energy requirement for India», — FRIN, vol. 8, 1958, № 4, pp. 106—115; A. Lahiri, A. Ghosal, N. C. Sinha, *Assessment of hard coke requirements in India*, — ICN, vol. 7, 1958, № 11, pp. 370—374, и др.

¹¹⁹ Они составлялись в то время, когда считалось, что черная металлургия Индии будет развиваться быстрее, чем это предполагается сейчас. В свое время, например, утверждалось, что уже к концу третьего пятилетнего плана ежегодная выплавка стали в стране составит 15 млн. т (см., например: «Capitals», vol. CXXX, 1958, № 3499, p. 337; EMR, vol. IX, 1956, № 36, p. 877) и даже 18 млн. т (EMR, vol. IX, 1956, № 31, p. 787).

¹²⁰ См. A. Lahiri, N. N. Das Gupta, T. N. Basu, *Some aspects of preparation of coal for coking (II)*, p. 289.

В настоящее время разведанные запасы высококачественного коксующегося угля, которые могут быть извлечены при условии внедрения рациональных методов добычи, составляют, по данным Комитета, около 1,6 млрд. т (в пересчете на уголь зольностью не более 15%). Если смешивание спекающегося угля с неспекающимся будет широко применяться, реальные запасы можно принять в 2 млрд. т.

Как говорилось выше, с начала 70-х годов для удовлетворения потребностей черной металлургии Индии ежегодно придется добывать около 30—40 млн. т (в лучшем случае 20—27 млн.) коксующегося угля. Если при этом закладка найдет широкое применение хотя бы на половине шахт, то потери при добыче составят около одной трети. В таком случае ежегодное расходование запасов спекающегося угля с начала 70-х годов составит около 45—60 млн. т (возможно, около 30—40 млн.), и, как показывает простой расчет, черная металлургия Индии сможет рассчитывать на собственные топливные ресурсы лишь в течение 35—45, максимум 50—65 лет.

Однако, основываясь на реальных фактах, трудно предположить, например, что в ближайшее время в условиях преобладания в угледобывающей промышленности Индии частных компаний будут приняты все необходимые меры по внедрению закладки и других рациональных методов добычи. Если вспомнить, что половина угля, разрабатываемого в Джхари и Ранигандже, остается в земле, то можно предположить, что ежегодное расходование ресурсов спекающегося угля с начала 70-х годов составит от 40—50 млн. до 60—70 млн. т.

Маловероятно также, чтобы к этому времени смешивание коксующегося и некоксующегося углей приняло бы широкий размах. Однако есть основания сомневаться в том, что различные сорта угля будут рационально распределяться между соответствующими потребителями и что в скором времени другие отрасли промышленности и транспорта, кроме черной металлургии, перестанут потреблять коксующийся уголь.

Иными словами, те идеальные условия добычи и потребления коксующегося угля, наличие которых при подсчете мы допускали, вряд ли будут созданы в ближайшие годы.

Наконец, у нас нет никаких оснований полагать, что выплавка черных металлов в Индии в условиях общего подъема экономики и быстрого развития промышленности, энергетики, гидростроительства, транспорта сохранится на уровне 15—25 млн. т стали в год и не будет расти и в дальнейшем.

При этом мы еще не учитывали, что металлургические заводы выплавляют не только передельный, но и литейный чугун, производство которого, несомненно, также будет расти.

Все это означает, что на самом деле неизбежен еще больший рост извлечения (и потерь!) коксующегося угля, чем это нами предполагалось. Поэтому не исключено, что собственных запасов технологического топлива для черной металлургии Индии хватит лишь на 30—35 лет.

Этот срок можно будет увеличить втрое-вчетверо, если оценка ресурсов угля, сделанная Д. Р. С. Мехтой и Б. Р. Нараяна Мурти (см. выше), окажется близкой к истине.

Эти расчеты приводятся не для того, чтобы с возможно большей точностью определить число лет, в течение которых черная металлургия Индии сможет рассчитывать на собственные топливные ресурсы. Естественно, наша оценка, как и прогноз, данный Комитетом, не может претендовать на большую точность, ибо мы имеем дело с решением уравнения со многими неизвестными. Хочется лишь подчеркнуть, что запасы коксующегося угля в Индии крайне ограничены и что обеспече-

ние индийской металлургической промышленности технологическим топливом представляет для экономики страны жизненно важную и актуальную проблему. В этой ситуации, как считают многие индийские специалисты, абсолютно необходимы самые решительные и эффективные мероприятия по рационализации добычи и потребления спекающегося угля. Но и эти мероприятия, по нашему мнению, не могут явиться радикальным средством — они лишь несколько отсрочат неумолимо advancing топливный кризис.

В Индии, правда, стараются решить эту проблему другим путем. За последние годы в стране большое внимание уделяется попыткам разработать технологию таких способов выплавки металла, при помощи которых можно было бы обойтись без коксуемого угля. Последствия удачного решения этой задачи трудно переоценить: новые способы поставили бы на службу металлургии значительные ресурсы некоксуемых каменных углей (в том числе, что очень важно, ресурсы, имеющиеся за пределами Восточной Индии), лигнитов и, разумеется, местных запасов железных руд. Все это, с одной стороны, увеличило бы реальную топливно-сырьевую базу черной металлургии, а с другой — дало бы возможность на базе местных ресурсов разместить металлургические предприятия Индии более равномерно.

На упоминавшемся выше заводе в Бхадравати (Майсур) для выплавки чугуна и стали используются древесный уголь и гидроэнергия. Однако возможности строительства заводов, работающих на древесном угле, крайне ограничены из-за нехватки лесов в Индии. Не получило пока сколько-нибудь широкого развития и электродоменное производство.

Изучается, в частности, вопрос о строительстве мелких металлургических предприятий. Особенно большие надежды индийские металлурги возлагают на низкошахтные печи, позволяющие использовать для выплавки металла некоксуемый уголь¹²¹. Опытная печь подобного типа производительностью около 15 т чугуна в сутки введена в строй при Национальной металлургической лаборатории Индии в Джамшедпуре; на ней успешно изучаются возможности выплавки чугуна на высокозольных некоксуемых углях и из низкосортных железных руд¹²². Несколько мелких низкошахтных печей производительностью от 7 тыс. до 15 тыс. т чугуна в год каждая было намечено построить в период второго пятилетнего плана в Южной Индии и в Ориссе¹²³.

В связи с этим большой интерес в Индии проявляют к так называемой малой металлургии. Возможно, строительство мелких полу-

¹²¹ A. B. Chatterjea, B. R. Nijhawan, *Low shaft furnace smelting of pig iron in India*, — ICN, vol. 8, 1959, № 8, pp. 244—251.

¹²² EMR, vol. XII, 1959, № 3, p. 223. — Недавно в этой печи была произведена выплавка литейного чугуна приемлемого качества целиком на некоксуемом угле из Раниганджа. Предполагалось также начать опыты по выплавке чугуна из магнетитовых железных руд дистрикта Салем на лигнитах из крупного месторождения Нейвели дистрикта Южный Аркот в Мадрасе (см. EMR, vol. XIII, 1960, № 12, p. 399). Успешные опыты в этом направлении проводятся и в Центральном институте исследования топлива, где, в частности, доказана возможность получения из лигнитов и магнетитов ферро-коксовых брикетов, достаточно прочных для выплавки металла в низкошахтных печах (см. H. C. Nandi & M. S. Iyengar, *Ferro-coke from lignite & magnetite ores of South India*, — «Journal of scientific & industrial research», vol. 19A, 1960, № 2, pp. 84—87). В августе 1959 г. в Барабиле (Орисса) вошла в строй первая низкошахтная печь мощностью 120—150 т чугуна в сутки («Journal of mines, metals & fuels», vol. VII, 1959, № 9, p. 29).

¹²³ См. EMR, vol. XI, 1958, № 12, p. 460; PID, p. 10. — Недавно правительство Андхра-Прадеша пригласило экспертов из ГДР для изучения возможности строительства металлургического завода на базе угля и руды Сингарени (БИКИ, 10 мая 1960 г.).

кустарных печей по китайскому образцу будет предпринято в Байладила, в дистрикте Бастар (Мадхья-Прадеш) ¹²⁴.

Давно обсуждается также проблема сооружения на базе магнетитов Салема и лигнитов Нейвели более крупного металлургического завода, строительство которого в свое время было рекомендовано, в частности, экспертами западногерманского концерна Круппа. Недавно правительство Индии создало специальный технический комитет по этому вопросу в связи с разработкой третьего пятилетнего плана ¹²⁵.

Пока что новый экономичный способ выплавки высококачественных чугуна и стали в массовом количестве на некоксующемся угле не получил распространения, и основой черной металлургии по-прежнему остается металлургия на коксующемся угле.

Таким образом, из сказанного выше можно сделать следующий вывод: по-видимому, черная металлургия Индии стоит перед лицом топливного кризиса, в результате которого в недалеком будущем металлургические заводы страны будут вынуждены перейти в основном или частично на импортный уголь со всеми вытекающими отсюда последствиями.

* * *

Остановимся теперь на другой важной особенности топливно-сырьевой базы черной металлургии Индии, также представляющей серьезную проблему для страны. Эта особенность заключается в том, что, в то время как месторождения сырья, как правило, более или менее рассредоточены по всей стране, все месторождения коксуемого угля сконцентрированы на небольшом участке в долине Дамодара.

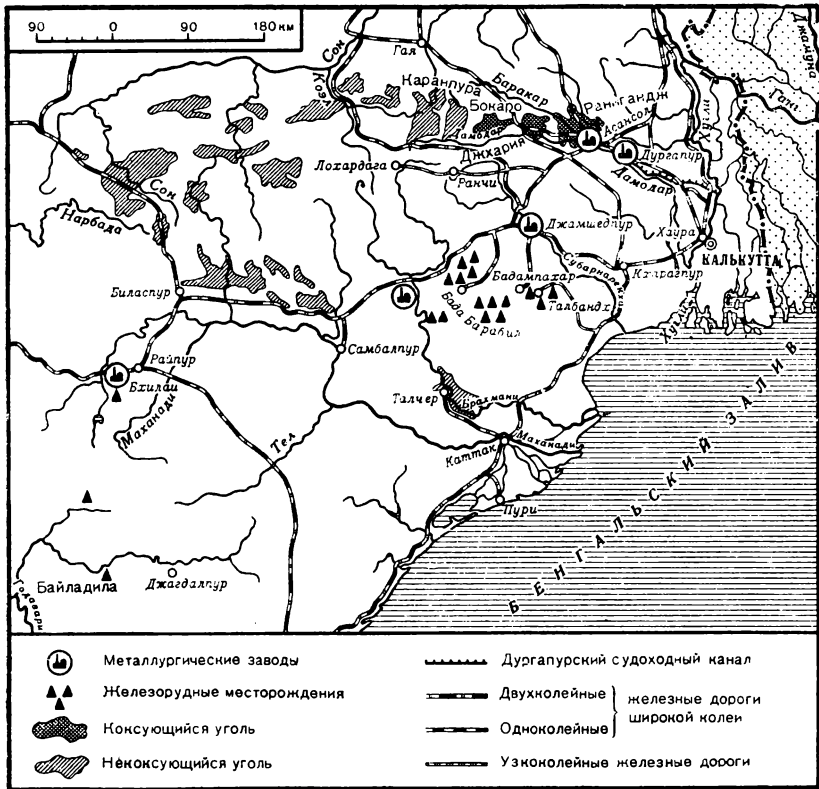
Современное крупное производство металла, основанное преимущественно на выплавке чугуна в доменных печах и стали — в бессемеровских и мартеновских печах, базируется на потреблении большого количества сырья и топлива. По подсчетам индийских металлургов, для производства 1 млн. т стали в Индии требуется более 4550 тыс. т различных видов сырья и топлива ¹²⁶, из которых большая часть приходится на железную руду и коксующийся уголь (т):

Железная руда	1913	Мартеновский флюс	57
Коксующийся уголь	1565	Огнеупорный кирпич	26
Паровичный уголь	365	Другие огнеупоры	17
Доменный флюс	509	Жженный магнезит	9
Сырой доломит	90		

¹²⁴ EMR, vol. XI, 1958, № 39, p. 1145. — Недавно правительство Индии дало разрешение на строительство семи небольших доменных печей, главным образом в Западной и Южной Индии. Незадолго до того еще две печи, построенные по рекомендации специальной индийской делегации, посетившей Китай в 1959 г., вступили в строй в Мадрасе и Ориссе (ibid., vol. XIII, 1960, № 16, p. 488).

¹²⁵ «Commerce», vol. C, 1960, № 2547, p. 101. — В печати часто высказывались большие сомнения относительно экономичности такого завода. Однако недавно его строительство было рекомендовано группой экспертов из ГДР, представивших предварительный доклад по этому вопросу правительству Мадраса. В докладе предложено построить сначала шесть низкошахтных печей общей мощностью 300 тыс. т чугуна в год, а затем еще четыре и довести мощность завода до 540 тыс. т. Эксперты считают, что это предприятие будет рентабельным (EMR, vol. XIII, 1960, № 16, p. 487). Проект строительства низкошахтного завода был предложен правительству Мадраса также западногерманской фирмой «Демат» (EMR, vol. XIII, 1960, № 41, p. 1113). Рассматривается также вопрос о строительстве в Нейвели завода по производству лигнитового кокса («Capital», vol. CXXXIII, 1959, № 3590, p. 893).

¹²⁶ Металлургический завод производительностью 1 млн. т стали в год требует не менее 3—5 куб. м воды в секунду (а с учетом потребностей побочных производств, например коксохимии, воды расходуется в полтора раза больше) (см. «Location of iron and steel plants», — «Science and culture», vol. 19, 1953, № 1, pp. 10—20). Наличие

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ, УГОЛЬНЫЕ И ЖЕЛЕЗОРУДНЫЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ

Поскольку готовую продукцию (сталь) транспортировать гораздо легче, чем необходимые для ее производства сырье и топливо, металлургические заводы, естественно, имеют тенденцию размещаться ближе к месторождениям железной руды и коксующегося угля¹²⁷. Прилегающие друг к другу территории Бихара, Западного Бенгала и Ориссы являются единственным в стране районом, располагающим одновременно и коксующимся углем, и железной рудой. Одно это ставит Восточную Индию в исключительно благоприятное положение по сравнению с

или отсутствие достаточных ресурсов воды также является очень важным фактором при выборе места строительства крупных металлургических заводов. Не случайно, например, до сих пор ни один завод не построен в районе главного месторождения коксующегося угля — Джхарии — и в верховьях Дамодара; в долине Дамодара заводы построены лишь в нижнем течении реки Дамодар, где после слияния с Баракаром она делается более полноводной. Строительство завода в районе Джхарии и Бокаро стало возможным благодаря сооружению в долине Дамодара плотин и объемистых водохранилищ.

¹²⁷ О размещении металлургических заводов Индии см.: Т. Р. Шарма, *Размещение промышленности в Индии*, М., 1958, стр. 150—173; М. М. Mehta, *Structure of Indian industries (A statistical study in the size, location and integration of industrial units in the seven selected industries of India, viz., cotton, jute, sugar, iron and steel, coal, paper and cement)*, Bombay, 1955, pp. 172—177; «Location of iron and steel plants», pp. 10—20; A. Deb, *Location of the new steel plant*, — «Geographical review of India», vol. XV, 1953, № 4, pp. 33—41; A. Singh, *The site illustration of iron and steel and allied ferro-alloy industry with reference to Sambalpur, Orissa*, — «Bulletins of the Geological, Mining and Metallurgical Society of India», 1956, № 15, pp. 1—5; P. P. Karan, *Locational pattern of the new centers of the Indian iron and steel industry*, — «The journal of geography», vol. LVI, 1957, № 8, pp. 366—374, и др.

другими районами страны. Это, однако, не единственное, хотя и самое основное, ее преимущество. Месторождения железной руды, расположенные в Бихаре и Ориссе, — крупнейшие в стране. Они легко доступны для разработки, отличаются высоким качеством и, главное, удалены от месторождений коксующегося угля лишь на 200—250 км — явление, встречающееся довольно редко. К тому же в Восточной Индии имеется значительный и устойчивый местный рынок потребления металла в лице крупных промышленных центров Большой Калькутты, долины Дамодара, Джамшедпура и др., а близость морского побережья обеспечивает возможность экспортировать металл.

Наконец, дополнительным существенным фактором, способствующим концентрации черной металлургии именно в Восточной Индии, особенно в районах угледобычи, служат транспортные условия в стране. Это лучше всего проиллюстрировать на примере железнодорожных перевозок угля.

Все крупные металлургические заводы Восточной и Центральной Индии обслуживаются в основном Юго-восточной железной дорогой, которую в печати так и называют «дорогой металлургических заводов». По завершении строительства и расширении этих заводов, намеченном по второму пятилетнему плану, грузооборот дороги резко возрастет: ежегодно по ней будет перевозиться более 26 млн. т различного вида металлургического сырья и топлива и около 5,5 млн. т готовой продукции¹²⁸. Кроме того, ожидается дальнейший рост перевозок некоксующегося угля, цемента, удобрений, бумаги и т. п.

В долине Дамодара, где имеются возможности для еще большего развития черной металлургии, загруженность железных дорог столь велика, что это даже создает серьезные затруднения для дальнейшего строительства здесь крупных металлургических заводов. Поэтому становится понятным большое значение Дургапурского судоходного канала¹²⁹.

Уже в настоящее время железные дороги страны, особенно в Восточной Индии, не справляются с перевозками угля (как и других массовых грузов). При этом рост добычи угля опережает рост пропускной способности дорог и общей вместимости имеющихся в наличии вагонов, и трудности по вывозу уже добытого угля к местам потребления ныне приняли хронический характер. За годы второго пятилетнего плана потребность в железнодорожных вагонах для перевозок угля в Бихаре и Западном Бенгале неуклонно растет¹³⁰.

1955 г.	1956/57 г.	1958/59 г.	1960/61 г.
3262	3675	4603	5016

В то же время растет и их нехватка. На шахтах накапливается добытый уголь, вывезти который нет никакой возможности. Например, в 1957 г. добыча угля превысила его отгрузку на 3,3 млн. т¹³¹.

К тому же предпологаемое в дальнейшем использование во всех отраслях промышленности (кроме металлургической) по возможности высококачественного некоксующегося угля неизбежно приведет к еще боль-

¹²⁸ «Commerce», vol. XCVIII, 1959, № 2504, p. 457.

¹²⁹ См. D. C. Driver, *The importance to West Bengal of the Durgapur navigational canal*, — «The coalfield times», vol. II, 1958, № 40, pp. 9—10.

¹³⁰ «Commerce», vol. XCVI, 1958, № 2448, p. 269.

¹³¹ «Economic survey of Asia and the Far East 1958», United Nations Organization, Bangkok, 1959, p. 111.

шей загруженности железных дорог, так как низкокачественный уголь потребуется в относительно большем количестве. Между тем нет большой уверенности в том, что железные дороги справятся с перевозками всего добываемого угля. Здесь уместно еще раз отметить необходимость уравновесить процесс увеличения использования высокозольного угля обогащением последнего в массовых масштабах. Это мероприятие позволило бы освободить транспорт от нерациональных перевозок балласта. Среди других мер, направленных на повышение пропускной способности железных дорог Восточной Индии, важная роль принадлежит электрификации железных дорог. Электрификация поможет сократить использование и особенно перевозки высококачественного угля (так как на ТЭС можно сжигать и высокозольный уголь) и утилизировать промпродукт, полученный в результате обогащения угля. Но главный путь увеличения пропускной способности железных дорог — это, конечно, новое строительство. Намечено соединить три новых металлургических завода двухпутными ширококолейными линиями и построить ряд путей, которые свяжут эти заводы с месторождениями угля и сырья¹³². Некоторые из этих линий уже вступили в строй, например 67-километровая дорога Чандрапура — Мури (часть 295-километровой линии Чандрапура — Ранчи — Бондамунда). По завершении строительства эта дорога свяжет угольные месторождения Дамодара с заводами в Рорхеле и Бхилае¹³³.

Кроме того, транспортировка угля из-за высоких тарифных ставок на его перевозку обходится так дорого, что, в то время как в Бихаре и Западном Бенгале стоимость тонны коксующегося угля составляет 19—21 рупию, в Бомбее промышленные потребители вынуждены платить 76, а в Мадрасе — даже 82 рупии¹³⁴. Перевозка угля комбинированным железнодорожно-морским путем обходится еще дороже. Например, стоимость угля, перевезенного из Западного Бенгала в Мадрас по железной дороге и морем, вдвое выше стоимости угля, транспортированного только по железной дороге¹³⁵. Иными словами, стоимость транспортировки коксующегося угля на большие расстояния нередко в несколько раз превосходит стоимость угля на месте его добычи¹³⁶.

Таким образом, недостаточная пропускная способность железных дорог и характер железнодорожных тарифов еще более усугубляют недостатки размещения топливных ресурсов в Индии.

¹³² D. N. Chopra, *Construction activity of South Eastern Railway in 1957—1958*, — ICN, vol. 7, 1958, № 10, pp. 12—16; см. также другие статьи в этом номере журнала.

¹³³ «Commerce», vol. XCIX, 1959, № 2538, p. 801. — На этой дороге на участке Чандрапура — Мури расположено место, где будет построен металлургический завод в Бокаро.

¹³⁴ «Indian trade journal», vol. 205, 1958, № 8, p. 653 (данные на август 1958 г.). См. также: «The price of coal», — «The Eastern economist blue supplement», vol. II, № 11, 1956, p. III; «The Eastern economist», vol. XXVII, 1956, № 4; «The Eastern economist», vol. XXIX, 1957, № 1, pp. 17—19.

¹³⁵ «Economic survey of Asia and the Far East, 1958», p. 112.

¹³⁶ Предложение выровнять цены на уголь в различных районах страны после специального всестороннего изучения было отвергнуто Центральным институтом исследования топлива, в частности, на том основании, что выравнивание цен не будет стимулировать использование местных топливно-энергетических ресурсов (низкокачественный каменный уголь, лигнит, торф и т. п.) за пределами Восточной Индии; в самой же Восточной Индии такие отрасли промышленности, как производство электроэнергии, металлургическая, цементная, химическая, джутовая и другие, для которых уголь особенно необходим, могут пострадать от его нехватки или от значительного роста цен на уголь. Подробнее об этом см.: «Equalization of coal price in India», — FRIN, vol. 7, 1957, № 2, pp. 48—49; «The Eastern economist», vol. XXIX, 1957, № 1, pp. 17—19; «Coal price and industry», — FRIN, vol. 5, 1955, № 4, pp. 98—103.

Итак, ряд факторов прямо или косвенно препятствует сдвигам в размещении крупных металлургических заводов, затрудняет их строительство за пределами Восточной Индии (точнее — за пределами Южного Бихара, Северной Ориссы и прилегающей территории Западного Бенгала). Некоторая дисперсия черной металлургии, конечно, может произойти (в основном за счет районов, расположенных по соседству с Южным Бихаром и Северной Ориссой). Отчасти она уже произошла, примером чему служит сооружение завода в Бхилаи на базе железорудных месторождений, которые Ч. П. Перин назвал «одним из чудес минерального мира». Но этот пример представляет исключение¹³⁷.

В настоящее время возможности подобного территориального сдвига, сопровождающегося значительным удалением крупного завода от долины Дамодара, весьма ограничены. В перспективе, конечно, возможен (а через несколько десятилетий, по-видимому, станет неизбежным) частичный переход черной металлургии Индии на импортный коксующийся уголь. В этом случае скорее всего произойдет существенный сдвиг в размещении металлургических заводов: возникнут новые крупные предприятия на морском побережье, в том числе и за пределами Восточной Индии, особенно там, где богатые месторождения железной руды расположены недалеко от берега моря. Опыт Японии и Италии, металлургия которых зависит от импорта и угля, и железной руды, показывает, что такой переход возможен. Однако, насколько нам известно, в настоящее время в Индии этот вопрос даже не ставится. Кстати, и в этом отношении одним из самых перспективных районов является Орисса. Таким образом, в ближайшие десятилетия гегемония черной металлургии Восточной Индии вряд ли будет поколеблена.

¹³⁷ Так, была отвергнута рекомендация созданного в 1945 г. Металлургического комитета (Iron and steel panel) построить крупный металлургический завод в Джамалпуре, близ Ганга (дистрикт Монгхир). Действительно, можно вполне согласиться с мнением одного индийского металлурга, что это место не имеет абсолютно никаких достоинств и что если бы сталь в Индии следовало производить как можно дороже, было бы «идеально» построить завод в Монгхире (см. «Location of iron and steel plants», p. 18).

Ю. Д. Дмитриевский

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИРРИГАЦИИ В АФРИКЕ

Африка является одной из колыбелей ирригации. Около 3000 г. до н. э. первый фараон первой египетской династии Менес ввел систему бассейнового орошения по берегам Нила. В 974—945 гг. до н. э. в Египте существовала официальная должность начальника ирригации¹.

В «век пирамид» (2980—2750 гг. до н. э.) в Аравийской пустыне, в 11 км юго-восточнее Хелуана, была сооружена плотина на Вади-эль-Гарави. Г. Муррей считает ее древнейшим среди подобных сооружений².

Давно возникло орошение и в Северной Африке. Так, в оазисах Туниса оно существовало еще до прихода римлян. Дальнейшее развитие ирригация получила в Тунисе уже при римлянах. Это относится и к Алжиру, где сохранились древние подземные галереи для подачи воды — кяризы (на юге) и остатки плотин римской эпохи (на севере).

После падения Римской империи орошение, в частности в Тунисе, резко сократилось³.

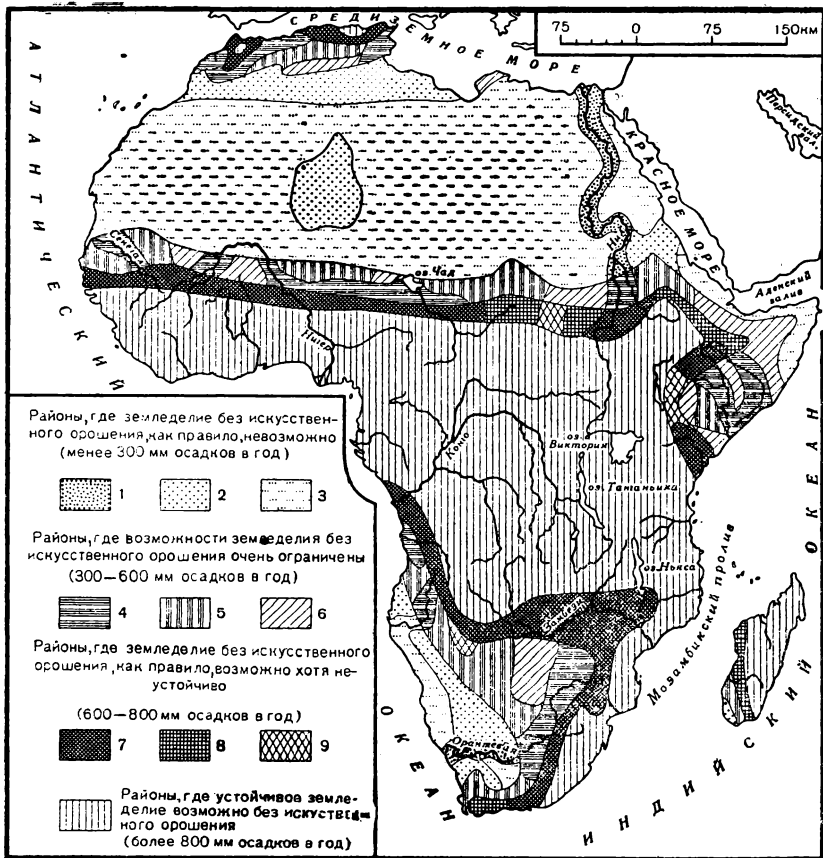
Некоторые виды искусственного орошения были известны в древности и на территории, ныне занимаемой Ливией, например в северной части страны. Здесь для орошения использовали колодцы. Однако во времена Римской империи сколько-нибудь значительного распространения искусственное орошение в этом районе Африки не получило. Некоторые колодцы и цистерны не только сохранились до наших дней, но и используются (уже около двух тысячелетий); они предназначались не для орошения, а для водоснабжения людей и животных. Что касается плотин и дамб, воздвигнутых в те далекие времена, то они имели либо противоэрозионное назначение (защищали поля от смыва почвы зимними дождевыми водами), либо предназначались для того, чтобы направлять эти воды по склонам в цистерны или на поля⁴. В последнем случае, очевидно, можно говорить о примитивной, зачаточной форме искусственного орошения или некоторых его элементах, так как, по нашему мнению, под ирригацией, или искусственным орошением, следует понимать подачу воды на поля или сохранение (задержание) ее при помо-

¹ Н. Д. Гулати, *Орошение в разных странах мира*, М., 1957, стр. 8.

² G. W. Murray, *Water from desert: some ancient egyptian achievements*, — «Geographical journal», 1955, vol. 121, № 2.

³ Н. Д. Гулати, *Орошение в разных странах мира*, стр. 126.

⁴ В частности, это касается долин уэдов.

ТИПЫ РАЙОНОВ ПО ПРИРОДНЫМ ПРЕДПОСЫЛКАМ ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ОРОШЕНИЯ

щи созданных человеком искусственных сооружений для повышения урожая и производительности сельскохозяйственного труда.

А. А. Черкасов⁵ подразделяет искусственное орошение на несколько разновидностей: увлажнительное орошение, или ирригацию, удобрительное, почвоочищающее и согревающее орошение. Последние три разновидности встречаются редко⁶, и обычно в условиях Африки применяется только увлажнительное орошение. Поэтому термины «искусственное орошение (орошение)» и «ирригация» практически имеют одинаковое значение.

По природным предпосылкам для искусственного орошения в Африке могут быть выделены следующие типы районов.

Районы, где земледелие без искусственного орошения, как правило, невозможно:

- а) с постоянными поверхностными источниками орошения (1)⁷;

⁵ А. А. Черкасов, *Мелиорация и сельскохозяйственное водоснабжение*, М., 1958, стр. 55—57.

⁶ В странах Западной Африки пресные воды нередко используют для промывания засоленных почв, например участков, освобождаемых от мангров и предназначенных главным образом для посевов риса (почвоочищающее орошение).

⁷ Сюда относятся районы, которые могут быть орошены водами близлежащих постоянных водоемов (рек, озер).

- б) с сезонными поверхностными источниками орошения (2) ⁸;
- в) с подземными источниками орошения (3) ⁹.

Районы, где возможности земледелия без искусственного орошения очень ограничены:

- а) с постоянными поверхностными источниками орошения (4) ⁷;
- б) с сезонными поверхностными источниками орошения (5) ⁸;
- в) с подземными источниками орошения (6) ⁹.

Районы, где земледелие без искусственного орошения, как правило, возможно, хотя и неустойчиво:

- а) с постоянными поверхностными источниками орошения (7) ⁷;
- б) с сезонными поверхностными источниками орошения (8) ⁸;
- в) с подземными источниками орошения (9) ⁹.

Районы, где устойчивое земледелие возможно без искусственного орошения.

Системы искусственного орошения

Плотины и дамбы, воздвигнутые на территории современной Ливии во времена Римской империи, несомненно, можно рассматривать как ирригацию — примитивную, зачаточную, но все же ирригацию. Это орошение дождевым потоком, направленным человеком.

Другую форму, или тип, ирригации, по существу весьма близкий к рассмотренному, представляет так называемое паводковое орошение, когда на поля поступают направленные человеком, пусть даже при помощи самых простейших приспособлений, не дождевые, а речные паводковые воды. В тех случаях, когда почва насыщается влагой за счет паводковых вод без всякого участия человека, вряд ли можно говорить об искусственном орошении, об ирригации.

Паводковое орошение в том понимании, какое мы в него вкладываем, встречается, например, в Восточном Судане. Здесь можно увидеть, как местные жители, используя ряд примитивных приспособлений (каналов, дамб), стараются направить паводковые воды некоторых временных рек, называемых хорами, в более или менее желательном направлении, для того чтобы оросить определенные участки земли. Характерным примером в этом отношении может служить дельта р. Гаш. Однако указанные ирригационные сооружения настолько просты, что ежегодные «капризы» этой и подобных ей рек нередко сводят на нет все результаты человеческих трудов и вода уходит в непредусмотренном направлении.

При орошении направленными дождевыми водами (когда имеется один сезон дождей) и при паводковом орошении (когда имеется один паводок), а для тех районов Африки, где встречаются эти виды орошения, характерен именно один сезон дождей, или один паводок на реках, или и то и другое более или менее одновременно — земли (поля) получают воду лишь один раз в году и в сравнительно небольшом количестве, так как вода недолго задерживается на них. Поэтому уже много тысяч лет назад в древнем Египте, а возможно, и в других странах возникла система бассейнового орошения, представляющая собой дальнейшее развитие принципа паводкового орошения.

⁸ Сюда относятся районы, которые могут быть орошены водами близлежащих сезонных рек.

⁹ Поскольку подземные воды на той или иной глубине могут быть обнаружены в любом районе Африки, сюда относятся все районы, не входящие в категории «а» и «б».

При бассейновом орошении паводковые воды, поступившие на поля во время разлива реки, задерживаются на них при помощи временных валов и дамб на несколько недель. За это время почва весьма основательно пропитывается влагой. Кроме того, на полях отлагается превосходное естественное удобрение — плодородный речной ил. Однако бассейновая система орошения имеет существенный недостаток: и при ней почва также получает воду лишь один раз в году. Вполне понятно, что выращивание нескольких урожаев при этой системе (в ее «чистом» виде) невозможно.

Стараясь устранить недостаток системы, древние египтяне начали совершенствовать систему бассейнового орошения, включая в нее некоторые немаловажные дополнения. Для получения нескольких урожаев в год они стали использовать воду, сохранившуюся в понижениях рельефа после ее спуска из бассейнов. Этой водой орошали отдельные участки, и таким образом получали второй урожай.

Само собой разумеется, что за счет «остаточной» паводковой воды нельзя было оросить сколько-нибудь значительную площадь. Кроме того, с течением времени понижения рельефа, в которых сохранилась вода, постепенно заполнялись аллювием и исчезали. Возникла проблема использования для дополнительного орошения речных непаводковых вод.

При использовании вод бассейновых понижений (бассейновых депрессий) необходимо было извлекать сохранившуюся в них воду и доставлять ее на поля. Сначала воду носили в горшках или мехах, а затем изобрели простейшие водоподъемные приспособления, положившие начало различным системам подъемного орошения.

Подъемное орошение — новая ступень в развитии ирригации в Африке, ступень более высокая, чем регулирование дождевого или речного паводкового стока.

Подводя итог обзору систем орошения, связанных с регулированием дождевого и паводкового стока, можно наметить следующий типологический ряд этих систем: дождевое орошение (регулирование дождевого стока); паводковое (регулирование паводковых вод); бассейновое; бассейновое, дополненное мехами и прочими приспособлениями; бассейновое, дополненное элементами подъемного орошения.

Первые три из перечисленных систем позволяют выращивать только один урожай, в то время как две последние делают возможным (при соответствующих температурных условиях) получать несколько урожаев в год. Таким образом, при этих системах закладываются элементы или основы постоянного, круглогодичного орошения.

Подъемное орошение, дающее (при наличии в водоеме достаточно количества воды в течение всего года) возможность постоянной ирригации, связано с использованием водоподъемных приспособлений. Одним из самых древних и простых водоподъемных приспособлений является устройство, похожее на наш колодезный журавль, известное в Египте под названием «шадуф». В тех случаях, когда воду нужно поднять на значительную высоту, применяют систему шадуфов (вода подается вверх в несколько приемов — со ступени на ступень).

Следует отметить, что шадуф был известен не только Египту. Такие же приспособления встречаются и в других африканских странах, например в Нигерии у хауса («урмба»), в Сахаре, в частности в Феццане («хеттара») ¹⁰.

¹⁰ В других районах Африки это слово имеет иные значения (см. Р. Капорей, *Французская Сахара*, М., 1958, стр. 278).

Можно ли считать, что в данных случаях имеет место заимствование шадуфа из Египта? Скорее всего нельзя, так как такие же приспособления встречаются и в других частях света, явно не имевших связей с Древним Египтом.

Если шадуф позволяет поднимать воду на значительную высоту, то другое водоподъемное приспособление — архимедов винт, или тамбур, служит для ее подъема лишь на несколько десятков сантиметров.

И шадуф, и тамбур — приспособления, приводимые в движение мускульной силой человека. Поэтому уже много веков назад были созданы водоподъемные сооружения, действующие без участия физической силы человека. Мы имеем в виду водочерпальные или водоподъемные колеса. Широким распространением в Африке пользовались и пользуются колеса, приводимые в движение верблюдами, волами и другими животными. В Египте и Восточном Судане эти водоподъемные сооружения называются «сакия», или «сакие». Наряду с ними встречаются водоподъемные колеса, вращаемые самой рекой, т. е. силой падающей воды. Это так называемые нории¹¹, встречающиеся в Магрибе (Марокко). Можно предполагать, что нория проникла в Северную Африку с Ближнего Востока.

Как мы уже отмечали, подъемное орошение позволило осуществлять постоянное (круглогодичное) орошение. Но орошать в течение всего года крупные площади такими примитивными методами невозможно. В последние десятилетия в ряде районов Африки, например в Судане, странах Магриба, в Южно-Африканской Республике, начали получать все более широкое распространение оросительные системы, созданные на базе насосного орошения. Таким образом, насосное орошение является высшей формой подъемного. Правда, и здесь имеются различия, так как насосы могут приводиться в движение руками человека, паровыми двигателями, двигателями внутреннего сгорания и, наконец, электрической энергией. В Судане, например, насосные оросительные установки получают энергию преимущественно за счет двигателей внутреннего сгорания, а в странах Магриба и Южно-Африканской Республике большое значение имеет электроэнергия.

На основании сказанного можно наметить типологический ряд и в отношении существующих в Африке систем подъемного орошения: орошение при помощи архимедова винта, шадуфа, системы шадуфов, сакии, нории; орошение при помощи насосов, приводимых в движение без механического двигателя и с механическим двигателем.

Однако и подъемное орошение имеет существенные недостатки. Один из них, как мы уже отмечали, состоит в том, что в большинстве случаев (за исключением крупных систем насосного орошения) оно не позволяет орошать сколько-нибудь крупные участки земли. Вторым недостатком заключается в том, что использование почти всех систем подъемного орошения (за исключением нории) связано с затратами большого количества энергии для того, чтобы поднимать воду на нужную высоту. Эти затраты постоянны и при орошении больших площадей (например, насосном орошении) весьма значительны.

Не случайно еще в глубокой древности на африканском континенте возникли системы орошения, основанные на использовании разности в высотах уровня воды в водоеме-оросителе и орошаемого участка. При

¹¹ В Средиземноморье и в Северной Сахаре норией называют водочерпальные колеса, приводимые в движение животными. Вообще в Африке одинаковые по своему устройству ирригационные приспособления нередко носят разные названия; в то же время в разных районах одинаковые названия часто служат для обозначения совсем различных приспособлений.

наличии такой разности (градиента) возникает возможность гравитационного (самотечного) орошения.

Здесь следует оговориться, что элементы самотечного орошения имеются и в других системах подъемного орошения, поскольку вода, поднятая на определенную высоту, идет на поля самотеком. Но самотечное орошение в узком смысле слова не имеет тех постоянно работающих, постоянно находящихся в движении подъемных приспособлений, которые представляют собой неотъемлемую часть систем подъемного орошения.

Характерные черты самотечного орошения — наличие естественного или созданного искусственно градиента, необходимого для движения воды на поля, и системы каналов, по которым она туда поступает.

В древней Месопотамии возникла система самотечного орошения, основанная на использовании различий в уровне двух великих рек — Тигра и Евфрата. В связи с тем что на отдельных участках то Тигр течет выше Евфрата, то наоборот, воду удалось направить самотеком из одной реки в другую и таким образом оросить междуречье — Месопотамию. Аналогичные примеры находим и в Африке. Известно, например, что около пяти тысяч лет назад в древнем Египте для целей самотечного орошения была использована разница в уровнях Нила и оз. Биркет-Карун (в древности—Мерис). В 2000 г. до н. э. 19-километровый канал направил воды Нила в это озеро¹²; на определенном участке для стока было использовано и естественное русло Бахр-Юсуфа. Так были орошены земли оазиса Файюм.

Однако следует иметь в виду, что, во-первых, естественный градиент, необходимый для самотечного орошения, — явление довольно редкое, во-вторых, что обычно он сохраняется только часть года — в период высокой воды в водоеме. Следовательно, даже в наиболее благоприятном случае организация постоянного, круглогодичного орошения не представляется возможной.

Поэтому типичным при самотечном орошении является искусственное создание необходимого градиента при помощи водоподъемных плотин. Система постоянного самотечного орошения при помощи водоподъемных плотин и сети ирригационных каналов господствует в ОАР, широко распространена в Судане, Южно-Африканской Республике, странах Магриба, Мали и др.

В условиях Африки, большинство районов которой характеризуется сезонностью в выпадении осадков и резкими колебаниями расходов воды в реках, водоподъемные плотины, как правило, не могут обеспечить достаточно большого поступления воды на поля в течение всего года. Для организации постоянного, круглогодичного самотечного орошения, кроме водоподъемных плотин, необходимо создание также водохранилищных плотин, которые обеспечивали бы накопление воды в период паводка для ее последующего расходования на орошение в межень. Среди водохранилищных плотин можно назвать Асуанскую (в ОАР), Гебель-Аулие (в Судане), Ваальдам (в ЮАР). Нередко водохранилища используются и для подъемного насосного орошения (например, водохранилище Гебель-Аулие).

Таким образом, в типологический ряд систем гравитационного, самотечного орошения входят: орошение, основанное на использовании естественных градиентов; орошение с использованием водоподъемных плотин; орошение с использованием водоподъемных и водохранилищных плотин.

¹² Н. Д. Гулати, *Орошение в разных странах мира*, стр. 9.

Все системы орошения в Африке самым тесным и непосредственным образом связаны с собственностью на землю и воду, с аграрными отношениями и водным законодательством.

Социально-экономические особенности искусственного орошения

Развитие ирригации на африканском континенте прошло долгий и сложный путь. Последним значительным этапом на этом пути послужило создание новых (или видоизменение старых) систем орошения в течение XX в., в период империализма.

Для того чтобы проанализировать основные особенности ирригационного гидростроительства в этот период, необходимо учесть, что все без исключения страны Африки первую половину текущего века находились (а многие из них находятся и сейчас) в зависимости от наиболее развитых империалистических государств. И не случайно экономическая политика колониальных держав в Африке нашла свое непосредственное отражение в развитии африканского орошения, в истории создания современных ирригационных сооружений.

Одной из особенностей современной ирригации в Африке является господство простейшего мелкого орошения в хозяйствах местных жителей. Статистических показателей на этот счет нет, да и вряд ли в современной Африке они возможны, так как число и масштабы названных оросительных систем не учтены и трудно поддаются учету, хотя бы уже потому, что, во-первых, эти показатели непрерывно (даже в течение года) меняются, а, во-вторых, мелкие ирригационные системы обычно предназначаются и для водоснабжения. Поэтому трудно сказать, какая функция — оросительная или водоснабжающая — в тех или иных случаях решающая, главная.

Простейшее орошение в Африке хотя и охватывает значительные площади, но служит в основном для выращивания потребительских, в основном зерновых культур. Товарное же орошаемое земледелие базируется на ирригации, осуществляемой при помощи инженерных сооружений, или во всяком случае на сравнительно крупных неинженерных оросительных системах.

Захватив африканские страны, колонизаторы наряду с землей экспроприировали в них основные источники воды (этот факт наши исследователи нередко забывают отметить). Нужно сказать, что экспроприация воды имела различные формы. В наиболее открытой форме колонизаторы объявляли воду своей собственностью. Например, в Тунисе декретом 1897 г. вся вода была объявлена «общественной собственностью», и ею разрешалось пользоваться лишь на правах аренды. В ведение государства перешли все источники воды в Южной Родезии. Сравнительно недавно новый водный закон передал британской короне все источники воды в Кении¹³.

В других случаях экспроприация воды осуществлялась косвенным путем. Так, в ЮАР колонисты захватили все лучшие земли, в том числе и по берегам рек. При этом собственник прибрежных земель становился и собственником воды. Нередко иностранные предприниматели достигали цели иным путем. Они создавали различные гидротехнические сооружения, в частности плотины, и становились таким образом фактическими хозяевами воды в этих районах орошения. Кроме того,

¹³ Hailey, *An African survey revised 1956*, London—New York—Toronto, 1957, p. 994.

владея крупными гидротехническими сооружениями, они осуществляли водный контроль над хозяйствами, расположенными ниже по течению. Типичными в этом отношении являлись крупные оросительные системы на территории Судана (Гезира, Гаш, Барака), Эритреи (Гаш), Мали (орошение на Среднем Нигере), Алжира и Марокко. Подобным образом обстоит дело и в Египте.

Очень часто экспроприация воды совмещалась с экспроприацией земли, когда в районах вновь создаваемого орошения прежние владельцы земли лишались ее без всякой компенсации или же с компенсацией мизерной, минимальной (Северная Африка, Судан и др.). Как видим, экспроприация воды служила необходимой предпосылкой создания европейским капиталом новых оросительных систем, но зачастую это был одновременный, единый процесс. Правда, в отдельных случаях строительство оросительных систем предшествовало экспроприации. Ирригационные системы, сооружавшиеся европейским капиталом в африканских странах, весьма различались по своим непосредственным экономическим целям, способам финансирования, масштабам, источникам и типам орошения.

В большинстве случаев развитие орошения было направлено на организацию новых (или расширение старых) районов экспортных культур. При этом в одних случаях предусматривалось возделывание технических культур для нужд промышленности метрополий (хлопок Египта, Судана, Эритреи, сизаль Кении и т. д.), в других — выращивание экспортных продовольственных культур (явление, типичное для стран Магриба, в частности Алжира, где на орошаемых землях возделываются цитрусовые, овощи, виноград. В последние годы определенные попытки в этом направлении делались и в ОАР).

В ряде случаев, однако, создание современных оросительных систем было направлено на расширение производства сельскохозяйственных продуктов для внутреннего потребления. Преимущественно это относится к странам, среди населения которых велик удельный вес выходцев из Европы (ЮАР, Южная Родезия, отчасти Алжир и Тунис). Следовательно, и в этом случае развитие ирригации не было направлено на удовлетворение нужд коренного населения Африки.

Иногда создание новых оросительных сооружений (например, в некоторых районах бассейна р. Оранжевой) предпринималось для трудоустройства безработных (деобилизованных из армии, «белых бедняков» и др.). В Анголе и Мозамбике ирригационные работы последних лет велись с целью привлечения в эти страны новых европейских колонистов для усиления таким образом позиций метрополии.

Существуют определенные различия и в способах (а отчасти также в источниках) финансирования ирригационного строительства. Довольно распространено было финансирование государственное (Египет, Мозамбик, Алжир). Однако африканские страны при этом, как правило, неизменно прибегали к внешним займам. Получило распространение и финансирование строительства отдельными капиталистическими компаниями, в большинстве случаев иностранными (ирригационные ассоциации Туниса, «Колониал девелопмент корпорейшн» в Свазиленде, «Социета импресе Африкане» в Эритрее, «Судан плантейшн синдикейт» и «Кассала коттон компани» в Судане и др.).

В приведенных нами примерах решающая роль иностранного капитала в ирригационном строительстве совершенно очевидна. На это обстоятельство следует обратить особое внимание, учитывая тот факт, что управление оросительными системами (особенно крупными) чаще всего находится в руках государственных органов, что маскирует не

только источники финансирования, но по существу скрывает и истинных владельцев ирригационных сооружений и в конечном счете хозяев орошаемого земледелия. Весьма различны в Африке масштабы оросительных систем — от охватывающих едва заметные клочки земли (в районах простейшего местного орошения) до сотен тысяч гектаров. Понятие единой оросительной системы здесь весьма неопределенное. Так, например, на территории ОАР имеется большое количество плотин. Кажется бы, здесь можно говорить о единой системе орошения, едином орошаемом массиве, площадь которого превышает 2,5 млн. га. Но если вспомнить, что расположенные в Судане плотины Гебель-Аулия и отчасти Сеннарская, а в определенной мере и плотина Оуэн-Фоллс в Уганде участвуют в регулировании нильских вод, приходящих в Египет, если учесть также, что Сеннарская плотина обеспечивает орошение суданской Гезиры, то условность понятия «оросительная система» станет очевидной. Следует учитывать и то, что площади ирригации (особенно при паводковом орошении) изменяются с каждым годом и нередко в значительных размерах. Кроме того, в публикуемых материалах об оросительных системах чаще приводятся данные не о фактически орошаемой площади, а о намеченной или подготовленной к орошению.

Анализ опубликованных данных говорит о том, что современные оросительные системы в Африке имеют площади, исчисляемые тысячами, значительно реже десятками тысяч (ряд оросительных систем в Алжире, Марокко) и очень редко сотнями тысяч гектаров. Крупнейшей оросительной системой Африки (без ОАР) является суданская Гезира (площадь орошения около 400 тыс. га).

Основные источники орошения в большинстве районов Африки — текущие поверхностные воды (постоянные и временные реки). Но в ряде областей велико значение и подземных вод. Правда, большие по площади ирригационные системы используют только поверхностный сток.

Мы уже отмечали ту связь, которая существует между уровнем развития капиталистических отношений и специализацией хозяйства, ими созданной¹⁴. В применении к сельскому хозяйству это означает связь между аграрными отношениями и специализацией. Наконец, в приложении к орошаемому земледелию это означает связь между аграрными отношениями, типами орошения и производственной специализацией. Связь эта весьма сложна и многообразна. В каждой стране и каждом районе встречаются свои особенности. Поэтому в данной статье мы можем наметить лишь некоторые вехи, отдельные общие черты и особенности названных связей.

1. Для многих районов Африки характерно мелкое крестьянское землевладение, существующее наряду с крупной феодальной или полуфеодальной собственностью на землю. В районах орошаемого земледелия это приводит к тому, что крестьянин возделывает и орошает либо свой небольшой участок, либо участок, арендуемый у помещика (как правило, натуральная аренда). В обоих случаях орошаются небольшие участки при помощи наиболее дешевых способов ирригации (шадуф, сакие, архимедов винт). Основное направление таких хозяйств — возделывание продовольственных, главным образом зерновых, культур.

2. В ряде районов Африки иностранный капитал создал крупные современные оросительные системы. При этом земля (и, конечно, вода) экспроприировались у прежних владельцев. Возникли арендные отно-

¹⁴ Ю. Д. Дмитревский, *К вопросу об определении экономического района в капиталистическом обществе*. — «Ученые записки Вологодского педагогического института», 1951, т. 8.

шения с чрезвычайно строгой регламентацией и преобладанием натуральной формы расчетов, что является свидетельством полуфеодалного характера отношений. Аренда может быть краткосрочной или долгосрочной, но арендатор лишен возможности передавать право на нее (в частности, по наследству) и при малейшем нарушении условий аренды лишается арендуемого участка. В африканских странах обычно создаются объединения арендаторов, которые несут коллективную ответственность перед землевладельцем, водовладельцем, владельцем ирригационных сооружений (Союз арендаторов Гезиры, крестьянские кооперативы ОАР и др.).

Такие системы создавались на основе постоянного гравитационного, а в ряде случаев и паводкового орошения. В последние годы они возникают и на основе насосного орошения. Основное направление таких систем — возделывание товарных экспортных технических культур.

Описанные системы представляют собой капиталистические предприятия, находящиеся в руках монополистического капитала (нередко скрывающегося за вывеской государственной организации). Довольно типичны здесь батрак-сезонник, а также сильные пережитки феодальных отношений (строго регламентированный арендатор-издольщик).

3. Оросительные системы, предназначенные для арендаторов-европейцев (ЮАР, Южная Родезия, Ангола, Мозамбик, страны Магриба), несколько отличаются от рассмотренных. Здесь значительно меньше регламентации и поэтому более разнообразен ассортимент возделываемых культур, идущих на внутренний рынок и на удовлетворение потребностей арендатора-колониста. По истечении определенного срока арендатор обычно может передавать свои права на аренду по наследству. Капиталистические отношения в данном случае проявляются значительно сильнее.

4. В ряде районов Африки имеются оросительные системы плантационного типа, где весь орошаемый земельный массив принадлежит капиталистической компании или отдельному капиталисту, эксплуатирующим очень дешевую рабочую силу наемных батраков, преимущественно из числа безземельных крестьян. По своим масштабам (сотни или тысячи гектаров) такие хозяйства не являются самыми крупными среди африканских хозяйств, основанных на искусственном орошении. С этим связано и то, что обычно эти хозяйства используют паводковое или насосное орошение. Специализируются они на выращивании экспортных культур.

5. С каждым годом увеличивается роль капиталистических хозяйств, создаваемых на базе орошаемых земель (Алжир, Тунис, ЮАР, Судан). Однако почти везде при этом довольно ярко проявляются элементы докапиталистических отношений. Наиболее широкое развитие получают капиталистические хозяйства, созданные на базе насосного орошения. Часто возникают и кооперативные объединения кулацкого типа.

6. Сложную картину представляют собой аграрные отношения в районах бассейнового орошения.

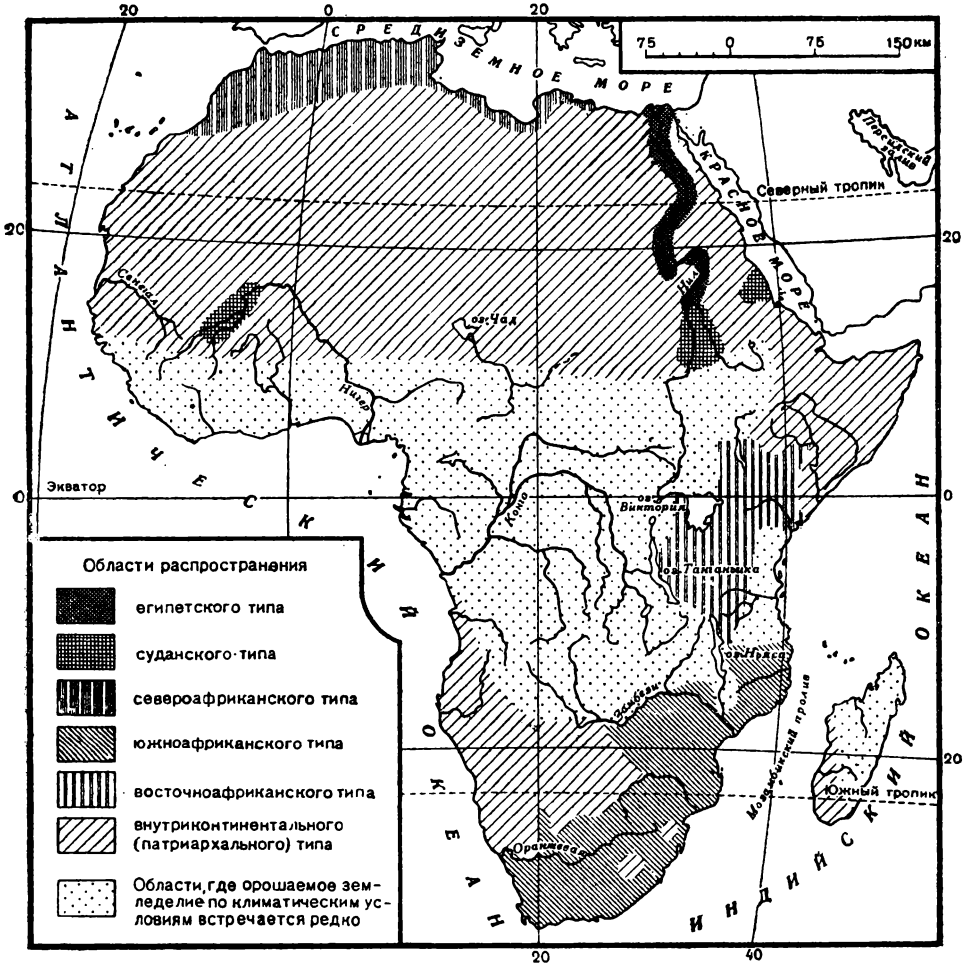
По своим технологическим особенностям такое орошение требует больших площадей. В связи с этим в указанных районах уже давно возникла крупная собственность на землю или по крайней мере на сооружения, воздвигаемые при бассейновой ирригации (валы, дамбы). Как правило, крупная земельная собственность в районах бассейнового орошения сочетается с мелкой докапиталистической арендой. В настоящее время бассейновое орошение теряет свое значение. Это вызвано не только его технологическими недостатками, но и тем, что в основных

районах распространения (Верхний Египет, Северный Судан) господствуют традиции мусульманского законодательства о наследовании собственности и происходит прогрессирующее дробление земельных участков, что противоречит существованию системы бассейнового орошения, требующей больших площадей земли.

Экономико-географические типы районов орошаемого земледелия

Особенности развития отдельных стран и районов Африки в сочетании с природными условиями тех или иных территорий обусловили формирование различных экономико-географических типов районов орошаемого земледелия.

Египетский тип. Сложился в течение многих веков на основе крупной рабовладельческой и феодальной земельной собственности, мелкого крестьянского землепользования, бассейновой ирригации и подъемного орошения с применением простейших водоподъемных приспособлений как тип преимущественно потребительского орошаемого земледелия (с преобладанием зерновых культур). В таком виде был характерен для

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТИПЫ РАЙОНОВ ОРОШАЕМОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Египта и Северного Судана. В течение последних полутора веков под влиянием иностранного капитала в основных своих районах претерпел модификацию в сторону специализации на экспортных культурах (в первую очередь — хлопчатник). В связи с этим господствующим стало гравитационное круглогодичное орошение¹⁵. В типичных районах (Средний и Нижний Египет) после образования ОАР в последние годы наблюдается процесс некоторого ограничения крупного землевладения и отход от экспортной монокультуры в сторону увеличения роли потребительских культур.

Суданский тип. Сложился на месте древних районов орошаемого поликультурного, преимущественно потребительского земледелия, базировавшегося на феодальных (а местами и на дофеодальных) отношениях, примитивном паводковом и подъемном орошении. Сформировался в качестве типа, характеризующегося господством иностранного капитала, высокой товарностью, монокультурностью экспортного направления, арендными отношениями с сильными докапиталистическими пережитками. Характерен для Судана (Гезира, Барака), Эритреи (Гаш) и других районов.

Североафриканский тип. Первоначально (много веков назад) сложился на основе крупной рабовладельческой и феодальной собственности и относительно крупных древних ирригационных сооружений. В течение последнего столетия под влиянием европейской колонизации, внедрения иностранного капитала и близости европейского рынка модифицировался в экономико-географический тип, характеризующийся развитием высокотоварного, специализирующегося преимущественно на продовольственных культурах, земледелия, основанного на современных оросительных (крупных и средних — в странах Магриба, мелких — в Ливии) инженерных системах постоянного, главным образом гравитационного, орошения. При значительном развитии капитализма в сельском хозяйстве (особенно в хозяйствах европейских колонистов) в этом районе значительны и докапиталистические пережитки (в хозяйствах коренных жителей).

Южноафриканский тип. Сложился в районах европейской колонизации стран Южной Африки (ЮАР, Южная Родезия, Ангола, Мозамбик) в основном в течение последних 50 лет. Характеризуется развитием капиталистических арендных отношений, поликультурностью, возделыванием потребительских и товарных культур главным образом для внутреннего рынка.

Восточноафриканский тип. Сложился на основе плантационных хозяйств, находящихся в руках капиталистических компаний и отдельных предпринимателей (главным образом европейских). Масштабы предприятий, преимущественно монокультурного направления (технические культуры), относительно невелики, но разрабатывается целый ряд новых, более крупных проектов.

Внутриконтинентальный (патриархальный) тип. Характерен для многочисленных внутренних районов Африки, где господствуют преимущественно натуральные хозяйства местных жителей, созданные на базе самых несложных систем подъемного, паводкового и дождевого орошения. Здесь воздвигают временные земляные плотины, создают пруды и т. д. В современных условиях масштабы распространения этого типа вряд ли поддаются учету. Характеризуется господством докапиталистических отношений или их пережитками.

В разное время для многих районов Африки было составлено немало ирригационных проектов. Некоторые из них обсуждаются десяти-

¹⁵ В некоторых районах этих изменений пока не произошло.

летиями, но так и остаются на бумаге, например проект использования вод р. Тана в Кении.

Впервые на возможность использования указанной реки для орошения обратили внимание еще в 1911 г. В 1934 г. специалисты вновь вернулись к этой проблеме. Тогда было отмечено, что использование вод Тана в нижнем течении слишком дорого из-за необходимости создания защитных сооружений от наводнений. Одна из комиссий по разработке проекта предложила оросить 76 тыс. га водой, собранной в верхней части среднего течения, пустив ее по каналу длиной около 320 км. Этот проект также был признан дорогим. В 1953—1956 гг. Восточноафриканская королевская комиссия высказала мнение о необходимости проведения исследований для осуществления проектов меньшего масштаба.

Другие проекты осуществляются крайне медленно, например орошение водами Среднего Нигера в области внутренней дельты (по проекту предполагалось оросить 0,8—1 млн. га земли, фактически же к 1956 г. освоено не более 50 тыс. га).

В «замораживании» и медленном осуществлении важных проектов — одно из проявлений пагубного влияния колониализма на африканские страны. И не случайно разговоры о том, что в Африке допустимы лишь медленные, постепенные преобразования, долгое время были излюбленной темой «ученых» защитников колониализма.

Все эти рассуждения теперь опровергнуты не только теоретически, но и практически в странах, добившихся политической независимости. Быстро увеличиваются орошаемые площади в Тунисе. В ОАР создается новый район орошения Ат-Тахрир (к западу от дельты Нила). Проектируется орошение значительных земельных участков водами р. Вольты в Гане, водами Голубого Нила в южной Гезире в Судане.

Исключительные масштабы имеет проект Сэدد-аль-Али. Согласно этому проекту, в ОАР с помощью Советского Союза ведутся работы по сооружению высотной Асуанской плотины, которая должна обеспечить решение крупных энергетических и ирригационных задач. Проект предусматривает увеличение посевных площадей ОАР примерно на одну треть, создание гидроэлектростанции мощностью 2040 тыс. квт. Таких крупных комплексных гидротехнических сооружений Африка не знала за всю свою многовековую историю.

В связи с началом работ по созданию плотины Н. С. Хрущев направил президенту ОАР послание, в котором говорилось: «Пусть сооружение Асуанской плотины будет символом прочной дружбы между народами наших стран, пусть она будет памятником сотрудничества народов во имя великого и близкого сердцу каждого человека дела мира»¹⁶.

¹⁶ «Правда», 20.I.1960.

Ю. Д. Дмитриевский
ГИДРОЭНЕРГЕТИКА АФРИКИ

Запасы гидроэнергии

По запасам гидроэнергии Африка стоит на втором месте после Азии. По имеющимся подсчетам, на долю африканских стран приходится примерно $\frac{1}{5}$ запасов гидроэнергии земного шара. Распределение гидроэнергоресурсов по территории Африки весьма неравномерно.

На основании подсчетов В. Слэбингера о запасах гидроэнергии по отдельным регионам материка (нередко соответствующим крупным бассейнам рек) мы вычислили удельную величину запасов по этим областям (табл. 1).

Таблица 1

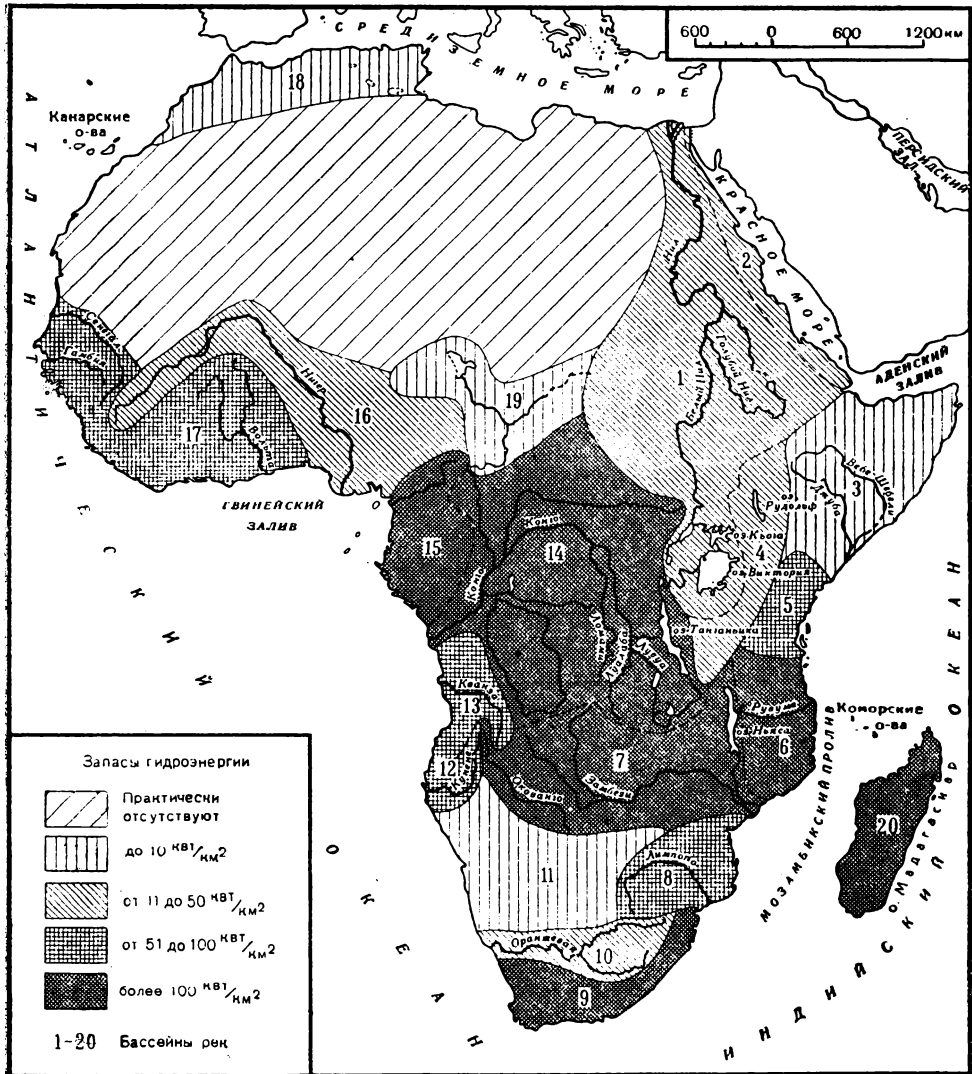
ЗАПАСЫ ГИДРОЭНЕРГИИ В АФРИКЕ ПО БАССЕЙНАМ И ГРУППАМ БАССЕЙНОВ*

Бассейны и группы бассейнов	Площадь, тыс. кв. км	Запасы гидро- энергии, млн. квт	Удельная величина, квт/кв. км
1. Бассейн Нила	2867	50,0	17
2. Красноморский бассейн	≈ 350	12,0	34
3. Сомали	≈ 1300	9,0	7
4. Бессточный бассейн Восточной Африки	≈ 500	6,3	13
5. Территория от Сомали до Руфиджи (ис- ключая бассейн последней)	≈ 350	23,0	66
6. От Руфиджи до Замбези (исключая бас- сейн последней)	≈ 500	51,7	103
7. Бассейн Замбези	1330	137,0	103
8. От Замбези до Лимпопо (включая бас- сейн последней)	≈ 450	28,0	62
9. От Лимпопо до Оранжевой (исключая бассейн последней)	≈ 450	58,0	129
10. Бассейн Оранжевой	1020	31,0	30
11. От Оранжевой до Кунене (исключая бас- сейн последней)	≈ 1200	5,0	4
12. Бассейн Кунене	≈ 150	10,0	67
13. От Кунене до Конго (исключая бассейн последней)	≈ 450	30,0	67
14. Бассейн Конго	3690	390,0	106

* Расчет произведен по данным: V. Slebinger, *Statistics of all existing water-power resources*, — «Transactions of the fourth world power conference», vol. 4, London, 1952, pp. 2152—2154.

Продолжение таблицы 1

Бассейны и группы бассейнов	Площадь, тыс. кв. км	Запасы гидроэнергии, млн. квт	Удельная величина, квт/кв. км
15. От Конго до Санаги (включая бассейн последней)	≈ 520	88,0	169
16. От Санаги до Нигера (включая бассейн последнего)	2100	39,0	19
17. От Нигера до Сенегала (включая бассейн последнего)	≈ 1800	91,0	51
18. Атлас	≈ 1000	5,6	6
19. Бассейн оз. Чад	1020	5,0	5
20. Мадагаскар	590	84,0	142

УДЕЛЬНЫЕ ЗАПАСЫ ГИДРОЭНЕРГИИ ПО БАССЕЙНАМ И ГРУППАМ БАССЕЙНОВ РЕК

Приведенные нами данные свидетельствуют о том, что наибольшими «удельными запасами» гидроэнергии обладают такие регионы Африки, как Гвинейская возвышенность (между реками Конго и Санага), Мадагаскар, Юго-Восточная Африка, бассейны Конго, Замбези и Восточная Африка.

На территории, составляющей около 8400 тыс. кв. км и почти лишенной поверхностного стока, запасы гидроэнергии практически отсутствуют.

Большие различия в распределении запасов гидроэнергии в Африке выявляются и в том случае, когда они рассматриваются по отдельным странам (табл. 2).

Таблица 2

ЗАПАСЫ ГИДРОЭНЕРГИИ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ АФРИКИ
ПРИ 100%-НОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОБЫЧНОГО МИНИМАЛЬНОГО СТОКА*

Страна	Площадь, тыс. кв. км	Запасы гидроэнергии		Удельная величина, квт/кв. км
		тыс. квт	% к итогу	
Алжир	2 191	220	0,1	0,1
Ангола	1 247	4 280	2,3	3,4
Конго и Руанда-Урунди	2 398	97 500	51,8	40,7
ОАР	1 000	380	0,2	0,4
Эфиопия	1 060	4 270	2,3	4,0
Камерун	432	5 250	2,8	12,1
Экваториальная Африка	2 510	30 000	15,9	11,9
Гана	238	1 500	0,8	6,3
Кения	583	1 500	0,8	2,6
Либерия	111	4 270	2,3	38,5
Мадагаскар	590	5 250	2,8	8,9
Марокко	411	260	0,1	0,6
Нигерия и Камерун (Северный и Южный)	966	9 750	5,2	10,1
Мозамбик	771	3 750	1,9	4,9
Родезия	1 141	2 620	1,4	3,1
Сьерра-Леоне	72	1 880	1,0	34,7
Танганьика	939	3 000	1,6	4,3
Уганда	243	3 000	1,6	16,5
Южно-Африканская Республика	1 224	340	0,2	0,4
Гвинея	251	2 250	1,2	9,0
Мали и Сенегал	1 733	1 050	0,5	0,6
Берег Слоновой Кости, Дагомея и Того	644	3 150	1,7	4,9
Другие страны	9 245	2 770	1,5	0,3
Вся Африка	30 000	188 240	100,0	6,0

* Расчет произведен по «Economic Almanac 1958», New York, p. 30.

Эта таблица, составленная на основе учета только минимального стока, дает лишь относительное представление о запасах гидроэнергии. Однако в ней показано соотношение в распределении запасов гидроэнергии между отдельными странами, что позволяет сделать следующие выводы:

1. По запасам гидроэнергии первое место среди стран Африки занимает Конго, на долю которого приходится более половины всех запасов белого угля на африканском континенте. Далее следуют страны Экваториальной Африки и Нигерия с Северным и Южным Камеруном. Все это наиболее обеспеченные влагой области Африки — с большим количеством осадков, многоводными (и обычно порожистыми) реками.

2. По удельным запасам гидроэнергии наряду с Конго первые места занимают Либерия и Сьерра-Леоне, относительно небольшие по площади, но богатые порожистыми и многоводными (в связи с очень большим количеством осадков) реками.

3. Запасы гидроэнергии невелики в Алжире, Марокко, ОАР, ЮАР и в некоторых других странах, которые отсутствуют в таблице 2 (Судан, Юго-Западная Африка, Бечуаналенд и др.). В Африке имеются районы и страны с совершенно различной обеспеченностью гидроэнергоресурсами. Однако фактическое использование этих ресурсов имеет весьма мало общего с распределением их запасов.

Развитие гидроэнергетики африканских стран до второй мировой войны

Для того чтобы уяснить положение современной гидроэнергетики Африки, необходимо хотя бы коротко остановиться на основных особенностях развития африканской энергетики.

Предварительно следует оговориться, что статистические данные по энергетике Африки первой половины нынешнего века очень скудны.

Первоначально электростанции в странах Африки возникали в крупнейших городах (обычно в административных центрах) для обслуживания основных бытовых нужд городского населения — в первую очередь и главным образом европейцев. Поэтому масштабы производства электроэнергии были крайне незначительными. При этом развитие энергетики в значительной степени происходило в приморских районах, так как здесь располагались центры, куда из внутренних районов Африки поступали колониальные продукты, отправлявшиеся затем за границу. В основном создавались тепловые электростанции, работавшие на привозном топливе; особенно большое место занимал уголь, поступающий из Англии.

Другая особенность африканской энергетики на первых этапах ее развития заключалась в сосредоточении подавляющей части электростанций и энергетических мощностей в нескольких странах.

Огромные различия в мощности электростанций и производстве электроэнергии имелись и внутри группы стран — основных производителей электроэнергии в Африке. Первой среди них была экономически наиболее развитая африканская страна Южно-Африканская Республика, где установленная мощность электростанций составила в 1928 и 1930 гг. соответственно 545 тыс. и 635 тыс. *квт*, а производство электроэнергии — 2110 млн. и 2550 млн. *квт-ч*¹. В те годы на долю ЮАР падало около 64% установленной мощности и около 81% учтенного статистикой производства электроэнергии в Африке.

Вплоть до конца 20-х годов гидроэнергетика в Африке практически отсутствовала. Например, в 1925 г. на электростанциях четырех важнейших производителей электроэнергии (ЮАР, Алжир, Марокко, Тунис) за счет использования гидроэнергии было получено лишь 4 млн. *квт-ч*². Только в 1929 г. в Марокко вошла в строй первая сравнительно большая гидростанция Африки — Сиди-Машу на р. Умм-эр-Рабия (Умм-эр-Рабиа) мощностью 20,8 тыс. *квт*³.

Ряд гидростанций был построен в бывшем Французском Марокко и в 30-х годах, в результате чего к 1938 г. их общая мощность достигла

¹ М. Б. Вольф и В. С. Клупт, *Статистический справочник по экономической географии капиталистического мира*, изд. 3, 1937, стр. 71.

² Там же, стр. 73.

³ «Hydro-electric developments in Morocco», — «Water Power», 1952, vol. 4, № 9, p. 338.

48 тыс. *квт*, а производство электроэнергии на гидростанциях — 123 млн. *квт-ч*. В 1938 г. около 90% всей электроэнергии в Марокко вырабатывалось на гидростанциях. В предвоенные годы строительство гидростанций происходило также в Алжире, Конго, на Мадагаскаре.

Таким образом, в предвоенные годы началось формирование двух значительных по африканским масштабам районов развития гидроэнергетики: Магриб (Марокко, частично Алжир) и Конго. Кроме того, некоторое развитие гидроэнергетики получила и на Мадагаскаре. Можно утверждать, что развитие гидроэнергетики во французских и бельгийских колониях в Африке было связано в первую очередь с развитием там горнодобывающей промышленности и стремлением Франции освободиться от ввоза в свои колонии английского угля.

Иное положение наблюдалось в африканских колониях Великобритании. Английские каменноугольные монополии, заинтересованные в вывозе угля, в довоенные годы всячески тормозили попытки развития гидроэнергетики в колониях. Это было одной из важнейших причин того, что в предвоенные годы гидроэнергетика в английских владениях в Африке, а также в странах, находившихся под британским контролем, практически отсутствовала.

Развитие гидроэнергетики в некоторых странах Африки в предвоенные годы не меняло общей картины африканской энергетики, которая характеризовалась следующими основными чертами.

1. Весьма незначительным общим объемом. В 1938 г. установленная мощность всех электростанций Африки составляла около 2 млн. *квт*, а производство электроэнергии — примерно 7,3 млрд. *квт-ч*, т. е. 1,7% производства капиталистического мира (в 1938 г. — 424,8 млрд. *квт-ч*)⁴.

2. Исключительно большим удельным весом Южно-Африканской Республики, на долю которой в 1938 г. приходилось около $\frac{3}{4}$ установленной мощности электростанций и более 80% производства всей электроэнергии в Африке.

3. Чрезвычайно большим удельным весом тепловых станций и полученной на них электроэнергии (практически вся энергетика Южно-Африканской Республики базируется на тепловых станциях). В 1938 г. установленная мощность гидростанций составляла около 5% всей мощности электростанций Африки. На них было выработано около 3% всей электроэнергии, полученной на африканских электростанциях. Правда, если исключить из подсчета ЮАР с ее тепловыми электростанциями, то окажется, что удельный вес гидростанций в 1938 г. был значительно большим: около 25% по мощности и около 15% по производству электроэнергии.

4. Очень большой (Мадагаскар, Марокко) или весьма значительной (Конго, Ангола, Алжир) ролью гидроэнергетики в отдельных странах.

Гидроэнергетика Африки после второй мировой войны

За последние десятилетия произошли большие изменения в энергетике всего земного шара. Эти изменения коснулись как производства, так и потребления энергии. При этом наряду с количественными изменениями наметились и такие важные качественные изменения, как, например, использование новых видов энергии (внутриядерной, геотермической, энергии приливов и др.), а также структурные изменения в производстве первичных источников энергии.

⁴ Данные о производстве электроэнергии из «United Nations. Statistical year-book 1956», New York, p. 287.

В Африке крупных структурных изменений в производстве первичных источников энергии не произошло: здесь по-прежнему господствует каменный уголь. В 1956 г. на страны Африки приходилось 2,4% мировой добычи угля, причем подавляющая часть (34,1 млн. т) падала на долю ЮАР⁵. Однако за 27 лет (с 1929 по 1956 г.) удельный вес гидроэнергии в первичных источниках энергии Африки увеличился с 0,4 до 4,8%. (за счет уменьшения доли каменного угля). Это изменение связано с некоторым ростом гидроэнергостроительства и увеличением удельного веса гидростанций в производстве электроэнергии в Африке.

Примерные подсчеты показывают, что в последние годы на долю гидроэлектростанций приходится 12—19% установленной мощности и 8—16% электроэнергии, вырабатываемой на электростанциях Африки. При этом удельный вес гидростанций в энергетике Африки хотя и медленно, но неуклонно возрастает. В отличие от довоенных лет, когда в ряде стран Африки (Марокко, Мадагаскар, Конго, Ангола, Алжир) создавались преимущественно мелкие (и сравнительно редко средние) гидростанции, в разных районах Африки наряду со средними гидростанциями появляются и отдельные сравнительно крупные. Нередко только за счет этих крупных объектов совершенно меняется характер энергетике той или иной африканской страны или большого района.

Рассмотрим наиболее крупные гидростанции, построенные в послевоенные годы.

В Алжире в 1952—1954 гг. вступила в строй гидростанция на р. Агриун в Малой Кабилии. Ее установленная мощность около 95 тыс. *квт*, средняя выработка электроэнергии 185—195 млн. *квт-ч* в год.

В 1959 г. намечалось закончить строительство Верхнеджендженской ГЭС на р. Джен-Джен. Проектная мощность этой гидроэлектростанции до 150 тыс. *квт*, годовая выработка 160 млн. *квт-ч*⁶.

В Марокко созданы гидростанции на р. Уэд-эль-Абид — левом притоке р. Умм-эр-Рабия: 1) Бин-эль-Уидан (первая очередь вступила в строй в 1953 г.); общая мощность этой станции 120 тыс. *квт*, годовая производительность 160 млн. *квт-ч*; 2) Афурер (первая очередь вступила в строй в 1954 г.); общая мощность станции 92 тыс. *квт*, годовая выработка 390 млн. *квт-ч*⁷. Мощность этих двух гидростанций составляет 212 тыс. *квт*, и, поскольку Бин-эль-Уидан и Афурер тесно связаны между собой, о них можно говорить как о крупнейшей в настоящее время системе гидростанций в Африке.

В Конго, в провинции Катанга, на реках Луфира и Луалаба построены следующие крупные гидростанции: Франки (первая очередь была пущена еще в 1929 г., последняя — в 1954 г.), Биа (в 1950 г.), Делькоммюн (в 1954 г.) и Ле-Маринель (в 1956 г.) общей мощностью 490 тыс. *квт*. В результате создания этих станций сформировался крупнейший в Африке гидроэнергетический узел.

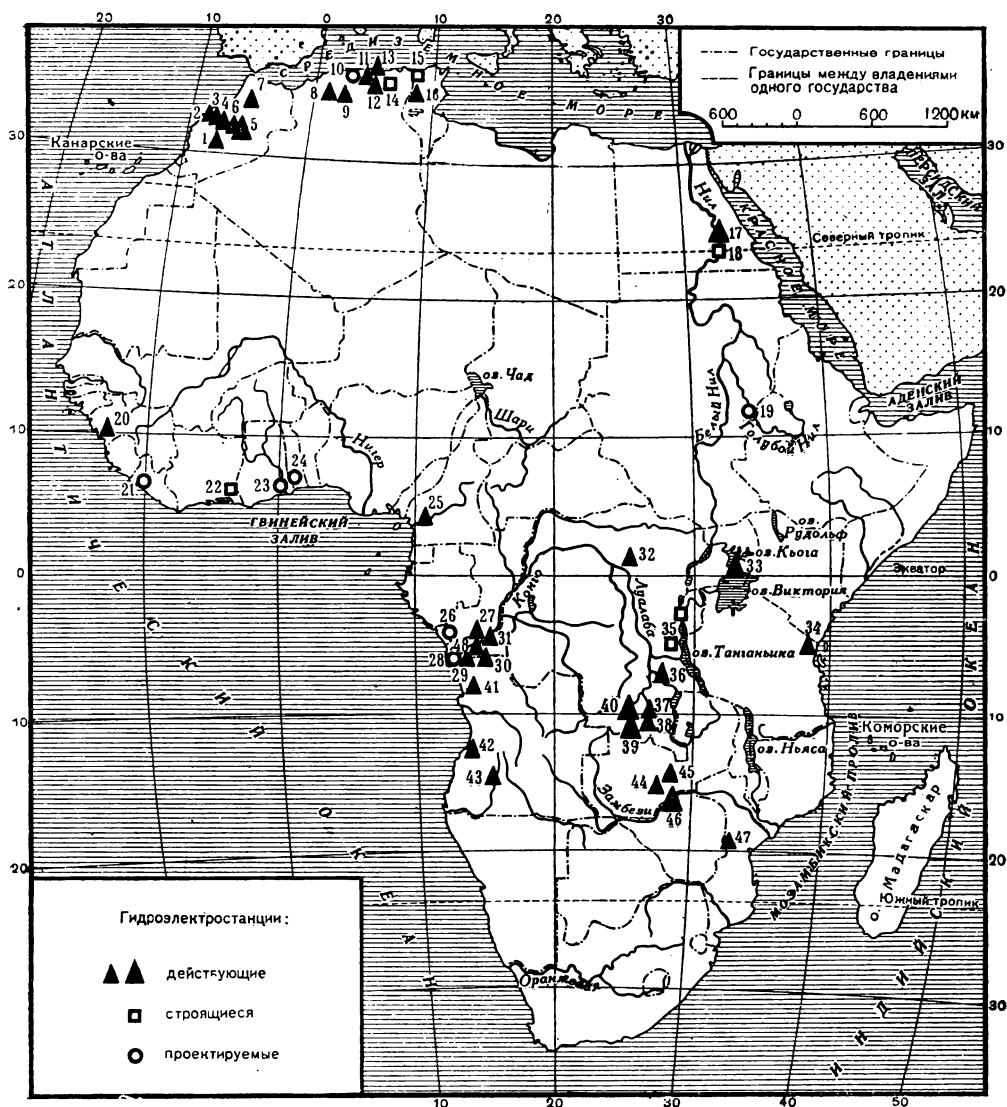
В последние годы в Конго вступили в строй также гидростанции Зонго (на р. Инкиси), Чопо (на р. Чопо) и некоторые другие.

Несколько гидростанций построено в Анголе. Среди них наиболее крупной является сооружавшаяся в последние годы станция Матала на р. Кунене. Ее проектная мощность 40 тыс. *квт*.

⁵ Д. Б. Вольфберг, В. Е. Дорошук и др., *Общий обзор энергетике зарубежных стран (1956—1957 гг.)*, — «Энергохозяйство за рубежом», 1958, № 1, стр. 5.

⁶ «Энергетика мира», М. — Л., 1957, стр. 58.

⁷ «Энергетика и гидростроительство Франции, Марокко и Алжира», Куйбышев, 1956, стр. 21—22; С. С. Обрезков, *Каскад гидростанций на р. Уэд-эль-Абид (Марокко)*, — «Энергохозяйство за рубежом», 1956, № 6, стр. 41.

ВАЖНЕЙШИЕ ГИДРОСТАНЦИИ АФРИКИ

Данные на 1959 — начало 1960 г. Проектная мощность гидроэлектростанций в тыс. квт

Гидроэлектростанции действующие

1 Лала-Такеркуст (Марокко, р. Н'Фас)—10	30 Санга (Конго, р. Инкиси)—10
2 Сиди-Машу (Марокко, р. Умм-эр-Раба)—21	31 Зонго (Конго, р. Инкиси)—75
3 Даурат (Марокко, р. Умм-эр-Раба)—17	32 Чопо (Конго, р. Чопо)—18
4 Им-Фут (Марокко, р. Умм-эр-Раба)—31	33 Оуэн-Фолле (Уганда, р. Виктория-Нил)—150
5 Вин-эль-Уидан (Марокко, р. Эль-Абид)—120	34 Пангани (Танганьика, р. Пангани)—17,5
6 Афурур (Марокко, р. Эль-Абид)—2	36 Пиана-Мваяга (Конго, р. Лулуа)—15
7 Эль-Кансера (Марокко, р. Уэд-Бехт)—14	37 Биа (Конго, р. Луфира)—40
8 Фодда (Алжир, р. Уэд-Фодда)—19,5	38 Франки (Конго, р. Луфира)—70
9 Гриб (Алжир, р. Уэд-Шелифф)—11	39 Делькоммюн (Конго, р. Луалаба)—120
11 Мишле (Алжир, р. Уэд-Себав)—10,5	40 Ле-Мариньял (Конго, р. Луалаба)—260
12 Ирил Эмда (Алжир, р. Уэд-Агриун)—24	41 Мабубас (Ангола, р. Данде)—17,5
13 Даргинах (Алжир, р. Уэд-Агриун)—70	42 Виопио (Ангола, р. Катумбела)—15
16 Небер (Тунис, р. Уэд-Мелле)—13	43 Матала (Ангола, р. Кунене)—40
17 Асуанская (ОАР, р. Нил)—260	44 Мулунгуши (ФРН, р. Мулунгуши) } 32
20 Гранд-Шют (Гвинея, р. Саму)—10	45 Лунсемфва (ФРН, р. Лунсемфва)
25 Элеа (Камерун, р. Санага)—150	46 Карба (ФРН, р. Замбези)—380
27 Джуэ (правобережное Конго, р. Джуэ)—14	47 Мавузи (Мозамбик, р. Ревуэ)—65
29 Квилу (Конго, р. Квилу)—10	48 Мпозо (Конго, р. Мпозо)—15

Гидроэлектростанции строящиеся

14 Джен-Джен (Алжир, р. Джен-Джен)—130	22 Биа (Берег Слоновой Кости, р. Биа)—29
15 Фернана (Тунис, р. Уэд-эль-Лиль)	35 Киймби (Конго, р. Киймби)—41
18 Высотная Асуанская (ОАР, р. Нил)—2040	49 Рузизи (Конго, р. Рузизи)—25

Гидроэлектростанции проектируемые

10 Иссер (Алжир, р. Уэд-Иссер)	24 Моно (Того, р. Моно)—10
19 Росейрская (Судан, р. Голубой Нил)—150	26 Сунди (правобережное Конго, р. Ниари (Квилу))—750
21 Сент-Пол (Либерия, р. Сент-Пол)	28 Инга (Конго, р. Конго)—400
23 Вольта (Гана, р. Вольта)—564	

Наряду с созданием гидроэлектростанций в странах, где гидроэнергетика и до войны играла большую роль в энергетическом балансе, ряд крупных и средних гидроэлектростанций создан в послевоенные годы и в тех странах, где гидроэнергетика до этого отсутствовала или почти отсутствовала. В Уганде в 1954 г. пущена гидроэлектростанция Оуэн-Фоллс на р. Виктория-Нил (первая очередь 60 тыс. кВт, проектная мощность 150 тыс. кВт). В Гвинее создана гидроэлектростанция Гранд-Шют мощностью около 10 тыс. кВт. В Мозамбике начала работать гидроэлектростанция Мавузи на р. Ревуэ (40 тыс. кВт). В бывшей Французской Экваториальной Африке в 1954 г. вошла в строй гидроэлектростанция на р. Джуэ (14 тыс. кВт). В Камеруне вступила в строй первая очередь гидроэлектростанции Эдея на р. Санага (20 тыс. кВт). Ведутся работы по расширению этой станции, с тем чтобы увеличить ее мощность до 150 тыс. кВт⁸.

Как мы уже отмечали, введение в строй даже одной средней или крупной гидроэлектростанции в условиях чрезвычайно слабо развитой энергетики приводит к большим относительным изменениям. Так, например, в 1953 г. в Уганде, до постройки гидроэлектростанции Оуэн-Фоллс, установленная мощность электростанций составляла 18 тыс. кВт, а процент мощности гидроэлектростанций равнялся нулю. После введения двух первых агрегатов Оуэн-Фоллс в 1954 г. (30 тыс. кВт) большая часть энергетических мощностей страны воплотилась в этой цифре, так как многие тепловые станции, в частности созданные для обслуживания строительства Оуэн-Фоллс, стали терять свое значение. С 1955 г. практически вся электроэнергия Уганды вырабатывается на гидроэлектростанции Оуэн-Фоллс.

В бывшей Французской Западной Африке до 1953 г. на долю гидроэлектростанций приходилось всего 2% установленной мощности электростанций. В 1953 г. этот показатель возрос до 31%. В бывшей Французской Экваториальной Африке, после введения в строй первой очереди гидроэлектростанции Джуэ в 1953 г. удельный вес гидроэлектростанций в установленной мощности электростанций возрос до 54% (во время как в 1952 г. он равнялся нулю), а производство электроэнергии, выработанной на гидроэлектростанции, составило в 1953 г. 35% и в 1956 г. — 64% всей электроэнергии, произведенной в стране.

В Камеруне после введения в строй первой очереди гидроэлектростанции Эдея ее мощности составили 69% всех установленных мощностей электростанций страны. В 1953 г. на долю гидроэлектростанций приходилось 46%, в 1954 г. — 81, а в 1957 г. — 97% всей электроэнергии, выработанной в стране.

Из сказанного следует, что во многих странах Африки со слабо развитой энергетикой (а такие страны составляют подавляющее большинство) создание не только крупных, но и средних по мощности гидроэлектростанций ведет к коренному изменению структуры энергетики. В энергетике этих стран гидроэлектростанции начинают играть первостепенную и нередко монопольную роль.

* * *

Рассмотрим основные закономерности в послевоенном африканском гидроэнергостроительстве и в размещении новых гидроэлектростанций.

В послевоенные годы важнейшие гидроэлектростанции в большинстве районов Африки создавались для обслуживания сырьевых экспортных отраслей хозяйства, в первую очередь горнодобывающей промышлен-

⁸ L. Durand-Réville, *Energie électrique et industrialisation*, — «Marches colon. mondes», t. 12, 1956, № 542.

ности и связанных с ней отраслей. При этом в одних случаях они предназначались для обеспечения энергией уже существовавших отраслей (с целью расширения производства) или создания новых отраслей, технологически связанных со старыми. Так было, например, в Конго, где гидростанции Катанги строились для расширения горнодобывающей промышленности и создания новых, связанных с ней отраслей — цветной металлургии и химической промышленности. В других случаях гидростанции строились с целью создания энергетической базы для новых в данной стране отраслей хозяйства. Примером может служить гидростанция Эдеа в Камеруне, основные мощности которой предназначены для обслуживания алюминийного завода — первого алюминийного предприятия в Африке (его строительство и эксплуатацию осуществляет компания «Алюкам»), давшего первую продукцию в 1957 г.⁹

Меньшие по масштабу гидростанции создавались для обслуживания важнейших городов, а в странах Северной Африки и для ирригационных целей. В Марокко значительная часть электроэнергии используется и в транспорте (около 70% железных дорог этой страны электрифицировано)¹⁰.

В послевоенные годы значительно возросло число стран, в энергетике которых большая роль принадлежит гидростанциям. К этим странам относятся Алжир, Ангола, Конго, Камерун, Федерация Эфиопии и Эритреи, правобережное Конго, Кения, Мальгашская республика, о. Маврикий, Марокко, о-ва Сан-Томе и Принсипе, Танганьика, Либерия, Уганда. Во многих из них гидроэнергетика базируется на небольших станциях.

Несмотря на расширение круга стран, в энергетике которых заметная роль принадлежит гидростанциям, в размещении гидроэнергетики сохраняется большая неравномерность.

Эта неравномерность проявляется в том, что многие африканские страны, в том числе и обладающие достаточными водными ресурсами, пока не имеют или почти не имеют гидроэнергетики (Сьерра-Леоне, Судан и некоторые другие). Не использованы или мало использованы в гидроэнергетических целях богатые гидроресурсами речные бассейны или их большие участки (Нигер, Замбези, Оранжевая, Нил и др.). Даже в «наиболее освоенном» с энергетической точки зрения бассейне Конго степень использования гидроресурсов ничтожна. В тех странах, где гидростанции и играют важную роль в производстве электроэнергии, число их, как правило, очень невелико. Нередко одна станция представляет собой всю энергетику или, по крайней мере, всю гидроэнергетику страны (зачастую весьма значительной по площади).

В связи с развитием в ряде районов Африки гидроэнергетики наблюдается тенденция некоторого продвижения электростанций и, следовательно, некоторого сдвига энергетической промышленности от побережья в глубь материка. Это объясняется тем, что эксплуатация гидроэлектростанций не связана с ввозом заморского топлива, а также тем, что в значительной части они предназначены для обслуживания сырьевых отраслей хозяйства во внутренних районах материка.

Наблюдается и еще одна тенденция в размещении электростанций: с участков судоходных (куда топливо можно было доставлять по рекам) они смещаются на несудоходные, порожистые участки, обычно благоприятные для строительства гидроэлектростанций.

⁹ «Aluminium in French Africa», — «Mining journal», 1957, vol. 249, № 6376, pp. 516—517.

¹⁰ А. В. Карпов, *Modern power and irrigation structures promote development of North Africa*, — «Civil engineering», 1947, vol. 17, № 6, p. 34.

Продвижение энергетики в глубь материка не означает обязательного сдвига в его внутренние районы. В тех странах и районах, где новые электростанции, и в частности гидроэлектростанции, создаются для обслуживания старых приморских центров или промышленности, использующей ввозное сырье, они не удаляются на большие расстояния от побережья. Примерами могут служить станция Джуэ в правобережном Конго, построенная для обслуживания Браззавиля, или гидроэлектростанция Эдеа в Камеруне, снабжающая энергией алюминиевый завод, работающий на глиноземе, привозимом из Франции (а в перспективе — из Гвинейской республики и правобережного Конго).

Сдвиг энергетики в глубь материка знаменует собой новый этап проникновения иностранного капитала в африканские страны. И поскольку речь идет о продвижении внутрь Африки в первую очередь гидроэлектростанций, то можно сделать вывод о том, что их послевоенное строительство — это новый этап вывоза капитала в Африку. Почти все построенные в Африке сколько-нибудь значительные гидроэлектростанции созданы иностранным капиталом, принадлежат ему и управляются его представителями. При этом гидроэлектростанции находятся в руках либо энергетических монополий («Энержи электрик дю Камерун» в Камеруне, «Социедаде гидроэлектрика до Ревуэ» в Мозамбике, «Электрисите э о де Мадагаскар» и «Энержи электрик де Мадагаскар» на Мадагаскаре, «Энержи электрик дю Марок» и «Сосьете марокэн де дистрибьюсьон д'о д'электрисите» в Марокко и др.), либо монополий, контролирующей горнодобывающую промышленность («Брокен Хилл девелопмент компани» в Северной Родезии, «Компани жеоложик э миньер дез энженьер э эндюстриель бельж (Жеомин)», «Сосьете де мин д'ор де Кило-Мото» в Конго и др.) или ряд ее отраслей. Наряду с компаниями, находящимися в руках капитала одной страны, заметную роль играют монополистические объединения капиталистов нескольких стран (например, «Юньон миньер дю О-Катанга» в Конго).

В довоенные годы иностранный капитал сколько-нибудь широко в гидроэнергетику Африки (за исключением нескольких стран) не проникал. Послевоенные изменения в этом отношении объясняются, по нашему мнению, следующими причинами.

На земном шаре резко сократилось число стран, в которые империалистические державы экспортировали капитал (выпали страны лагеря социализма, ограничили возможности вывоза капитала в ряд стран, освободившихся от колониальной зависимости). Поэтому империалисты стали рассматривать Африку как один из важнейших районов возможного приложения капитала.

В связи с наличием большого количества исключительно дешевой рабочей силы и очень высокой нормой прибыли в большинстве африканских стран в послевоенные годы иностранному капиталу, стремящемуся в современную эпоху к монополюльно высокой прибыли, представляется выгодным создавать в Африке не только сырьевые отрасли хозяйства, но и отрасли по первичной переработке сырья. А поскольку во внутренних районах Африки рабочая сила дешевле, чем в прибрежных, поскольку там больше возможностей и для внеэкономического принуждения, — не случайно и продвижение иностранного капитала, сдвиг ряда отраслей хозяйства и гидроэнергетики в глубь материка.

Наконец, в общей мировой выработке электроэнергии на долю ГЭС в настоящее время приходится около 30%, причем в целом ряде стран значительная часть экономических гидроресурсов уже использована¹¹

¹¹ Понятие «экономические гидроресурсы» не пользуется общей поддержкой среди энергетиков, так как для их оценки нет достаточно твердых критериев.

(в ФРГ — 80%, в Италии — 57, в США — 25%)¹². В целом в Западной Европе и Северной Америке освоена большая часть экономических гидроресурсов. При этом использованы наиболее пригодные к освоению гидроэнергетические створы¹³. В связи с этим в большинстве капиталистических стран ввод в строй новых мощностей происходит за счет тепловых станций. Поэтому доля энергии, вырабатываемой на гидроэлектростанциях, в Западной Европе и США в последние годы уменьшается¹⁴. Освоение гидроэнергоресурсов в большинстве районов Африки находится еще в начальной стадии. Здесь существуют огромные возможности для строительства гидростанций и создания энергоемких производств на базе дешевой электроэнергии.

Таковы основные причины, стимулирующие приток иностранного капитала в африканское гидроэнергостроительство и связанные с ним отрасли производства. В этом свете затея французского капитала с ввозом глинозема из Франции в Камерун для получения алюминия не выглядит парадоксальной. Не выглядят парадоксальными и некоторые проекты гидростроительства, например проект Инга.

Таким образом, тезис о падении роли гидроэнергии в энергетическом балансе, справедливый для Западной Европы и Северной Америки, нельзя распространять на Африку (а также на Азию и Южную Америку).

* * *

В послевоенные годы в ряде районов Африки известное распространение получил экспорт электроэнергии, особенно вырабатываемой на гидростанциях. Так, из Конго, с гидростанции Ле-Маринель, электроэнергия экспортируется в Северную Родезию, с гидростанции Мпозо — в Анголу, с гидростанции Джуэ в правобережном Конго — в город Леопольдвиль (левобережное Конго), из Мозамбика — в Южную Родезию, из Танганьики — в Кению, из Уганды (с гидростанции Оуэн-Фоллс) — в Кению¹⁵.

В условиях Африки экспорт электроэнергии отнюдь не является показателем высокого развития энергетики в странах-экспортерах. Как правило, он свидетельствует о слабом развитии в большинстве этих стран промышленности и весьма незначительном использовании электроэнергии в хозяйстве и в быту. Отсюда и стремление к экспорту электроэнергии в качестве возможного пути ее сбыта.

Вопрос о сбыте электроэнергии — это в конечном счете вопрос о ее потребителях. И хотя в нашем распоряжении имеются весьма ограниченные и не вполне сопоставимые данные о распределении электроэнергии по группам потребителей, на основании этих материалов все же можно сделать некоторые выводы (табл. 3).

Из приведенных цифр следует, что основным потребителем электроэнергии является промышленность, причем в наиболее развитой в промышленном отношении Южно-Африканской Республике роль промышленности в потреблении электроэнергии больше, чем в других странах

¹² Д. Б. Вольфберг, В. Е. Дорошук и др., *Общий обзор энергетики зарубежных стран...*, стр. 2.

¹³ Там же, стр. 11.

¹⁴ Там же, стр. 2.

¹⁵ Экспорт электроэнергии из Танганьики в Кению начался в 1954 г.; в 1957—1959 г. ежегодно экспортировалось 23—24 млн. квт-ч. Экспорт электроэнергии из Уганды в Кению происходит с 1958 г. (1958 г. — 90 млн. квт-ч, 1959 г. — около 125 млн.). См. «East African Statistical Department». «Quarterly economic and statistical bulletin», № 46, December, 1959, p. 92.

Африки. С 1932 по 1955 г. в ЮАР удельный вес промышленности в потреблении электроэнергии снизился на 11% и соответственно возросло бытовое потребление электроэнергии. В Марокко за этот же период удельный вес промышленного и бытового использования энергии значительно увеличился.

Т а б л и ц а 3
СТРУКТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ, %*

Страна	1932 г.			1955 г.		
	Промышленность	Транспорт	Прочие потребители (гл. образом быт)	Промышленность	Транспорт	Прочие потребители (гл. образом быт)
Алжир	55	9	36
Марокко	33	49	18	69	10	31
Тунис	63	6	31
ЮАР	84	7	9	73	7	20

* Составлена по данным, опубликованным в книгах: М. Б. Вольф и В. С. Клупт, *Статистический справочник по экономической географии капиталистического мира*, стр. 74; «Энергетика мира», стр. 20.

Распределение электроэнергии по группам потребителей — один из показателей степени электрификации страны. По этому поводу проф. Т. Л. Золотарев пишет: «Можно сказать, что в странах, где быт берет более 30—40% электроэнергии, степень электрификации населения будет более высокой. Наиболее высокое потребление электроэнергии для быта отмечается у Дании (64,6%) и Исландии (68,2%)»¹⁶.

Но Т. Л. Золотарев вполне справедливо видит недостаточность этого показателя и далее отмечает, что «структура электробаланса недостаточно определяет степень электрификации, для анализа необходимо привлечь данные по абсолютной величине производства электроэнергии»¹⁷.

Южно-Африканская Республика по-прежнему дает значительно больше половины всей электроэнергии, вырабатываемой в Африке. Но при постепенном увеличении выработки электроэнергии доля ЮАР в ее производстве на африканском континенте все же несколько уменьшается в связи с ростом производства в других странах. И хотя по масштабам производства электроэнергии эти страны не могут идти в сравнение с ЮАР, все же необходимо отметить, что важнейшими после нее производителями электроэнергии в Африке являются Федерация Родезии и Ньясаленда, ОАР, Конго, Марокко и Алжир. На долю ЮАР и указанных стран в 1955—1957 гг. приходилось более 92% всего производства электроэнергии в Африке. Доля остальных стран в производстве электроэнергии очень невелика, что свидетельствует о незначительном объеме их энергетики.

Некоторое представление о масштабах энергетики стран Африки дает табл. 4. Данные о производстве электроэнергии во всей Африке и в африканских странах с наиболее развитой энергетикой сопоставляются в ней с производством электроэнергии в некоторых странах Западной Европы (имеющих владения в Африке). Комментарии к этой таблице, по-видимому, излишни.

¹⁶ «Энергетика мира», стр. 19.

¹⁷ Там же, стр. 21.

Таблица 4

ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ В НЕКОТОРЫХ
СТРАНАХ АФРИКИ И ЕВРОПЫ*

Страна	Производство электроэнергии, млн. кВт-ч		
	1953 г.	1955 г.	1957 г.
Южно-Африканская Республика	13 345	16 351	18 947
Федерация Родезии и Ньясаленда	2 007	2 372	2 417
ОАР	1 197	1 411	1 693
Конго	1 073	1 445	2 489
Марокко	801	880**	939**
Алжир	771	885	1 016
Вся Африка	20 500	25 100	29 800
Бельгия	9 806	10 948	12 611
Франция	41 462	49 627	57 433
Великобритания	79 105	94 076	105 536
Испания	10 050	11 922	14 523
Португалия	1 380	1 890	2 371

* «United Nations. Statistical year-book 1958», New York, 1958, pp. 265—267.

** Данные относятся только к территории бывшего Французского Марокко.

В области гидроэнергетики первое место в Африке занимает Конго, на долю которого приходится до половины электроэнергии, вырабатываемой на всех гидростанциях континента. Далее следуют Марокко, Алжир и Федерация Родезии и Ньясаленда. В 1953—1954 гг. на долю этих четырех стран приходилось до 85% всего производства электроэнергии на африканских гидростанциях. И только в 1957 г. в связи с созданием в последние годы гидростанций в некоторых других странах Африки этот показатель уменьшился до 80%.

Таблица 5

ГИДРОЭНЕРГЕТИКА АФРИКИ*

Страна	1955 г.		1956 г.		1957 г.	
	Установленная мощность ГЭС, тыс. квт	Производство электроэнергии, млн. квт-ч	Установленная мощность ГЭС, тыс. квт	Производство электроэнергии, млн. квт-ч	Установленная мощность ГЭС, тыс. квт	Производство электроэнергии, млн. квт-ч
Конго	326	1330	420	1639	617	2375
Марокко**	290	770	290	837	290	858
Алжир	186	291	186	421	186	329
Федерация Родезии и Ньясаленда	38	222	39	223	42	227
Камерун	23	15	65	230
Уганда	60	79	60	95	90	148
Кения	25	...	26	177	26	181

* Составлена по данным «United Nations. Statistical year-book 1958», pp. 258—259, 265—267.

** Данные относятся только к территории бывшего Французского Марокко.

Однако двух показателей (структуры потребления электроэнергии и абсолютной величины ее производства) для характеристики энергетики явно недостаточно. Следует учесть еще один — производство электроэнергии на душу населения. Наиболее высоким показателем производства электроэнергии на душу населения в Африке располагает ЮАР. Однако этот показатель не свидетельствует о высокой степени электрификации быта населения ЮАР, потому что почти $\frac{3}{4}$ электроэнергии, вырабатываемой в стране, идет в промышленность. «...Степень электрификации быта населения, — отмечает Т. Л. Золотарев, — там весьма низка»¹⁸.

Второе место по производству электроэнергии на душу населения занимает Федерация Родезии и Ньясаленда. Но и в этой стране степень электрификации быта населения, а также ряда отраслей хозяйства весьма низка. Основная часть электроэнергии идет в горнодобывающую промышленность.

Во всех остальных африканских странах производство электроэнергии на душу населения весьма незначительно. Например, в Федерации Родезии и Ньясаленда оно в 5 раз ниже, чем в Великобритании, в Алжире в 12 раз ниже, чем во Франции, в Конго в 12 раз ниже, чем в Бельгии.

* * *

В настоящее время в ряде африканских стран — ОАР, Тунисе, Федерации Родезии и Ньясаленда, а также и в некоторых других странах — идет строительство новых и расширение старых гидроэлектростанций. Разработаны и разрабатываются гидроэнергетические проекты для Ганы, Нигерии, Конго. В чем состоят основные особенности проектов, осуществляемых и намеченных к осуществлению?

В колониальных странах осуществляемые и обсуждаемые проекты по-прежнему направлены в первую очередь на обеспечение одной — «сырьевой» эксплуатации страны. В качестве примера можно назвать крупную гидроэлектростанцию, построенную в ущелье Кариба на р. Замбези в Федерации Родезии и Ньясаленда. Она создана для обеспечения энергией расширяющейся горнодобывающей промышленности.

Наряду с таким направлением гидроэнергостроительства намечается и другая тенденция: использовать дешевую гидроэнергию колониальных и зависимых стран для переработки привозного сырья с последующим вывозом продукции (например, использование энергии р. Санага в Камеруне). Такой же характер имеет проект гидроэлектростанции Инга на Нижнем Конго. Он «предусматривает строительство колоссальной гидроэлектростанции и создание в этом районе металлургической и электротехнической (вероятно, электрохимической. — Ю. Д.) промышленности, включающей предприятия для производства алюминия, искусственного азота, урана и его изотопов, тяжелой воды, ферросплавов, металлического титана и др. На первом этапе основная роль отводится производству алюминия, сырье для которого может доставляться из Гвинейской республики, Ганы или Центральной Америки»¹⁹.

Создание гидроэлектростанций для расширения добычи сырья, а также связанных с ним отраслей промышленности по его первичной переработке, как и создание гидроэлектростанций для переработки привозного сырья, свидетельствует о продолжающейся эксплуатации иностранным капита-

¹⁸ «Энергетика мира», стр. 18.

¹⁹ В. А. Мартынов, *Конго под гнетом империализма*, М., 1959, стр. 143.— В этой же работе (стр. 143—145) см. подробную социально-экономическую характеристику проекта Инга.

лом природных богатств, в том числе и гидроэнергии, африканских стран для обеспечения сырьем промышленности империалистических государств. В колониальных и зависимых странах отсутствует крупное гидроэнергостроительство, направленное на создание энергетической базы для развития крупной обрабатывающей промышленности, для гармоничного развития всех отраслей хозяйства, для создания независимой экономики.

Иные тенденции обнаруживаются в экономике стран, освободившихся от колониальной зависимости.

Строятся первые гидроэлектростанции на Уэд-эль-Лиль и Уэд-Меллег в Тунисе — стране, которую буржуазные энергетики Запада считали абсолютно бесперспективной в отношении гидроэнергоресурсов. Освободившись от гнета колонизаторов, тунисский народ не только нашел эти ресурсы, но и осваивает их. Весной 1956 г. гидростанция Небер на Уэд-Меллег мощностью 13 тыс. кВт вошла в строй. Пуск гидростанции в Фернана на Уэд-эль-Лиль (в 150 км к западу от г. Туниса) был намечен на 1958 г.²⁰

Завершается строительство гидростанции на старой Асуанской плотине — первой крупной ГЭС в Египетском районе ОАР, энергия которой предназначена для обеспечения развития не сырьевых отраслей, а химической и металлургической промышленности. Первый агрегат станции вошел в строй в начале 1960 г.

Грандиозен проект Сэдд-аль-Али (высотной Асуанской плотины), предусматривающий решение комплекса задач по развитию национальной экономики Объединенной Арабской Республики. Напрашивается сравнение этого проекта с проектом Инга. Проект Сэдд-аль-Али направлен на создание энергетической базы для развития новых отраслей национальной промышленности, в том числе обрабатывающей, на расширение орошаемых площадей и т. д. Основная же цель проекта Инга — получение электроэнергии для переработки местного и привозного сырья с последующим вывозом продукции в империалистические страны. Из этого сравнения следуют два вывода.

Вывод первый: гидроэнергостроительство в колониальных и зависимых странах осуществляется в интересах иностранного капитала, иностранных монополий, а в странах, освободившихся от колониальной зависимости, — в значительной мере в интересах национальной экономики, национального капитала.

Вывод второй: гидростроительство в колониальных странах носит ярко выраженный односторонний характер; в странах же, освободившихся от колониальной зависимости, оно отличается значительными элементами комплексности при освоении водных ресурсов страны²¹.

Некоторые специалисты считают, что в развитии энергетики зарубежных стран за последние годы отчетливо выявляется стремление к комплексному использованию гидроресурсов (выработка электроэнергии, орошение, судоходство, рыболовство, сплав леса, регулирование паводков и др.). Однако пример гидроэнергостроительства в Африке свидетельствует о том, что абсолютизировать и распространять этот тезис на все без исключения зарубежные страны нельзя. В Африке он применим лишь к немногим странам. Правда, проектов комплексного использования африканских гидроресурсов имеется немало, но реализуются они очень редко и крайне медленно.

²⁰ M. Ferrand, M. Deglaire, *L'énergie électrique en Tunisie*, — «France outre-mer», 1956, t. 33, № 319, pp. 44—45.

²¹ Такое же явление наблюдается в современном гидростроительстве Индии.

А. Д. Дридзо

ИНДИЙЦЫ ОСТРОВА ТРИНИДАД

Остров Тринидад, расположенный почти у самых берегов Венесуэлы, близ устья р. Ориноко, по площади (4,8 тыс. кв. км) и по количеству населения (около 815 тыс.) занимает второе место в Вест-Индской федерации, объединяющей английские владения в Карибском море. Население острова очень разнообразно по этническому составу. Одной из характерных особенностей этого разнообразия является наличие на Тринидаде компактной группы индийцев, насчитывающей более 300 тыс.

Книг, специально посвященных индийцам Тринидада, насколько нам известно, не существует. Между тем судьба сотен тысяч индийцев, попавших в иные, чем на родине, условия, испытавших на себе значительное влияние со стороны крупнейшей группы населения острова — негров — и оказавших в свою очередь влияние на эту группу населения, несомненно, представляет интерес для изучения истории и этнографии Индии. А для изучения этнического состава населения принадлежащих Англии островов Карибского моря знакомство с важнейшим национальным меньшинством этого района имеет, конечно, первостепенное значение. Полученный материал, безусловно, окажет существенную помощь в выяснении вопроса о формировании нации или наций в Карибском бассейне. Даже те, далеко не исчерпывающие данные, которые удалось собрать, позволяют сделать вывод, что в этом процессе индийцы играют весьма значительную роль.

* * *

Массовый вывоз законтрактованных рабочих из Индии за пределы азиатского материка начался с 1830 г. и явился одним из последствий захвата этой страны английскими колонизаторами. Сначала индийцев доставляли на о-ва Реюньон и Маврикий, а затем в Австралию, Индонезию. Условия труда и жизни законтрактованных рабочих, по сути дела, ничем не отличались от рабства. Вскоре сведения об этом стали достоянием гласности. Они проникли в английскую печать, на страницах которой в то время происходила ожесточенная полемика в связи с начавшейся с 1 августа 1834 г. отменой рабства в британских владениях. Труднее стало вербовать рабочих на выезд: известия о том, что происходит на заморских плантациях, распространились и среди населения Индии.

Результатом всего этого и было принятие 1 июня 1837 г. первого закона, регулирующего вербовку и вывоз рабочих из Индии. Законом предусматривалось прежде всего, что каждый завербованный должен был совершенно добровольно подписать контракт и согласиться выехать на работу. Срок контракта составлял от трех до пяти лет, и по его истечении рабочих надлежало бесплатно доставить обратно на родину¹.

Однако и этот закон не исключал злоупотреблений, тем более что колониальные власти смотрели на его нарушения сквозь пальцы, а нередко оказывали вербовщикам и прямую помощь в «добровольном» наборе рабочей силы.

В описываемый нами период значительную часть завербованных направляли на острова Карибского моря. Положение в сахарной промышленности этого района было тогда весьма напряженным. Бывшие рабы должны были еще несколько лет отработать на своих прежних хозяев. Это решение возмущало негров, а плантаторы, недовольные отменой рабства, усугубляли возмущение рабочих крайне жестоким обращением с ними. Однако под угрозой восстания колонизаторам уже в 1838 г., т. е. гораздо раньше намеченного срока, пришлось окончательно освободить негров. Последние массами покидали плантации, переходя к возделыванию небольших участков на свободных землях во внутренних районах островов. Производство сахара пришло в упадок.

Поиски выхода из этого положения и привели к тому, что колонизаторы решили начать ввоз индийских рабочих — по 3 тыс. в год в Британскую Гвиану и на Ямайку и по 1,5 тыс. на Тринидад. Затем квоты увеличились: в Гвиану и на Ямайку постановили ввозить по 5 тыс., а на Тринидад — по 2,5 тыс. человек в год. 13 и 29 января 1838 г. первые группы индийцев прибыли для работы на плантациях Британской Гвианы. Массовый вывоз рабочих из Индии начался с 1844 г. К берегам Тринидада первый корабль с индийцами пристал в 1845 г. В течение первого года на остров было ввезено 225 индийских рабочих².

Условия работы на плантациях были крайне тяжелыми, а смертность среди рабочих — очень высокой. Малейшие попытки протеста жестоко подавлялись. Рабочие очень часто совершали побег с плантаций, но даже и тех, кому удавалось укрыться от преследования, подстерегала гибель. В то время тринидадская полиция каждую неделю находила в джунглях по нескольку трупов индийцев, заблудившихся и погибших после побега с плантации³.

Тем не менее вербовка рабочих в Индии продолжалась. Возникла целая армия субподрядчиков, завлекавших будущих эмигрантов и получавших за каждого подписавшего контракт от 1—2 рупий до 45, 75 и даже 100 рупий⁴. И, невзирая на явную недобросовестность вербовщиков, на почти невыносимые условия плантационной работы, все же находились люди, решавшиеся ехать за океан — настолько безысходной стала жизнь трудящегося индийца на родине.

К 1851 г. индийское население острова возросло до 3993 человек, к 1861 г. — до 13 488, к 1871 г. — 27 425, к 1881 г. — 48 820 (примерно 32% всего населения). Именно вследствие этого производство сахарного тростника стало быстро возрастать. За 1850—1879 гг. оно увеличилось с 20 тыс. до 67 тыс. т, т. е. более чем в три раза⁵.

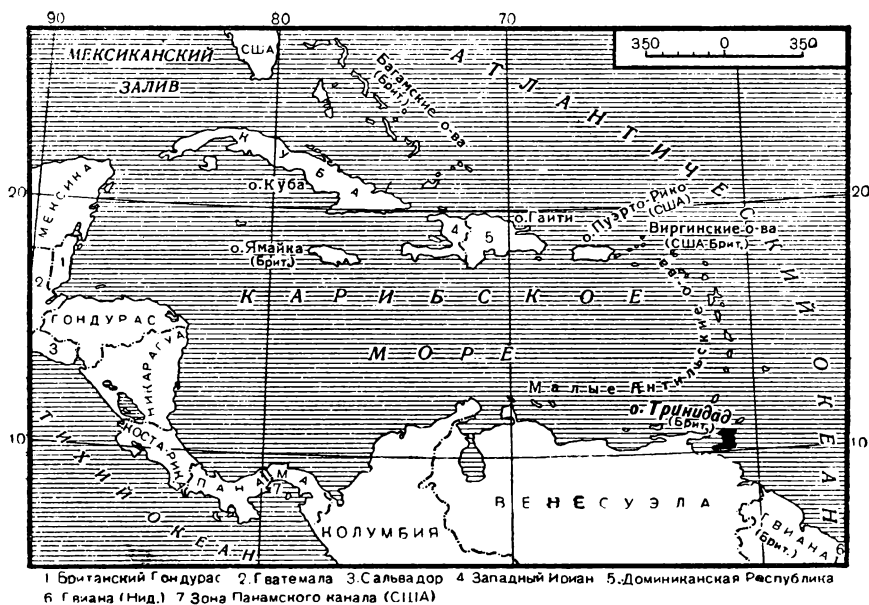
¹ Dwarka Nat, *A history of Indians in British Guiana*, London, 1950, pp. 9—10.

² Ibid., pp. 29—31; G. W. Roberts, *Population of Jamaica*, Cambridge, 1957, p. 114.

³ Dwarka Nat, *A history of Indians in British Guiana*, p. 36.

⁴ Ibid., p. 82.

⁵ P. G. James, *Changes in the Geography of Trinidad*, — «Scottish geographical Magazine», vol. 73, 1957, № 3, p. 160; G. W. Roberts, *Population of Jamaica*, p. 191.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ о. ТРИНИДАД

С развитием капитализма система контрактации рабочей силы начала приходить в упадок и в 1917 г. была отменена. Правда, небольшие группы индийцев продолжали прибывать на Тринидад в индивидуальном порядке, но семь лет спустя прекратилось и это движение. Всего, по подсчетам американского ученого Кингсли Дэвиса, за 1845—1924 гг. на остров переселилось 116 тыс. выходцев из Индии⁶.

Обычно от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$ ввезенных рабочих оставалось на островах Карибского моря. Объяснялось это прежде всего тем, что колониальный гнет у них на родине усиливался. Налоги разоряли крестьян, массовый ввоз фабричных изделий разорял ремесленников. Вернувшись на родину, индеец не мог найти применение своему труду. Положение усугублялось тем, что за время отсутствия он терял прежние семейные, родовые и кастовые связи. Тем, кому удавалось вернуться на родину, приходилось селиться в одном определенном районе близ Калькутты. Эти люди, как правило, не могли устроиться на работу, и у них оставался единственный выход — снова подписывать контракт⁷. Вполне понятно, что и на Тринидаде положение было нелегким, но там, по крайней мере, не существовало периодических голодовок, уносивших каждый год миллионы человеческих жизней.

Было бы весьма интересно установить, представители каких народов и уроженцы каких районов преобладали среди законтрактованных рабочих. К сожалению, по этому поводу имеются лишь отрывочные данные. Так, Дварка Нат отмечает, что первые рабочие, прибывшие в этот район Западного полушария из Индии, происходили из горного района Чхота Нагпур в Бихаре (так называемые горные кули) и из различных местностей прилегающего к Чхота Нагпуру округа Бардван (преимущественно из Банкуры)⁸.

⁶ K. Davis, *The population of India and Pakistan*, Princeton, 1951, p. 101.

⁷ H. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, — «Ibero-Amerikanisches Archiv», Jg. VII, 1933, Hft 3, S. 296.

⁸ Dwarka Nat, *A history of Indians in British Guiana*, p. 10.

Указанные районы в значительной степени населены племенами группы мунда, стоящими на более низком уровне развития, чем большинство других народов Индии. Именно в этот период английская колониальная администрация начала планомерное «освоение» их территории, поставив племена мунда в безвыходное положение. Лишенные средств к существованию, мунда уже в конце первой трети XIX в. становятся резервом дешевой рабочей силы — сначала для плантаций Ассама, а затем и для районов, находящихся за пределами страны. Предприниматели извлекали большие выгоды, пользуясь отсталостью мунда; они соглашались работать за самую дешевую плату. Вербовка рабочих этих племен для предприятий крупных промышленных центров продолжалась в Индии до последнего времени, причем завербованные предназначались для выполнения самой тяжелой и низкооплачиваемой черной работы.

Однако мунда не составляли и не могли составлять большинства среди завербованных уже хотя бы в силу своей небольшой численности. Значительный процент в числе отправившихся за океан составляли, по-видимому, упоминаемые Дваркой Натом тамилы и гуджератцы⁹; их предки еще тысячи лет назад совершали длительные морские путешествия. Но большинство индийцев Тринидада говорят сейчас на хиндустани, а не на тамилы и гуджерати. Это дает основание предполагать, что среди покинувших родину уроженцев Северной и Центральной Индии было больше, чем тамилы и гуджератцы¹⁰.

В таком случае, правда, возникает вопрос — как получилось, что большинство уехавших за океан происходило из внутренних районов страны, а обитатели приморских местностей, для которых морские путешествия были привычным делом, оказались в меньшинстве? Нам кажется, что противоречия здесь нет, и вот почему. Гуджератцы и тамилы, издавна знакомые с морем, обладали сравнительно широким кругозором. Они, конечно, отчетливее представляли себе, в какую далекую страну придется ехать, догадывались, вероятно, и о трудностях, которые их ожидают, и о том, что уехавшим, может быть, и не придется вернуться на родину. Поэтому только те из них, кому уже абсолютно нечего было терять, решались на переезд в Вест-Индию.

Одно вербовочное агентство еще в 1836 г. сообщало своему клиенту: «Туземцы совершенно ничего не знают о месте, куда они едут, или о продолжительности путешествия, которое они предпринимают»¹¹. Вряд ли эти слова можно отнести к обитателям районов, которые в течение тысячелетий жили морской торговлей.

Если о национальном составе завербованных для работы на плантациях имеются некоторые, пусть даже отрывочные данные, то об их классовой принадлежности мы почти никаким материалом не располагаем. Известно лишь, что это были прежде всего лишившиеся земли крестьяне и разорившиеся ремесленники. Характерно, что за первой партией, состоявшей из завербованных на плантации, за океан стали прибывать (уже по своей воле) небольшие группы индийских эмигрантов — торговцев, ростовщиков, подрядчиков и т. п. По кастовой принадлежности они обычно стояли выше плантационных рабочих. Эта категория переселенцев характеризуется сравнительно высоким процентом мусульман¹².

⁹ Помимо Калькутты, эмигранты отправлялись в Вест-Индию также из Бомбея и Мадраса.

¹⁰ Н. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, S. 297.

¹¹ Dwarka Nat, *A history of Indians in British Guiana*, p. 10.

¹² К. Davis, *The population of India and Pakistan*, p. 105.

Так, спустя сравнительно недолгое время после начала эмиграции среди индийцев формируются группы буржуазии, куда входят не только приехавшие из Индии купцы и ростовщики, но и разбогатевшие надсмотрщики, переводчики и др., уже после приезда успевшие нажиться за счет своих соотечественников из числа плантационных рабочих, над которыми они имели почти неограниченную власть.

* * *

В настоящее время тринидадские индийцы составляют примерно 39% всего населения острова¹³. Больше всего индийцев на юге и западе Тринидада. Здесь в ряде сельских районов они занимают довольно обширную территорию. Многие из индийцев, как и их предки, работают на сахарных и рисовых плантациях. Некоторые из них владеют довольно крупными земельными участками, но большинство — мелкие землевладельцы, крестьяне. Среди индийцев-горожан (живущих главным образом в Порт-оф-Спейне, административном центре острова) преобладают торговцы, транспортные рабочие (шоферы и др.), лица, занятые в обслуживании, ремесленники. Затем идут учителя, врачи, адвокаты, чиновники и т. д.

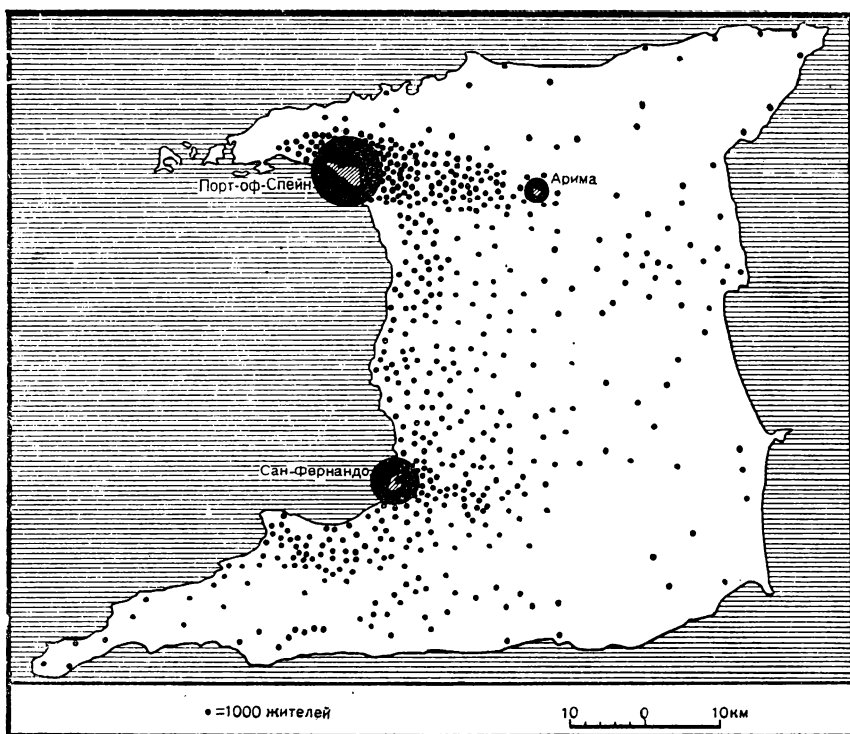
Большинство тринидадцев индийского происхождения — это вест-индцы во втором или даже в третьем поколении. Уроженцев Индии среди них насчитывается не более 10 тыс. (примерно 3%)¹⁴. Пока еще можно определить, к какому народу принадлежали предки того или иного индийца, но с годами это становится труднее. Сказываются смешанные браки (не только между разными народами Индии, но и между индийцами и неграми — потомков таких браков насчитывается уже 12 тыс.), а также широкое распространение языка хиндустани. В результате различия между потомками выходцев из того или иного района Индии сглаживаются, и человек чувствует себя уже не пенджабцем или бенгальцем, а просто индийцем. В значительной мере этому способствует и то чувство сплоченности, которое, естественно, возникло в среде индийцев (независимо от национальной принадлежности) вдали от родины.

Антропологические различия у многих тринидадцев индийского происхождения заметны еще достаточно ясно. Так, североиндийца, имеющего кожу светлого оттенка, даже и сейчас легко отличить от человека, предки которого принадлежали, скажем, к одному из народов Южной Индии. Характерно, что и остальные индийцы рассматривают группу темнокожих индийцев (так называемых мадрасси) как занимающую более низкое положение. Это, конечно, связано с расовой дискриминацией на Тринидаде, где цвет кожи играет важную роль. В самой Индии различия в цвете кожи существенного значения не имеют.

Известно, что предки индийцев Тринидада, прибывшие на остров в XIX в., не владели европейскими языками. Поэтому к каждой группе плантационных рабочих прикрепляли переводчика (часто он же был и надсмотрщиком). Современные тринидадцы индийского происхождения — все или почти все — владеют двумя языками. Вторым языком

¹³ D. Lowenthal, *The West Indies Chooses a capital*, — «Geographical review», vol. XLVIII, 1958, № 3, p. 340. — К. Дэвис приводит другую цифру — 40%, — правда, относящуюся к 1938 г. Возможно, это просто округленные данные. Карты, показывающие размещение и национальный состав населения на о. Тринидад, воспроизведены по статье: J. P. Augelli and H. W. Taylor, *Race and population catterns in Trinidad*, — «Annals of the Association of American geographers», vol. 50, 1960, № 2.

¹⁴ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, — «American anthropologist», vol. 59, 1957, № 5, p. 817.

РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НА о. ТРИНИДАД

обычно бывает английский (для людей, не получивших образования, — местный диалект этого языка). В тех местах, где в качестве разговорного сохранился испанский язык, они владеют и им. Примерно до половины 40-х годов можно было наблюдать сокращение числа знающих хиндустан, хотя в быту, особенно в сельской местности, им пользовались еще многие индийцы. Затем, однако, положение изменилось.

Национальный подъем, связанный с освобождением Индии от гнета английских колонизаторов и кризисом колониальной системы во всем мире, привел к тому, что хиндустан вновь стал распространяться на острове. Впервые за всю историю Тринидада индийцам удалось добиться создания школ (правда, разделенных по религиозному признаку — индуистских и мусульманских), где преподавание ведется на этом языке. Любопытно, что дети негры и мулаты, живущие в индийских деревнях, из-за отсутствия других учебных заведений также учатся в этих школах. Таким образом, и часть неиндийского населения острова тоже владеет хиндустан. Известно, наконец, что индийские фильмы, демонстрируемые на Тринидаде в большом количестве, идут без английских титров не только там, где живет много индийцев, но и во всех районах острова¹⁵. И в то же время многие индийцы-горожане, прежде всего те, кто исповедует христианство, да и вообще значительная часть молодежи, уже не владеют языком своих предков. Родным языком для них стал английский.

Претерпела изменения и кастовая система.

В одной из немногочисленных работ об индийцах острова приводится следующий список каст, сохранившихся среди них и поныне:

¹⁵ Ibid., pp. 820—821.

- а) высшие касты: брахманы, госаин, чатри,
 - б) средние касты: курми, ахир, каири, лохар, банья, кайаст,
 - в) низшие касты: чамар, дом, дхоби
- (очевидно, в списке приведены только крупные касты или группы каст; мелкие же касты и подкасты в нем не указаны).

В определенной степени сохранились и профессии, традиционные для определенных каст. Так, например, брахманы занимаются отправлением религиозного культа, банья — в большинстве лавочники, чамары и вообще люди низших каст — почти все сельскохозяйственные рабочие, бархаи (плотники) работают на строительстве, кохари (гончары) изготавливают посуду и т. д.

Но по чисто экономическим причинам подавляющее большинство брахманов уже не может ограничиваться только деятельностью в религиозной сфере. Очень многие из них, живущие в сельской местности, являются землевладельцами, а некоторые даже сочетают должность служителя культа с другими занятиями. Например, в районе Оропуче Лэгун один из брахманов днем работает шофером такси, а вечером служит в храме. Те же, кто уже не связан с профессией своих отцов, принадлежат к самым разнообразным группам землевладельцев (в сельской местности), городской мелкой, средней и крупной буржуазии, а также интеллигенции. Среди них можно встретить крупного торговца, адвоката и даже содержателя бара или пивной.

Следует отметить, что среди индийцев Тринидада людей высших каст всегда было очень мало; это отчасти объясняется запретом брахманам пересекать море. Тринидадские брахманы, нарушившие этот запрет, в какой-то степени уподобились тем своим коллегам в Индии, которые обслуживают касты низшего разряда. Кроме того, обращение брахмана к недозволенным для его касты занятиям вызывает у массы верующих осуждение и, безусловно, понижает его престиж. Однако уважение к брахманам все еще велико. На традиционных трапезах в праздники, на свадьбах брахманам предлагают угощение в первую очередь. Даже тех, кто уже не связан в своей деятельности с религией, почтительно называют «пандитджи» и т. д.

Среди индийского населения Тринидада до сих пор еще играет роль и принадлежность к низшим кастам. Здесь существуют поселки, населенные преимущественно людьми низших каст (например, Дом Вилидж в районе Оропуче Лэгун, все жители которого принадлежат к касте дом; окраина г. Пенэл и т. д.). Характерное занятие этих людей — свиноводство, и они употребляют в пищу свинину, чего остальные индийцы Тринидада не делают¹⁶.

Вполне понятно, что в каждой из социальных групп есть люди разных каст, а процент индийцев, занятых «нетрадиционными» для данной касты профессиями, значительно больше, чем в Индии, и растет он быстрее, чем там. Помимо влияния окружающей среды, известную роль в этом сыграло и то обстоятельство, что в условиях Тринидада отпали многие запреты, связанные с кастовой системой. Живущие на Тринидаде индийцы совершенно беспрепятственно общаются между собой. Обычай принимать пищу только в обществе людей своей касты здесь не сохранился: представители всех каст, от самых высших до самых низших, едят вместе. И лишь только в том случае, когда готовится праздничное

¹⁶ A. Niehoff, *A Survival of Hindu institutions in an Alien environment*, — «The Eastern anthropologist», vol. XII, 1959, № 3, pp. 174—175, 177; D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, pp. 817, 819; H. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, Ss. 298, 302.

угощение или свадебный стол, мусульман и индуистов низших каст не допускают к приготовлению пищи¹⁷.

Среди индийцев, вывезенных на Тринидад, довольно долгое время не было или почти не было женщин. Даже в первые годы XX в. мужчин-индийцев на острове было почти втрое больше чем женщин. Отсюда быстрое отмирание кастовой эндогамии, а также широкое распространение вторичных браков вдов и разводов. Отсюда, наконец, и уже упоминавшиеся индийско-негритянские браки.

Сейчас среди индийцев Тринидада кастовые ограничения при заключении браков, кастовая принадлежность, как правило, уже не играют роли; только в средних и особенно в высших кастах все еще наблюдается стремление «не понижать кастового уровня». Потомство смешанного в кастовом отношении брака обычно причисляется к более высокой из тех каст, к которым принадлежат родители. Это серьезное отличие от практики, существующей в Индии, где потомство относят к высокой касте только в том случае, если к ней принадлежит отец. Все это свидетельствует о том, что кастовая система на острове постепенно отмирает. Растет число людей, уже не имеющих возможности с уверенностью определить свою касту. Существуют даже группы индийцев, не знающих, к какой касте они принадлежат.

По религиозному составу примерно 75% индийского населения Тринидада — индуисты, остальные — мусульмане и христиане.

Однако индуизм тринидадских индийцев во многих отношениях отличается от религии, которую исповедует большая часть населения Индийской республики.

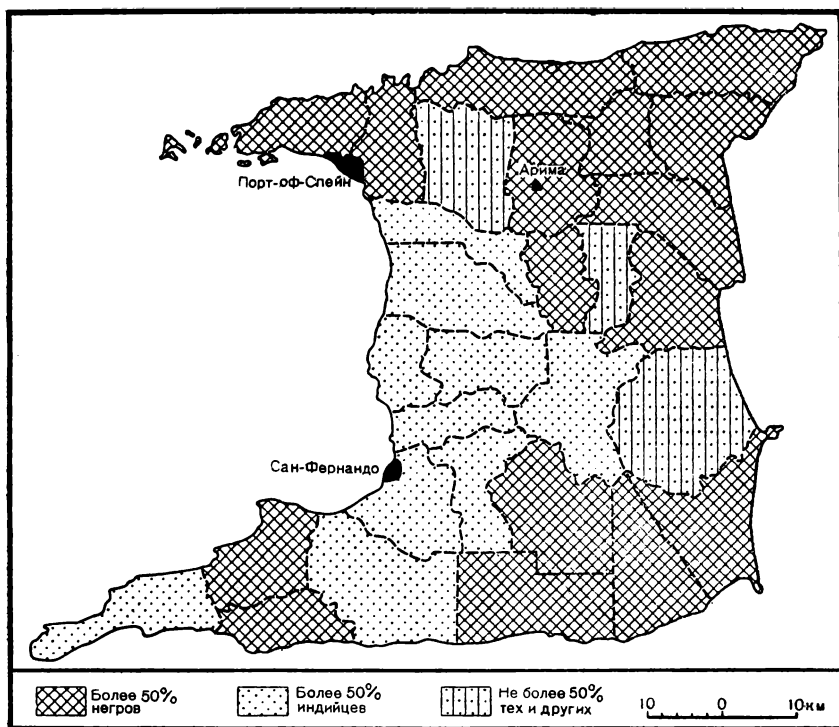
Изменения коснулись, например, обрядовой стороны религии. Прежде всего с момента прибытия индийцев на остров колониальные власти запретили сожжение трупов. Индуистам пришлось создавать кладбища и хоронить покойников в земле, хотя совершаемые при этом молитвы остались прежние.

Вместе с тем под влиянием религий, исповедуемых окружающим населением, существенные изменения появились и в обрядах индийцев. В этом сказалось влияние католической религии с ее пышной обрядностью, несомненно, импонирующей индийцам. Выходцы из Индии (часть белых и мулатов Тринидада — французского происхождения, потомки беженцев с Гаити периода революционных событий конца XVIII — начала XIX в.) переняли, например, французский католический обычай зажигать свечи на могилах предков в день всех святых. Распространилось среди индуистов и обыкновение совершать ежегодные паломничества в Сипарию, к статуе богоматери «Ла дивина пастора», считающейся среди католиков чудотворной. Индийцы сравнительно часто посещают католические богослужения. В страстную пятницу, например, среди участников торжественного богослужения в Бенедиктинском монастыре бывает столько индийцев, что многим католикам не удается даже войти в церковь¹⁸. Однако большинство индуистских праздников и обрядов сохраняется и по сей день. Повсеместно отмечают праздники «Дивали» и «Пхагва» (более известен под названием «Холи»), совершаются праздничные моления («пуджа»). На острове функционирует большое количество индуистских храмов.

Но не только религии окружающего населения повлияли на индуизм тринидадских индийцев. Имело место и обратное влияние. Известно, что негры, живущие в районах с преобладанием индийского

¹⁷ H. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, S. 298; A. Niehoff, *A Survival of Hindu institutions...*, p. 176.

¹⁸ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, pp. 821—822.

РАЗМЕЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП НА о. ТРИНИДАД

населения, иногда заимствуют у индусов свадебный церемониал, а подчас даже нанимают индийских пандитов (так называют на Тринидаде лиц, знающих священные санскритские тексты) для совершения «пуджа». В так называемой «Рамлила», десятидневной мистерии на сюжет «Рамаяны», теперь уже участвуют не только индийцы, но и негры и мулаты. Правда, они могут играть лишь отрицательных персонажей, врагов Рамы (кожа этих героев «Рамаяны» почернела от огня, который Хануман обрушил на о. Ланка, т. е. Цейлон, служивший убежищем врагам его господина). Вместе с тем вот уже лет 15 индийцы всех исповеданий принимают активное участие в традиционных карнавалах, возникших в конце XIX в. как праздники негров и мулатов¹⁹.

Любопытно, что это взаимное влияние коснулось и такой области, как остатки африканских верований у негров и пережитки старых магических обрядов у индийцев. Так, негры часто обращаются за помощью к индийским знахарям, а индийцы — к негритянским. Считается, что в «особо серьезных» случаях индийцу лучше всего поможет негритянский обиаэмн (колдун), а негру — индийский пандит²⁰.

Следует отметить также, что вся эта обстановка послужила благоприятной средой для распространения среди индусов всякого рода сект, реформирующих и упрощающих индуизм. На острове есть, в частности, группы приверженцев Кабира, основавшего в XV в. секту, которая сочетала индуистскую религию и ислам в своеобразной форме мистического монотеизма. Религиозное общество «Арья самадж», воз-

¹⁹ Ibid., p. 822—823.

²⁰ М. а. F. Herskovits, *Trinidad village*, New York, 1947, pp. 224, 242.

нижшее в Индии в 1875 г. с целью восстановления древней религии ариев (на основе Вед), также пользуется популярностью на Тринидаде.

В отличие от индуизма мусульманская религия была известна на острове задолго до прибытия сюда первого рабочего, законтракованного в Индии. Об этом говорит и тринидадское название мусульман — «мадингас». В числе завезенных из Африки рабов действительно была группа негров мандинго, исповедовавшая ислам. Потомки мандинго давно обращены в христианство, но название сохранилось, только оно обозначает теперь не негров, а индийцев-мусульман²¹.

По сравнению с индуистами мусульман на Тринидаде немного — не более 15% всех индийцев. Большинство из них суннитского толка (ханифиты). В 1933 г. Глазенапп отмечал незначительные группы шиитов и ахмадитов, но Краули в своей работе, написанной 24 года спустя, упоминает уже только о суннитах.

Довольно большое количество мечетей, выстроенных на Тринидаде, придает архитектуре острова своеобразный облик. Мечети продолжают стрсить и поныне (самая большая сооружена в Порт-оф-Спейне в 1927 г.)²². Ислам на Тринидаде в общем сохранил основные свои характерные черты. Обрядовая сторона религии не подверглась изменению; как и в других мусульманских странах, верующие тринидадские мусульмане стремятся совершить хадж (шаломничество в Мекку), но такое далекое путешествие доступно только немногим богатым людям. Правда, мусульманки на Тринидаде не закрывают лица. Однако этот обычай не обязателен и для многих стран, где ислам исповедует большинство населения.

Характерной особенностью для Тринидада является то, что здесь широко отмечается «Мохаррам», хотя праздник этот, как известно, шиитский, а тринидадские мусульмане все или почти все, как уже говорилось, — сунниты. Местное название праздника — *Hossé festival*. Любопытно, что почти под таким же названием (*Hussay festival*) он отмечается и на Ямайке, где индийцы составляют немногим более 2% населения, а мусульман среди них нет вообще.

Вопрос о путях проникновения этого праздника в Вест-Индию и о причинах его широкого распространения нуждается в специальном исследовании. Трудно, конечно, располагая чрезвычайно скудными данными, сравнивать тринидадский «Мохаррам» с настоящим, азиатским. Можно, однако, отметить, что на Тринидаде нет самоистязания, характерного для праздника в условиях Ирана или дореволюционного Азербайджана. Вместе с тем на острове наблюдаются такие моменты, которые отсутствуют на шиитском празднике в Азии. Важнейшую часть тринидадского праздника, например, составляет процессия с так называемым таджем — изображением здания довольно больших размеров из бамбука и бумаги. На Ямайке же в последний день праздника по улицам проносят изображение гроба из тех же материалов, который, собственно, и называется «Hussay». Название это возникло от того, что участники процессий обычно кричали: «Хасан!», «Хосейн!» Пронос «таджа» по улицам сопровождается плясками и барабанным боем, причем негры и мулаты уже принимают в процессии самое активное участие²³. Можно с уверенностью сказать, что тринидадский «Мохаррам» превратился в праздник типа негритянских карнавалов, и это превращение произошло хоть и недавно, но все-таки десятилетия

²¹ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, pp. 818—819.

²² H. Glasenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, Ss. 300—301.

²³ W. Bryce, *Pocket reference book of Jamaica*, Kingston, 1950, p. 26.

назад. Характерно, что теперь негры и мулаты не только участвуют в празднике, но и помогают соорудить «тадж».

Антагонизм между индусами и мусульманами, культивировавшийся британскими колонизаторами в Индии, незнаком или почти незнаком индийцам Тринидада. Смешанные браки на острове — обычное явление.

* * *

Почти сразу же по прибытии индийцев на остров начались попытки обращения их в христианство. В определенной степени эти попытки увенчались успехом. Немалую роль здесь сыграло то обстоятельство, что большинство индийцев, вывезенных на Тринидад, принадлежало к низшим кастам, т. е. именно к той категории, среди которой и в Индии христианские и мусульманские миссионеры добивались наибольшего успеха. Ведь только переменив религию, люди низших каст могли в какой-то мере избавиться от бесправия, от подчиненного и угнетенного положения.

Кроме того, обращенные в христианство пользовались значительными льготами и преимуществами. Иногда им предоставлялась более легкая работа. Канадские пресвитериане, а также католики и англикане открыли на Тринидаде школы для индийцев, принявших христианство. В течение длительного времени индийцы могли получить образование фактически только в этих учебных заведениях. Выпускникам миссионерских школ оказывалась помощь в устройстве на работу. Вполне понятно, что эта помощь осуществлялась не из любви к ближнему своему.

Поэтому не случайно, что в настоящее время значительную и весьма влиятельную часть тринидадской интеллигенции составляют индийцы-христиане.

Результатом этой политики, проводившейся при поддержке колониальной администрации, было то, что свободные профессии и государственная служба стали занятиями, характерными прежде всего именно для группы индийцев-христиан.

Если под этим углом зрения взглянуть на всю индийскую социальную верхушку, то окажется, что в среде торговой буржуазии преобладают мусульмане, в то время как финансисты и промышленники в основном индуисты. Необходимо, однако, подчеркнуть, что подавляющее большинство среди индийцев, исповедующих как ту, так и другую религию, составляют трудящиеся — сельскохозяйственные рабочие, мелкие крестьяне. Среди христиан процент рабочих и крестьян, по приведенным выше причинам, меньше; но именно из этой группы происходит значительная часть трудовой интеллигенции (учителя, врачи и т. д.)²⁴.

Сравнивая положение на Тринидаде и в Британской Гвиане, один современный американский географ приводит высказывание своего информатора — гвианского индийца. «В Британской Гвиане, — заявил этот человек, — мы говорим: мы — португальцы, индийцы, креолы; на Тринидаде же каждый — тринидадец»²⁵. Это высказывание, пожалуй, несколько категорично. Но все-таки оно правильно рисует тенденцию развития национального вопроса на Тринидаде.

Хотелось бы остановиться в этой связи на рассмотрении процесса ассимиляции индийского населения Тринидада, проходящего весьма не-

²⁴ D. F. Crowley, *Plural and Differential acculturation in Trinidad*, p. 818.

²⁵ D. Lowenthal, *The West Indies Chooses a capital*, p. 362. — «Креолами» в Вест-Индии называют местных уроженцев, потомков выходцев из Африки.

одинаково, различными темпами в разных группах индийцев. Наиболее типичны в этом отношении христиане. Многие из них уже утратили свой язык, старые индийские обычаи. Даже фамилии у них теперь другие — либо переделанные на английский лад, либо совершенно новые, такие, как Джон, Джозеф, Уильям и т. д., т. е., собственно, имена крестных отцов, употребленные в новом значении. Однако и в этой группе еще имеются люди, отмечающие «Дивали» и «Холи», тайно совершающие благодарственные моления²⁶.

К сожалению, мы не располагаем достаточными материалами, характеризующими быт тринидадских индийцев. Но даже и то, что можно извлечь из крайне скудной литературы, затрагивающей эти вопросы, представляется небызынтересным прежде всего в плане рассмотрения проблемы ассимиляции. Так, дома индийцев-горожан сохранили некоторые национальные черты лишь во внутреннем устройстве. В архитектурном же отношении подавляющее большинство из них уже не отличается от построек, характерных для тех районов Тринидада, где нет индийского населения. Старый тип хижины сохранился лишь в индийских деревнях. Остов ее изготовляют из бамбука, на который затем накладывают широкие пальмовые листья. Стены обмазывают илом, скрепленным сухой травой и навозом. Этой же смесью покрывают пол²⁷.

Национальная одежда сохранилась главным образом в деревне, хотя ее носит и часть горожан, прежде всего женщины.

Пища тринидадских индийцев включает еще многие национальные блюда: роти, дхальпури (виды хлебцев), керри (кушанье из риса с острыми приправами) и т. д. Эти блюда распространяются и среди негритянского населения, особенно в районах с преобладанием индийцев. Они начинают фигурировать даже в старинных негритянских обрядах вроде приношений предкам (так называемый родительский стол). Но большинство тринидадских индийцев всех вероисповеданий давно уже употребляют в пищу мясо, хотя в этой области и существует еще ряд запретов и ограничений. Мусульмане, как и везде, не употребляют свинины. Индуисты избегают говядины, а свинину едят только представители низших каст; любопытно, что женщина более высокой касты, вышедшая, например, замуж за чамара, будет готовить мужу кушанья из свинины, но сама их есть не станет. Блюда, приготовляемые для участников религиозных празднеств, для свадебного угощения, не содержат мяса²⁸. Характерно, что эти пищевые запреты в определенной степени сохраняются и среди индийцев-христиан (особенно в первом поколении).

Следовательно, и в бытовом отношении мы наблюдаем постепенный отход в прошлое многих старых национальных особенностей. Исключение составляют лишь сравнительно незначительные группы индийцев, живущих замкнутыми общинами в сельской местности. Здесь сохраняются и многие обычаи, уже утраченные остальной частью индийского населения Тринидада, и индийские языки. Здесь же, пожалуй, можно встретить людей, не только плохо знающих местный диалект английского, но и вообще не владеющих им. Хозяйство в таких общинах носит в значительной степени натуральный характер. Большинство

²⁶ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, p. 821.

²⁷ S. Selvon, *The West Indian Patchwork*, — «Geographical magazine», London, 1955, p. 218.

²⁸ D. F. Crowley, *Plural and differential acculturation in Trinidad*, p. 822; H. Glanzenapp, *Die Inder in Guayana und Westindien*, Ss. 301—302; A. Niehoff, *A Survival of Hindu institutions...*, p. 176.

жителей неграмотно, очень многие из них, прожив всю жизнь в 15—20 км от Порт-оф-Спейна, ни разу в жизни не побывали в городе.

Приведенные факты, однако, раскрывают лишь одну, хотя и существенную сторону проблемы.

Индийцы Тринидада в своем большинстве уже осознают себя как вест-индцы, и столетний период их пребывания на острове оставил заметный след в его истории. Мы отмечаем ту роль, которую они сыграли в развитии местной сахарной промышленности. Очень много сделали они также и для того, чтобы разведение крупного рогатого скота на Тринидаде превратилось в одну из первостепенных отраслей сельского хозяйства. Они же ввели на всех островах Вест-Индии не существовавшую там культуру риса. Но появление индийцев в Карибском бассейне было осложнено весьма важными последствиями. И если мы до сих пор ничего об этом не говорили, то лишь только потому, что стремились прежде всего более или менее систематически изложить историю переселения и наиболее характерные этнографические особенности тринидадских индийцев. Речь идет о негритянско-индийском антагонизме — факторе, который и по сей день оказывает влияние на многие стороны жизни острова.

Антагонизм этот существует. Но приведенный выше материал свидетельствует о том, что он отнюдь не является чем-то якобы от природы присущим каждому негру и каждому индийцу (как хотелось бы некоторым буржуазным историкам и этнографам, а также тем, кто направляет их деятельность). Совместная жизнь бок о бок с трудящимися индийцами, взаимное культурное и бытовое влияние привели не к росту этого антагонизма в широких массах негритянского рабочего класса и крестьянства, а, наоборот, к его ослаблению. То же самое можно сказать и о трудящихся индийцах.

История негритянско-индийских взаимоотношений на Тринидаде позволяет сделать вывод, что и в этом конкретном случае, несмотря на утверждения расистов, мы не находим «биологической» ненависти африканца к выходцам из Азии, и наоборот. Особенности национального вопроса на Тринидаде можно объяснить лишь исходя из моментов социально-экономических. Всякий иной подход к делу только запутывает его, не проясняя вопроса по существу.

Индийцы были ввезены на Тринидад для того чтобы заменить негров, ушедших с плантаций. По отношению к бывшим рабам они, сами того не ведая и не желая, объективно сыграли роль штрейкбрехеров. Именно здесь и находятся истоки индийско-негритянского антагонизма.

Для разжигания и поддержания этого антагонизма колонизаторы принимали и продолжают принимать всяческие меры.

В результате на Тринидаде возникли отдельные индийские общества и организации, вплоть до профсоюзов и политических партий. Создание всех этих организаций поощрялось колонизаторами не только потому, что они были своего рода противовесом освободительному движению негритянской части жителей острова, но и по той причине, что движение трудящихся индийцев не могло объединиться с движением негров.

Проблема объединения всего тринидадского народа в борьбе против колониализма, таким образом, до сих пор еще не решена.

Другой существенный момент состоит в том, что указанные выше причины привели к сосредоточению подавляющего большинства индийских трудящихся в сельском хозяйстве (плантационные рабочие, мелкие крестьяне), а также в различных областях обслуживания (транс-

портные рабочие, персонал гостиниц, ресторанов и т. д.). В нефтяной же промышленности, благодаря которой остров занимает сейчас первое место в Вест-Индской федерации по промышленному развитию, работают преимущественно негры и мулаты. Есть они и среди сельскохозяйственного пролетариата, крестьян, но в этой социальной группе индийцев больше. А все это в свою очередь означает, что путь к созданию союза рабочего класса и крестьянства на Тринидаде осложнен еще и вопросом национальным. Совершенно ясно, что ни колониальные власти, ни негритянская, мулатская или индийская буржуазия отнюдь не заинтересованы в исчезновении столь сложного вопроса из политической жизни Тринидада.

Однако наше время, время распада колониальной системы, вносит в эту проблему новое содержание.

На Тринидаде растет освободительное движение народных масс, все яснее осознающих весь вред национального антагонизма.

Именно эти новые веяния в политической жизни Тринидада приобретают сейчас все большую силу и все более широкий размах.

Л. Н. Гумилев

ТРИ ИСЧЕЗНУВШИХ НАРОДА

Происхождение народа тюркют

Тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии известны в самой глубокой древности начиная с III в. до н. э., но термина «тюрк» тогда еще не существовало.

На заре истории (III в. до н. э.) они назывались «хунну», позднее, в IV—V вв., — «гаогюй», или «теле», но эти названия, по-видимому, охватывают не все тюркоязычные племена, так что единого народа, говорившего по-тюркски, историей не зафиксировано.

Народ, именовавший себя «тюрк» (китайское название «ту-кю»), сложился в начале VI в. в Монгольском Алтае, причем этот этноним относился не ко всем тюркоязычным племенам, а лишь к небольшому народу, впоследствии захватившему гегемонию в Срединной Азии. До сих пор возникновение и эволюция этого народа не были исследованы достаточно полно и убедительно.

В XIX в. вопрос об этнической принадлежности народа «ту-кю» решался двояко: французская школа ориенталистов считала их тюрками; русский синолог Н. Я. Бичурин (Иакинф) с той же категоричностью называл их монголами. Открытые Н. М. Ядринцевым орхонские надписи как будто полностью установили идентичность «ту-кю» с тюрками. И тем не менее мы не можем безоговорочно принять эту идентичность.

Прежде всего необходимо заметить, что орхонские надписи составлялись в VIII в., тогда как народ «ту-кю» существовал в начале VI и даже в V в. Ханы «ту-кю» принадлежали к фамилии Ашина, что должно было означать «волк». В «Вэй-шу» и «Суй-шу» имеются легенды о происхождении этого народа.

При этом в двух, несколько разнящихся легендах из этих летописей главное место занимает происхождение предка тюрков от волчицы¹.

Очевидно, когда-то волк был «тотемом» тюрков, так как на их знаменах красовалась золотая волчья голова², а в плане кампании, составленном при дворе Гао-цзуна в Чанани, против западнотюркского

¹ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, М. — Л., 1950, т. I, стр. 220; St. Julien, *Documents sur les T'ou-kiue*, — «Journal Asiatique», 6 Serie, № 3, pp. 327—328, Paris, 1864. — Сведения мусульманских авторов мы не анализируем, так как под «тюрками» мусульмане подразумевали всю группу тюркоязычных племен, а не тот народ, который назывался «тюрк» в VI в.

² Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 229.

хана Хэлу, содержится знаменитая фраза: «Таковую следует употребить меру: гнать кочевых и нападать на волков»³. Под волками подразумеваются князья рода Ашина и их личные дружины.

Само слово «ашина» не тюркское. По-тюркски волк — «бури», «касқыр», «курт». В истории народов «ту-кю» фигурирует и «бури», однако оно используется для обозначения копыеносцев — гвардейцев, «фули»⁴, а не членов ханского рода.

«Ашина» — это трансформированное в китайском монгольское по происхождению слово (по-бурятски волк — «шоно», по-калмыцки — «чоно»). В китайском отсутствует иероглиф, читающийся «но». Начальный «а» — китайский префикс уважения. Таким образом, «ашина» обозначает «благородный, уважаемый волк», что соответствует известному нам смыслу термина⁵.

П. Пелио⁶ отмечает, что китайское название тюрок «ту-кю» передает не «тюрк», а «тюркют» («тюрк + ут»), что является формой монгольского множественного числа. По-тюркски было бы «тюрклер».

П. Пелио находит в орхонских надписях несвойственные тюркским языкам слова (преимущественно титулы и звания), оформляющиеся монгольским множественным числом. Например: «тархан», мн. ч. — «тархат», «тегин», мн. ч. — «тегит». К этому можно прибавить и термин «багадур»⁷ — титул Истеми, брата основателя династии Тумына. Истеми умер в 576 г., но термин «багадур» встречается и в VII в. Несомненно, что эти термины привнесены в тюркскую языковую среду извне.

Пелио высказывает гипотезу о том, что тюркская титулатура заимствована у жужаней, но наличия развитой титулатуры у последних не отмечено. Больше того, политическая структура Жужаньского каганата как будто исключает необходимость ее существования. В сноске к той же статье Пелио оговаривает возможность заимствования этой титулатуры у потомков тоба. Это предположение находит подтверждение в историческом анализе. Следует также отметить, что само слово «тюрк», согласно П. Пелио и А. Н. Кононову, значит «сильный, крепкий»⁸, что опять-таки подчеркивает происхождение этнонима из политического термина VI в. А. Н. Кононов пришел к этому выводу в результате глубокого филологического исследования. Термин «турк» он разъясняет как собирательное имя, значение которого было понятно на большой территории и которое «объединяло многие племена различного расового и этнического происхождения»⁹. Вывод А. Н. Кононова подтверждает соображения П. Пелио о наличии при политическом термине монгольского множественного числа, так как монголоязычные племена входили в состав первого объединения, называемого «ту-кюй» зафиксированного в III в. в Ганьсу¹⁰.

³ Там же, стр. 290; Ed. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux*, — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. VI, СПб., 1903, стр. 61.

⁴ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 229.

⁵ Н. В. Кюннер объяснял префикс «А» требованиями благозвучия (устное сообщение).

⁶ P. Pelliot, *L'origine des tou-kiue, nom chinois, des turcs, T'oung Pao*, 1915 (отд. оттиск).

⁷ Bahadur, mot turc, d'origine mongole, signifiait originellement «courgeux, brave», *Encyclopedie de la Islam*. 10ème livre, p. 585.

⁸ P. Pelliot, *La Haute Asie*, s. a., p. 12; А. Н. Кононов, *Опыт анализа термина «турк»*, — «Советская этнография», 1949, № 1.

⁹ А. Н. Кононов, *Опыт анализа термина «турк»*, стр. 47.

¹⁰ Ed. Chavannes, *Les pays d'Occident d'après Wei-liu, T'oung Pao*, 1905; Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, Л., 1926, стр. 210—211.

Нет никаких оснований сомневаться в общепринятом положении, что население Алтая в V и VI вв. было тюркоязычным. Но были ли тюркоязычны ханы Ашина? В «Суй-шу» приводится история основания их державы, не заключающая в себе ничего легендарного. «Другие сказывают, что дулгасский (тюркютский. — Л. Г.) Дом образовался из смешения разных родов, кочевавших в Пхинлян (западная часть Шэньси. — Л. Г.), он прозывался Ашина. Когда Тхай-Ву, император из Дома Вэй, уничтожил цзюйкюя (439 г.), то Ашина с пятьюстами семействами¹¹ бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев»¹².

Анализируя этот текст, Г. Е. Грумм-Гржимайло полагает, что часть тюрков во главе с князьями Ашина была переселена хуннами на юг, где и оставалась до изгнания хуннских князей из Хэси¹³. Но в такой гипотезе нет необходимости. В эпоху, предшествовавшую тобаскому завоеванию, кочевники внутри Китая уже не группировались по племенному принципу. Они собирались вокруг вождей, создавая небольшие орды, и так как большинство их были дезертирами из крупных сяньбийских держав — Муюн и Тоба, то межплеменным языком был сяньбийский, т. е. древнемонгольский¹⁴.

Поэтому какого бы происхождения ни были те «500 семейств», которые объединились под именем Ашина, между собою они объяснялись по-монгольски, до тех пор пока перепитии военного успеха не выбросили их из Китая на Алтай. Однако столетнее пребывание в тюркоязычной среде, разумеется, должно было способствовать быстрой перемене разговорной речи, тем более что «500 семейств» монголов были каплей в тюркском море. Надо полагать, что к середине VI в. и члены рода Ашина, и их спутники были совершенно отюречены и сохранили следы монголоязычия лишь в своей титулатуре.

Исходя из всего сказанного выше, мы имеем право констатировать, что Иакинф Бичурин не был полностью неправ. Тюрки VI в. (правильнее — тюркюты) — это сложносоставной народ, сложившийся в результате соединения в единое государство монголоязычной орды Ашина, вынесшей из Ордосских степей воинственные традиции своих сяньбийских предков, и тюркоязычного населения Большого Алтая, которое благодаря развитому кузнечному ремеслу снабдило своих будущих соплеменников оружием.

В середине VI в. оба эти элемента слились в единое целое и оправдали свое название «волок». Они создали огромную державу от Желтого до Черного моря, успешно воевали с Китаем, Ираном, Византией и терроризировали окружающие их кочевые племена, пока не погибли сами¹⁵.

¹¹ «Пятьсот семейств» нельзя понимать в буквальном смысле. В эпоху Чжоу это был термин, служивший для обозначения административной единицы второго разряда: «пять групп дан образуют округ Чжоу, включавший 2500 семей» (Чжоули, глава Дигуань, пер. М. Хвана). Следовательно, это место надо читать: «Ашина и его небольшая орда» или «Ашина с немногочисленными сторонниками».

¹² Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 221.

¹³ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, стр. 211.

¹⁴ K. Shiratori, *Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme*, SPb., 1902 (отд. оттиск) из «Bulletin de l'Académie impériale des sciences de S. Petersbourg», V Serie, Bd. XVII, № 2 (Septembre 1902). — Это мнение разделяет и Г. Е. Грумм-Гржимайло, который, указывая на то, что сяньбийцы были смешанным народом, признает их монголоязычие (см. Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, гл. III).

¹⁵ О причинах гибели восточной ветви тюрков см.: Л. Н. Гумилев, *Статуэтки воинов из Туок-Мазара*, — сб. МАЭ, № 12, 1949; Л. Н. Гумилев, *Алтайская ветвь тюрк-туго*, — «Советская археология», 1959, № 1.

Эпоха первого Тюркского каганата (546—659 гг.) имела огромное значение не только для истории Азии, но и для термина «тюрк». Кочевники, подчиненные ханам династии Ашина, понимали название «тюрк» как политический термин, означавший сопричастность к каганату. В этом смысле они и называли себя тюрками, когда с ними столкнулись арабы. Но мусульмане восприняли термин «тюрк» как общее название для кочевых племен Внутренней Азии, и Махмуд Кашгарский дал новую дефиницию: «Всевышний бог сказал: „У меня есть войско, ему я дал имя Түрк; его я на Востоке поселил. Когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, тюркам во владение тот народ отдаю”»¹⁶. Это уже совсем иное значение термина, чем в VI—VII вв., когда еще отмечалось различие между собственно тюрками, т. е. ордой ханов Ашина, и телесцами, дулу, нушиби, чуйскими племенами, хотя и те и другие говорили на одном языке. При этом необходимо отметить, что в VIII в. слово «тюрк» еще не принимало суффикса «лер», хотя уже утратило суффикс «ут»¹⁷. Исходя из этого, было бы правильно разграничить смысл терминов и для VI—VII вв. восстановить название «тюркют», а для позднего времени сохранить термин «тюрк», но уже как наименование лингвистической группы¹⁸.

Вернемся к рассмотрению тех племен, которые, принадлежа к тюркской группе, не были тюркютами.

История пограничных областей каганата и населявших их племен уже освещена в исследовательской литературе¹⁹, но внутренние районы изучены значительно слабее. Прежде всего это касается Джунгарии и Семиречья. Несмотря на то что именно здесь был центр двух мощных каганатов: западнотюркского и тюркешского, соотношение племен и их происхождение остается невыясненным. Семиречье населяли «чуйские» племена — чуюе, чуми, чумугунь, чубань, потомки юебань, среднеазиатской ветви хуннов²⁰. В Джунгарии обитали «телеские» племена киб и яньмянь, но они не представляют научного интереса, так как их этническая принадлежность и историческая роль уже раскрыты Э. Шаванном²¹. Загадку представляют племена аба и мохэ, они же абары и мукрины.

Мукри и истинные абары

Феофилакт Симокатта, излагая письмо кагана тюрков к императору Маврикию, сообщает, что в 50-х годах VI в. истинные абары (не смешивать с псевдоаварами, проникшими в Европу в это же время) были разбиты тюрками²².

¹⁶ «Мусульманский мир», Пг., 1918, стр. 40.

¹⁷ А. Н. Кононов, *Опыт анализа термина «тюрк»*, стр. 41.

¹⁸ Данное расчленение и уточнение термина было впервые предложено нами в 1949 г. на заседании Отдела Сибири института антропологии и этнографии, а в 1959 г. опубликовано в журнале «Советская археология» № 1, стр. 105. Целесообразность этого уточнения видна из того, что его, независимо от нас, приняли японские ученые (см. «Der Islam», Bd 35, 1960, — «Japanische Arbeiten über Zentralasien», Ss. 127—129).

¹⁹ Сводку и критический обзор литературы по данному вопросу см.: Л. Н. Гумилев, *Подробная политическая история первого тюркского каганата*, — Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук, защищенная 28.XII.1948 г. на Ист. фак-те ЛГУ (рукопись).

²⁰ А. Н. Бернштам, *Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии*, — «Советская этнография», сб. статей, 1947, стр. 156.

²¹ Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 123.

²² Theophilacti Simocattae, *Historiarum...*, ed. Bonnæ, lib. VII, cap. 7—9. — Имеется французский перевод: см. Ed. Chavannes, *Documents...*, pp. 246—247 и русский перевод С. П. Кондратьева.

Племя, называемое «абар» или «апар», упоминается в нескольких источниках. Приск Панийский сообщает, что в 461—465 гг. абары разгромили сабиров, в свою очередь потеснивших угорские племена Юго-Восточной Европы при отходе от наседавших на них абаров²³. Затем Феофилакт Симокатта предостерегает от смешения истинных абаров (αβαροις) с псевдоаварами — вархонитами, пришедшими в Европу в VI в. под давлением тюрков²⁴. Абары упоминаются и в большой орхонской надписи в числе племен, пришедших на похороны Бумын-кагана в 552 г.²⁵ В «Суй-шу» аба названы в числе племен, обитавших в Южной Джунгарии в конце VI в.²⁶ Абары попали сюда с берегов Балхаша, где в V в. только они и могли граничить с сабирами. Дату разгрома абар тюрками можно рассчитать: к 558 г., когда тюрки вышли на Волгу, абары уже были разбиты. Их поражению предшествовала победа тюрков над эфталитами, но не окончательная, в 569 г., а первая, имевшая место в 555 г.²⁷ Следовательно, разгром абаров произошел в 556—557 гг.

О их дальнейшей судьбе Феофилакт Симокатта повествует: «Когда абары были побеждены, то одни из них убежали к держащим Таугаст. Таугаст знаменитый город, в 500 милях от тех, кого я называю тюрки. Он на границе Индии. Поселившиеся вокруг Таугаста варвары — сильное и многолюдное племя, не сравнимое ни с каким другим племенем в мире. Другие абары, униженные своим поражением, отправились к так называемым мукри. Это племя, самое близкое к Таугастам. Они очень сильны на войне вследствие ежедневных телесных упражнений и презрения к опасностям»²⁸.

Литература об «истинных аварах» критически разобрана автором данной статьи в специальной работе²⁹. Таугасты — это сяньбийцы-тоба, в указанное и предшествующее время обладавшие Северным Китаем³⁰. Этническая принадлежность народа «мукри» и территория, им занятая, до сих пор не установлены. Решению этой задачи и посвящена настоящая статья.

В исторической литературе по поводу «мукри» высказано два мнения. Маркварт отождествил их с меркитами³¹. Однако с этим мнением нельзя согласиться, во-первых, потому, что перестановка согласных здесь ничем не оправдана, а во-вторых, потому, что меркитов нельзя назвать народом, близким к сяньбийцам-тоба, ни этнически, ни территориально. Э. Шаванн полагает, что мукри — это приамурский народ

²³ «Сказания Приска Панийского», пер. Дестуниса, — «Ученые записки II отд. ИАН», книга VII, вып. I, 1861, стр. 87.

²⁴ Феофилакт Симокатта, *История*, стр. 160—161.

²⁵ С. Е. Малов, *Памятники древне-тюркской письменности*, Л., 1950, стр. 36.

²⁶ St. Julien, *Documents sur les T'ou-kiue*, pp. 499, 529; Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 50.

²⁷ Н. Я. Бичурин, *История Китая*, VII (рукопись; ИВ, фонд 7).

²⁸ Феофилакт Симокатта, *История*, стр. 160.

²⁹ Л. Н. Гумилев, *Диссертация...*

³⁰ «Таугаст», в тюркском произношении «табгач». См.: С. Е. Малов, *Памятники древне-тюркской письменности*. — История вопроса: S. Klaproth, *Tableaux historiques de l'Asie*, Paris, 1826, p. 213; Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 230; W. Radloff, *Die alt-türkischen Inschriften der Mongolei*, III, SPb., 1895, S. 428; W. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, *Memoires de la Société Finno-Ougrienne* 1896, V, p. 139; Fr. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk*, S. 35; I. Marquart Eransahr, Berlin, 1901, S. 317; P. Pelliot, *L'Origine du nom de «Chine»*, *T'oung Pao*, VIII, pp. 731—732. —

Только Хаусиг считает, что Табгач — это город в Западном Туркестане, недалеко от Хубдана, основанный Александром Македонским. (Theophilacts Excurs über die skythischen Völker. Byzantion, t. XXIII (1953), Ss. 275—462; Bruxelles, 1954, Ss. 339—340). Оспаривать подобное утверждение излишне.

³¹ Eransahr, S. 54.

тунгусского племени, впоследствии называемый китайцами «мо-хэ»³². Но в этом случае остается непонятным, каким же образом «истинные авары», разбитые тюркютами около Балхаша и бежавшие от них, смогли попасть на Амур; ведь для этого им пришлось бы пройти через коренные тюркские земли и притом степи без малейшего укрытия. Да и то, что столь значительная по протяженности перекочевка не была замечена в Китае и не внесена в династийную историю, делает эту гипотезу неубедительной.

Вполне естественно, что там, где нет крепостей, от кочевников наиболее целесообразно спастись в горах. Но так как Алтаем владели сами тюрки, то теоретически единственным местом укрытия для истинных аваров была система Тяньшаня, около которой мы и застаем их в тюркское время³³. Следовательно, народ «мукри» нужно искать именно там.

Обратимся к исторической географии начала I тысячелетия н. э. Оказывается: с конца II по конец IV в. эти земли занимала «Западная сяньбийская орда». Сведения о ней содержатся в китайской географической энциклопедии «Дайцин Итунчжи» и публикуются впервые в переводе Н. Я. Бичурина³⁴. Основной территорией этой орды была Южная Джунгария. На западе сяньби граничили с Усунью в районе Тарбагатая, на востоке им принадлежали степи вокруг оз. Баркуль, на юге они владели оазисом Хами. На этом и исчерпываются сведения о западных сяньби, полученные нами из «Дайцин Итунчжи». В следующую, Северо-Вэйскую, эпоху (V—VI вв.) названные земли уже принадлежат орде Жужань.

Но каково было этническое самоназвание западных сяньби? В VI—VII вв. на западной окраине очерченной территории мы застаем тюркешское племя «мохэ», имя которых однозвучно с именем приамурских «мохэ»³⁵, хотя и передается разными иероглифами. Это далеко не случайно. Во II в. сяньбийский вождь Таншихай покорил западную половину Маньчжурии и затем совершил несколько походов на запад. Подобно всем кочевникам, сяньбийцы включали покоренных в свои войска, поэтому мы допускаем мысль, что западные и восточные «мохэ» одного происхождения. «Западная сяньбийская орда» возникла после распада державы Таншихая и состояла из дружин, оставшихся на завоеванной территории. Вполне понятно, что члены этой орды сохранили свой этноним, т. е. «мукри». Приведенный фактический материал достаточно убедительно объясняет отмеченную Феофилактом «близость» «мукри» и таугастов-тоба, а также соседство племен «аба», т. е. «истинных аваров», и «мохэ», т. е. «мукри», в VI—VII вв. Длительное пребывание западных «мукри» в новой среде не могло не отразиться на их облике, и потому китайские географы подобрали для обоих разделов «мохэ» разные иероглифы с одинаковым звучанием, характеризующие их быт и культуру. Для приамурских ключом является звериная шкура, для джунгарских — трава.

Итак, теперь мы имеем право сделать вывод, что «мукри» — это не что иное, как смешанное тунгусско-монгольское племя, перешедшее от охоты к кочевому скотоводству. Будучи немногочисленны, они не

³² Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 230.

³³ В Южной Джунгарии, где они разбили хана Далобяня, отступившего затем в Бухару.

³⁴ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии*. Под редакцией Л. Н. Гумилева и М. Ф. Хвана, Чебоксары, 1960, стр. 542, 549, 553.

³⁵ Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 346.

могли успешно соперничать с жужанями и уступили им свои восточные земли около оз. Баркуль и оазиса Хами, а центром района их собственного обитания стал г. Мохэ, находившийся между Гучэном и Урумчи³⁶.

Предлагаемое здесь восстановление хода процесса этногенеза находит подтверждение в источнике более позднего времени, относящемся непосредственно к народу «мукри».

Рашид Эддин сообщает о них следующее: «Племя бакрин, *بكرين*, их также называют мукрин *مكرين*. Жилище их находится в стране Уйгуристан, в крепких горах. Они не монголы и не уйгуры»³⁷. Согласно Рашид Эддину, произношения *مكرين* и *بكرين* зависят от разницы диалектов. По той же причине тот же народ называют также «кабрин» *كبرين*³⁸. Рашид Эддин считает, что относятся они к степным племенам, похожим на монголов, происходящим от племен дядей мифического Угуз-хана. В этот раздел входят кераиты, найманы, онгуты, тангуты, бакрины и киргизы³⁹, т. е. разнообразные племена, этническая принадлежность которых различна и весьма неясна. В тех же выражениях сообщает о мукринах Абуль-Гази⁴⁰, восходя, очевидно, к Рашид Эддину. Наконец, о мукринах упоминают Плано Карпини⁴¹ и Мин-ши⁴².

В монгольскую эпоху область мукринов составляла удел Хайду, внука Угедея, и затем, по-видимому, вошла в Чагатайский улус. Когда власть чагатайских ханов пала и в степи организовывался узбекский племенной союз, то в числе вошедших в него племен были и мукрины⁴³. Ныне мукринов нет, хотя в 1896 г. Г. Е. Грумм-Гржимайло встретил в Карлыктаге остатки какого-то племени, говорившего на смеси монгольского, китайского и тюркского языков⁴⁴, но, были ли это последние мукрины или кто другой, решить невозможно.

В прослеженном ходе событий остается неясным один вопрос: объединение двух воинственных племен — мукри и абаров — не могло не создать грозной силы, и эта сила не могла не обнаружить себя после падения Великого тюркского каганата, т. е. во второй половине VII в. Эту силу мы находим — Тюркешский каганат возник именно в указанное время и на той самой территории, где объединились абары и мукри, — в Западной Джунгарии и Семиречье. Анализ истории Тюркешского каганата подтверждает все выводы, сделанные нами раньше.

Тюргеши

Подобно абарам и мукри, тюргеши (правильнее тюркеши, кит. — тукиши) не принадлежали ни к телеской, ни к чуйской, ни к собственной тюркской (тюркютской) группе. Первые сведения о тюргешах относятся ко второй четверти VII в., когда они были перечислены в состав

³⁶ Ibid., p. 271.

³⁷ Рашид Эддин, *Сборник летописей*, СПб., 1858, стр. 129.

³⁸ Там же, стр. 70.

³⁹ Там же, стр. 8.

⁴⁰ Г. Саблуков, *История Абуль-Гази*, ч. I, Казань, 1854, стр. 40.

⁴¹ Плано Карпини, *История монголов*, СПб., 1911, стр. 35.

⁴² Д. Покотилов, *История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634*, СПб., 1893, стр. 135.

⁴³ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, стр. 533.

⁴⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Описание путешествия в Западный Китай*, т. I, СПб., 1896, стр. 484—485.

ве пяти племен дулу⁴⁵. Затем, когда Западно-тюркский каганат был завоеван китайцами в 659 г., тюргеши населяли два военных округа: Булоу в верхней части долины р. Или, где жили роды согэ и мохэ, и Гошань, к западу от р. Или, где обитали алишэ⁴⁶. «История династии Тан» говорит о происхождении и этнической принадлежности тюргешей только то, что они составляли «особливое поколение» в Западном каганате⁴⁷.

Н. А. Аристов⁴⁸ и Г. Е. Грумм-Гржимайло⁴⁹ считают, что тюргеши пришли с Алтая. Основанием для этого служит показание В. Радлова о том, что среди черневых алтайцев есть отдел тиргеш⁵⁰. Однако звуки «тиргеш» и «тюркеш» имеют сходство лишь для русского уха, но не для тюркского, и сопоставление, основанное на случайном фонетическом сходстве, совершенно неубедительно. Для Н. А. Аристова оно вызвано его стремлением вывести все тюркские племена с Алтая. Вполне понятно, что для нас такая тенденция неприемлема, ибо искагь предков тюргешей среди черневых татар нет никаких оснований.

Но политическая история дает нам ключ к разъяснению этого внезапно возникшего этнонима.

В 635 г. в системе Западного каганата пять племен союза дулу получили равные с тюркютами права. Одним из этих племен были тюргеши.

Само слово «тюркеш» можно прочесть как «тюрк+еш»⁵¹, где «еш» — уменьшительный суффикс (теленгитский язык), т. е. в переводе оно будет означать «младший тюрк», «тюрченок» (словообразование, аналогичное «Малороссия» и «малоросс»). Это наименование было дано населению Илийской долины в знак его приобщения к господствующему племени, т. е. тюркютам, и постепенно новое административное название вытеснило старое племенное.

Подобные приемы в Азии нередки. Например, торгоуты — это калмыцкое племя, которое происходит от ближайших родичей Ван-хана керайтского, и само их название «торгоут» значит телохранилище⁵². Хезарейцы в Афганистане — монголы, входившие в расквартированную там тысячу (هزار). Наконец, мамлюки в Египте, пополнявшиеся сначала только покупкой невольников, захватив власть, превратились в подобие племенной группы.

И все-таки предположение, что тюргеши являются потомками абаров, было бы гипотезой, если бы не два факта, подтверждающих его.

Среди тюргешей отмечен род мохэ. Э. Шаванн доказал, что это китайская передача названия «мукри», того самого, к которому бежали абары от тюркютов в 557 г.⁵³ Во второй половине VII в. мукри фикси-

⁴⁵ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 289.

⁴⁶ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, стр. 269.

⁴⁷ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 296.

⁴⁸ Н. А. Аристов, *Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности*, — «Живая старина», вып. III и IV, 1896, стр. 27 (отд. оттиск).

⁴⁹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, стр. 269, прим. 4.

⁵⁰ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Leipzig, 1893, S. 213.

⁵¹ Е. Прицак считает аналогичными слова тюркют и тюргеш — *tür+gi+s*, усматривая в *k-g* суффикс собирательности (см. O. Pritsak, *Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker. Ural-Altäische Jahrbücher*, 1952, H. 1—2, S. 76).

⁵² Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, стр. 570.

⁵³ Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 230.

руются на том же месте, что и в середине VI в., и в тесном симбиозе с родами согэ и алишэ.

Второй факт тесно связан с первым. История знает немало случаев, что когда куда-либо прибывало много беглецов, то, как бы хорошо они ни были приняты, между ними и старожилками часто наблюдался некоторый антагонизм. Правда, со временем он иногда стирался, а иногда оставался. Если наше предположение о том, что тюргеши были народом, возникшим из смешения мукри и абаров, правильно, то разница между ними должна наблюдаться даже и тогда, когда они уже слились в один народ. И действительно, междоусобная война «желтых» и «черных» родов раздирала тюргешей больше, чем какой-либо другой современный им народ.

Н. А. Аристов, отмечая социальную подоплеку этой войны, указывает, что желтый цвет в Азии — это царский, аристократический цвет, а черный — вообще низкий, худший. В применении к племенам и родам он означает младшую часть племени, например кара-кидани⁵⁴. Н. А. Аристов также полагает, что черные роды — это дулаты и киргизы, подчиненные тюргешам, но в указанный период дулаты и нушиби продолжают существовать наряду с тюргешами⁵⁵. Поэтому желтые и черные роды нужно искать в составе собственно тюргешей. Здесь они и обнаруживаются.

Основатель Тюргешского каганата Учжилэ был «мохэ дагань» (тархан)⁵⁶, т. е. происходил из мукрийцев. Он и его сын Согэ были представителями желтых родов⁵⁷.

Согэ был взят в плен восточнотюркским ханом Мочжо и казнен в 711 г. Власть захватил Чеби Шичжо Сулу, происходивший «из отдельного тюргешского рода»⁵⁸. Чеби пал жертвой заговора желтых (738 г.), во главе которых стояли князь Думочжи и опять-таки мохэ дагань⁵⁹, т. е. мукрийский тархан⁶⁰, личное имя которого не сохранилось. Разделавшись с каганом Сулу, Думочжи попытался продолжать защиту дела черных. Он поставил сына убитого хана, Тухосяня, ханом и атаковал мохэ даганя. Последний, опершись на союз с Китаем, разбил своих противников, захватил власть и восстановил господство желтых родов.

Однако в 742 г. власть вновь захватили черные роды, поставив ханом Эль-этмиш Бильге Кутлуга, которого сменил Тенгри Улуг Мунмиш.

⁵⁴ Н. А. Аристов, *Заметки об этническом составе тюркских племен...*, стр. 28.

⁵⁵ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 296.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 299.

⁵⁸ Там же, стр. 297.

⁵⁹ Там же, стр. 300.

⁶⁰ «Мохэ» (Э. Шаванн читает «Бага») ни в коем случае не может быть именем собственным, так как еще Учжилэ имел титул «мохэ дагань» (см.: Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 296; «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. VI, стр. 43 и 79).

А. Н. Бернштам опубликовал тюргешскую монету с надписью уйгурским шрифтом: , т. е. „türgäš qaγan baj baγa“ («Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа»), т. II, 1940, стр. 105. Как видно из транскрипции, буква одинаково означает q и γ. В таком случае можно прочесть вместо ba γa—baqa-qaγan, т. е. первый слог этнонима bakrīn بکرىن, равнозначного с мукрин. Китайцы так и делают. Название племени и титул тархана они пишут одними и теми же иероглифами. Это показывает, что термин мохэ-бага означает принадлежность к племени, в данном случае мукрин-бакрин. При этом необходимо учитывать, что мохэ дагань — мукрийский тархан титул родовой, так как в чиновной иерархии Тюргешского каганата интересующий нас персонаж носил титул «куль-чур» и управлял племенем Чумугуль (см. Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 285).

В 756 г. желтые роды собрались с силами, и снова вспыхнула междоусобная война, в результате которой тюргеши ослабли настолько, что в 766 г. принуждены были подчиниться частью карлукам, частью уйгурам⁶¹.

Из разбора этих событий следует, что желтыми родами были старожилы-мукрийцы, а черными — пришельцы-абары и что все известные факты подкрепляют предположение, высказанное в виде гипотезы.

Тюргеши были многочисленным народом. В момент кульминации хан Согэ имел 300 тыс. воинов⁶². Эта, вероятно, завышенная цифра, кроме собственно тюргешей, включает в себя вспомогательные войска соседних племен, подчинившихся тюргешам после развала Западно-тюркского каганата и пресечения династии Ашина.

Это видно из того, что отец его, Учжилэ, основатель династии, имел только 140 тыс. воинов⁶³ и то благодаря тому, что «умел успокаивать подчиненных, чем приобрел уважение и доверенность их, и кочевые повиновались ему»⁶⁴.

Черные роды не отличались многочисленностью. Н. Я. Бичурин отмечает, что всего у хана Сулу насчитывалось 200 тыс. душ, а не воинов⁶⁵, т. е. они составляли примерно $\frac{1}{3}$ тюргешского народа.

Применяя обычный коэффициент расчета отношения войска к народу для варварских держав, где каждый взрослый мужчина — воин⁶⁶, можно с известной точностью определить численность тюргешей. Она колеблется от 500 тыс. до 700 тыс. По тем временам это очень много, особенно если учесть, что в 754 г. население Китая достигало всего лишь 58 млн. и что на этот период приходится максимальный расцвет Танской династии⁶⁷. Но если образование мощного тюргешского народа удовлетворительно объясняется объединением мукрийцев и абаров, то чем же можно объяснить его быстрое падение и полное исчезновение?

Вновь обратимся к рассмотрению политической обстановки VIII в.

Это было бурное время. Четыре могущественных государства боролись друг с другом за господство над степью и оазисами Западного и Восточного Туркестана.

С востока на Тянь-Шань замахнулась империя Тан, и тюргеши не могли не считаться с ней. Еще большую опасность представляли орхонские тюрки, разгромившие желтых тюргешей в 711 г.⁶⁸ Хан черных родов Сулу нашел союзника в лице Тибетской империи и с ее помощью ограбил китайские владения в Восточном Туркестане⁶⁹. Но на западе возник новый мощный враг — арабы.

Захватив власть, желтые роды снова ориентировались на Китай, но уже при условии признания их господства и суверенитета в ущерб последним представителям тюркютской династии Ашина. Китайское правительство пошло на эти требования. Однако, ввиду того что в 742 г. власть опять захватили черные тюргеши, этот союз не оказался прочным⁷⁰. Для последующей расстановки сил это имело решающее

⁶¹ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 300.

⁶² Там же, стр. 297.

⁶³ Там же, стр. 296.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, стр. 297.

⁶⁶ Отношение рассчитано на основании изучения европейских варваров-германцев. Количество мужчин-воинов составляет 20%.

⁶⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, стр. 338.

⁶⁸ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 297.

⁶⁹ Там же, стр. 298.

⁷⁰ Там же, т. II, стр. 300.

значение, так как в битве при Таласе в 751 г., когда китайцы столкнулись лицом к лицу с арабами, на стороне последних выступили карлуки, и Гао Сянь-чжи был наголову разбит Зияд ибн Салихом.

После этого сражения многое изменилось. Китайцы отказались от претензий на Среднюю Азию, а восстание Ань Лушаня окончательно подорвало силы Танской империи. На севере усилилось Уйгурское ханство, парализовавшее тибетское влияние к северу от Тянь-Шаня, а запад достался мусульманам и их союзникам — карлукам. Немудрено, что в таких условиях Тюргешское ханство, раздираемое междоусобной войной, не могло уцелеть. Тщетные попытки снестись с Китаем продолжались до 758 г., но помощи ниоткуда не пришло. В 766 г. карлуки, уже подчинившие себе десять родов (дулу и нушиби), покорили часть тюргешей, а прочие тюргешки поддались уйгурам. И больше имени «тюргеш» в истории Средней Азии мы не встречаем.

Тюргешки унаследовали традиции западных ханов Ашина, и все их культурные связи тянулись к Китаю. Восточнотюркские ханы, враги Китая, были одновременно и врагами тюргешей; согдийские дехканы, древние союзники Китая, пользовались полной поддержкой тюргешей в борьбе против арабов. Не случайно тюркских (в том числе и тюргешских) всадников персы именуют «китайские тюрки»⁷¹, подчеркивая этим принадлежность последних к дальневосточной культуре.

Но решающий удар по тюргешам нанесло изменение экономики, тесно связанное с описанными нами событиями.

Караванная торговля пришла в упадок, так как на западе арабы разгромили согдийских купцов, а на востоке восстание Ань Лушаня привело к полному обнищанию Китая. В результате этого посредническая роль Тюргешского каганата свелась к нулю. Лишенный экономической базы и культурных связей, раздираемый междоусобной войной, он не мог уцелеть и не уцелел. Вместе с ним исчез и его народ. И хотя это явление специфично для этногенеза Центральной Азии, оно вовсе не составляет общего правила. В иных условиях народ переживает, и часто надолго, свою политическую независимость (например, греки под римским владычеством, кавказские народы под властью сасанидских шаханшахов и египтяне под игом арабов).

В те же эпохи процессы созидания и разрушения в Центральной Азии идут гораздо интенсивнее, и народ, теряя независимость, теряет и стимул к существованию.

Тюргешки, подчинившиеся карлукам, стали карлуками, подчинившиеся уйгурам, — уйгурами. Этнографическая карта изменилась почти одновременно с политической, и мы вправе прекратить дальнейшие поиски, так как искать больше нечего.

Нами прослежены процессы возникновения, развития и исчезновения тюргешского народа.

⁷¹ ترکان چین — выражение, часто встречающееся в «Шах-намэ» и обозначающее тюрок первого каганата (тюркютов).

Н. Т. Агафонов

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРГАЯ

Тургаем принято называть обширную (свыше 200 тыс. кв. км) территорию, расположенную в пределах Тургайской впадины и занятую в основном современной Кустанайской областью Казахской ССР.

В недавнем прошлом Тургай был отсталым аграрным районом, однако в последнее время он стал широко известен своими разнообразными природными богатствами и развернувшимся в связи с этим грандиозным хозяйственным строительством. В течение послевоенных лет на территории Тургая были разведаны огромные запасы железных руд (по их промышленным запасам район занимает первое место в Советском Союзе), найдены бокситы, титаны, бурый уголь, асбест, огнеупорные глины, соли и различные другие полезные ископаемые.

Как известно, семилетним планом развития народного хозяйства страны предусмотрен дальнейший экономический и культурный подъем всех союзных республик. Первостепенное внимание уделяется развитию восточных районов страны. За семилетку в эти районы будет направлено свыше 40% всех капиталовложений.

Освоение минерально-сырьевых ресурсов Тургая уже началось, и недалеко то время, когда район превратится в одну из важнейших в стране горнопромышленных баз. Не случайно при Совете по изучению производительных сил при Академии наук СССР создана специальная межведомственная Тургайская комиссия, занимающаяся вопросами перспективного планирования Тургайского экономического комплекса. Таким образом, в прошлом отсталый аграрный Тургай превращается в передовой индустриально-аграрный район, роль которого в хозяйстве страны непрерывно возрастает. За годы семилетки он станет таким же мощным промышленным районом Союза, как Карагандинский или Кузнецкий.

В течение последних лет огромные сдвиги произошли и в сельском хозяйстве Тургая, который стал самым крупным в СССР районом освоения целинных земель. С 1954 г. здесь было поднято более 5 млн. га целины, и теперь по производству зерна Кустанайская область занимает одно из первых мест среди всех областей страны. Огромное хозяйственное строительство, происходящее в Тургае, коренным образом меняет облик района.

В досоветский период процесс хозяйственного освоения этого обширного края фактически не получил достаточного отражения в литературе¹.

Задачей настоящей статьи является анализ процесса хозяйственного освоения территории Тургая в досоветский период². При этом необходимо учитывать, что путь исторического развития указанного района в основном сходен с аналогичными процессами, имевшими место в других районах Казахстана. В то же время, расположенный на северо-западе Казахстана, в зоне давнего и многостороннего влияния России, Тургай отличается от других районов конкретными особенностями экономического развития. Анализу этих особенностей и посвящена настоящая статья.

* * *

Тургай расположен в пределах зоны степей, заходя на севере в пределы лесостепи, а на юге — в пределы полупустыни. Разнообразная и богатая географическая среда благоприятствовала развитию человеческого общества на территории района, поэтому Тургай был заселен еще в глубокой древности. Об этом свидетельствуют обнаруженные на всей территории района древние орудия труда, могильники, загоны для скота и, наконец, остатки поселений каменного и бронзового веков. Особенно много стоянок найдено в полосе озер между г. Кустанаем и селом Тургаем, а также в долине р. Тобол³. Это говорит о том, что человек издавна предпочитал селиться на сухих песчаных местах, богатых рыбой и дичью.

Памятники материальной культуры, открытые на территории Тургая, показывают, что уже в период неолита здесь, как и в других степных районах Казахстана, значительное распространение получило пастушеское скотоводство, пришедшее на смену собирательству и охоте. Земледелие, по-видимому, сколько-нибудь существенного значения в тот период не приобрело. Памятники материальной культуры свидетельствуют также о том, что в период неолита была заселена лишь небольшая часть Тургая — главным образом меридиональные долины рек северной половины района и примыкавшие к ним котловины пресных озер.

В I тысячелетии до н. э. в Тургае, как и в других районах Казахстана, произошел переход от пастушеского к кочевому способу ведения скотоводческого хозяйства. Одновременно с этим началось затянувшееся на длительный период разложение первобытнообщинного строя.

Переход к кочевому скотоводству был связан с увеличением количества скота, что заставляло скотоводов постоянно передвигаться с места на место в поисках новых пастбищ. Весной они откочевывали на летние пастбища в северную половину Тургая (особенно многочисленными были летовки в долине р. Тобол), а осенью уходили на зимние пастбища к долине р. Тургай.

В условиях степного и полупустынного Тургая кочевое скотоводство заняло основное место в общественном производстве и на многие

¹ Имеется лишь одна фундаментальная работа, посвященная истории Тургая (А. Добромислов, *Тургайская область. Исторический очерк*, т. I, Тверь, 1902), изданная более полувека тому назад.

² Экономическому развитию Тургая в годы Советской власти мы намерены посвятить специальные статьи.

³ «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957, стр. 16.

века решающим образом определило весь уклад жизни местного населения. В связи с этим весь быт семьи приурочивался к частым и длительным перекочевкам⁴. Кочевой способ хозяйства неизбежно сказывался на выборе мест поселений: не имея постоянных поселений, кочевники-скотоводы не могли создавать сколько-нибудь значительных и сложных водопроводных сооружений, поэтому и зимовки, и — тем более — летовки возникали обычно непосредственно у пресных или слабоминерализованных источников водоснабжения.

Переход к кочевому скотоводству был шагом вперед в развитии производительных сил общества, так как значительно повышал производительность человеческого труда в степных условиях и создавал возможность для накопления излишков продуктов труда и их присвоения. Скот в условиях кочевого хозяйства давал не только продукты питания, материалы для устройства жилища, изготовления одежды и обуви, но и использовался для обмена, постепенно становясь его эквивалентом.

Характерной чертой процесса общественно-экономического развития Тургая было то, что в условиях кочевого скотоводства и общинного землепользования развитие земледелия, охоты, рыболовства и ремесел происходило значительно медленнее, чем в южных районах Казахстана, где издавна существовали крупные торгово-ремесленные города и очаги земледелия вокруг них и где развитие феодализма происходило быстрее.

К концу I тысячелетия н. э. Тургай был районом с замедленным развитием производительных сил и производственных отношений. В этот период в его пределах полностью господствовало натуральное хозяйство, главной и фактически единственной отраслью которого было пастбищно-кочевое скотоводство. Район отличался экономической замкнутостью. Обмен продуктов местного хозяйства на продукты других районов получил лишь очень небольшое развитие — значительно меньшее, чем в южных скотоводческо-земледельческих районах Казахстана. Значительную роль в этом играло неблагоприятное в тот период экономико-географическое положение Тургая, окруженного со всех сторон такими же отсталыми районами кочевого скотоводства.

Начало II тысячелетия н. э. ознаменовалось некоторым ускорением общественно-экономического развития Тургая, что в первую очередь было связано с увеличением экономических связей между Восточной Европой, с одной стороны, и Средней Азией, Индией и Китаем — с другой. В указанный период через Тургай проходили оживленные караванные дороги, возле которых возникали оседлые поселения со сравнительно развитыми земледелием, торговлей и ремеслами⁵. Продукция местного земледелия и ремесел использовалась в обмене среди местного скотоводческого населения, а иногда поступала и за пределы Тургая.

Наметившийся было экономический расцвет Тургая так и не наступил. XIII—XIV вв. явились для всего района периодом бедствий и упадка, связанных с неоднократными нашествиями монголов и завоеванием ими Казахстана. Тургай оказался на пути их военных походов. В результате кочевые племена, заселявшие район, были разграблены.

⁴ Например, жилище строилось так, чтобы его можно было легко перевозить с места на место; отсюда тип юрты, которую можно было быстро разобрать, погрузить на вьючный скот и вновь собрать на новом месте. Орудия труда и бытовая утварь также приспособлялись для частых перевозок.

⁵ В X—XII вв. в Тургае начинают развиваться такие ремесла, как производство гончарных изделий, деревянных частей юрт, кожаной сбруи, одежды, обуви и т. д.

Погибли тысячи людей, были разрушены только-только начавшие возникать очаги оседло-земледельческой культуры. Значительная часть населения была угнана в полон или принуждена участвовать в военных походах завоевателей. Резко сократилось количество скота.

Пагубно отразилось на Тургае и почти полное прекращение торговых связей между Европой и Азией, связанное с экономическим ослаблением феодальной Руси, также попавшей под монгольское иго. Тургай оказался вдали от торговых путей. Заросли старые караванные дороги, пришли в упадок ремесла, прекратился обмен с другими районами. Нашествие монголов отбросило Тургай в его общественно-экономическом развитии на несколько веков назад.

В XV—XVI вв. территория Тургая входила в состав Узбекского ханства, раскинувшегося от Аральского моря и низовьев Сыр-Дарьи до Яика, Тобола и Иртыша. В этот период происходило укрепление патриархально-феодалных отношений в Казахстане. Экономика кочевых скотоводческих районов получила свое дальнейшее развитие. К XVI в. исчезла резкая разница в уровне экономического развития между северными и южными районами Казахстана. Усилился обмен между районами кочевого скотоводства и сыр-дарьинскими городами, откуда кочевники-скотоводы получали необходимые для них изделия ремесленного производства и хлеб ⁶.

Падение монгольского ига и начавшиеся затем централизация и экономическое усиление России вновь поставили Тургай в выгодное экономико-географическое положение; как и прежде, район оказался на оживленных торговых путях. Результатом этого явилось усиление проходившего через Тургай «транзитного» обмена, развитие местных ремесел, а также частичное изменение традиционных маршрутов кочевания: теперь они приурочивались не только к пастбищам и водопоям, но и к караванным путям, на которых можно было с относительной выгодой обменять продукты скотоводства и вьючный скот.

Значительное влияние на дальнейшее развитие Тургая оказал и тот факт, что после распада монгольских государств район меньше, чем остальная территория Казахстана, подвергался нашествиям и завоеваниям, — он оказался в стороне от основных путей военных походов. Отныне его мирное развитие в течение долгого времени нарушалось лишь междоусобицами правящих групп и восстаниями трудового народа.

В этот период в западной части степей Казахстана сложился относительно замкнутый район кочевания. Зимние пастбища находились в низовьях Сыр-Дарьи, в районе слияния Иргиза и Тургая, а летние — на притоках Урала, в верховьях Тобола, по Иргизу и в Мугоджарских горах⁷. Следовательно, район зимовок охватывал всю южную полупустынную часть Тургая, тогда как летние кочевья располагались в основном в северной, степной части района ⁸.

Таким образом, к началу XVII в. произошло обособление Тургая и прилегающих к нему частей Северного Казахстана в отдельный рай-

⁶ «История Казахской ССР», т. I, стр. 144.

⁷ Там же, стр. 149.

⁸ Такой «режим» соответствовал различиям природных условий севера и юга Тургая: в северной половине района зимой выпадал обильный снег, сравнительно частыми были бураны и гололедицы, поэтому зимой скот не мог пользоваться подножным кормом. Значительно лучшими для зимнего выпаса были условия в южной части района, прежде всего в долине р. Тургай. Летом, наоборот, в южной части района сильная жара выжигала пастбища, иссушала водопой и засолоняла источники водоснабжения, тогда как в долинах р. Тобол и его притоков скот мог пастись на перевосходных пастбищах.

он кочевого скотоводства. Эта обособленность основывалась на его экономических и географических условиях и на связях кочевого скотоводства с оседло-земледельческими центрами юга, что в свою очередь вело к усилению обмена и территориального разделения труда.

Главной отраслью хозяйства Тургая в этот период продолжает оставаться пастбищно-кочевое скотоводство, особенностью которого было круглогодое содержание скота на подножном корму (до прихода русских казахи не знали сенозаготовок), что требовало обильных пастбищ и регулярных перекочевков. Радиус кочеваний был различен: богатые хозяйства, имевшие много скота, в частности верблюдов, могли кочевать на большие расстояния. Например, наиболее богатые аулы чумекеевского рода зимовали на Сыр-Дарье, Куван-Дарье и даже в Кызыл-кумах, а на лето уходили на пастбища в долине р. Тобол⁹. Следовательно, за лето эти аулы от зимовий к летовкам проходили путь, равный примерно 1500 км. Бедные аулы и отдельные хозяйства кочевали на меньшие расстояния, равные в среднем 400—600 км. Однако в целом радиус кочевания в Тургае был значительно большим, чем в южных районах Казахстана, где на расстоянии 200—300 км встречались самые разнообразные ландшафты. Большой радиус кочевания в Тургае вынуждал местное население проводить в пути значительную часть времени, что сильно сказывалось на быте и развитии производительных сил: почти непрерывные кочевания затрудняли рост земледелия и ремесел.

Основную массу скота составляли овцы. Разводили главным образом курдючные породы, дававшие кочевнику основные продукты питания и ценное сырье — шерсть, мерлушку, овчину и т. д. Овцы служили также предметом обмена и являлись всеобщим эквивалентом, заменившим деньги¹⁰.

Наряду с овцеводством большую роль в хозяйстве тургайских казахов играло коневодство. Лошадь служила основным средством передвижения и, кроме того, использовалась как дойное и убойное животное. В условиях пастбищно-кочевого скотоводства особенно большое значение приобретало умение лошади «тебеневать», т. е. добывать себе корм из-под снега.

По мере роста караванной среднеазиатской торговли возрастало значение и стоимость верблюдов, являвшихся незаменимым средством транспорта при дальних перекочевках и перевозках больших грузов, особенно в пустынях и полупустынях. Верблюд давал кочевнику также мясо, молоко, шкуры, шерсть.

Крупный рогатый скот, не приспособленный к «тебеневке» и постоянным перекочевкам, разводили в очень незначительном количестве. Небольшую часть стада составляли козы.

Таким образом, к началу XVII в. в Тургае сложились формы кочевого скотоводства, характерные для существовавших тогда производительных сил и патриархально-феодальных отношений. Эти формы соответствовали местным экономическим условиям и способствовали рас-

⁹ С. Идаров, *Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область*, — «Журнал министерства внутренних дел», СПб., 1854, стр. 93.

¹⁰ Существовал установившийся в веках «тариф» оценки скота и продукции животноводства в переводе на баранов. Мерилом определения стоимости товаров считался годовалый баран. Трехгодовалый приравнивался к двум баранам; так же оценивался годовалый теленок. Верблюд стоил 20 баранов; 10 овчин или мерлушек приравнивались к одному барану; две юртовые кошмы стоили 3¹/₂ барана и т. д. (см. С. З. Зиманов, *Общественный строй казахов первой половины XIX века*, Алма-Ата, 1958, стр. 87).

широкому воспроизводству скота — основного средства производства местного населения. Однако кочевое скотоводство было отраслью хозяйства, в огромной степени зависевшей не только от социально-экономических, но и от природных факторов. Оно нередко становилось жертвой разрушительных стихийных бедствий и при низком уровне производства не могло успешно противостоять силам природы.

Хозяйство, основанное на кочевом скотоводстве, было неустойчивым и развивалось медленно¹¹.

Земледелие в Тургае к началу XVII в. было развито крайне слабо. Редкие и небольшие очаги его имелись лишь в долинах р. Тургай и его притоков, т. е. в местах зимовок. Такое размещение земледелия в южных, наименее благоприятных для него районах Тургая объясняется прежде всего подсобной ролью земледелия по отношению к кочевому скотоводству. Обычно пашни располагались возле зимовок и возделывались бедняками, лишившимися скота и поэтому не имевшими возможности кочевать. Таких людей называли «джатаками» (буквально «лежащий», т. е. неkochующий). Впоследствии те джатаки, для которых земледелие стало основным хозяйственным занятием, получили также название «енгыши», т. е. хлебопашцы. Техника земледелия в Тургае была весьма примитивной. Достаточно сказать, что для боронования использовали вязанку хвороста или сучковатый пенёк. Высеивали главным образом просо и ячмень, реже — пшеницу. Эти продукты целиком потреблялись в хозяйстве и на обмен почти не поступали.

В XV—XVI вв. в Тургае сравнительно широкое распространение получили разнообразные домашние промыслы, как правило, основанные на переработке животноводческого сырья и имевшие потребительский характер. Продолжали развиваться существовавшие еще и до нашей эры домашнее ткачество, гончарный и кузнечный промыслы. Так же как и земледелие, домашние промыслы и ремесла выполняли подсобные экономические функции: даже для занимавшейся ими части населения Тургая основным источником существования оставалось скотоводство¹².

В качестве подсобных хозяйственных промыслов значительное распространение получили охота и рыболовство в южных районах Тургая¹³.

Хозяйство кочевников-скотоводов в основе своей было натуральным. Большая часть его продукции использовалась для удовлетворения потребностей семьи и не превращалась в товар. Однако товарное производство в Тургае уже существовало, хотя и не играло значительной роли в экономике района. Например, в этот период сравнительно большое значение приобрел деревообделочный промысел: в лесостепных районах Тургая выделывались деревянные остовы юрт, которые затем обменивались даже за его пределами — в беслесных районах Южного Казахстана¹⁴. Предметами внутреннего обмена служили и некоторые изделия кузнецов. Кожи, войлок, кошмы поступали из Тургая на рынки Средней Азии. В целом же количество ремесленной продукции, превращавшейся в товар, было невелико. Все это являлось следствием низкого уровня производительных сил и слабого развития общественного разделения труда.

¹¹ Это характерно не только для Тургая: повсеместно, где кочевое скотоводство составляло основную отрасль хозяйства, оно развивалось замедленно, надолго сохраняя консервативные формы производственных отношений.

¹² С. З. Зиманов, *Общественный строй казахов первой половины XIX века*, стр. 51.

¹³ Там же, стр. 52.

¹⁴ Е. Б. Бекмаханов, *Присоединение Казахстана к России*, М., 1957, стр. 33.

К началу XVII в. Тургай представлял собой ярко выраженный район пастбищно-кочевого скотоводства с замедленным развитием производительных сил и производственных отношений. Как и другие районы Северного Казахстана, он все еще отставал в своем общественно-экономическом развитии от южных районов Казахстана, в которых значительно большую роль играло оседло-земледельческое хозяйство. В связи с отсутствием сколько-нибудь широких экономических связей между отдельными районами Казахстана Тургай развивался несколько ослабленно, хотя в целом его развитие шло по тому же пути, по которому развивался и весь Северный Казахстан.

Конец XVI — начало XVII в. ознаменовались для Тургая тем, что именно в этот период стала все более отчетливо сказываться особенность его географического положения, заключающаяся в относительно большей близости к России, чем к основным хозяйственным центрам Казахстана, располагавшимся в южных районах. А если к тому же учесть, что Россия была несравненно более мощным центром экономического тяготения, то станет вполне понятным, почему в дальнейшем хозяйственные связи Тургая развивались в основном в северном и западном направлениях. Формирование его экономики происходило в значительной степени под влиянием этих связей. Эта особенность экономико-географического положения наложила непреходящий отпечаток на все последующее общественно-экономическое развитие района.

Экономические связи Тургая с Россией возникли в результате развития русской торговли с казахскими и среднеазиатскими ханствами. Большую роль в укреплении этих связей и их дальнейшем развитии сыграли разгром ханства Кучума и закрепление Западной Сибири за Россией. Границы русского государства приблизились к Тургаю не только со стороны Поволжья и Урала, но и со стороны Сибири. В результате в течение почти двух столетий торговля России с Центральным и Южным Казахстаном и со Средней Азией в значительной своей части проходила через Тургай.

С конца XVI в. в Сибири происходило усиленное строительство русских городов, крепостей и селений, постепенно становившихся важными центрами экономической жизни не только Сибири, но и прилегавших к ней районов. Тогда же ускорилась колонизация Западного Казахстана, где в 1620 г. был заложен Яицкий городок (ныне г. Уральск). В последующие годы русские поселения — Орск, Оренбург, Троицк, Магнитная, Пресногорьковская, Пресноредутская и др. — возникают в непосредственной близости от Тургая и даже в его пределах.

В первой половине XVIII в. территория Тургая почти полностью, за исключением крайнего юга, вошла в состав русского государства. С этого момента и вплоть до середины XIX в. важнейшим фактором в его общественно-экономическом развитии является русская казачья колонизация. Сибирские казаки переезжали на постоянное жительство в крепости, форты и редуты, создававшиеся в пределах района. Кроме того, новые крепостные поселения и станицы заселялись сибирскими татарами — торговцами и земледельцами, а также крестьянами — выходцами с Украины, Поволжья (в основном из Саратовской губернии), с Урала и из Западной Сибири. Так как в то время степи Северного Казахстана были официально запрещены для земледельческой колонизации, то крестьяне-переселенцы обычно причислялись к казачьему сословию и получали землю в лучшей для земледельческого освоения части Тургая.

В 1808 г. было образовано особое Сибирское линейное казачье войско, которому отвели плодородные земли вдоль Новоишимской

укрепленной линии¹⁵, протянувшейся от Омска до Троицка и далее на юг в пределы Тургая. Казаки образовывали крупные станицы и хутора и, помимо военной службы, занимались скотоводством, земледелием и рыболовством.

Русская казачья колонизация воздействовала на экономику Тургая¹⁶. Однако ее масштабы были невелики, а контакты казачества с местным населением очень ограничены. Поэтому, несколько активизируя экономику района, казачья колонизация не могла стать определяющим фактором в ее развитии. Таким фактором, определяющим дореволюционное развитие Тургая, стала массовая русско-украинская крестьянская колонизация.

Несмотря на официальный запрет, еще в конце XVIII в. в Тургай начали переселяться отдельные крестьяне из Европейской России, так называемые самовольцы. Постепенно их число возрастало, и уже в первой половине прошлого столетия они начали создавать отдельные от казачьих поселения типа заимок и хуторов. Однако переселение русских крестьян в Тургай не получило широкого развития даже в первое время после реформы 1861 г. Это объясняется тем, что царское правительство в соответствии с интересами помещиков ограничивало переселение крестьян на новые территории¹⁷.

В последней четверти XIX и в начале XX в. поток переселенцев значительно усилился. Первоначально это было связано с аграрным кризисом 1889 г. и с последующими неурожаями 90-х годов. Новая волна переселенцев хлынула в Северный Тургай после 1896 г. в связи со строительством Сибирской магистрали. Наконец, после революции 1905—1907 гг., испугавшись крестьянских волнений, царское правительство, стремясь «очистить» русские губернии от революционно настроенных крестьян, посредством мелких льгот в какой-то степени способствовало их переселению в Северный Казахстан.

Указанные причины привели к быстрому росту русско-украинского населения: в 1897 г. в пределах бывшей Тургайской области проживало 35 тыс. русских и украинцев, а в 1911 г. их было уже 235 тыс. В степях Тургая стали возникать многочисленные крестьянские поселения — русские, украинские, мордовские, немецкие. Часто их население имело смешанный национальный состав. Характерно, что в названиях многих сел и поселков — Новоукраинка, Полтавка, Харьковское, Ново-Винницкое, Брацлавский, Архангельский, Коломенский, Малороссийский —

¹⁵ В народе ее обычно называли «горькой», так как она протянулась вдоль цепи горько-соленых озер.

¹⁶ Казачья колонизация охватывала главным образом только северную, степную часть Тургая. Основным своим результатом она имела значительное сокращение пастбищного пространства, которым располагали кочевники-скотоводы. Так, например, в 1835 г. земли между реками Уралом и Уем были изъяты у казахов и приписаны к землям Оренбургского казачьего войска. В результате сужения пастбищного фонда в начале XIX в. в Тургае наметился кризис кочевого скотоводства, особенно сказавшийся на хозяйствах кочевников-бедняков. В силу массового разорения они постепенно отходили от кочевых коллективов. Одни из них становились батраками феодалов, другие делались оседлыми или полуседлыми земледельцами, третьи начинали заниматься различными промыслами и ремеслами и, наконец, четвертые в поисках заработка уходили в русские поселения. Таким образом, казачья колонизация дала толчок развитию земледелия и ремесел среди казахского населения Тургая. Однако ее влияние на экономику района было поверхностным и не привело к коренным изменениям последней.

¹⁷ Большинство помещиков России, особенно центральных губерний, решительно протестовали против переселения крестьян на окраины империи. Массовое переселение крестьянства грозило лишить помещичьи хозяйства рабочих рук, могло подорвать отработочную систему, уменьшить предложение рабочей силы и привести к ее удорожанию.

можно найти точное указание на то, откуда переселенцы прибыли в Тургай¹⁸.

Массовая русско-украинская крестьянская колонизация оказала огромное влияние на все экономическое развитие Тургая, особенно в его северной части. Один из ее важных результатов заключался в коренном изменении географии населения Тургая и сети населенных пунктов. Еще в начале XVII в. на территории района не имелось ни одного оседлого населенного пункта. Число оседлых поселений оставалось незначительным и 250 лет спустя — в середине прошлого столетия. Эти оседлые поселения были представлены в основном опорными пунктами Новоушишской линии и реке — поселениями «самовольцев». Как правило, все эти поселения — и казахи, и крестьянские — не выходили за пределы узкой полосы вдоль линии Троицк — Пресногорьковская, занимавшей крайний север района. В течение нескольких последующих десятилетий число русских крестьянских поселений быстро увеличивалось, в результате чего довольно густая сеть их раскинулась в пределах всей северной половины Тургая. Отдельные русские поселения начали возникать и в южной части района.

Не менее важным, чем создание сети русских поселений, было возникновение и непрерывное увеличение количества оседлых населенных пунктов, созданных казахским населением. В начале XIX в. на всей обширной территории Тургая оседлые казахские поселения отсутствовали. А спустя столетие таких поселений уже насчитывалось свыше ста. В основном это явилось результатом процесса сокращения пастбищного пространства и усиления разложения казахского скотоводческого хозяйства. Значительная часть казахского населения лишалась пастбищ и скота, переходивших в руки казацкой, крестьянской и аульной верхушки, и была вынуждена отказаться от кочевого образа жизни и заниматься земледелием. Последнее становилось основным хозяйственным занятием этих людей. В предисловии к сборнику о первой всеобщей переписи населения Российской империи говорится, что хотя официально все казахи считаются кочевниками, однако на самом деле часть их, особенно в северных уездах, переменила кочевой образ жизни на оседлый и живет в постоянных домах, занимаясь отчасти земледелием, отчасти скотоводством, другая же если и перекочевывает летом, то на очень небольшие расстояния от постоянного места жительства.

Возникавшие в Тургае оседлые поселения строились обычно непосредственно на проходивших через степи дорогах или на небольшом удалении от них (это нашло отражение и в названиях некоторых таких пунктов — Трактовый, Придорожный и т. д.). Но решающим фактором в размещении оседлых населенных пунктов — как русских, так и казахских — являлись пресные источники водоснабжения. Об этом свидетельствуют следующие данные: из 152 русских поселений, имевшихся в 1910 г. на территории современной Кустанайской области, 43% размещалось на реках (в том числе 30% на р. Тобол), 43 — на озерах, 11 — в балках и урочищах и только 3% — на колодцах¹⁹. Сходная картина наблюдалась и в размещении казахских оседлых поселений: 47% из них было расположено на реках (в том числе 7% на р. Тобол), 28 — на озерах и 25% — в урочищах и балках²⁰.

¹⁸ Приведены дореволюционные, ныне в ряде случаев измененные, названия населенных пунктов.

¹⁹ Подсчитано на основе данных, имеющихся в кн. «Список населенных мест Тургайской области», Оренбург, 1910.

²⁰ Данные только по Кустанайскому уезду.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населенных пунктов располагалось у рек и озер, а остальные — у временных водотоков в балках и урочищах, преимущественно у непересыхающих плесов. В значительной степени это связано с сильной минерализацией грунтовых вод на всей территории Тургая, делавшей практически невозможным существование населенных пунктов на базе одних только колодцев. Характерно, что в 1910 г. из 42 крупнейших населенных пунктов Кустанайского уезда 39 располагалось на реках и озерах и только 3 — в урочищах и балках²¹.

Очень важным результатом русской колонизации Тургая было существенное развитие земледелия в степной полосе района.

Еще во второй половине XVIII в. земледелием в Тургае занимались почти исключительно джатаки. Поэтому, как мы уже отмечали, незначительные очаги земледелия были распространены лишь на юге района — в полупустынной зоне, где годовое количество осадков составляло 175—200 мм и почвенно-климатические условия были крайне неблагоприятны для развития земледелия. С приходом русских переселенцев география земледелия коренным образом изменилась. С 20-х годов прошлого столетия основные очаги земледелия переместились на север Тургая, в его степную полосу, имевшую наиболее благоприятные природные условия для различных отраслей земледелия — 350—375 мм осадков, черноземные почвы, лучшие условия водоснабжения, а следовательно, и лучшие возможности для возникновения оседлых поселений и т. п. Изменения в размещении земледельческого хозяйства в Тургае связаны в основном с двумя важнейшими факторами: с усилением крестьянской колонизации северных частей района и с дальнейшим разложением казахского кочевого скотоводческого хозяйства, в котором в XIX в. происходило быстрое обнищание трудовых масс, лишение аульной бедноты скота и пастбищ и в результате этого вынужденное оседание казахов на землю.

Русское земледелие в Тургае уже в последней четверти прошлого века носило ярко выраженный товарный характер. Наибольшее распространение получили посевы пшеницы²². В меньшем количестве высевались ячмень, просо, яровая рожь. Пшеница в значительной своей части шла на продажу — в Европейскую Россию, а также местному казахскому населению. Прочие зерновые в основном потреблялись в собственном хозяйстве.

Значительное распространение среди переселенцев получило огородничество. Около г. Кустаная и крупных притрактных сел имелось много «промышленных» огородов, продукция которых почти целиком поступала на базары. В северных районах Тургая особенно широко практиковались «чигирные» огороды, вода на которые поднималась из источников (рек, озер и т. п.) при помощи специальных приспособлений, а затем самотеком распределялась по огородам.

До середины прошлого века казахское земледелие развивалось медленно. Однако уже и в то время земледелие, по свидетельству видного чиновника А. Артемьева, является «важнейшим после скотоводства промыслом в степи, заметным образом быстро развивается, вследствие увеличения народонаселения и недостатка угодий для скотоводства»²³.

²¹ Учтены только населенные пункты, насчитывавшие свыше 1000 жителей.

²² «Описание Тургайско-переселенческого района», СПб., 1911, стр. 9.

²³ А. Артемьев, *Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского воеводства*, — «Журнал министерства внутренних дел», СПб., 1859, стр. 26.

И действительно, земледелие начинало играть все более заметную роль в хозяйстве всех групп казахского общества. Достаточно сказать, что в Тургай за хлебом приезжали скупщики хлеба из Сибири, с которыми у енгыши происходила ежегодно в сентябре мена хлеба на скот²⁴. Генерал-адъютант Катенин писал министру иностранных дел: «...по долинам всех рек, впадающих в Урал, по Эмбе, Иргизу, Тургаю, Тоболу и их притокам, по большинству теряющихся в песках степных речек,— повсюду встретит глаз более или менее значительные пространства распаханых или засеянных полей»²⁵.

На развитие земледелия среди тургайских казахов большое влияние оказали русские поселенцы, у которых казахи перенимали способы ведения хозяйства. Характерно, что земледельцами-казахами производилась та же земледельческая продукция, что и русскими крестьянами: в северных районах Тургая на неорошаемых полях — пшеница, ячмень, просо; на орошаемых участках — огородные культуры; в южных районах — бахчевые культуры и незначительное количество зерновых.

Земледелие в Тургае было экстенсивным и находилось на чрезвычайно низком агротехническом уровне. Техника обработки почвы отличалась крайней примитивностью. Русские крестьяне обрабатывали землю деревянной, иногда окованной железом сохой — плуги имелись лишь в немногих богатых хозяйствах. Большинство казахов обрабатывало землю деревянным омачом или железным кетменем. В конце прошлого столетия в кулацких хозяйствах начали применять машины — жнейки, лобогрейки, сеялки и т. д. Почти одновременно они стали появляться и в казахских аулах, хотя и в меньшем количестве. Казахи, жившие близ русских поселений, все шире стали применять для обработки земли русские плуги и бороны.

Таким образом, конец XIX — начало XX в. ознаменовались для Тургая значительным развитием товарного земледелия, в первую очередь зернового хозяйства, огородничества и бахчеводства. За 20 лет — с 1879 по 1899 — посевные площади по Тургайской области выросли в 3 раза, в том числе под пшеницей — в 2,5 раза, под рожью — в 20 раз, под овсом — в 6, под ячменем — в 14,5 раза, под просом — в 3,3 раза²⁶. В эти годы особенно большое место в районе занимали посевы проса и пшеницы. В 1899 г. среди всех посевов под пшеницей было занято 37,4%, под рожью — 0,8, под овсом — 13,3, под ячменем — 1,6, под просом — 47%²⁷. В дальнейшем, после нового наплыва переселенцев, на первое место выдвинулась пшеница.

Несмотря на значительный рост земледельческого хозяйства, оно все же не успело превратиться в основную отрасль экономики Тургая. Эта роль в дореволюционный период по-прежнему оставалась за скотоводством²⁸. Однако в связи с русской колонизацией и скотоводство в Тургае претерпело большие изменения.

Переселенческая колонизация и узурпация общинных земель феодалами постепенно привели к изменению маршрутов кочевых путей казахских родов. Из-за недостатка пастбищ аулы многих родов принуждены были кочевать сообща. По той же причине эти маршруты стали

²⁴ Е. Б. Бекмаханов, *Присоединение Казахстана к России*, стр. 29.

²⁵ Записки генерал-адъютанта Катенина, «О развитии хлебопашества между киргизами Оренбургского ведомства», — ЦГИАЛ, ф. МВД, земск. отд. 8 делопр., д. 9, лл. 4—18.

²⁶ Е. Б. Бекмаханов, *Присоединение Казахстана к России*, стр. 197.

²⁷ Там же.

²⁸ По данным экспедиции Щербины, в Кустанайском уезде земледелием занималось 77,2% всех хозяйств, но для большинства из них основным хозяйственным занятием являлось скотоводство.

значительно короче. Пастбищное пространство, которым прежде обладали кочевники, сильно сократилось, и расширенное воспроизводство скота при прежних формах ведения кочевого хозяйства стало невозможным. По этой причине, а также в результате влияния русских переселенцев казахи-кочевники стали переходить к сенокосению, вскоре получившему у них широкое распространение. Это позволяло им создавать значительные запасы кормов на зимний период, в следствие чего отпала необходимость в дальних перекочевках и уменьшилась зависимость скотоводческого хозяйства от зимних бескормиц.

По свидетельству самих казахов, переход к сенокосению значительно повысил сопротивляемость скотоводства неблагоприятным природным условиям. Развитие сенокосения, позволившее сократить маршруты кочеваний, а в ряде случаев и вообще отказаться от перекочевок на зимние пастбища, стимулировало превращение кочевого скотоводства в полукочевое и отгонно-пастбищное. Этот процесс наметился в первой половине XIX в. и, хотя он не был завершен вплоть до Великой Октябрьской революции, все же имел большое прогрессивное значение для общественно-экономического развития Тургай, так как облегчал кочевникам переход к земледелию²⁹.

Значительные изменения произошли и в структуре стада. Продолжало быстро возрастать количество лошадей и верблюдов, которых казахи, главным образом феодалы, поставляли русским купцам. Стало расти также значение крупного рогатого скота. До XIX в. казахи разводили его в незначительных количествах. После перехода к сенокосению, в результате чего необходимость в умении скота тебеневать уменьшилась, крупный рогатый скот начали разводить не только в переселенческих, но и в казахских хозяйствах. Еще больше возросло его значение с развитием земледелия, в связи с чем крупный рогатый скот стали все шире использовать не только как источник продуктов питания и сырья, но и как тягловую силу. Именно поэтому в северных районах Тургай, отличавшихся большим развитием земледелия и более тяжелыми землями, взрослый бык стоил значительно дороже, чем на юге. Росту значения молочного скота способствовало также включение Тургай в сферу общероссийской торговли: местное население стало производить и сбывать на рынке масло и брынзу.

Многочисленные суконные фабрики Европейской России потребляли значительное количество казахской шерсти — верблюжьей и овечьей. Быстрое развитие суконной промышленности в Среднем Поволжье в конце XVIII—XIX в. в значительной степени было связано с увеличением поставок шерсти из Казахстана, в частности из Тургай. Рост спроса на шерсть явился главным стимулом развития овцеводства в этом районе.

Развитие капиталистических отношений в Тургае началось позже, чем в Европейской России, а на юге района — позже, чем в его северных районах. Лишь в 80-х годах прошлого века продукция сельского хозяйства Тургай стала в значительных количествах поступать на общероссийский рынок. В связи с этим резко возросла товарность местного сельского хозяйства, особенно животноводства, зернового хозяйства и огородничества.

После присоединения к России и особенно с конца XIX в. в Тургае, как и во всем Казахстане, произошло оживление экономической жизни, постепенное развитие товарно-денежных отношений, рост товарного зем-

²⁹ По данным Е. Б. Бекмаханова (см. *Присоединение Казахстана к России*, стр. 198), в начале XX в. на долю казахских хозяйств в Тургайской области приходилось около 287 тыс. десятин посевных площадей.

леделия и скотоводства, расслоение аула, рост общественного разделения труда. В результате этих прогрессивных явлений в экономике района резко усилился процесс отделения ремесла от сельского хозяйства. Значительно расширяется география ремесленного производства, которое в пореформенный период, особенно с конца прошлого столетия, распространяется по всей территории района.

Из ремесел в этот период более всего начали обособляться кузнечное, сапожное, портняжное, деревообделочное и кожевенное. Продукция указанных ремесел была рассчитана в первую очередь на сбыт среди казахского населения. Поэтому ее основу составляло производство товаров, наиболее необходимых в кочевой жизни скотоводов.

Крупную роль в развитии ремесел и домашних промыслов в Тургае сыграло переселение в пореформенный период ремесленников из европейских губерний страны.

Начало развиваться производство товаров из дерева. Во многих районах Казахстана дерево являлось дефицитным материалом, что немало способствовало раннему выделению деревообделочного ремесла. Производство деревянных изделий локализовалось в основном в северных районах Тургая, более богатых лесом. Первоначально на этом специализировались исключительно казахские ремесленники. Но во второй половине XIX в. значительную роль в развитии этого ремесла стали играть и ремесленники — переселенцы из России, обладавшие большими навыками в обработке дерева и лучшим инструментом. Основными центрами деревообрабатывающего ремесла стали русские села Введенка, Бурли, Семиозерное и др. Изделия из дерева поступали на рынки за пределы Тургая, в безлесные районы Казахстана и Средней Азии.

Казахское и русское ремесленно-кустарное производство существенно отличалось как по ассортименту, так и в отношении потребителей. Русские кузнецы специализировались на ремонте бричек и сельскохозяйственных машин, обтяжке колес шинами, производстве товаров русского образца, починке предметов обихода, изготовлявавшихся в России. Казахские же специализировались в основном на производстве немногочисленных предметов обихода казахского хозяйства. И русские, и казахские кузнецы занимались ковкой лошадей, а также производством серпов, ножей и т. п. Такое разделение труда базировалось отчасти на сложившихся навыках работы и различиях в технике, а отчасти и на условиях конкуренции.

Там, где в производстве не требовалось особой точности, а дешевизна продукции играла основную роль, русский кузнец находил работу невыгодной и ею вынужден был довольствоваться казахский кузнец. В обслуживании русского населения сложными работами русские кузнецы и слесари обычно являлись монополистами. Следует отметить, однако, что постепенно такое национальное разделение труда начало исчезать, так как возросла квалификация казахских кузнецов, освоивших к тому же производство «русских» изделий³⁰.

³⁰ Долгое время казахские кузнецы применяли узбекский горн. Он имел два отверстия, два маленьких меха и раздувался обеими руками. Лишь в предреволюционные годы они начали использовать русский горн, где меха раздувались одной рукой и захватывали больше воздуха. Казахские кузнецы стали применять и другие русские инструменты. Это позволило им перейти к производству более сложных изделий и повысилось производительность их труда. Подобные изменения в технике произошли также в деревообрабатывающем, кожевенном ремеслах и т. п. С конца прошлого века стали применяться, в том числе и среди казахского населения, швейная машина, верстак, тиски. Новая техника ускорила выделение ремесел в самостоятельные производства, позволила ремесленнику существовать главным образом за счет ремесла, расширить круг заказчиков, увеличить накопление, а в некоторых случаях перейти к использованию наемного труда.

Дороговизна и недостаток полноценного металлического сырья толкали местных ремесленников на широкое использование лома. Специальные лавочки, торговавшие старым, собранным где попало железом, служили главной «базой» снабжения металлом аульных и сельских кузнецов. Поэтому кузнечное ремесло получило большее развитие в северных районах Тургай, где снабжение сырьем было не столь трудным, а главное — более регулярным. В связи с различной специализацией наметилось четкое различие и в размещении русских и казахских кузнецов: первые — главным образом на севере, вторые — на юге Тургай.

Колонизация национальных окраин в царской России сопровождалась обычно вытеснением и разрушением местных ремесел. Это происходило и в Казахстане³¹. Тургай также не составлял исключения. Однако вытеснение старинных казахских ремесел в районе было относительно медленным. Этому способствовали следующие причины: оторванность Тургай от промышленных районов и вытекающие отсюда трудности доставки промышленной продукции³²; своеобразие местных бытовых и природных условий, ограничивавших потребление русской ремесленной и фабрично-заводской продукции; общая отсталость Тургай, слабость товарно-денежных отношений в его пределах и в связи с этим неспособность рынка поглотить значительное количество привозной продукции; возможность сбыта продукции местных ремесел и промыслов не только за деньги, но и в порядке натурального обмена и, наконец, приспособленность казахских ремесленников и кустарей к местным запросам.

Все эти причины позволяли местным товаропроизводителям из казахского населения сохранять часть своих экономических позиций, несмотря на конкуренцию фабрично-заводской промышленности и местных русских ремесленников.

Одной из характерных черт развития ремесел в дореволюционном Тургае была их крайняя зависимость от местных конъюнктурных условий. Не имея сколько-нибудь значительного рынка за пределами района, они целиком зависели от внутреннего рынка. Поэтому на местных ремеслах — как русских, так и казахских — в огромной степени сказывались такие экономические события, как неурожай, массовые падежи скота, после которых местный рынок в результате разорения крестьянства резко суживался и ремесленная продукция не находила сбыта. А это вело к немедленному разорению многих ремесленников.

До присоединения к России промышленность в Тургае полностью отсутствовала. Присоединение к России сказалось не только на развитии местного сельского хозяйства и ремесел, но и на развитии промышленности. Правда, развитие промышленности характеризовалось крайней неустойчивостью производства и недолговечностью многих предприятий. В поисках легкой наживы русские купцы организовывали свои предприятия на скорую руку, без серьезных затрат на оборудование, привлечение и подготовку квалифицированных кадров. Под громким

³¹ Вот что говорилось по этому поводу в «Обзоре Акмолинской области за 1905 г.» (Омск, 1907, стр. 39): «Ранее киргизы сами выделывали металлическую посуду, как, например: умывальные кувшины, тазы, казаны, но теперь это ремесло совершенно вытеснено привозным товаром». Все сказанное выше в полной мере относится и к Тургаю.

³² Непосредственную железнодорожную связь с русским рынком Тургай получил лишь в 1913 г., после окончания строительства железной дороги Золотая Сопка — Кустанай, связавшей северную часть района с железной дорогой Челябинск — Орск, а через нее и с Сибирской магистралью. Таким образом, почти до 1917 г. Тургай не имел удобной транспортной связи с общероссийским рынком.

названием завода или фабрики в большинстве случаев скрывались мелкие мастерские.

Основную массу промышленных «объектов» дореволюционного Тургай составляли предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья: мельницы, крупорушки, обдирки, маслобойки, шерстомойки, кожевни, салотопки и мыловарни. Так, например, в 1905 г. в Кустанайском уезде имелось 207 заводов по переработке земледельческой продукции (332 рабочих), 30 заводов по переработке продуктов животноводства (134 рабочих), а также 25 кирпичных и гончарных сараев (75 рабочих)³³. Всего же в 1905 г. на территории Кустанайского уезда, где было сосредоточено подавляющее большинство всех предприятий Тургайской области, имелось 262 «завода» с общим числом рабочих 541³⁴, т. е. на каждом из них было занято от 1 до 3 рабочих. Характерно, что предприятия Тургай были значительно меньше, чем в соседних областях Казахстана³⁵. В указанный период крупнейшим предприятием района был кожевенный завод в Кустанае: в разные годы на нем было занято от 10 до 15 рабочих³⁶.

В периоды благоприятной экономической конъюнктуры прибыли этих предприятий были высоки, и капиталовложения быстро окупались. Когда же спрос на их продукцию сокращался, то в условиях усиления конкуренции предприятия Тургай зачастую оказывались нежизнеспособными. Впрочем, их владельцем мало беспокоила дальнейшая судьба захудалых и примитивных «заводов», уже сделавших свое дело.

В условиях царской России, где хозяйственное развитие колониальных окраин резко тормозилось, Тургайская область, по данным на 1913 г., имела на душу населения в 38 раз меньше продукции промышленности, чем в среднем по России, и в 100 раз меньше, чем в среднем по Центрально-промышленному району, а по числу рабочих на 10 тыс. жителей соответственно меньше в 70 и 240 раз³⁷. К тому же промышленность района ограничивалась лишь первичной переработкой местного сырья, а подчас не производила и самых необходимых изделий. Например, — что, кстати, свидетельствует об экономической отсталости не только Тургай, но и всей царской России, — даже кетмени, не говоря уже о подавляющем большинстве уборочных и других сельскохозяйственных машин, ввозились в Казахстан из-за границы³⁸.

С Урала и из западных губерний России в Тургай завозились и такие инструменты, как кайла, лопаги, ломы.

Наконец, необходимо отметить, что вся промышленность Тургай была размещена лишь в его северной части, являвшейся главным районом земледелия, основным поставщиком сельскохозяйственного сырья и по сравнению с южной находившейся в лучших транспортных условиях. На юге же, почти не затронутом русской колонизацией, продолжало господствовать натуральное кочевое скотоводство.

Впрочем, и на севере развитие хозяйства происходило очень медленно. Экономической основой Тургай по-прежнему оставалось экстен-

³³ См. сб. «Россия», СПб., 1903.

³⁴ Там же.

³⁵ Так, продукция одного предприятия по переработке животноводческого сырья в Тургайской области в 1900 г. была почти в 30 раз меньше (в стоимостном выражении), чем в Уральской области.

³⁶ См. «Обзор Семипалатинской, Тургайской и Акмолинской областей за 1900 и 1904 гг.».

³⁷ П. М. Алампиев, *Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока*, М., 1958, стр. 34.

³⁸ «Мы в Туркестане имеем бирмингамские кетмени, но не имеем тульских». — с горечью писал журнал «Туркестанское сельское хозяйство» в 1909 г.

сивное сельское хозяйство, в котором было занято больше 90% самодеятельного населения района³⁹.

В 1913 г. на всей территории Тургайской области было всего 9 врачей и 38 фельдшеров⁴⁰. Почти полностью отсутствовало профессиональное обучение (существовавшее с 80-х годов XIX в. ремесленное училище выпустило в 1912 г. одного столяра и одного портного).

Характерным примером экономической отсталости дореволюционного Тургая может служить и тот факт, что во всей Тургайской области не нашлось города, подходящего для резиденции тургайского губернатора. Поэтому все областные власти и учреждения Тургая были сосредоточены в Оренбурге, где, помимо оренбургского губернатора, находился также и тургайский губернатор.

Единственным населенным пунктом дореволюционного Тургая, который по праву мог быть назван городом, был Кустанай, возникший на левом берегу р. Тобол в 1879 г. В 1911 г. он насчитывал 27 тыс. жителей и являлся уездным городом, почти совершенно лишенным промышленности. В дореволюционный период Кустанай (особенно после строительства железной дороги Золотая Сопка — Кустанай) служил крупным центром торговли скотом, мясом, бараньим салом, кожами, овчинами, шерстью и т. п. Однако по своему значению он существенно уступал крупнейшим торговым центрам, таким, как Уральск, Петропавловск, Семипалатинск. К Кустанаю — одному из наиболее значительных центров крестьянской колонизации, тяготела большая часть северных районов Тургая. В то же время эти районы и сам Кустанай тяготели к более мощному экономическому центру — Петропавловску.

Кустанай был крупнейшим, но не единственным в Тургае центром мелкой промышленности и ремесел. В пределах района имелось еще несколько сельских населенных пунктов со значительным в условиях дореволюционного Тургая развитием промышленности. Однако производственные связи между ними полностью отсутствовали. Связи — весьма незначительные, преимущественно по снабжению сырьем и сбыту готовой продукции, — существовали только с Кустанаем и Петропавловском. В транспортном отношении все эти центры были разобщены. Единственный на юге района г. Тургай (1,4 тыс. жителей в 1911 г.) был вообще лишен ценовой промышленности. Все эти и многие другие факты убедительно говорят о том, что характерными чертами дореволюционного Тургая являлись крайняя экономическая отсталость, нищета подавляющего большинства населения, бескультурие и дикость.

Совершенно иным стал облик Тургая за годы Советской власти. Теперь в северной половине района океаном полей простираются необозримые просторы поднятой целины, которую обрабатывают десятки тысяч сельскохозяйственных машин. На базе огромных минерально-сырьевых ресурсов быстро развивается мощная и разнообразная промышленность. В степи, там, где еще совсем недавно бродили отары овец, возник крупнейший в стране Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат, а возле него вырос Рудный — город молодости, созданный молодежью. Там, где несколько лет назад лишь шелестел ковыль да клекот орла нарушал покой степи, теперь гудят моторы тысяч автомобилей, а по стальным магистралям проносятся десятки поездов.

Такие грандиозные перемены, возможные лишь в социалистическом обществе, явились результатом мощного подъема экономики Тургая, ставшего ныне одним из наиболее перспективных и стремительно развивающихся районов нашей страны.

³⁹ См. «Обзор Тургайской области за 1912 г.», Оренбург, 1913.

⁴⁰ «Труды объединенной Кустанайской сессии», т. 1, Алма-Ата, 1958, стр. 11.

А. М. Любарская

АНГЛИЙСКИЙ ПОЭТ И ПУТЕШЕСТВЕННИК ВИЛФРИД БЛАНТ — ОБЛИЧИТЕЛЬ КОЛОНИАЛИЗМА

«Я посвящаю всю свою энергию и творчество тому, что считаю основной целью своей жизни, — освобождению отсталых наций мира и особенно Азии и Африки от европейского рабства»¹. Эти строки вышли из-под пера Вилфрида Бланта — пламенного борца за самоопределение колониальных народов. Необыкновенным человеком называли этого неутомимого путешественника, страстного поэта и публициста его современники². Будучи аристократом и торием, он всю жизнь воевал с британским империализмом. До конца своих дней Блант оставался верным идее равноправия наций, убежденным противником колониальной агрессии, человеконенавистнических расовых теорий.

Видные деятели египетского, ирландского и индийского национально-освободительного движения конца XIX — начала XX в. оставили свидетельства глубокого уважения к английскому поэту-путешественнику. Многие современные политические деятели Арабского Востока и Индии также высоко чтят имя Бланта. В современных египетских периодических изданиях мы находим материалы, посвященные его деятельности, немало способствовавшей освобождению арабских народов от ига английских колонизаторов³. Прогрессивность, революционность взглядов Бланта на независимость Индии, его роль в индийском национально-освободительном движении отмечает Джавахарлал Неру⁴.

Публицистические и поэтические произведения Вилфрида Бланта, его путевые заметки и дневники, явившиеся результатом длительного и глубокого изучения движущих сил национально-освободительного движения на Востоке, а также истории и экономики арабских народов,

¹ W. S. Blunt, *My diaries being a personal narrative of the events 1888—1914*, London, 1918—1920, pt I, p. 1.

² Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, М.—Л., 1925, стр. 1.

Ф. А. Ротштейн (1871—1953) — советский историк, академик, видный деятель русского и международного рабочего движения. В 1890 г. был вынужден эмигрировать в Англию, где и познакомился с Блантом. Друг и единомышленник Бланта по вопросам, связанным с национально-освободительным движением народов Арабского Востока. Совместно с ним Ф. А. Ротштейн издавал прогрессивный орган египетского национально-освободительного движения «Египет». В книге «Захват и закабаление Египта» Ф. А. Ротштейн пишет: «...Блант... один из моих английских друзей... С его помощью я выпустил в 1910 году эту книгу... труд опасный для добрых нравов английской публики» (стр. 1).

³ См., в частности, «The Egyptian gazette», 30.XI.1956.

⁴ Дж. Неру, *Автобиография*, М., 1955, стр. 76.

среди которых он провел большую часть своей жизни, постоянно привлекали пристальное внимание представителей передовой общественной мысли его времени.

Находящиеся в архивном фонде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС материалы помогли установить, что и К. Маркс незадолго до смерти интересовался публицистикой Бланта. Об этом свидетельствуют собственноручная запись и выписки, сделанные им из статьи Бланта «Египетская революция», обнаруженные нами в рукописных черновых тетрадах К. Маркса за ноябрь 1882 г.⁵ Свидетельства значительного интереса к деятельности и творчеству Бланта оставил в своих воспоминаниях известный английский поэт-социалист 80-х годов В. Моррис⁶.

На блестящий обличительный памфлет Бланта «Позор XIX века» ссылался его великий русский современник Л. Н. Толстой⁷, нашедший в этом памфлете живое свидетельство того, как «английское правительство разорло богатую сто лет назад Индию, Китай, Африку»⁸. Бернард Шоу, называвший Бланта «англичанином с незапятнанной личной и общественной репутацией»⁹, ему первому прислал гранки своей пьесы «Другой остров Джона Буля».

Выходец из аристократической семьи с прочными консервативными традициями, получивший образование в закрытых дипломатических колледжах, Вилфрид Блант прожил долгую, насыщенную бурными событиями жизнь. В 16 лет он уже секретарь английского посольства в Афинах. Поездки по странам Европы и Южной Америки, связанные с его положением дипломата, продолжаются 11 лет.

Общее представление о маршруте первых путешествий молодого дипломата дают беглые упоминания о кратковременном пребывании в отдельных городах, сделанные им в разное время в дневниках и публицистических произведениях. В общих чертах этот маршрут таков: начало дипломатической карьеры — Афины, 1858—1859 гг., 1861 г. — Франкфурт, 1864—1865 гг. — Мадрид, 1865 г. — Париж, Лиссабон, Синтра и вновь Франкфурт, 1866 г. — Флоренция, 1867 г. — Рим, 1868 г. — Буэнос-Айрес.

Эти годы отмечены значительными политическими событиями.

⁵ W. S. Blunt, *The Egyptian revolution*, — «The nineteenth century», 1882, vol. 12, p. 324—346. — По замыслу автора, эта статья представляла собой часть грандиозного, но оставшегося незаконченным цикла «Апология национально-освободительного движения». К. Маркс познакомился со статьей Бланта в ноябре 1882 г. в процессе работы над третьим немецким изданием первого тома «Капитала» (см. ноябрьские черновые тетради К. Маркса за 1882 г. в рукописном фонде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

⁶ См. W. S. Blunt, *My diaries...*, pt II, pp. 28, 65, 83.

⁷ «The shame of the nineteenth century». — Этот памфлет был написан Блантом в конце 1899 г. для «Таймс». Однако из-за содержащихся в нем резких разоблачений британской колониальной агрессии не был опубликован (см. фрагменты из памфлета в дневниках Бланта, стр. 464). Можно предположить, что памфлет был привезен Л. Н. Толстому К. С. Кокреллом, посетившим Ясную Поляну в 1903 г. О визите Кокрелла см.: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений (юбил. изд.), т. 54, стр. 523.

Из Ясной Поляны Кокрелл вел с Блантом переписку, из которой явствует, что Блант был пропагандистом русской литературы на Западе.

Связь Кокрелла, а через него и Бланта, с Толстым не прерывалась и в последующие годы. В 1904 г. Кокрелл пересылает Толстому письмо одного из виднейших идеологов египетского национально-освободительного движения Мухаммеда-Абду, друга Бланта, переведенное на английский язык женой поэта. Текст письма и ответа Толстого см.: W. S. Blunt, *My diaries...*, pt II, p. 455; «Notes on a visit to Leo Tolstoy at Jasnau Polyana, on July 12th 1930» by Sidney C. Cockerell (Рукопись архива И. С. Шохор-Троцкого).

⁸ «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», ГИХЛ, 1955, т. 2, стр. 181.

⁹ B. Shaw, *Prefaces*, London, Constable, 1934, p. 468.

В Греции Блант наблюдает оживление национально-освободительного движения, вызванное восстаниями 1858 г. в Черногории и Сербии. В Испании он является очевидцем возвращения участников контрреволюционной интервенции в Мексике. В Италии на его глазах идет борьба за национальное освобождение, волновавшая страну с 1859 г. Блант с интересом следит за головокружительной карьерой Бисмарка, пытается понять причины политического хаоса, возникшего в Аргентине в результате столкновений между унитаристами и федералистами.

Несмотря на полное отсутствие в мемуарах и публицистике Бланта подробного комментария политических событий рассматриваемого периода, отдельные высказывания поэта позволяют предположить, что уже в тот ранний период его симпатии находятся на стороне демократических элементов, принимавших участие в том или ином политическом или социальном движении.

В 1869 г., унаследовав после смерти брата родовое имение Краббетпарк с 2 тыс. акров земли и женившись на леди Энн Ноэль — внучке Байрона, Блант навсегда оставляет дипломатическую службу.

Лето 1870 г. застает его в Париже. Уже в том, как воспринял Блант события этого периода, со всей определенностью сказались демократические тенденции в мироощущении поэта. В напряженной обстановке острой политической борьбы, предшествовавшей началу франко-прусской войны, Блант выступает как ожесточенный противник так называемого либерального режима III империи, метко охарактеризованного им «хитроумной уловкой», на которую поддались французы¹⁰.

«В то время, — вспоминал Блант впоследствии, — я был в высшей степени антибонапартистом, читателем „Фонаря“ и других подобных ему журналов, причем гораздо больше, чем свидетельствуют сделанные мной записи. В этом я был солидарен с парижской толпой»¹¹.

В середине 70-х годов Блант совершает свое первое путешествие по Ближнему Востоку и Индии, путешествие, которому суждено было сыграть столь значительную роль в дальнейшем формировании мировоззрения и определении всего его жизненного пути.

Интерес к Востоку и, в частности, к арабским странам возник у Бланта еще в юности. «Я едва ли еще посетил Восток, — записывал он в своем дневнике, — но восточные страны интересовали меня с того самого дня, когда я прочел „Путешествие по арабским странам“ Палгрейва»¹². Этот интерес усиливается в конце 60-х годов в связи с рассказами известного английского путешественника Ричарда Бартона, встретившегося с Блантом в Буэнос-Айресе.

В 1874 г. Блант вместе с женой, путешественницей и этнографом¹³, предпринимает первое путешествие по Французской Сахаре. Уже то-

¹⁰ W. S. Blunt, *My diaries...*, pt I, p. 472.

¹¹ *Ibid.*, p. 475. — Уже сам по себе тот факт, что Блант является читателем «Фонаря», весьма знаменателен. Как свидетельствует Анри Рошфор, один из видных политических деятелей радикально настроенной мелкой буржуазии, еженедельный политический журнал «Фонарь», имевший огромный успех во Франции и ведший непримиримую борьбу с империей, подвергался ожесточенным репрессиям со стороны правительства (см. Анри Рошфор, *Приключения моей жизни*, М., 1934, стр. 125—127, цит. по кн.: «Новая история в документах и материалах», под редакцией В. М. Далина, ОГИЗ, Соцэкгиз, 1935, стр. 307).

¹² W. G. Palgrave, *Narrative of a year's journey through Central and Eastern Arabia*, London, 1865. — Следует заметить, что труд Палгрейва содержал оценку арабского мира, полностью противоположную воззрениям Бланта. Неприязнь Палгрейва ко всему, что связано с представителями Арабского Востока, отмечалась в свое время «Отечественными записками». См. «Отечественные записки», 1865, кн. 8, стр. 279.

¹³ См. труды Энн Блант: *Bedouins of the Euphrates*, London, 1879; *A pilgrimage to Nejd*, London, 1881. О ней см. «The Athenaeum», 1881, p. 325, а также «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1866, т. I, вып. I, стр. 146.

гда от его пронизательного взора не укрылось, что французские административные власти под видом подавления мятежа грабили местных жителей. «При всей моей любви к французам, — записывает Бланг в путевом дневнике, — я почувствовал, что здесь мои симпатии целиком на стороне арабов»¹⁴.

Вскоре после этого последовала поездка в Египет. Начатое изучение арабского языка на этот раз позволило Бланту ближе познакомиться с представителями еще непонятного ему, но глубоко интересующего его мира. Во время этого путешествия Блант впервые столкнулся с жестокой, поразившей его нищетой египетских феллахов. Даже в окрестностях Каира он нередко встречал крестьян, единственной одеждой которых была заплатанная рубаха. Не раз Блант был свидетелем того, как изможденные женщины продавали с себя последние лохмотья, так как сборщики налогов ждали их в деревне с кнутом в руках¹⁵.

Поближе познакомившись с египтянами, Блант получил самое полное представление об этом мужественном, трудолюбивом народе. «Египтяне, — писал он в своем путевом дневнике, — хороший, честный народ... Все это, разумеется, о тех, кто не занимает высоких постов. О них я не знаю ничего. Но что касается крестьян, феллахов, они обладают всеми добродетелями, необходимыми для членов счастливого процветающего общества. Они жизнерадостны, трудолюбивы... Они не игроки, не скандалисты, не безнравственные люди, они любят свой дом, своих детей, своих жен. Они хорошие сыновья и отцы и абсолютно не подвержены расовым предрассудкам»¹⁶.

Зимой 1878/79 г. поэт посетил Неджд. Познакомившись со строем жизни в некоторых, наиболее отдаленных и поэтому не знавших буржуазной цивилизации округах Неджда, Блант восторженно отозвался о том глубоком и всестороннем влиянии, которое оказал на их развитие так называемый ваххабизм¹⁷. Политическая сущность движения ваххабитов состояла в стремлении к объединению всех арабов и борьбе за национальную независимость. Стремясь возродить республиканский, первобытно-коллективистский характер общества, населявшие Неджд ваххабиты противостояли носителям христианской цивилизации, вызывавшей горячую ненависть Бланта¹⁸.

«Только в Неджде, — писал впоследствии Блант, — из всех стран мира, которые я посетил... три величайшие блага, которыми хвастает Европа, хотя и не обладает ими, являются живой реальностью. Это — Свобода, Равенство и Братство. Только здесь, исключая даже Францию, где эти слова написаны на каждой стене, Свобода, Равенство и Братство — достояние каждого свободного человека»¹⁹.

Путешествуя по Неджду, Блант постепенно приходит к выводу, что жители этого сохранившего свою национальную независимость края обладают определенными преимуществами по сравнению с другими народами Арабского Востока, поработанными европейскими колониза-

¹⁴ W. S. Blunt, *Secret history of the English occupation of Egypt*, London, 1907, p. 6.

¹⁵ *Ibid.*, p. 11.

¹⁶ *Ibid.*, p. 13.

¹⁷ Учение ваххабизма имело те же социальные корни, что и средневековые махдистские движения, охарактеризованные Ф. Энгельсом как движения бедных кочевников против купцов и феодалов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 16, ч. 2, стр. 410).

¹⁸ Разительный контраст отличающегося узостью и нетерпимостью христианства с учением арабов «о братстве людей» отмечает Дж. Неру (см. «*Открытие Индии*», М., 1955, стр. 238).

¹⁹ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 58.

торами. Именно тогда, по признанию Бланта, горячее желание помочь арабским народам «сбросить ярмо чужеземцев и возродить их общественную жизнь»²⁰ впервые овладело его помыслами. Так родилась «первая политическая любовь» поэта. Отныне он видит цель своей жизни в том, чтобы всеми силами участвовать в борьбе арабских стран за «драгоценный дар независимости»²¹.

Не меньшее значение, чем путешествие по Неджду, имела для формирования политических взглядов Бланта его первая поездка в Индию, куда он отправился в качестве личного гостя Литтона²², в то время вице-короля Индии. В первый раз Блант посетил Индию в 1879 г., ровно через два года после подготовленного Дизраэли театрального зрелища в древней индийской столице Дели, где 1 января 1877 г. королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. В том же году Гладстон объявил миру о двух пресловутых условиях, на которых якобы покоилось право англичан находиться в этой стране. Оба эти условия были приведены впоследствии как пример вопиющего несоответствия их действительности в эпиграфе к труду Бланта «Мысли об Индии»²³. «Наше пребывание в Индии, — гласило первое из этих условий, — должно быть выгодным для индийской нации!»

И второе: «Мы должны заставить их увидеть и понять, что это им выгодно».

Здесь, в Индии, в 1879 г. Блант впервые получает яркое представление о том, какого рода «выгоды» дает британское владычество населению этой страны.

«Я разочарован, — пишет он в апреле 1879 г. из Симлы, — разочарован Индией. То же самое тяжелое обложение налогами, власть иностранных чиновников и безрассудное расходование денег; с которым можно столкнуться в Турции... Я не вижу большой разницы в том, чтобы заставить умирающего от голода индийца платить за собор в Калькутте или облагать налогом болгар за дворец на Босфоре»²⁴.

Сравнивая положение населения Индии с положением других народов поработанного Востока, Блант приходит к обобщениям, которые подготавливают почву для дальнейшего развития его взглядов на национальную независимость колониальных народов. Уже в 1879 г. он полон веры в творческие созидательные силы индийского народа. «Я верю, — пишет Блант, — что туземцы способны управлять своим государством гораздо лучше, чем мы, расходуя на это примерно одну десятую часть того, что стоит им английская администрация»²⁵.

Одиннадцатилетнее странствия по Европе, еще не оправившейся после потрясений 1848 г., месяцы, проведенные в 1870 г. в охваченном революционным брожением Париже²⁶, путешествия по странам Араб-

²⁰ W. S. Blunt, *The Egyptian revolution*, — «The nineteenth century», 1882, September, p. 326.

²¹ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 58.

²² О деятельности Литтона в Индии см. «*Lord Lytton's Indian administration*» — «The Times», 1899, p. 723. Отдавая должное поэтическому таланту Литтона, близким другом которого он был в юности, Блант впоследствии неоднократно отмечал его империалистические устремления как государственного деятеля. «Литтон, — записывал он в своем дневнике в день его смерти, — был слишком убежденным империалистом, чтобы без боли видеть, как Англия ослабит свою мертвую хватку на Ниле» (W. S. Blunt, *My diaries...*, pt I, p. 731).

²³ W. S. Blunt, *Ideas about India*, London, 1885.

²⁴ *Ibid.*, p. XV.

²⁵ *Ibid.*, p. XVI.

²⁶ Всю жизнь Бланта не оставляло сожаление о том, что он был вынужден покинуть Париж до событий, разыгравшихся там в 1871 г. (см. W. S. Blunt, *My diaries...*, pt I, p. 496).

ского Востока и Индии оказываются для Бланта хорошим противоводом от все глубже проникающего во все поры общественной жизни Англии джингоистского духа. К началу 80-х годов в нем созревает мощное чувство протеста против знакомого ему еще с детских лет культа пресловутого «юниона Джека», английского флага, беспредельного владычества которого на морях и на суше все настойчивее требует реакционная английская печать.

Этот протест и горячее сочувствие к народам, поработанным европейскими колонизаторами, заставляют поэта преодолеть его прежние, привитые средой и воспитанием, представления о патриотизме. Не желая быть душителем чужой свободы, Блант навсегда становится врагом английского империализма. Отныне целью своей жизни он считает борьбу за освобождение народов Азии и Африки от колониального ига.

Оказавшись в 1881—1882 гг. в самой гуще революционных событий, потрясших Египет, поэт становится активным участником египетского национально-освободительного движения, горячо сражается за свой окончательно обретенный политический идеал. А год спустя он открыто призывает египетский народ к революции, утверждает этот идеал на страницах египетской поэмы «Ветер и буря» — живой хроники бурных событий 1881—1882 гг.

Памятная в истории Арабского Востока осень 1881 г. вновь застаёт Бланта в Египте. Он оказывается свидетелем пронесшегося над страной вихря революционного восстания и сразу же принимает сторону повстанцев. Такую же позицию занимает и его жена Энн Блант.

«Моя жена, — писал впоследствии Блант в своей „Секретной истории английской оккупации Египта“, — внучка нашего великого национального поэта лорда Байрона, унаследовала от него его горячее сочувствие делу свободы на Востоке. Это обстоятельство во многом определило наше отношение к событиям 1881—1882 гг. Мы считали, что выступить в защиту сражавшихся за свою свободу арабов — такое же благородное дело, как то, за которое отдал свою жизнь Байрон в 1824 г.»²⁷.

К египетскому национально-освободительному движению 1879—1882 гг. Бланта привлекает прежде всего то обстоятельство, что оно, как справедливо отметил поэт, «было по существу феллахским движением, так как его целью являлось освобождение феллахов»²⁸.

Публикуя в 1931 г. под заголовком «За пятьдесят лет» отрывочные сведения о восстании 1881—1882 гг., египетская газета «Аль-Ахрам» отдала должное той, по ее твердому убеждению, важной роли, которую Блант играл в восстании. Называя поэта другом Араби и его сторонником, «Аль-Ахрам» следующим образом характеризовала деятельность Бланта: «Действия поэта были направлены на создание национального независимого Египта... и поэт полностью окунулся во все перипетии борьбы повстанцев»²⁹.

²⁷ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 7.

²⁸ *Ibid.*, p. 144.

²⁹ الأهرام («Аль-Ахрам»), 20.X.1931. — О роли Бланта в египетском национально-освободительном движении позволяют судить и высказывания его врагов. Так, автор написанной в крайне резких тонах рецензии на «Мысли об Индии», характеризующая деятельность Бланта в Индии в 1884—1885 гг., обвиняет поэта в «открытой проповеди восстания, пламя которого ему удалось с успехом разжечь до этого в Египте». «Поведение Бланта в Индии, — утверждает он, — находится в полном соответствии с его поведением в Египте. И здесь и там Блант выступает как последовательный противник реформ, предлагаемых его современниками... общается с теми, кто известен своим недовольством существующим положением вещей и нелояльностью» (см. «The Fortnightly review», 1885, vol. 37, p. 381).

Вилфрид Блант особо подчеркивал, что проповедуемые Араби идеи имели глубокие корни в исторической традиции египетского народа. Этим он и объяснял в значительной степени глубокую преданность Араби народа и армии. «Мысли, которые он высказывает, — записывал Блант в своем дневнике, — не являются просто повторением звонких тирад о свободе, имеющих широкое хождение в современной Европе, но основаны на знании истории арабской философской мысли»³⁰. Известное влияние, оказанное в свое время на Араби идеологией французской революции и системой республиканских идей, немало способствует росту симпатий Бланта к этому человеку.

Разделяя революционно-демократические воззрения египетских патриотов, Блант уже осенью 1881 г. окончательно приходит к выводу, что лишь в национальной независимости — спасение этой страны, доведенной до крайней степени нищеты его алчными соотечественниками. Эта мысль владеет им, когда он по просьбе Араби помогает повстанцам выработать проект национальной программы Египта. Помимо составления программы, Араби поручает Бланту защиту и пропаганду движения египетских патриотов в европейской прессе.

В напряженной обстановке, когда, как пишет «Аль-Ахрам», «лондонская печать стала затрагивать честь сынов египетского народа», Блант и его друг Грегори своими выступлениями «усиливали мощь повстанцев, которых они защищали в лондонской прессе, гордились их победами над Европой и ее политикой»³¹.

Корреспонденции Бланта и Грегори из Египта были единственным источником правдивой информации о событиях, разыгравшихся в этой стране. Собственных корреспондентов в Египте имели лишь «Таймс» и «Пелл-мелл-газет», причем, по свидетельству Бланта, они находились в руках английского финансового контролера Кольвина, в прошлом крупного англо-индийского чиновника. На полном содержании англо-французских финансовых контролеров, в свою очередь черпавших для этого средства из того же египетского бюджета, находились и корреспонденты агентства Рейтер и Гавас. А сведения, передаваемые корреспондентом агентства Гавас, помимо этого, проходили еще и через цензуру Малета³². Еще более активный характер приняла защита дела египетской свободы в английской печати после возвращения Бланта в Лондон. Три месяца, проведенных поэтом в Каире, представляются ему «целой жизнью — таким захватывающим оказался интерес к разыгравшимся событиям»³³.

«Отныне я смотрел на Египет, — вспоминал впоследствии Блант, — как на второе отечество (*a second patria*) и твердо решил разделить свою судьбу с египтянами так, как если бы они были моими соотечественниками. Я чувствовал себя чужим среди своих соплеменников по крови..., которые составляли тогда английскую колонию в Каире. Следуя за Кольвином, как овцы, они прониклись идеей интервенции. И надо заметить, что теперь, когда предметом разговоров стала уже не французская, а английская интервенция, мгновенно безнравственность агрессии превратилась в глазах англичан в долг. Если требования Гамбетты к арабам представлялись им чудовищными, то предложения Грэнвиля рассматривались теперь как справедливые, патриотические и необходимые»³⁴.

³⁰ W. S. Blunt, *Secret history...*, pp. 169—170.

³¹ «Аль-Ахрам», 29.I.1932.

³² Малет — французский консул в Египте в 1879—1883 гг.

³³ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 206.

³⁴ *Ibid.*

Оказавшись в Лондоне, Блант, как свидетельствует историк египетской революции Баракат, активно занялся пропагандой египетского национально-освободительного движения³⁵. Об этом же сообщал в своем труде «Захват и закабаление Египта» Ф. Ротштейн. «Только небольшая группа честных людей различных политических взглядов, — писал он, — как Блант, с одной стороны, и Фр. Гаррисон — с другой, осмелилась выступить против этого джингоистского духа»³⁶.

В то время когда Блант вел оживленную кампанию в защиту египетских патриотов, 8 января 1882 г. Англия и Франция предъявили Египту объединенную грозную ноту. Отмечая, что эта нота написана языком угроз и по своему характеру представляет покушение на свободу Египта, Араби просил Бланта до сведения английских экспансионистски настроенных кругов, что «все население Египта, начиная с мужчины и кончая ребенком, будет оказывать сопротивление интervenтам»³⁷.

25 мая 1882 г. английское и французское правительства вновь предъявили Египту ультиматум. Своеобразным ответом на него явилось письмо Араби к Гладстону, которое Блант пересылает английскому премьер-министру. «Удар, нанесенный Англией и ее сателлитами, — писал Араби, — отзовется морем крови на широких просторах Азии и Африки, и ответственность за эту кровь падет на головы англичан.

Пусть английские круги не недооценивают патриотизма египетского народа. Возможно, они не знают о переменах, которые произошли в нем со времени тирании Исмаила. В наше время народы делают гигантские и неожиданные скачки на пути прогресса. Англия может быть уверена, что мы полны решимости умереть мучениками за свою страну... или же победить и стать независимым счастливым народом. Когда люди знают, за что они сражаются, их мужество беспредельно»³⁸.

В конце 1883 г. выходит из печати поэма Бланта «Ветер и буря» — живая хроника бурных египетских событий. В одной из своих работ известный литературный критик С. С. Чью совершенно справедливо назвал эту поэму «вдохновенным и возмущенным протестом против британской империалистической экспансии»³⁹. Появление «Ветра и бури» совпало со значительно усилившимся к 80-м годам стремлением к пресловутой «децентрализации», в которой экспансионистски настроенные круги видели средство облегчить «бремя англичанина».

«Англичане, — писал Дж. Р. Сили, автор двухтомного труда „Экспансия Англии“, вышедшего за несколько месяцев до появления поэмы Бланта, — должны устремить свои взоры за пределы Англии, если они хотят величия своей страны»⁴⁰.

Нетрудно представить себе, какую реакцию в этих условиях вызвала «крамольная» поэма Бланта, в особенности ее заключительная часть, где он предрекал мрачное будущее Англии, предсказывал гибель Британской империи и всеобщую ненависть к ней поработенных народов.

³⁵ Баракат, *Революция Араби и ее мировое значение*, — «Аль-Ахрам», 20.X.1931.

³⁶ Ф. А. Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, стр. 152.

³⁷ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 189.

³⁸ Ibid., p. 372.

³⁹ S. S. Chew, W. S. Blunt, *An intimate view*, — «The North American review», 1923, May, p. 676.

⁴⁰ G. R. Seely, *The expansion of England*, London, 1883, vol. I. Letter one. — В 1911 г. Сили выступал в палате общин с яростными нападками на обличительный памфлет Бланта «Гордон в Хартуме» («Gordon at Chartoum», London, 1911). См. W. S. Blunt, *My diaries...*, pt II, p. 386.

Ты слабому на грудь ногою ступила.
Восстанет он — пята твою стряхнет!
Ты ненависть народа заслужила —
И ненависть его тебя убьет⁴¹.

Призывая народ Египта к сопротивлению иноземным угнетателям, к революционной буре против посеявшей ветер Англии (отсюда и название поэмы «Ветер и буря»), поэт вместе со всем прогрессивным человечеством приветствует этот всеокрушающий ураган:

Друзей Египта ненависть святая
Тебя повсюду, грозная, найдет,
И поросль народа молодая
Тебя за преступленья проклянет.
.
.
.
Ты растеряешь все свои владенья,
Твои суда, кочуя по волнам,
Не будут сеять смерть и разрушенье,
Паля по беззащитным берегам...

Идейный замысел Бланта окончательно раскрывается в одной из заключительных строф поэмы, где поэт призывает египетский народ поднять меч на покусившуюся на его свободу и независимость Англию:

Ты лицемерья символ и обмана,
Вошла ты в Лету в роли палача,
Насильника, обманщика, тирана...
С мечом вошла — погибни от меча!⁴²

В 1884 г., когда еще не успела улечься буря возмущения, вызванная его египетской поэмой, Блант публикует на страницах «Фортнайтли ревью» свою новую работу — публицистический труд «Мысли об Индии»⁴³ — результат наблюдений, сделанных им во время вторичной поездки в эту страну.

Посетив Индию в конце 1883 г., Блант, которого, по его собственному признанию, «дипломатия в Каире подготовила к дипломатии в Хайдерабаде», а «нищета сельскохозяйственной дельты Нила — к нищете сельскохозяйственных районов Декана», взглянул на Индию без розовых очков. А такими очками, по его же свидетельству, английские чиновники снабжали всех, кто посещал Индию. «Ночью современной Индии»⁴⁴ назвал он английское владычество в этой стране.

«Домики еще беднее, чем в Малой Азии, Сирии, даже Египте... полуголые, в лохмотьях, местные жители, которые хлеб и тот едят по

⁴¹ W. S. Blunt, *The wind and the whirlwind, appendix, to the secret history of the English occupation of Egypt*, p. 590. (Этот и все последующие переводы из поэмы «Ветер и буря» сделаны мной. — А. Л.)

⁴² Ibid.

⁴³ W. S. Blunt, *Ideas about India*, London, 1885.

⁴⁴ W. S. Blunt, *Ideas about India*, — «The Fortnightly review», 1884, vol. 36, p. 164. — Этим утверждением Блант по существу оспаривал ежегодные отчеты «Progress of India» («Blue-Books») и имевший широкое хождение справочник по Индии Хантера (W. Hunter, *The Indian Empire, its history, people and products*, London, 1882). Примечательно, что с критикой этих отчетов выступала в 1870—1900 гг. и прогрессивная русская печать. См., в частности, воспоминания М. И. Венюкова, опубликованные в 1900 г. в «Русской мысли» (М. И. Венюков, *Туземцы и иностранцы об английской Индии*, — «Русская мысль», т. II, стр. 94—102).

праздникам, а в будни — просо с солью и водой»⁴⁵, — вот что увидел Блант во время путешествия по Британскому Декану. Он с возмущением наблюдал за тем, куда шли гроши, отобранные у голодающего населения. «Я уверен, — писал Блант в своих „Мыслях об Индии“, — что нет другой такой страны на свете, где так бессмысленно тратятся огромные деньги... где за все... бессмысленные излишества так полно и непосредственно расплачиваются бедные»⁴⁶.

Поэт обращал внимание и на то, что не кому иному, как индийскому крестьянину, приходится оплачивать любое мероприятие своих «прекрасных правителей», «даже если оно не имеет ни малейшего отношения к их действительным нуждам»⁴⁷. «Я удивляюсь, — замечал Блант, — почему никто никогда не подсчитал, за сколько бочек шампанского заплатил пьющий одну воду индийский крестьянин за последние полстолетия»⁴⁸.

Ответственность за невероятно низкий уровень индийской промышленности и торговли поэт справедливо возлагал на своих соотечественников, непосредственно заинтересованных в его снижении. Вооружившись фактами, он обстоятельно доказывал, что, точно так же как индийский крестьянин в первую очередь обеспечивает роскошь представителей английской администрации, а потом уже кое-как свои собственные нужды, он способствует и процветанию английского торговца за счет полного разрушения собственной национальной торговли.

Убедительно доказывая, что «с существующей системой эксплуатации Индии к выгоде англичанина должно быть покончено навсегда»⁴⁹, Блант указывал своим соотечественникам на возможность сближения Индии с Россией.

Непосредственная и глубокая заинтересованность Англии в последовательном разрушении индийской экономики, которая по существу является предметом исследования «Мыслей об Индии», не позволила Бланту возлагать надежды на какие-либо идущие сверху, коренные изменения в англо-индийских отношениях. «Я знаю, — писал Блант в заключительной части своей работы, — какой поток гнева, не знающего меры в подлости, обрушивается на того, кто осмелится посягнуть на вложенные в дело капиталы. На нашем пути стоят интересы англо-индийцев, и еще более алчной коммерции, и еще более алчных финансов. Коммерция и финансы выигрывают от существующей ныне системы в Индии. Надо насытить Манчестер, прежде чем Индия получит надежду на жизнь... Долг Индии, к несчастью, означает дивиденды в Ломбард-стрит, и поэтому я не смею надеяться...»⁵⁰.

Абсолютная безнадежность, звучащая в приведенных высказываниях, свидетельствует о том, что в понимании Бланта единственным

⁴⁵ W. S. Blunt, *Ideas about India*, — «The Fortnightly review», 1884, vol. 36, pp. 168—169.

⁴⁶ Ibid., p. 176.

⁴⁷ Интересно сравнить наблюдения Бланта с высказыванием автора капитального труда «The migration of British capital» Дженкса (L. H. Jenks). «Накладные расходы, которые находили удобным записывать в долг Индии, кажутся нелепыми. Расходы в связи с восстанием в Индии в 1857 г., расходы по передаче прав Ост-Индской компании английской короне, на одновременные войны в Китае и Абиссинии, всякие правительственные расходы в Лондоне... вплоть до чаевых прислуге в министерстве по делам Индии... — все записывалось на счет индийского крестьянства» (см. Кумар Гошал, *Народ в колониях*, М., 1949, стр. 155).

⁴⁸ W. S. Blunt, *Ideas about India*, — «The Fortnightly review», 1884, vol. 36, p. 176.

⁴⁹ Ibid., pp. 458.

⁵⁰ Ibid., vol. 37, p. 398.

реальным выходом из положения для индийского крестьянина были не правительственные реформы, а национально-освободительная революция, к которой за год до появления «Мыслей об Индии» поэт призывал в своей поэме египетский народ, революция, созревшие предпосылки которой он продемонстрировал на страницах своей новой работы.

В сентябре 1898 г. внимание мировой общественности было привлечено к Судану. Разыгравшиеся тогда у г. Омдурмана события потрясли сердца всех честных людей. Двадцатитрехтысячная оккупационная армия под командованием английского генерала Китченера с невиданной жестокостью учинила расправу над мужественно отстаивавшими свою независимость суданскими патриотами. После занятия Судана и превращенного в развалины Хартума оккупанты осквернили могилу Махди (Мухаммед-Ахмеда) — вождя суданского народного восстания. Они разрушили его мавзолей, отрубили у трупа голову и, надругавшись над останками Махди, выбросили их в Нил.

Блант выступил в печати с гневным протестом против зверств английских оккупантов в Восточном Судане. Предумышленным и безжалостно осуществленным массовым убийством, «кровавой резней» назвал он трагические омдурманские события.

Возмущение Бланта новым преступлением английских колонизаторов нашло выход в его революционной поэме «Оправданный сатана». Свое новое произведение, опубликованное в 1899 г., поэт направил против тех, кто пропагандировал «божественную миссию Англии — завоевывать и подчинять себе необозримые пространства»⁵¹. «Лицемерие и всепоглощающая алчность Англии, — писал Блант в предисловии к поэме, — зрелище, которое, если существует в мире высшая справедливость, должно навлечь на эту страну божье проклятие... Только англосаксы могут в наши дни истреблять и совершенно стирать с лица земли целые племена. Только они могут опустошать целые континенты, пядь за пядью»⁵².

В поэме «Оправданный сатана» — блестящей сатире на империалистическую экспансию Великобритании — Блант представил в истинном свете историю колонизации стран Азии и Африки. Он развенчал созданный апологетами империализма миф о высокой цивилизаторской миссии колонизаторов, высмеял лицемерные рассуждения о том, что английская раса будто бы «авангард гуманности».

Поэма «Оправданный сатана» вышла в свет в те дни, когда на Гаагском мирном конгрессе английские дипломаты произносили «кроткие голубиные речи», а на полях Трансвааля, как и незадолго до этого в Восточном Судане, лилась кровь защитников свободы — жертв очередной агрессии британских империалистов. «Что может быть отвратительнее, чем эта дружественная встреча белых грабителей и мирный дележ добычи?»⁵³ — записал Блант в своем дневнике.

С тяжелым чувством вступает Блант в XX столетие. Он видит, как в результате колониальной агрессии гибнут и становятся рабами тысячи людей. «Старый век близится к концу, — писал Блант. — Он оставляет мир в весьма критическом положении, причем Англия натворила и продолжает творить в нем массу бед в таком масштабе, какого не знала до сих пор ни одна империя. Все нации Европы устраивают сейчас такой же ад в Китае, учиняя резню, мародерствуя и насилуя в захваченных городах, как в средние века... В Южной Африке наши

⁵¹ W. S. Blunt, *My diaries...*, pt I, pp. 420—421.

⁵² W. S. Blunt, *Satan absolved*, London, 1899, pp. V—VI.

⁵³ W. S. Blunt, *My diaries...*, pt I, p. 401.

войска под командой Китченера жгут фермы, а королева, обе палаты и епископат публично благодарят бога и жертвуют на это предприятие деньги. Американцы тратят 50 миллионов в год на убийства на Филиппинах; бельгийский король вложил все свое состояние в Конго, где он совершает невероятные жестокости по отношению к неграм, чтобы набить свои карманы... Вся белая раса занимается открытым разбоем и разгулом, как будто она никогда не претендовала на то, чтобы прослыть христианской... Будь они все в равной мере прокляты! Так кончается славный XIX век, в который мы были так горды родиться...»⁵⁴.

С иронией воспринимает Блант притязания Соединенных Штатов Америки и Британской империи на роль освободителей угнетенных народов. «Мы, англичане, — заявляет он, — вместе с американцами душим слабые нации... И это делаем мы — два народа, первыми выступившие глашатаями свободы в мире»⁵⁵.

Одним из позорнейших событий в истории английского колониализма на Арабском Востоке, которым ознаменовалось начало нового столетия, были бесчинства оккупантов в египетской деревне Деншаваи. Защищая свое человеческое достоинство, феллахи изгнали из деревни насильников и грабителей. Английский суд приговорил четырех арабских крестьян к смертной казни, девять жителей деревни — к каторге, остальных — к наказанию плетью.

Рассматривая «Деншавайское дело» как одно из звеньев колониальной политики империалистических держав в странах Азии и Африки, Блант создает страстный обличительный памфлет «Зверства правосудия во время английского владычества в Египте»⁵⁶. В нем он обращается ко всем своим современникам, к людям разных национальностей и убеждений, призывая их поднять голос протеста против преступлений англичан в Египте. «Я опубликую, — заявлял Блант в предисловии, — этот памфлет и на арабском языке, чтобы каждый египтянин, да и весь восточный мир мог понять, что пресловутая британская справедливость, которую так долго превозносили, стала пустым и ничего не значащим словом и что весь мир уже увидел, что англичане... не имеют права на цивилизаторскую миссию, которой они так долго хвастали. Я имею возможность сделать это не только в Египте, но и в Индии, и по всему Востоку, где мои слова будут иметь вес, не в пример Англии... Ради братства людей я не стану колебаться и предупреждаю... что Британская империя заслуживает того, чтобы погибнуть, как другие империи, где были попораны справедливость и права человека»⁵⁷.

До последних дней жизни Вилфрид Блант продолжает горячо интересоваться борьбой колониальных народов мира за свое освобождение. Он приветствует и поддерживает оживление национально-освободительного движения в колониях, вызванное Великой Октябрьской социалистической революцией.

Бланта не обманывают демагогические декларации США о необходимости защиты прав угнетенных народов. Во внешней политике американских империалистов он находит подтверждение своим относившимся к более раннему периоду наблюдениям. «В Америке, — пишет Блант в 1919 г., — дело, которому я посвятил всю свою жизнь, еще меньше соответствует духу сегодняшнего дня, чем у нас»⁵⁸.

⁵⁴ Ibid., pp. 464—465.

⁵⁵ Ibid., p. 421.

⁵⁶ W. S. Blunt, *Atrocities of justice under English rule in Egypt*, London, 1907.

⁵⁷ Ibid., p. 12.

⁵⁸ См. S. S. Chew, W. S. Blunt, *An intimate view*, p. 665.

Поэт по-прежнему продолжает верить в конечный успех борьбы народов Азии и Африки за свою независимость. В мужестве египетских патриотов, павших смертью храбрых в долине Тель-эль-Кебир, он видит залог того, что арабский народ «будет жить, что настанет день для феллаха, когда он получит независимость, и славная борьба 1882 года найдет свое место в истории как начало существования независимого Египта»⁵⁹. С удовлетворением приветствовал Блант политику молодого Советского государства по отношению к народам Востока⁶⁰.

Вилфрид Блант умер 20 сентября 1922 г. Незадолго до смерти он принимал представителей поработанного Египта, приехавших отдать последний долг своему верному и мужественному другу-борцу.

⁵⁹ W. S. Blunt, *Secret history...*, p. 477.

⁶⁰ См. Ф. А. Ротштейн, *Памяти одного печальника Востока*, — «Новый Восток», кн. 2, 1922, стр. 713—714.

Т. А. Шумовский

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
В АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИИ**

«В первые десятилетия халифата,— отмечает И. Ю. Крачковский,—расширение географических сведений находило очень слабое отражение в письменности. Можно предположить а priori, что бурно разлившаяся экспансия, которая вынесла арабов далеко за пределы полуострова в самые разнообразные страны и государства того времени, должна была произвести целый переворот в их мировоззрении и во всяком случае обогатить кругозор рядом практических сведений. Так, несомненно, и было; однако теория с самого начала сильно отставала здесь от практики, и эти практические данные редко находили себе доступ в эту область, которая тогда называлась „наукой“. Она культивировалась преимущественно в Медине; носителями ее были ранние сподвижники Мухаммеда и их наследники; основной целью — изучение Корана в том смысле, как это понималось тогда, и фиксация всего, что относится к деяниям Мухаммеда или его ближайших последователей и преемников. Понятно, что в такой науке географические сведения, проникавшие в военную или административную среду, места не находили. Здесь расширение шло главным образом по другой линии — попыток толкования и пестрого иногда расцветивания неясных географических намеков или теорий Корана»¹.

С течением времени необходимость освоить завоеванные территории и связать их почтовыми дорогами с центром государства вызвала появление ряда произведений, из которых начало складываться здание арабской географической литературы. Возникло оно, конечно, не на пустом месте. Языческие предки мусульман живо интересовались тем, что их окружало, и не без основания И. Ю. Крачковский характеризует доисламскую поэзию как «хранилище топонимики Аравийского полуострова»². Прочно сложившиеся географические представления отражены в Коране и ранних хадисах. Благодаря морским связям они были широки уже и тогда, и наряду с рассказом о христианине Тамйме ад-Дарй, который еще при Мухаммаде принял в Медине ислам, а затем, путешествуя по Средиземному морю, был вы-

¹ И. Ю. Крачковский, *География у арабов до первых географических произведений*, — «Ученые записки ЛГУ», № 98, сер. востоковедческих наук, вып. 1, 1949, стр. 28—29.

² Там же, стр. 21—22.

брошен на необитаемый остров³, фигурирует упоминание о Китае как о самой отдаленной стране. География Аравии составила тему ряда второстепенных работ, но в X в. ей был посвящен исчерпывающий труд Абū Муḥаммада ал-Ḥасана ал-Ḥамдāни (ум. в 945 г.).

При халифе Хārūне ар-Рашиде (786—809) в Багдаде была создана коллегия переводчиков. Под влиянием осуществленных этой коллегией переводов на арабский язык индийских, персидских, сирийских и греческих сочинений по астрономии и математической географии во второй половине VIII в. появилась «Книга таблиц» (كتاب الزيج) ал-Фазāри, во второй половине IX в. — астрономо-географические таблицы (الزيج الصابي) «арабского Птолемея» (Sedillot), Albategnius'a средневековой Европы — ал-Баттāни и таблицы небесных феноменов Абū Ма'шара (Albumasar), а в середине X в. — «Книга изображения Земли» (كتاب صورة الارض) ал-Ḥувāризми.

Деятельность математиков и астрономов при дворе ал-Ма'мūна (813—833) ознаменовалась появлением ряда сборников, излагающих результаты практических вычислений на местности. В эту эпоху основывается обсерватория в Джундишапуре (Персия). В последующее время возникли центры астрономических наблюдений в Шаммāsийе и Қасийūне (Сирия), в Исфагане (Персия), в Бāб ат Тақ и Багдаде (Ирак), в ал-Муқаттаме (Египет). Поздние обсерватории в Мараге и Самарканде увековечены в истории науки участием в их деятельности знаменитых астрономов Насираддина ат-Туси (1201—1274) и Улугбека, внука Тамерлана (1393—1449). Среди мастеров, изготовлявших совершенный астрономический инструментарий для обсерваторий раннего халифата, известен Мāшāллāх ибн ал-Асāри (730—815). К несколько более позднему периоду относится деятельность Ибн ал-А'лама (ум. в 988 г.). Судя по именам, это были безродные люди, возможно даже выкупившиеся рабы. При ал-Ма'мūне был измерен широтный градус между Пальмирой и Раккой, а также изучались отклонения эклиптики, природа равноденствий и длительность солнечного года. Багдадскую школу астрономов и математиков отличает подлинно научный дух. В основе ее построений лежал трезвый опыт. Поэтому труды ал-Фазāри, Йа'қуба ал-Кинди, Ḥусайна ибн Исḥāқа, Сабита ибн Қурры, Ибн ал-Асāри, Абū Ма'шара, ал-Баттāни, ал-Ḥувāризми, бувайхидских ученых Абū л-Вафā' (ум. в 998 г.) и ал-Кūхи (ум. в 1004 г.) сыграли большую роль для практики астрономических наблюдений на мусульманских кораблях. Еще более важными для арабских лоцманов позднего средневековья были «Трактат о захождении Солнца и звезд» (رسالة في غروب الشمس والكواكب) ар-Рāзи (864—925), «Книга о неподвижных звездах» (كتاب الكواكب الثابتة) ас-Сүфи (903—986), «Большие таблицы ал-Ḥākима» (الزيج الكبير الحاكمي) Ибн Йūнуса (ум. в 1009 г.), с именем которого связывают изобретение маятника, астрономические изыскания Ибн Хайсама (965—1039) и Ибн Сины (980—1037), геодезические работы ал-Бирūни (973—1048), «Объединение начал и целей в науке о времени» (جامع المبادئ والغايات) или сокращенно «Книга начал и концов» (كتاب المبادئ والغايات) ал-Маррāкуши (ум. ок. 1262 г.). Современный исследователь Сартон (G. Sarton) оценивает эту книгу как важнейший в масштабе мировой науки вклад в математическую географию. Недаром «Книга начал и концов» была настольной у арабского лоцмана Васко да Га-

³ См. G. Levi Della Vida, — «Enzyklopaedie d. Islām», IV, Ss. 700—702.

мы, и в своей морской энциклопедии он упоминает о ней часто и с большим уважением.

Если при оценке указанных работ говорить также и о местах их создания, то пестрая картина, которая при этом возникает, — Багдад, Рей, Каир, Бухара, Газна, Марокко — будет весьма показательна в том отношении, что мы еще раз увидим универсальное значение каждого произведения науки, написанного на арабском языке, для большого круга народов: в каком бы районе бывшего халифата такое произведение ни возникло, оно было понятно всем странам с арабской письменностью и становилось их общим достоянием, а затем воспринималось и европейской наукой. Если к приведенному списку крупнейших деятелей арабской астрономии и математической географии на Востоке добавить имена действовавших в Испании: автора «Толедских таблиц» аз-Зарқали (1029—1088), разносторонне одаренного Ибн Бадджа (ум. в 1138 г.), последователя антиклерикальной философии Ибн Рушда (1126—1198) и ал-Битрүдж (ум. в 1204 г.), учившегося у Ибн Туфайла, — это Arzachel, Avenpace, Avergoes и Alpetragius европейских переводчиков, — то картина станет более или менее исчерпывающей.

Вслед за Аристотелем, Архимедом, Эратосфеном, Посидонием, Птолемеем и учеными Индии Ахарьей, Арьяхаттой и Брахмагуптой арабские математики при ал-Ма'муне измерили длину географического градуса и земной окружности. Ал-Хувāризми, ал-Бирūни и ряд других практиков из арабских обсерваторий, пользуясь теми же точками отсчета меридианов, какие были употребительны в греческой и индийской науке⁴, предложили более рациональный, чем у древних, способ определения долгот и широт, принятый и ал-Идриси для карты мира. Высоту солнца, время полудня и направление полуденной линии, т. е. меридиана, арабы определяли посредством гномона — вертикального столбика на земной поверхности, отбрасывавшего тень разной длины в различное время суток. В арабской практике этот древнейший астрономический инструмент назывался измерителем или циркулем (مقياس). Он применялся и при устройстве солнечных часов во дворах мечетей. Мореплаватели Аравии заимствовали китайскую буссоль (حقة, итал. bussola «коробочка»), но заменили ее 24-членное деление 32-членным и в таком виде передали ее Европе. В таком же усовершенствованном виде европейцы получили от них дар творческой мысли восточного Средиземноморья — астролябию (اسطرلاب, греч. ἀστρολάβος). Из трех видов последней — плоского, линейного и сферического — арабские практики пользовались в основном первым (ذات الصنائح) как наиболее удобным. Астролябия применялась в разных сферах деятельности — в геодезии, в сферической астрономии, для определения высоты зданий и глубины колодцев. Как мастера по изготовлению астролябий известны ал-Фазари (ум. в 796 г.), ан-Найриси (ум. в 922 г.), аз-Зарқали, ал-Астурлаби, ал-'Урди и др.

Математические и астрономические труды арабских географов, в основе которых лежали практические изыскания на местности при помощи различных приборов, еще в X в. были переведены в Толедо

⁴ За первый меридиан греки обычно принимали самый западный по тем временам, проходивший у Канарских островов, а индусы — центральный меридиан у города Уджайни, где, как полагали арабские авторы, находился «купол Земли» (قبة الأرض) и قبة اَرِين с искажением قبة اَرِين.

на испанский и португальский языки, а в XI—XII вв. Константин Африканский, Иоанн Севильский и Герард из Кремоны добавили к этому переводы на латинский. В 1175 г. появление в европейской научной библиографии названия *Almagest* знаменовало собой выход в свет осуществленного Герардом Кремонским латинского перевода *المجسطى* — арабской версии крупнейшего астрономического труда Клавдия Птолемея «Большой свод» (*ἡ μεγάλη σύνταξις μαθηματικὴ*). Следовательно, далеко не всегда европейское Возрождение питалось греческими источниками непосредственно; весьма значительное место в этом занимала арабская передача.

Таким образом, астрономия и математическая география сыграли крупную роль в истории арабского мореплавания в том смысле, что они передали ему приборы и приемы, при помощи которых можно было определить примерные координаты судна в открытом море, придерживаться избранного маршрута, совершать промеры пройденных расстояний — словом, выполнять сложный комплекс требований правильного судовождения в не всегда благоприятной обстановке рейса. Значение контакта точных наук с навигацией заключалось и в том, что ознакомление моряков с данными, полученными в результате опыта, закрепило в их сознании ту непререкаемую роль, которую играла практика в их повседневной деятельности. Недаром крупнейший представитель арабского мореведения Ахмад ибн Маджид является убежденным поборником опыта, мыслям о важности которого посвящены лучшие страницы его «Книги пользы». Этим еще раз подтверждается высказанное ранее положение о том, что «если при географическом описании материковых стран арабские авторы не считали обязательным видеть изображаемые местности своими глазами, то, наоборот, в морской географии налицо не разрыв, а гармоническое сочетание теории и практики. Лоцман, он же капитан судна, принимая существующие справочники для общей ориентации, вносил в них исправления и дополнения на основе повседневного опыта; из этих последних постепенно складывались новые лоции. Посторонний человек при самом высоком уровне образованности не мог создавать руководств для мореходов, не будучи таковым сам. В творческом взаимодействии теоретических обобщений и практического труда — характерное отличие морской географии от смежных областей арабской литературы»⁵.

Если математическая география и мореплавание одинаково исходили из опыта и были объединены признанием его решающей роли, то в другой струе арабской географической литературы находятся произведения, созданные в большем или меньшем отрыве от практики. Их авторы путешествовали иногда в течение довольно длительного времени, как это, например, было с крупными географами ал-Мас'уди (ум. в 956 г.) и ал-Мукаддаси (писал в 988 г.). Вернувшись на родину, они составляли описание виденных стран на основании путевых заметок или по воспоминаниям. И в том и в другом случае нет уверенности в полном соответствии описания наблюдению, так как отдельные детали могли опускаться в силу политических соображений или просто выпасть из памяти. Это обстоятельство следует иметь в виду изучающему, например, текст Ибн Баттуты.

Деятели описательной географии обычно претендовали на то, чтобы дать картину всего населенного мира. При этом те страны,

⁵ Т. А. Шумовский, *Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы*, М.—Л., 1957, стр. 76.

в которых они не побывали, описывались ими с чужих слов, без проверки de visu; пример этому — работа ал-Идрисй. Купцы и скитальцы, не ставя перед собой географических целей, пренебрегали ведением путевых дневников и строили свои рассказы исключительно по воспоминаниям. Детали в этих условиях могли вольно или невольно опускаться без замены, а иногда вместо них появлялись фантастические построения. Последние, как правило, начинались там, где кончалось истинное знание. Далеко не всегда, даже при современном уровне развития науки, в них удается обнаружить рациональное ядро. Вместе с этим каждый текст при достаточно критическом отношении к нему позволяет вывить большую или меньшую массу оригинального и достоверного материала, и познавательная ценность произведений описательной географии бесспорна. К источникам этого рода относятся такие книги, как «Пути и государства» (ك المسالك والممالك) Ибн Хурдазбиха (писал между 844 и 848 г.), «Страны» (ك البلدان) ал-Йа'күбй (писал в 891 г.), «Пути государств» (ك مسالك الممالك) ал-Истахрй (писал ок. 952 г.), «Пути и государства» (ك المسالك والممالك) Ибн Хавқала (писал в 977 г.), «Золотоносные поля (или, как иногда переводят, „Промывальни золота“) и россыпи драгоценных камней» (ك مروج الذهب) ал-Мас'удй, «Лучшая из систем познания климатов» (ومعادن الجواهر) ал-Муқаддасй, «Утеха для жаждущего пересекать горизонты» (ك احسن التقاسيم في معرفة الاقاليم) ал-Идрисй (1100—1166), «Словарь стран» (ك معجم البلدان) Йа'күтā (1179—1229), «Календарь стран» (ك تقويم البلدان) Абу л-Фидā' (1273—1331), «Подарок бдящим относительно диковин в поселениях и чудес в путешествиях» (تحفة النظار في غرائب الامصار وعجائب الاسفار) Ибн Баттуты (1304—1377). Сюда же следует отнести и такие произведения уже специфически морской литературы, как «Сказания о Китае и об Индии» (اخبار الصين) Абу Зайда из Сирафа (писал в 851 г.) и «Чудеса Индии» (ك عجائب الهند) Бузурга ибн Шахрийāра из Рамхурмүза (X в.).

Схематичность географических карт, сопровождающих некоторые из перечисленных произведений, служит самым красноречивым свидетельством второстепенной роли практики в этих произведениях и создает главную линию отличия описательно-географических работ от мореходных руководств. Вычерченные при помощи циркуля и линейки, эти карты — плод теоретической кабинетной работы — повторяли безжизненную птолемеевскую схему и, конечно, не годились для мореплавания. В этом смысле классический «Атлас ислама» X в. явился для арабского географического мышления мертвым грузом, наглядным выражением той косной ортодоксальной концепции мироздания, которая, найдя место в Коране и особенно в его толкованиях, стала официальной догмой правящих кругов Медины, а затем, приобретя силу традиции, перешла в омейядский Дамаск и аббасидский Багдад.

Передовые географы остро ощущали разрыв между «имперской» географией, застывшей в канонизованных рамках птолемеевского миропонимания, и развивавшейся практической навигацией, деятели которой вносили многочисленные поправки в традиционную схему. Теория, давно переставшая быть руководством для практической деятельности, вступала в растущее противоречие с результатами этой деятельности, и еще в первые века ислама самым надежным источником географических знаний стали не книги, а разносторонний опыт

моряков⁶. Ал-Мас'удй первый указал на ненадежность книжных источников при определении протяженности морей. Так, говоря о размерах Индийского океана, он замечает: «О его длине и ширине говорят и то, чего мы, говоря о его величине, не упоминаем. Мы воздержались от упоминания этого, так как у этих сообщений, как считают моряки, отсутствуют основания, указывающие на их правильность»⁷. Автор таких сомнительных сообщений он саркастически называет «философами» и в другом месте своей книги заявляет: «Я заметил, что сирафские и оманские кораблевладельцы⁸, плавающие в морях Китая, Индии, Синда, Занджа, Йемена, Кулзума и Абиссинии, в большинстве случаев расходятся относительно Абиссинского моря (Индийского океана. — *Т. Ш.*) с тем, что говорят философы и прочие из тех, с чьих слов мы рассказали о размерах и протяженности. По их словам, в некоторых местах ему нет предела. Я также встречался с плавающими на военных и коммерческих судах в Византийском (Средиземном. — *Т. Ш.*) море — матросами⁹, боцманами, капитанами и теми, кто ведаёт распорядком на кораблях и военными действиями с них; таков, например, Лавй, прозывающийся Абу л-Харисом, слуга Зурафы, правителя сирийского Триполи на побережье [области] Дамаска после трехсотого (912—913. — *Т. Ш.*) года. Они находили большими¹⁰ длину и ширину Византийского моря, количество его заливов и разветвлений. Я нашел, что этого же придерживается 'Абдаллах ибн Вазйр, правитель города Джабали на побережье Химса в стране Сирии. В настоящее время — в триста тридцать втором (943—944. — *Т. Ш.*) году — не остается более сведущего относительно Византийского моря и более старого возрастом, чем он. Среди моряков, которые плавают здесь¹¹ на кораблях, будь то военных или торговых, все подчиняются его слову и признают его знания, пронизательность, присутствующую ему набожность и старые заслуги в священных войнах»¹².

Еще более определенно выразился ал-Муқаддасй. Приступая к рассказу об Индийском океане, он в самом же начале отмечает

⁶ Это признает и Крамерс (J. Kramers, *Geography and Commerce, The Legacy of Islam* ed. by T. Arnold and A. Guillaume, Oxford, 1931, p. 83).

⁷ Maçoudi, *Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille*, t. I, Paris, 1861—1877, p. 231.

⁸ У И. Ю. Крачковского *لواخذة* подлинника передано как «капитаны морей» («Морская география в XV—XVI вв. у арабов и турок», — «Географический сборник Географического общества СССР», т. III, 1954, стр. 16). Однако у Феррана («Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turcs relatifs à l'Extrême-Orient du VIII au XVIII siècles», Paris, 1914, p. 548) «*Hāxudā*, или собственник корабля» («Le Nākhudā ou propriétaire du navire»).

⁹ В том же переводе И. Ю. Крачковского *لواتية* лишь транскрибировано и отнесено к торговым судам (или к капитанам?), тогда как у Лэна («Arabic-English lexicon», I, VIII, p. 2863): *لواتية* (при множественных *لواتى*, *لواتون*) «моряк» («a sailor upon the sea»); у Дози (Supplément aux dictionnaires arabes, II, p. 733): *لواتية* (при множественных *لواتية*, *لواتية*) — *سوط لواتية* — «род каната, которым пользуются на кораблях для наказания матросов» («sorte de câble dont on se sert sur les navires pour punir des matelots»).

¹⁰ В том же переводе *يعظمون* «преувеличивают». Это было бы естественно, если бы речь шла о не знающих моря «философах», но, поскольку говорится о моряках, я предпочитаю исходить из другого оттенка значения, одинаково даваемого чтениями II

يعظمون и IV *يعظمون* — «считать, находить большим».

¹¹ В подлиннике *يركب البحر* т. е. *يركب البحر* — «плавают по этому морю».

¹² Maçoudi, *Les prairies d'or...*, t. I, pp. 281—283.

что «люди вообще расходятся в его описании, а картографы — в его изображении. Одни из них представляют его в виде плаща, окружающего страну Китай и Абиссинию, причем одна из его сторон доходит до ал-Кулзума, а другая — до Абадана. Абӯ Зайд¹³ изобразил его в виде птицы, клюв которой находится в ал-Кулзуме — при этом не показано ответвление к Вайле (Айле. — *Т. Ш.*), — шея — в Ираке, а хвост — между Абиссинией и Китаем¹⁴. Я видел его (Индийский океан. — *Т. Ш.*), изображенным на листе бумаги в библиотеке правителя Хорасана и на куске ткани у Абӯ л-Қасима ибн ал-Анмәти в Нишапуре, а также в хранилище у 'Адуда ад-Давла и ас-Ғаҳиба¹⁵. Каждый образец отличался от другого; на некоторых из них значились такие заливы и ответвления, которых я не знаю.

Что касается меня, то я проделал по нему (Индийскому океану. — *Т. Ш.*) около двух тысяч фарсахов и объехал вокруг всего [Аравийского полу]острова от ал-Кулзума¹⁶ до Абадана, не считая того, что корабли заставляли нас блуждать у его [неведомых] островов и в открытом море. Я водил дружбу с шейхами, которые там родились и выросли, из числа лоцманов и капитанов, торговых агентов и купцов, и увидел, что это люди, наиболее сведущие относительно него (Индийского океана. — *Т. Ш.*), его гаваней, ветров и островов. Я расспрашивал их об этом [море], его явлениях и границах, и видел у них тетради, посвященные этому, которые они изучают, на которых основываются и сообразно содержанию которых поступают. Я усвоил и этого здравую суть¹⁷ после того, как разобрал и обдумал, затем сравнил это с картами, о которых упоминал [выше].

И вот однажды, когда я сидел с Абӯ 'Али ибн Хәзимом, глядя в море — мы [находились] на побережье Адена, — он вдруг спросил меня: „Что это я вижу тебя [таким] задумчивым?“ — „Аллах да укрепит шейха! — ответил я. — Мой ум смущается насчет этого моря из-за множеств ва разногласий о нем. Шейх теперь лучше других людей знает его — ведь он глава купцов, и его суда постоянно плавают до крайних пределов этого [моря]. Если он пожелает сообщить мне о нем [такое] описание, на которое я мог бы опереться и к которому мог бы обратиться от сомнений, — пусть сделает“. — „Ты попал на владеющего таким [описанием]“¹⁸, — ответил он, затем разгладил рукою песок и на-

¹³ Абӯ Зайд ат-Балхӣ (ум. в 984 г.), основатель картографической школы, создавшей так называемый *Атлас ислама* с картами всех областей халифата.

¹⁴ Вслед за греческими картографами арабские книжники считали, что материк Африки продолжается вдоль экватора к востоку, образуя южную границу Индийского океана. Поэтому на традиционных арабских картах Китай и Абиссиния оказываются почти рядом.

¹⁵ С. Надви напрасно считает эти карты лоцманскими. Приводимый текст, если учитывать последовательное развитие мысли автора, дает основание полагать, что это были обычные образцы традиционной картографии, наличие которых в удаленных от моря Хорасане и Нишапуре было естественным. Вряд ли сюда могли попасть морские карты, находившиеся в постоянном употреблении у лоцманов. Имя «ас-Ғаҳиб» Надви дополняет кунья ибн 'Аббәд (см. S. Nadvi, *Arab Navigation*, — «Islamic culture», vol. XVI, № 2, p. 196).

¹⁶ С. Надви переводит القلزم как «Средиземное море» (Mediterranean). Это такая же безответственная идентификация, как допускаемое им же قبيلو «Мадагаскар» (Madagascar).

¹⁷ Или «рациональное зерно» — صدر صالح.

¹⁸ В «Морской географии», на стр. 16, переведено: «На сведущего о нем (Индийском море. — *Т. Ш.*) ты попал», но в подлиннике стоит على الخبير بها سقطت где ها — не может относиться к وبحر, а только к صفة.

рисовал на нем море без всякого „плаща“ и „птицы“¹⁹. Он изобразил на нем лестницы²⁰ в виде языков и несколько ответвлений, затем сказал: „Вот описание этого моря; нет ему карты, кроме этой. Я изображаю его просто и допускаю [в чертеж] все ответвления и заливы, кроме ответвления Вайлы (Айлы.—*Т. Ш.*), из-за его известности, большой необходимости его знать и частых путешествий по нему²¹. Я оставляю [на карте] то, в чем здесь расходятся, и изображаю то, в чем сходятся“»²².

Таким образом, налицо два направления и соответственно этому два результата арабской географической деятельности. В одном случае перед нами сумма работ, ставящих целью широкое описание обитаемого мира. Данные личного наблюдения переплетаются здесь с заимствованиями, достоверные сведения—с фантастическими включениями. Из-за неполного знакомства с предметом географическая характеристика иногда становится беглой, реальные черты явлений расплываются, анализ по существу заменяется описанием внешних примет. Карты, лишённые градусной сетки, построены в традиционном схематическом плане, не терпящем никаких поправок. Обитаемый мир на них расположен в основном вокруг «Индийского моря», которое вслед за Птолемеем и ал-Хуваризмй изображается в виде плаща или, на основании общесемитской географической теории, в форме птицы. Вычерченные при помощи линейки и циркуля, эти карты представляют набор разноцветных геометрических фигур, дающих, если правильно расставить на чертеже страны света, лишь общее представление о положении одной местности относительно другой. Под влиянием ранних карт қиблы, указывавших требуемое при молитве положение лицом к Мекке, на последующих картографических образцах части света меняются местами, и в этом отношении образцы книжной географии тоже далеки от практики.

Эта часть географического наследства арабской культуры включает произведения «сухопутных» авторов, а из морской литературы — образцы уже почти чисто художественного письма в виде рассказов о Синдбаде в «Тысяче и одной ночи», «Сказаний о Китае и об Индии» Абу Зайда Сирафского и «Чудес Индии» судовладельца Бузурга ибн Шахрийара.

В другом случае мы имеем дело с работами, в основе которых лежит двойной источник: личный практический опыт автора и анализ предшествующей работы аналогичного типа. Это—мореходные руководства, которые, строго говоря, относятся к произведениям уже не естественно-исторических, а точных наук и как таковые покоятся на выверенных данных опыта. Автор каждого такого труда обобщает свои наблюдения над метеорологическим режимом в том или ином районе моря, характером и направлением течений, розой ветров, расположением местностей относительно звезд, специфическими признаками близости суши и другими особенностями, важными для моряка. При этом он критически учитывает достоверные данные предшествующих лоний, тщательно проверяет сомнительные и отбрасывает ложные, не счита-

¹⁹ Т. е. без схематических условностей книжной картографии, см. начало приведенного текста.

²⁰ معارج — т. е. места, по которым поднимаются корабли=заливы. Перехода от порта к порту, они как бы переступают со ступеньки на ступеньку.

²¹ Т. е. залив Айлы, которым широко пользуются, так хорошо известен, что знание его подразумевается само собой и изображать его не стоит.

²² «Bibliotheca Geographorum Arabicorum» ed. M. J. de Goeje, III. Descriptio imperii moslemici, auctore al-Mokaddasi, Lugduni Batavorum, 1877, pp. 10—11.

ясь с установившимся авторитетом предшественника. Единственным критерием истины, поскольку от правильного кораблевождения зависит сохранность грузов и человеческих жизней, является личный опыт. Каждое последующее произведение научного мореведения возникает в процессе критической оценки предыдущего, неизбежной при обобщении личного опыта; оно является в большей или меньшей степени отрицанием предыдущей стадии и теоретически закрепляет практические достижения новой, породившей его, стадии мореходных знаний. Следовательно, в отношении того специфического отдела арабской литературы, который составляют морские справочники, нужно говорить уже не о *сумме* индивидуальных попыток мироописания, которая отмечалась в первом случае, а о *системе* последовательных звеньев в единой цепи лоцманских руководств. В совершенствующемся содержании этих руководств отражен прогресс мореходной практики. Они служат вехами непрерывного развития арабской теории навигации, которое происходило в условиях тесной связи с морской деятельностью других народов Индийского океана и взаимного обогащения культур. Далеко не все звенья этой единой исторической цепи сохранились или во всяком случае учтены наукой. Мы можем пока лишь предполагать авторов лоций в мореплавателе Ибн Вахбе, путешествии которого в IX в. описывают «Сказания о Китае и об Индии», в творце книги о «Чудесах Индии» Бузурге ибн Шахрийаре и его многочисленных информаторов, каковы Абӯ Муҳаммад ал-Ҳасан ан-Наджирамай, Абӯ 'Абдаллāх Муҳаммад ас-Сирафи, Мардавайхи ибн Зарабахт, Исма'йл ибн Ибраҳим (Исма'илвайхи), Аҳмад ибн 'Али ибн Мунир, Абӯ л-Ҳасан Муҳаммад, Муҳаммад ибн Бабишад ибн Ҳарām, Абӯ з-Захр ал-Барҳати, Абӯ л-Ҳасан 'Али ибн Шадан (Шазан), 'Абхара из Кирмана, 'Имрāн Хромой, ал-Ҳасан ибн 'Амр, 'Абдалваҳид ибн 'Абдарраҳман ал-Фасавй, 'Али ибн Муҳаммад ибн Сахл (Сарвар), Абӯ Тахир ал-Багдади, Йазид ал-'Умāни, Рашид ал-Гулам ибн Бабишад, Муҳаммад ал-'Умāни, Джа'фар ибн Рашид (Ибн Лакис). Несколько имен, представляющих для нас интерес в этом отношении, упоминаются, как мы видели, у ал-Мас'удй и ал-Муқаддасй.

После всех этих лиц, связанных с пока довольно темной эпохой IX—X вв., начинается некоторое просветление, ссылки исторических документов становятся более полными и определенными, нарастает конкретность. Два разных памятника документальной морской литературы—«Книга польз» арабского лоцмана Аҳмада ибн Маджида (1490 г.) и «Энциклопедия» турецкого адмирала Сидй 'Али Челебй (1554 г.)—одинаково называют среди своих источников сведения, исходящие от «трех львов моря»—пилотов Муҳаммада ибн Шазана, Сахла ибн Абана и Лайса ибн Кахлана, деятельность которых протекала главным образом в районе Персидского залива. Ферран вслед за Рено считал, что «три льва» были представлены в составе источников Челебй своими произведениями²³. В действительности же, по словам самого Сидй 'Али, он составил представление о «львах» и характере их деятельности лишь на основании бесед с бывальыми моряками. Это не удивительно, если

²³ Рено: «Сидй 'Али... пользовался содействием разных арабских трактатов, которые до нас вовсе не дошли. Из этих трактатов, в числе десяти, три были древними, а семь современными» («Sidī 'Alī... a mis à contribution divers traités arabes qui ne nous sont point parvenus. De ces traités, au nombre de dix, trois étaient anciens et sept modernes»: «Géographie d'Aboulféda», I, Paris, 1848, pp. CLXV—CLXVI); Ферран: «Авторами трех древних трактатов являются Лайс ибн Кахлан, Муҳаммад ибн Шазан и Сахл ибн Абан» («Les auteurs des trois traités anciens sont Layth bin Kahlān, Muḥammad bin Sādān et Sahl bin Abān»: «Relations de voyages», p. 485).

учесть, что подлинных лоций Мухаммада ибн Шазана, Лайса ибн Кахлана и Сахла ибн Абана не видел уже Ахмад ибн Маджид, хотя он действовал полувеком ранее Челеби и в сравнении с турецким поэтом-адмиралом знал морскую литературу в гораздо более широком объеме²⁴. Несмотря на то что в его время следы деятельности трех лоцманов были более явственными—он узнал о них не из рассказов моряков, как Челеби, а из рукописи внука «третьего из трех» Исм'айла ибн ал-Хасана ибн Сахла ибн Абана²⁵, непосредственные источники были уже утеряны. Однако существование их несомненно: на л. 3 v «Книги пользы» это засвидетельствовано пометкой об участии «трех львов» в составлении Исм'айлом ибн ал-Хасаном путеводителя (рахм'ан) 580 (1184.—Т. III.) года: «Они проявили внимание к составлению этого путеводителя» (اعتنوا بتأليف هذا الرحمانى); на л. 38 v Ахмад ибн Маджид говорит, что в том же рахм'ан находилось описание некоторых астрономических закономерностей, установленных «тремя», которые он видел مكررا. Примем ли мы для كتره его обычное значение

²⁴ В переводе М. Биттнера приводим отрывок из предисловия к «Энциклопедии», в котором Челеби излагает обстоятельства возникновения своего труда: «В течение своего пятимесячного пребывания в Басре... а также во время трехмесячного перехода из Басры в Индию... следовательно, полных восемь месяцев напролет я не упускал ни минуты, чтобы день и ночь не беседовать на мореходные темы с находившимися на борту лоцманами и корабельщиками. Так я узнал, как древнейшие лоцманы из Хурм'уза и Хиндустана Лайс ибн Кахлан, Мухаммад ибн Шазан и Сахл ибн Абан когда-то совершали свои маневры по Индийскому океану» («Während meines fünfmonatlichen Aufenthaltes zu Basra... und auch auf meiner dreimonatlichen Überfahrt von Basra nach Hind... also volle 8 Monate hindurch hatte ich keinen Augenblick verabsäumt, mich mit den an Bord befindlichen Lootsen und Schiffsleuten Tag und Nacht über nautische Dinge zu besprechen. So erfuhr ich denn, wie die ältesten Lootsen von Hormûz und Hindustân Laith ben Kahlân, Moḥammed ben Sâdân und Sahl ben Abân ehemals auf dem Indischen Ocean manövriert hatten»: «Die topographischen Capitel des indischen Seespiegels Mohit... von M. Bittner... W. Tomaschek», Wien, 1897, S. 53). Слово «книги» появляется лишь в следующей фразе: «Я собрал также книги, сочиненные новыми авторами...» («Ich sammelte aber auch Bücher, die von Neueren... verfasst sind»), где речь идет об использовании для «Энциклопедии» работ Ахмада ибн Маджида и Сулайм'ана ал-Махри. Эти работы перечисляются в том же порядке, в котором упомянуты их авторы: «Фав'айд» (Fawâ'id); Х'авийа» (Ḥâwîya), «Тухфат ал-фухул» (Toḥfat-ul-fuḥûl), «Минхадж» (Minhâġ), «Қиладат-аш-шумус» (Qilâdat-uš-šumûs), т. е.

1) حاوية الاحتصار فى اصول علم البحار 2) كتاب الفوائد فى اصول علم البحر والقواعد 3) كتاب المنهاج الفاخر فى علم البحر الزاخر 4) رسالة تحفة الفحول فى تهذيب الاصول 5) رساله قلادة الشمس فى استخراج قواعد الاسوس. Однако в интерпретации Феррана («Relations de voyages», p. 485) Ахмад ибн Маджид упоминается вскользь как автор лишь одного произведения, которое даже не названо. Что касается Сулайм'ана ал-Махри, то к списку источников «Энциклопедии», где ему принадлежат № 3, 4 и 5, добавлено четвертое его сочинение العمدة المهرية فى ضبط العلوم البحرية, хотя Челеби его не упоминает; Сулайм'ану же приписано авторство и в двух произведениях Ахмада ибн Маджида (№ 1 и 2). Ошибочные выводы Феррана по вопросу о составе и характере источников Челеби объясняются, по-видимому, их датой—1914 г., когда, поглощенный работой над «Relations de voyages», он еще не успел составить ясного представления о содержании и распределении авторства в рукописях 2292 и 2559, открытых всего лишь двумя годами ранее, и мирился с мыслью, что предварительные выводы могут быть неточными.

²⁵ «Книга пользы» (كتاب الفوائد) рук. 2292 Парижской национальной библиотеки, л. 3v: «В эту (аббасидскую.—Т. III.) эпоху известны три человека—Мухаммад ибн Шазан, Сахл ибн Абан и Лайс ибн Кахлан (не путать с Ибн Камиланом!). Я видел это в рукописи сына его сына, в рахм'ан с датой «пятьсот восьмидесятый год» (1184—1185 гг.—Т. III.). Выражение «сына его сына» расшифровывается на л. 38 v: «Установили (закономерную связь Плеяд с β Ориона.—Т. III.) три шейха—предшественника (да пребудет с ними вышнее милосердие!). Это—Мухаммад ибн Шазан, Сухайл (sic!) ибн Абан и Лайс ибн Кахлан (не смешивать с Ибн Камиланом). Я видел это مكررا в рукописи Исм'айла, сына ал-Хасана, сына Сахла ибн Абана, [который был] третьим из трех, видел двух остальных и являлся их современником».

«повторять» или более редкое «очищать», нам ясно, что рукопись Исма'ила представляет простое ли, отредактированное, но всего лишь переиздание раннего морского путеводителя или путеводителей, составленных непосредственно «тремя». Таким образом, Мухаммад ибн Шазан, Лайс ибн Кахлан и Сахл ибн Абан, несмотря на отсутствие в поле зрения науки их подлинных произведений, также должны быть отнесены к разряду авторов морских руководств.

«Три льва» не были единственными фигурами на фоне, по-видимому, достаточно оживленной морской деятельности XII в. Рядом с ними «Книга польз» упоминает в качестве известных лоцманов еще трех современных им деятелей—это 'Абдал'азиз ибн Ахмад ал-Магриби, Мусā ал-Қандарāни и Маймун ибн Халил. В сравнении с окруженными ореолом славы именами «трех львов» эта другая тройка остается несколько в тени, и мы пока не знаем, насколько оправдано такое распределение симпатий со стороны более поздних авторов. Во всяком случае, будучи известными лоцманами, как характеризует их Ахмад ибн Маджид, они получили известность благодаря профессиональному опыту, а фиксация опыта была обычной практикой лоцманов. Поэтому и здесь за именами надо видеть произведения. Быть может, это же следует сказать в отношении еще двух современников «морских львов»—судовладельца Ахмада ибн Мухаммада ибн 'Абдаррахмана ибн Абū л-Фадла ибн Абū л-Му'йри и с большей долей вероятности — редактора рахмāни 1184—1185 гг. Исма'ила ибн ал-Хасана.

Таким образом, эпоха XII, а в известной степени еще и XI в. явилась полем творчества восьми более или менее крупных деятелей арабского мореведения, шедших к теории от практики. Эта деятельная эпоха послужила естественным мостом между окутанными романтической дымкой веками багдадского мореплавания и трезвым веком Ахмада ибн Маджида; отсюда определяется ее значение необходимого этапа в последовательном развитии арабской навигации. Это понимание принципиально отличается от картины удручающего бесплодия арабской морской культуры в XII в., которая возникла перед Соважэ, после того как, предпочтя прямому указанию Ахмада ибн Маджида арифметическую манипуляцию, он вместо даты 580/1184-85 получил для деятельности «львов» $895/1490 - 580 = 315/927$ год, причем для подтверждения этой сомнительной даты понадобилось объявить закономерным случайное совпадение отчеств у двух разных лиц. В попытке отнести значительное явление морской истории халифата непременно к X в. сквозит не всегда осознаваемое влияние великодержавной схемы, согласно которой «багдадский период», охватывающий IX и X столетия, считается золотым веком арабской науки и литературы, после чего окончательная утрата Аббасидами политической силы приводит якобы к постепенному упадку арабской культуры. При этом крупные факты культурной деятельности после первого тысячелетия характеризуются как «отдельные проявления» и «единичные вспышки», а в нашем случае такой крупный факт прямо переносится в эпоху предполагаемой кульминации. Оставляя в стороне рассмотрение этого вопроса в общем аспекте, следует отметить, что мореплавание в халифате характеризуется, между прочим, преобладанием частной инициативы над государственной, в силу чего политические изменения не могли иметь решающего влияния на количество и состав морских экспедиций, равно как и на характер развития навигационной литературы. Это положение сохраняет свою силу до конца XV в., после чего португальский морской террор в восточных водах, лишая арабскую

навигацию первостепенного значения, насильственно прерывает ее дальнейшее развитие.

В XIV и XV вв. морская литература находит своих представителей среди потомственных мореходов ан-Наджид. Два старших представителя этой лоцманской семьи—Мухаммад ибн 'Амр и его сын Маджид ибн Мухаммад известны как тонкие знатоки Красного моря. Они составляют достойный противовес «трем львам», действовавшим в Персидском заливе. Произведения Мухаммада ибн 'Амра неизвестны, но его сыну принадлежит «Хиджаская» поэма, написанная размером раджаз и содержащая более тысячи стихов. Ему же, впрочем без достаточных оснований, современный иракский ученый Давуд-бек Челеби приписывает четырехтомный сборник по теории мореходства, рукопись которого хранится в Мосуле²⁶.

Деятельность младшего члена этой фамилии Ахмада ибн Маджида составила в последнем столетии самостоятельного развития арабской навигации эпоху, наиболее значительную в сравнении со всеми предшествующими. Его лоцманская практика не ограничилась узкими пределами Персидского залива и Красного моря, а вышла в необозримые просторы океана и распространилась на огромном протяжении от Африки до Китая. Уже в этом отношении значительно превзойдя своего отца, деда и «трех львов», он заслужил у современников почетное прозвище «четвертого льва моря». Обширный практический опыт, слагавшийся десятилетиями, привел его к созданию множества путеводителей, из которых 38 полностью или частично находятся в поле зрения современной науки. Будущее покажет, насколько эта цифра может считаться окончательной. Следуя принципиальному правилу, отличающему морские справочники от произведений описательной географии общего типа, почти в каждой из работ Ахмад ибн Маджид описывает ограниченный район и тем самым на сравнительно небольшом количестве листов дает детальное описание маршрута. Лишь два из доступных науке сочинений «четвертого льва моря» ставят перед собой более широкие цели. Одно из них, «Сжатый курс основ мореведения» (حوايه الاختصار في اصول علم البحار) —самое раннее литературное выступление 22-летнего Ахмада ибн Маджида. В нем изложен опыт первого десятилетия его труда в море. Законченных выводов здесь, конечно, нет; эта юношеская «проба пера» лишь предварительно очерчивает тот широкий круг специальных тем, с которыми мы сталкиваемся в последующих произведениях Ахмада ибн Маджида. Подход к решению основных вопросов содержания «Сжатого курса» лишь намечен, однако эта наметка производится с реальных позиций. Поэтому ряд мыслей, высказанных в этом произведении, получил необходимую устойчивость в такой степени, что поздний Ахмад ибн Маджид цитирует их с явным удовольствием. После этого реферата накопившийся опыт отложился в длинной веренице мелких стихотворных поэм, посвященных описанию отдельных маршрутов или излагающих различные приемы навигационных исследований. На основе этих поэм, через 28 лет после выхода «Сжатого курса», 50-летний автор выступил с «Книгой пользы касательно основ и правил мореведения» كتاب الفوائد في اصول علم البحر و القواعد.

«Книга пользы» представляет широкое обобщение практического опыта мореходной деятельности автора за четыре десятилетия. Но,

²⁶ ابن ماجد النجديون للدكتور داود بك الجلي، «لغة العرب»، ١٩٣١، ص ٤٠٣
того же Давуд-бека Челеби. Мخطوطات الموصل № ٦، ص ٤٠٣

кроме этого, в ней учтен и опыт современников, равно как и достижения прошлых веков. Ферран с полным основанием мог характеризовать «Книгу польз» как синтез всей морской науки на исходе средневековья, отмечая, что Ахмад ибн Маджид является и самым ранним автором мореходных справочников современного типа. Данное им описание Красного моря, не считая естественных поправок в широтах, до настоящего времени не превзойдено ни одним из европейских руководств по парусному плаванию. Сообщения о муссонах, региональных ветрах, направлениях маршрутов и координатах гаваней во всем Индийском океане так точны и подробны, что находятся на высшем уровне своей эпохи²⁷. К сказанному следует добавить, что именно пользование опытом как источником для построений теории позволило Ахмаду ибн Маджиду освободить свое крупнейшее произведение от того многоликого элемента фантазии, который, начинаясь там, где кончается трезвое знание, так щедро представлен в приключениях Синдбада, «Чудесах Индии» и других образцах популярной морской литературы, не говоря уже о географических работах более общего плана. Принцип проверки опытом не оставляет места для легендарных персонажей и сомнительных деяний. Даже в том случае, когда стремление к сохранению непрерывности исторической традиции заставляет упоминать о них, они в общем повествовании активной роли не играют. Ахмад ибн Маджид дорожит своим принципом: в лексике «Книги польз» слово «опыт» (تجربة) занимает видное место, и далеко не единственной иллюстрацией является приведенный в тексте рассказ о том, как автору удалось установить верное направление маршрута в Красном море благодаря указанию покойного отца и проверке справедливости этого указания личным опытом. Но все это еще не крайняя точка критического подхода к материалу. В трех последних лозиях, помеченных уже началом XVI в., — «Софальской», «Малаккской» и «От Джедды до Адена» — маститый мореход призывает читателя проверить на собственном опыте все то, что он ему сообщает.

Признание опыта условием для выводов, а практики — источником для теории — вот, по мнению Ахмада ибн Маджида, критерий научности его работ, признак, который отличает его от «трех львов». «Они сочинители, а не создатели» (هم مؤلفين لا مصنفين), — отзывается он о Мухаммаде ибн Шазане, Сахле ибн Абане и Лайсе ибн Кахлане. Описания морских маршрутов, как считает Ахмад ибн Маджид, они заимствовали у пилотов Ахмада ибн Табрувайхи и Хавашира ибн Йусуфа ибн Салаха ал-Арикий, а сами «плавали только от Сирафа до берега Макрана». С течением времени «описанные ими гавани и города стерлись с лица земли или до неузнаваемости изменили свои названия. Теперь их знание не способно принести пользу ничем, содержащим истину, как это делают наши познания, опыт и открытия, изложенные в настоящей книге, поскольку эти последние правильны, проверены опытом и здесь нет ничего, противоречащего опыту. Конец предшествующего служит началом последующего, и вот мы приумножили их знания и письменный труд... Иногда в той науке о море, которую мы создали, один листок заключает в себе больше убедительности, правды, пользы, руководства и указаний, чем все то, что они написали... Они — сочинители, а не практики (هم مؤلفين لا مجربين)». После моей смерти пройдет некоторое время, и люди определят место для каждого из нас²⁸. В этой категорической оценке, содер-

²⁷ Shihāb al-Dīn в Enzyklopaedie d. Islām, IV, Ss. 392—393.

²⁸ «Книга польз», рук. 2292 Национальной библиотеки в Париже, лл. 3v, 4r, 4v.

жашей, по современным понятиям, известную долю нескромности, сквозит, как выразился И. Ю. Крачковский по другому поводу, некоторое увлечение специалиста своими достижениями, мешающее ему видеть прошлое в правильной перспективе. Однако, называя себя «четвертым после трех», Ахмад ибн Маджид тем самым все же воздает должное их роли в истории мореплавания и указывает на определенную преемственность, которая еще раз дает возможность говорить о непрерывной линии развития навигационной практики и теоретических обобщений в средневековом арабском мире. Большая познавательная ценность многочисленных работ Ахмада ибн Маджида, у колыбели которых стоит сама жизнь, и связанный с этим их прочный авторитет среди разных народов в течение ряда веков позволяют согласиться и с другим почетным прозвищем крупнейшего арабского морехода—«предводитель морской науки».

Если основную часть литературного наследства Ахмада ибн Маджида составляют небольшие поэмы с частным техническим содержанием, а две обобщающие работы играют роль вех, которые в каждом случае завершают определенный этап практической деятельности автора, то в творчестве его младшего современника, малоизученного Сулаймана ал-Махри жанр небольших стихотворных логий полностью уступает место энциклопедическим сочинениям. Рукопись 2559 Парижской национальной библиотеки, приобретенная в начале XVIII в. и ставшая предметом изучения в начале XX, сохранила пять таких трудов²⁹. Первый из них имеет шестиглавое, а все остальные—семиглавое построение. Сводный перечень тем, разрабатываемых в этих трудах, включает в себе следующие вопросы: лунный и солнечный год; летосчисление у разных народов; основы морской астрономии: описание Солнца, Луны, знаков Зодиака, разделение небесного круга на румбы и градусы, определение высоты звезд и расстояний между румбами, роза ветров; каботажное и открытое плавание; расстояние между портами и их координаты; маршруты под ветром и против ветра; описание побережий Индийского океана; морской инструментарий. Все эти вопросы поставлены самой жизнью ради жизни. Их источник—практика, цель разработки—усовершенствование практики. Способы разрешения указанных вопросов заложены в той же активной практической деятельности мореплавателей. Недаром в заключительных строках своего основного труда «Подарок мужам» Сулайман ал-Махри, как бы давая итоговую характеристику принципу арабской навигации, подчеркивает, что мореходное искусство основано на здравом смысле и практическом опыте. Для научно-технических образцов морской литературы это положение является принципиальным, и его развитие в этих образцах создает их основное отличие от смежных отделов географической письменности.

Путь от частных наблюдений практики к обобщающим умозаключениям теории был сложным, и далеко не всегда в конце этого пути исследователь приходил к безошибочным выводам. Идея связанности всех морей в общий мировой океан пришла к деятелям теоретиче-

²⁹ «Трактат „Ожерелье солнц“, посвященный выведению основных правил» (رسالة قلادة الشمس في استخراج قواعد الاسوس); «Трактат „Подарок мужам“, посвященный облегчению [усвоения] правил» (رسالة تحفة الفحول في تمهيد الاصول); «„Махрийская опора“, [говорящая] о точном познании морских наук» (العمدة المهرية في ضبط العلوم); «Книга المنهاج الفاخر في علم البحري»; «Славная книга „Путь“ о науке бурного моря» (كتاب المنهاج الفاخر في علم البحري); «(ك) شرح تحفة الفحول في تمهيد الاصول» (комментарий к «Подарку мужам» (البحر الزاخر)).

ской географии с птолемеевской схемой мира. Представление об «окружающем море» (البحر المحيط) вошло составной частью в мусульманскую концепцию мироздания, удовлетворяя различные течения схоластической мысли. К практикам-мореходам понятие мирового океана пришло в результате обобщения длительных наблюдений, сопоставления сходных фактов и последующего логического умозаключения. Западная половина Индийского океана, включая моря, омывающие Аравию, была осознана как единое водное пространство еще в древности благодаря морским путешествиям в Индию и Восточную Африку. Экспедиции в Сиам, Индонезию и Китай расширили представление об этом пространстве до крайних пределов Индийского океана, который рассматривался арабами как цепь отдельных морей, соединенных между собой более или менее удобными проходами. Но практическое мышление шло дальше, и «Сказания о Китае и об Индии», связанные с именами любознательного сирафского писателя IX в. Абу Зайда, наблюдательного купца-путешественника Сулаймана и много повидавшего мореплавателя Ибн Вахба, приводят рассуждение в пользу соединяемости Индийского океана и Средиземного моря:

«В наше время рассказывают (предки этого не знали): никто не мог предполагать, что Море (Индийский океан.—*Т. Ш.*), к которому [примыкают] моря Китая и Индии, соединяется с морем Сирии (Средиземным.—*Т. Ш.*). Ни у кого этого не было в мыслях, пока [это] не было воспринято нашей нынешней эпохой. Нам стало известно, что в море византийцев (Средиземном.—*Т. Ш.*) находят обломки шитых арабских кораблей, разбившихся вместе с людьми. Волны раздробили их на куски, а ветры вместе с морскими волнами гнали их и забросили в море хазар (Каспийское.—*Т. Ш.*); затем [обломки] поплыли по византийскому проливу (Босфору.—*Т. Ш.*) и проникли в море Византии и Сирии. Это указывает на то, что море обходит вокруг стран Китая и Кореи, сзади стран турок и хазар, затем вливается в пролив и доходит до страны Сирии. Дело в том, что сверленое дерево бывает специально у кораблей Сирафа, в то время как суда Сирии и византийцев не сшиваются, а скрепляются гвоздями.

Дошло до нас также, что в море Сирии находят амбру. Это—то, что считают невероятным и что не было известно в древние века. Это—невозможное. Если то, что говорят,—правда, то [ведь] амбра не может попасть в море Сирии, кроме как из моря Адена и Кулзума (Красного моря.—*Т. Ш.*), которое соединяется с морями, производящими амбру. Однако же Аллах—да славится упоминание его!—установил между обоими морями преграду³⁰. Нет, если это (то, что говорят.—*Т. Ш.*) истина, [то эта истина состоит] в том, что море Индии заносит ее (амбру.—*Т. Ш.*) в другие моря и [она проходит их] одно за другим, пока не достигает моря Сирии»³¹.

³⁰ Коран, XXVII, 62: «Тот ли, Кто поставил землю неподвижной, провел по ней реки, водрузил на ней горные твердыни, установил между двумя морями преграду, — или какое-либо при Боге другое божество?» Ср. также XXV, 55: «Он — Тот, кто сблизил два моря: одно из них пресное, сладкое; другое соленое, горькое; между ними обоими поставил он преграду и непереступимую стену». LIV, 19—20: «Он не дает смешаться двум морям, готовым слиться между собою. Между обоими ими преграда, и они не переступают ее».

³¹ «Relation des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine dans le IX-e siècle de l'ère chrétienne. Texte arabe imprimé en 1811 par les soins du feu Langle, publié avec des corrections et additions et accompagné d'une traduction française et éclaircissements par M. Reinaud», Paris, 1845. Арабский текст: т. 2; франц. перевод: т. 1, стр. 90—92.

Абу Зайд Сирафский и его информаторы, хорошо зная Индийский океан, смутно представляли себе территорию между Персидским заливом и Каспийским морем. Поэтому, имея, вероятно, в виду систему рек и каналов Ирака, прикаспийских и причерноморских областей, истоки которых на отдельных арабских картах почти сливаются³², «Сказания» допускают возможность проникновения из Индийского океана в Каспийское, а оттуда в Черное море сквозным водным путем. Это заблуждение, порожденное книжной картографией, не могло удержаться долго в критически мыслящей практике, и уже в следующем столетии ал-Мас'уди, близко знавший многих моряков и сам немало поездивший по белу свету, внес существенную поправку в географическую концепцию «Сказаний»:

«Люди ошибаются, полагая, что Хазарское (Каспийское.—*Т. Ш.*) море соединяется с морем Майутис (Μαῖωτις [λίμνη], т. е. Азовское море.—*Т. Ш.*). Я не встречал среди купцов, проникавших в страну хазар, и среди тех из них, кто плывал морем Майутис и Нитас ([Πό]ρος [Ἐξενος или Ἐξείνος], т. е. Черное море.—*Т. Ш.*) в страну русов и болгар, никого, кто бы утверждал, что с морем хазар соединяется какое-либо море из этих морей, их приток или канал, кроме реки хазар (Волги.—*Т. Ш.*)... Я видел многих из тех, кто занимался описанием морей ранее и позже. Они рассказывают в своих книгах, что пролив Константинополя, начинающийся от Майутиса, соединяется с морем хазар. Не знаю, как это [возможно]; не ведаю, на каком основании построено их утверждение—на опыте или же на чистом умозаключении и аналогии. Или они полагают, что русы и их соседи на этом (Каспийском.—*Т. Ш.*) море—это хазары? Я проехал по нему от Абискуна на побережье Джурджана до области Табаристана и смежных и не пропускал [ни одного] мало-мальски смышленного из встреченных мною купцов и судовладельцев без того, чтобы не спросить их об этом. И каждый сообщал мне, что нет сюда [иного] пути, кроме как через море хазар от того места, где входят корабли русов...»³³.

И далее: «В Византийском (Средиземном.—*Т. Ш.*) море, у острова Икритуш (Крит.—*Т. Ш.*), вылавливали корабельные доски из тика, просверленные и сшитые волокном кокосовой пальмы. [Они были] с разбившихся кораблей, и волны разных морей передавали их друг другу. Такое [кораблекрушение] могло произойти только в Абиссинском море (Индийском океане.—*Т. Ш.*), ибо все суда Византийского моря и [местных] арабов скреплены гвоздями, а на судах Абиссинского моря не применяется железное крепление, так как морская вода разъедает железо, вследствие чего гвозди становятся тонкими и ослабевают. Поэтому тамошние моряки употребляют вместо них сшивание растительным волокном. [И суда здесь] покрываются [слоем] жира с известью.

Это указывает (а Аллах знает лучше всех!) на соединяемость морей и на то, что море, омывающее Китай и корейскую страну, обходит вокруг страны турок и вступает в область африканского Запада через один из проливов окружающего океана.

На побережье Сирии находили амбру, выброшенную морем. Для Византийского моря это невероятно; подобного этому не знали в старое время. Возможно, что есть какой-то путь для попадания амбры в это

³² См., например, карту мира у Мухаммада аш-Шарфи — Сфакс, 1592 г. (репродукция в *Maprae Arabicae* hsg. von K. Miller, Stuttgart, 1926, V, между стр. 176—177).

³³ Maçoudî, *Les prairies d'or...*, t. I, pp. 273—274.

море, путь, [подобный] тому, о котором мы рассказали, [говоря] о досках судов Китайского моря...»³⁴.

Так, опираясь на факты, преодолевая то скрытое, то явное сопротивление противоборствующей официальной концепции, передовые умы арабской географической науки закладывали начальные положения реалистической теории мироздания. Основой этой теории у арабов, как и позже в Европе, послужила морская практика, и в этом состоит основное значение арабской навигации для истории науки.

³⁴ Ibid., pp. 365—366.

Т. А. Шумовский

СИНДБАД И АХМАД ИБН МАДЖИД

«Синдбад, постаревший и разбогатевший, — читаем у Б. Карра де Во, — в Багдаде, у себя дома, в обществе многочисленных гостей предается веселью. Под его окном бедняк бормочет: „Всемогущий творец вселенной... обрати внимание на разницу между мной и Синдбадом. Я ежедневно страдаю от тысячи бед, мне очень трудно прокормить себя и мою семью скверным ячменным хлебом, в то время как счастливый Синдбад щедро тратит несметные богатства и ведет жизнь, полную наслаждений. Что он сделал, чтобы получить от тебя такую приятную судьбу? Что сделал я, чтобы заслужить такую суровую жизнь?“ Синдбад велел позвать этого человека и сказал ему: „Ты думаешь, что я без труда и мучений получил всю ту роскошь и отдых, которыми наслаждаюсь? Ошибаешься! Я достиг этой счастливой жизни, лишь испытав в течение многих лет все физические и умственные напряжения, какие только может представить себе воображение“. Затем он рассказал ему и всему обществу о своих странствиях»¹.

У буржуазного ученого не приходится, конечно, искать критику синдбадовой тирады, создающей превратное представление об источниках обогащения в антагонистическом обществе. Но не только в отсутствии такой критики прорывается классовая ограниченность французского исследователя, — она выявляется и в общей трактовке образа Синдбада. Для автора «Арабских географов» Синдбад — это бесплотное внеисторическое существо в привлекательных одеждах любознательного путешественника-бессребреника, чуждого материальным интересам:

«Что в истории Синдбада полностью производит правдивое впечатление, это его психология, — продолжает Карра де Во². — Синдбад — путешественник, любящий преодолевать затруднения, смакующий авантюризм самого путешествия настолько, что даже прибыль для него несущественна. В молодости он веселился и растратил часть отцовского наследства; его охватил стыд; он задумался над тем, что богатства приобретаются лишь трудом и что нет ничего более ужасного, чем нищая старость. „Большим напряжением достигаются почести. Кто хочет возвыситься, должен не спать ночей. Бросается в море тот, кто хочет ловить жемчуг, и жемчуг несет ему подарки и высокое положение. Кто хочет возвыситься без труда, теряет свою жизнь в ожидании невоз-

¹ Бернар Карра де Во, *Арабские географы*, Л., 1941, стр. 22.

² Там же, стр. 22—23.

можного". Эта философия усилий, такая противоположная обычному фатализму восточных народов, — философия Синдбада и мореплавателей, типом которых он является. Синдбад рискует и своим состоянием, и своей жизнью, он продает все свое имущество, покупает товары и в компании нескольких купцов отплывает из Басры. Басра — его гавань. Это там он всегда грузится, не на собственные корабли, а на большие суда, готовые поднять паруса, на суда, где уже есть несколько других купцов. Они идут от берега к берегу, от острова к острову, покупая и продавая всюду. Затем начинаются страшные бедствия, из которых он в конце концов счастливо выпутывается. Возвратясь в Багдад, он проводит некоторое время отдыха и наслаждаясь жизнью, но тоска по странствиям, тоска по морю охватывает его вновь, он не может сопротивляться этому зову и опять отплывает...

Какая романтика! Бескорыстный и бесстрашный Синдбад, снедаемый благородной жаждой познания, семь раз в течение короткой жизни лишает себя привычных удобств и отважно пускается в долгие и утомительные путешествия на край света. Он, видите ли, «любит преодолевать затруднения», он «смакует авантюризм самого путешествия» в такой мере, что торговая нажива для него «несущественна», а посему плуче всего на свете Синдбада привлекают опасные приключения в неведомых морях, где он, не задумываясь, многократно ставит на карту свою жизнь. И все было бы хорошо, так бы и лечь Синдбаду в обитую розовым шелком экзотики бонбоньерку идеальных художественных образов. Но беда в том, что он сам протестует против этого.

В самом деле, обратимся к страницам синдбадова цикла «Тысячи и одной ночи»³.

Отец героя, богатый и знатный багдадский купец, оставил после своей смерти «деньги, земли и деревни». Синдбад промотал отцовское наследство, затем, увидев себя на краю нищеты, ужаснулся и решил поправить свои дела заморской торговлей. Арабским купцам, вывозившим из других стран ценные товары — золото, шелк, пряности, слоновую кость и рабов, — эта торговля приносила большие выгоды, и, судя по размаху морских путешествий при Аббасидах, многие жители Багдада и Басры, подобно Синдбаду, пускались на кораблях в рискованную охоту за наживой. Море таило разнообразные опасности, хрупкие суда при недостаточно искусном управлении становились игрушкой стихий, многие купцы погибали при кораблекрушениях или от голода, жажды, тропических болезней. Уцелевшие любой ценой старались не только восполнить свои расходы по путешествию, но и получить прибыль.

Удача разжигала алчность, стремление к наживе отодвигало законы морали на задний план. Чистота помыслов и взаимоотношений мешала обогащаться за счет других; ложь, вероломство, предательство и прямое насильственное устранение конкурента приближали к осуществлению поставленной цели. Персонаж одного из рассказов в «Чудесах Индии» (рассказ XXXII) купец-кораблевладелец Исма'йльвайхи⁴ хладнокровно рассчитывает, за сколько можно будет продать на оманском рынке царя Софалы зинджей и свиту, пришедших на его корабль проститься и пожелать счастливого плавания. «Когда они взошли на борт, я подумал: „Этот царь может стоять на рынке в Омани тридцать

³ Пользуюсь в основном изданием: «Книга Тысячи и одной ночи», перевод и комментарии М. А. Салье, под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, «Academia», 1933, т. 5, стр. 370—490.

⁴ «Livre des Merveilles de l'Inde par le capitaine Bozorg fils de Chahriyâr de Râmhormoz»; texte arabe publié par P. A. van der Lith... (Leyde, 1883—1886), p. 52.

динаров, а семь [его слуг]—сто шестьдесят динаров. За их одежду можно будет взять двадцать динаров, итого мы получим за них по меньшей мере три тысячи дирхамов, не терпя при этом никакого убытка». Гости, посетившие арабского купца на его корабле, незадолго до этого спасли ему жизнь в стране людоедов и дали возможность выгодно торговать. Однако когда купец решает, что сможет выгодно продать своих доброжелателей на невольничьем рынке, то приказывает поднять паруса и увозит пленников в рабство.

Накопление богатства было делом почти всей жизни. Сначала купец занимал место на чужом судне, где оказывался среди многих ему подобных. Постепенно обогащаясь при помощи любых средств, он приобретал собственный корабль, число последних затем умножалось, и торговля уже поручалась доверенным лицам. Остаток своих дней удачливые негоцианты проводили в роскошных дворцах, окруженные пышностью и почетом. Многие из них, даже достигнув значительного богатства, продолжали мучиться неутолимой жаждой наживы и, наконец, погибали в океанской пучине вместе со всеми своими богатствами. В XIII в. Муслихадд йн ас-Са'ди, знаменитый Саади, сравнивал служение царям именно с плаванием по морю. То и другое «и добычу дает всечасно, и опасно; или добудешь великий клад, или жизни не будешь рад». Отсюда мореплаватель, как и царедворец, должен быть бесстрашным. Иначе:

Коль ты страшишься боли, почему же
Ты снул палец в нору скорпиона? ⁵

Итак, Синдбад решил поправить свои дела заморской торговлей. Уже в преддверии его эпопеи стремление к обогащению и выбранное для этого средство раскрывают в нем не бескорыстного путешественника и не романтического искателя приключений, каким рисует его Карра де Во, а разорившегося купчика, преследующего весьма прозаическую цель — любыми путями сколотить капитал, дающий власть над людьми и вещами. Далекие морские рейсы опасны. Многие из отпльвших в чужие страны не вернулись. Но другого пути к обогащению не видно, и душа Синдбада «согласилась на путешествие по морю». Из Багдада — места постоянного жительства — он приезжает в Басру, садится на океанский корабль, и с этих пор начинаются его удивительные приключения.

Для тех, кто ищет в рассказах Синдбада лишь занимательность, его приключения составляют исключительную характеристику этих рассказов и дают материал для представления о личности самого героя. Рассматриваемый вне эпохи и общественной среды, исключительно на фоне своих походов, Синдбад полностью отвечает характеристике, данной ему Бернаром Карра де Во. Научную мысль, наоборот, интересуют прежде всего обстоятельства, которые сделали Синдбада мореплавателем, и результаты его деятельности в море. Поэтому она обращается к зачинам и концовкам повествований, и здесь в отличие от разнообразного оформления приключений обнаруживается поразительная стереотипность обрамления во всех семи рассказах, свидетельствующая не о скудости авторского воображения, а о том, что крайние элементы рассказа, отражающие истинные мотивы путешествий Синдбада, исходят из однообразной основы: стремления к прибыли.

⁵ «Куллият», пер. К. Липскерова, — «Антология таджикской поэзии», М., 1951, стр. 327.

Каковы подлинные причины путешествий Синдбада?

Причина первого путешествия: «Пришло мне на мысль отправиться в чужие страны... И тогда я решился и накупил себе товаров и вещей, и всяких принадлежностей, и кое-что из того, что было нужно для путешествия, и душа моя согласилась на путешествие по морю» (377)⁶.

Второго: «Захотелось моей душе поторговать... и заработать на что жить» (391).

Третьего: «Захотелось моей душе попутешествовать и прогуляться, и стосковалась она по торговле, наживе и прибыли» (405).

Четвертого: «Захотелось мне... продавать и наживать деньги» (424).

Пятого: «Вернувшись из четвертого путешествия, я... забыл обо всем, что испытал, что со мной случилось и что я вытерпел: так сильно я радовался наживе, прибыли и доходу» (445).

Шестого: «Вдруг прошла мимо меня толпа купцов, на которых были видны следы путешествия... и захотелось моей душе попутешествовать и поторговать» (461).

Седьмого: «После шестого путешествия я... провел... некоторое время, продолжая радоваться и веселиться непрерывно, ночью и днем: ведь мне досталась большая нажива и великая прибыль. И захотелось моей душе... свести дружбу с купцами» (475).

Посмотрим, как начинается каждое из путешествий.

Первое: «Мы ехали морем дни и ночи и проходили мимо одного острова за другим, переезжая из моря в море и от суши к суше, и везде, где мы ни проходили, мы продавали и покупали и выменивали товары» (377).

Второе: «Мы переезжали из моря в море и от острова к острову, и во всяком месте, к которому мы приставали, мы встречались с купцами, вельможами царства, продавцами и покупателями и продавали и покупали и выменивали товары» (392).

Третье: «Ехали мы из моря в море и от острова к острову, и из города в город, и в каждом месте, где мы проезжали, мы гуляли и продавали и покупали» (406).

Четвертое: «Ехали мы... дни и ночи, переезжая от острова к острову и из моря в море» (425).

Пятое: «Мы ехали с одного острова на другой и из одного моря в другое... и выходили на сушу и продавали и покупали» (446).

Шестое: «Мы путешествовали из места в место и из города в город... и продавали и покупали» (462).

В зачине седьмого путешествия распространенное описание рейса до начала приключений заменено общей фразой: «Ветер был для нас хорош, пока мы не прибыли в город, называемый город Китай, и испытывали мы крайнюю радость и веселье и беседовали друг с другом о делах путешествия и торговли» (476).

Основные элементы стереотипных формул начал повторяются и в заключительных частях рассказов:

I. «Я продал мои тюки и те товары, которые были со мной, и получил большую прибыль... И потом я купил себе слуг, прислужников, невольников, рабынь и рабов, и оказалось их у меня множество, и накупил домов, земель и поместий, больше, чем было у меня прежде» (389—390).

II. «Я... переходил из долины в долину и из города в город, и мы продавали и покупали» (403).

⁶ Здесь и далее по тексту цифрой в скобках указана страница из книги «Тысяча и одна ночь», «Academia», 1933.

III. «Мы продавали и покупали на островах, пока не достигли стран Синда, и там мы тоже продали и купили» (421).

IV. «Мы ехали от острова к острову и из моря в море» (443).

V. «Мы ехали от острова к острову и из моря в море, и на всяком острове, где мы приставали, я продавал орехи и выменивал их, и Аллах дал мне взамен больше, чем то, что у меня было и пропало» (458).

VI. «Мы... ехали из моря в море и от острова к острову» (473).

VII. «Мы ехали по морю от острова к острову, переезжая из моря в море» (489).

«Знаешь ли ты ремесло, которым ты бы занялся?» — спрашивают у Синдбада. «Нет, — отвечает он. — У меня нет ремесла, и я не умею ничего делать. Я только купец, обладатель денег и богатства» (455). Предприимчивый, он трижды (411, 466, 481) сооружает лодки ради своего спасения. Но эта же цель позволяет ему из-за угла убить женщину и завладеть предназначавшейся для нее пищей (437). Поступками Синдбада руководят жадность, которую он признает сам (478), корыстолюбие и стяжательство. Именно они не раз действительно заставляют его рисковать жизнью. Гонимый жаждой наживы, он, не задумываясь, идет на риск. Но, оказавшись в критическом положении, часто теряет самообладание, и тогда от «философии усилий», навязываемой ему Бернарном Карра де Во, не остается и следа (393, 408, 415, 455, 465, 478, 487).

Таков Синдбад, освобожденный от экзотической мишуры и оцененный на основании его же собственных слов. В литературном персонаже из «Тысячи и одной ночи» следует видеть собирательный тип арабского купца-негоцианта, основного деятеля морской торговли. Детализация образа, вобравшего в себя реальные черты многих представителей этой социальной категории, лишний раз свидетельствует о развитости коммерческого судоходства в те далекие времена; нагромождение же фантастических построений говорит о том, что многие купцы, как правило, не знали моря и боялись его. Вследствие своего невежества и желая оправдать этот страх, они населяли и наделяли океанские просторы сверхъестественными существами и явлениями. Определение «мореплаватель» применимо к каждому из них не больше, чем к пассажиру современного судна. Термин البحري «мореход» арабского текста, связываемый с Синдбадом, служит лишь для того, чтобы отличать последнего от одноименного «сухопутного» персонажа — багдадского носильщика, которому его «морской» тезка так самодовольно рассказывает о своих похождениях.

«Философия усилий», теоретическое обоснование активной практической деятельности наперекор противоборствующим внешним обстоятельствам, не могла родиться в среде купцов и быть им органически присущей, так как это не вызывалось материальной необходимостью. В самом деле, купцу нужно было лишь уметь управлять последовательным ходом операций: организовать доставку товара в Басру, нанять подходящее судно, присмотреть за погрузкой своей клади на борт, вести мелкие сделки в пути, проследить за выгрузкой товара в пункте назначения, выгодно его продать, затем выгодно купить местные изделия и повторить все операции в обратном порядке. Эта веками сложившаяся последовательность операций не требовала никакой активной борьбы со стихиями, никакого особого проявления волевых качеств; чтобы стать хозяином положения, достаточно было обладать обычными качествами купца — изворотливостью ума, эгоистичным практицизмом и в известной степени чувством меры. Купец должен

был знать рынок, уметь определить настоящую цену любого товара, усвоить неписанные законы получения наибольшей прибыли. Конечно, конкурентная борьба требовала напряжения ума, были и другие препятствия, но их преодоление не ставило купца выше материального или нравственного уровня его эпохи. Лишь отклонение от обычной нормы, коллизии, подобные описанным в «Синдбаде», заставляли купца проявлять волевые качества в доступной ему степени, например из случайных обломков и без инструмента строить лодки (411, 466, 481) или же предпочитать голод сытной, но одурманивающей пище (426—427).

Тем не менее если «философия усилий» имела обширную сферу применения в арабской действительности, то эта сфера принадлежит не купцам, а морякам-профессионалам.

Для рабов категории *baḥāgīa* корабельная служба была принудительной, «вольным» матросам приходилось наниматься на корабли ради пропитания. И у тех и у других эти обстоятельства не могли вызывать особой любви к морской профессии, однако надежда обратить на себя внимание своими знаниями, выдвинуться из общей массы, а со временем скопить капитал и завести собственное дело заставляла наиболее целеустремленные натуры повышать свою квалификацию. Несмотря на тяжелый труд под бдительным оком капитана или боцмана и разграничение функций, в обстановке социального гнета, иногда усиленного и национальным, отдельные матросы проявляли поистине волевые качества для всестороннего овладения специальными знаниями. В итоге длительного единоборства с силами стихии и превратностями судьбы из их среды вышло немало опытных рулевых, кормчих, лоцманов, и в этом отношении далеко не единичны весьма показательные примеры вольноотпущенников Йазамана, водившего арабский флот против Византии, или другого флотоводца — Лāvī, упоминаемого у ал-Мас'ūdī.

Воспитывая волевые качества в процессе овладения сложной навигационной наукой, моряк, ставши лоцманом и капитаном судна, выявлял их в преодолении разнообразных, часто неожиданных препятствий, встречавшихся на линии маршрута. Далеко не на все вопросы, которые ставила перед ним изменчивая действительность моря, он находил готовый ответ в лоциях. Очень часто правильное решение ему подсказывал собственный практический опыт. Недаром в наставлении Аḥмада ибн Мāджид⁷ молодым морякам, изложенном в специальной главе «Книги пользы», говорится:

«Знай, ученик, что основы мореходства многочисленны. Пойми их. Первоначальные — знание [лунных] станций, румбов, маршрутов, расстояний, верхних пунктов [Полярной звезды], [техники астрономических] измерений, признаков [близости суши], [сроков] вступления Солнца и Луны [в знаки Зодиака], ветров и их муссонов, муссонов моря⁸, корабельных приборов и того, в чем может оказаться нужда, того, что вредит [кораблю], что для него полезно, что стесняет при плавании. Нужно, [чтобы] ты знал места восхода, [сроки] равноденствий, способ и порядок [астрономического] измерения, места восхода и заката звезд, их долготу и широту⁹, их удаленность [от экватора и полюса], совершаемый ими

⁷ «Книга пользы» (كتاب الفوائد), рук. 2292 Национальной библиотеки в Париже, лл. 6v—7r.

⁸ الازياح ومواسمها ومواسم البحر. Примечание Феррана: «Периодические ветры, которые мы называем муссонами, и соответствующие им послемуссонные состояния моря» («Le mu'allim. Introduction à l'astronomie nautique arabe», Paris, 1928, p. 180).

⁹ Т. е. положение каждой звезды по отношению к другим звездам, к полюсу и линии горизонта.

путь. [Это должен знать человек], если он является опытным водителем кораблей. Нужно, чтобы ты знал все побережья, [способы] причаливания к ним и их признаки, как-то: [строение] ила [на морском дне около них], травы [на водной поверхности], [морские] змеи, рыбы, скалы с гнездами зимородка¹⁰, ветры, перемена [цвета] воды, приливы и отливы моря¹¹ во всех направлениях. [Лоцман должен] совершенствовать весь [корабельный] инструмент, заботиться об укреплении судна, его оснастки и экипажа; не перегружать его сверх меры, не всходить на корабль, если тот ему не подчиняется, на корабль, не подготовленный [к плаванию] и при неудобном муссоне. [Он] остерегается опасностей, [могущих исходить] от приборов, команды и другого. Водителю кораблей следует отличать терпеливость от медлительности и проводить различие между суетливостью и подвижностью. [Ему надлежит быть] знающим, сведущим в [разных] вещах, решительным и строгим, мягким в речи, справедливым, не притеснять одного ради другого. [Он] соблюдает покорность своему господину [-хозяину судна] и боится всевышнего Аллаха; не гневается на купцов без права [на это], а лишь за дело, ставшее предметом толков, или когда нужно поступить согласно [заведенному] обычаю. [Ему должно быть] крайне выносливым и энергичным, обладать долготерпением, [быть] приятным в обществе, не стремиться к тому, что для него не годится, [он] начитан и проникателен. Иначе он — не [тот] пилот, [который требуется] по правилу».

Этот один из немногих сохранившихся документов подобного рода показывает, что, кроме глубоких и разнообразных технических знаний, профессия лоцмана требовала обладания незаурядными волевыми качествами и, конечно, именно она в сравнении с другими профессиями воспитывала эти качества наиболее быстро, полно и прочно. Не только умение, но и стремление вести корабль в обстановке разнохарактерных противоборствующих обстоятельств, любовь к трудной и опасной профессии — вот наиболее истинное проявление волевого начала на арабской почве, а теоретическое обоснование этого начала — это и есть «философия усилий» в ее настоящем виде. «Если продлятся мои дни и ночи — буду водить корабли до своего конца»¹², — говорит Ахмад ибн Маджид в одном из последних произведений, написанных в начале седьмого десятилетия жизни.

Труд в море, совместно перенесенные лишения, общие переживания в течение долгих лет сплачивали корабельных людей в более или менее устойчивые коллективы, однако высокооплачиваемая часть экипажа держалась особняком. Капитаны судов образовывали особые братства, представлявшие своеобразную форму профессионального объединения людей одной специальности и имущественного положения. По-видимому, кроме обязательств по взаимной выручке, их объединяло и об-

¹⁰ Зимородки (Alcedinidae) — семейство птиц из отряда кукушкообразных (Coccytophgae). Известно около 150 видов. Большая часть из них обитает в теплых странах Восточного полушария. Зимородок серый (Ceryle rudis) живет в Африке, Азии и Южной Европе. Питается мелкой рыбой, но ходит и летает плохо, поэтому его появление говорит о близости суши.

¹¹ جزر. Вместо جزر Ферран читает جزر и получает лишнее слово «острова» (la marée de la mer; ses îles...), отсутствующее в подлиннике. Между тем جزر после مدّ «подъем» выражает противоположение — «спад, отлив» (аналогичное значение — в сочетании с البحر).

¹² Т. А. Шумовский, *Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы*, М.—Л., 1957, стр. 41.

щее сознание морального долга — при любой опасности до конца делить судьбу со своим судном, покидать борт последним.

«Мы, [члены] братства кораблеводителей, — заявляет арабский капитан в IX в., — связаны обетами и клятвами не дать кораблю погибнуть, пока его не достигнет predetermined. Мы, [члены] братства водителей судов, поднимаясь на борт, [берем] с собою наши жизни и судьбы. Мы живем, пока [наш корабль] цел, и умираем с его гибелью»¹³.

В «Чудесах Индии» купец-судовладелец Ахмад также не желает покидать свое судно, когда оно разбилось. Но почему?

«Шлюпку спустили на воду, и тридцать три человека разместились в ней. „Поднимайся, — сказали Ахмаду, — и садись в шлюпку“. — „Я не покину своего судна, — ответил он. — Оно внушает больше надежды на спасение, чем шлюпка. Если же оно погибнет, я погибну вместе с ним: не радуется мое возвращение [домой] после потери моего имущества“»¹⁴.

Различие позиций ощутительно.

Небольшой отрывок из «Тысячи и одной ночи» дает возможность установить, что высокие моральные требования, которые предъявляли к себе арабские капитаны в профессиональной сфере, распространялись и на их отношение к жертвам кораблекрушений. Когда Синдбад предлагает капитану спасшего его судна большое вознаграждение, тот отвечает:

«Мы ни от кого ничего не берем. Когда мы видим потерпевшего кораблекрушение на берегу моря или на острове, мы берем его к себе и кормим и поим и, если он нагой, одеваем его, а когда мы приходим в безопасную гавань, мы даем ему что-нибудь от себя в подарок и оказываем ему милость и благодеяние ради лика великого Аллаха»¹⁵.

Бескорыстие людей, постоянно глядящих в глаза смерти, спрятанное под обиходной религиозной формулой, было свойственно и низшим членам морских экипажей. Иллюстрирующий факт пришлось наблюдать Ибн Баттуте в начале его путешествия морем из Каликута в Китай:

«Утром в субботу джонка и какам¹⁶ были [уже] далеко от гавани. Джонку, пассажиры которой направлялись к Фандарайне¹⁷, море бросило [на утесы], и она разбилась. Часть людей погибла, а часть спаслась. На этом [судне] была молодая рабыня одного из купцов, который ее дорожил. Он предложил награду в десять золотых динаров тому, кто ее спасет (она держалась за бревно под кормой джонки), и на это отозвался один хурмузский матрос. Он вытащил ее [из воды], но отказался взять динары, сказавши: „Я сделал это лишь ради всевышнего Аллаха“»¹⁸.

Таким образом, тип Синдбада и тип Ахмада ибн Маджида, возникшие в процессе исторического развития арабского мореплавания и существующие параллельно, противостоят друг другу. Оба они представ-

¹³ «Livres des Merveilles de l'Inde...», p. 22 (рассказ XIV).

¹⁴ Ibid., p. 167 (рассказ CXII).

¹⁵ «Книга Тысячи и одной ночи», т. 5, стр. 443.

¹⁶ الجنك ^{الككم} — виды китайских судов.

¹⁷ فنندرينا ^{فندرینا} — порт на юго-западном (Малабарском) побережье Индии.

¹⁸ «Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le Dr. B. R. Sanguinetti», Paris, MDCCCLIII—MDCCCLIX, t. 4, p. 96—97 (специально о китайских судах, упомянутых в тексте, см. там же, стр. 91—94).

ляют следствие роста производительных сил и расширения торговых связей — процесса, приводящего к раздвоению первоначального типа, в котором примитивный торговец соединен с древним лодочником. Два вида морской деятельности — пассивное пользование морем как средство достичь отдаленных рынков и активное владение морем как средство к существованию — вырабатывают определенные качества, дифференциация которых ведет к обособлению двух общественных типов с нарастающей поляризацией.

М. А. Салахетдинова

**ПИСЬМО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ПРАВИТЕЛЮ ЛЮКЧУНА**

В архиве Института народов Азии Академии наук СССР хранится тюркоязычный документ (ф. 28, оп. III, ед. хр. 85), имеющий отношение к экспедиции В. И. Роборовского в Центральную Азию. В этой экспедиции, организованной Русским географическим обществом, принял участие и другой не менее известный путешественник П. К. Козлов.

Об экспедиции в Центральную Азию имеется большой труд, изданный ее руководителем¹.

Одна из важных задач экспедиции заключалась в проведении метеорологических наблюдений в районе Люкчуна. С этой целью в начале октября 1893 г. участники экспедиции прибыли в указанный район и остановились в четырех верстах к северу от города². Здесь они должны были построить склад для хранения собранных коллекций. Необходимо было устроиться с жильем.

В. И. Роборовский обратился с просьбой к местному князю-вану Люкчуна. При первой же встрече с руководителем экспедиции ван ответил согласием на все его просьбы и предложил членам экспедиции поселиться в доме своего казначея Башир-ахунда. Кроме того, правитель Люкчуна обещал обеспечить надзор над складом коллекций, а также оказывать помощь и покровительство одному из членов экспедиции, который будет охранять склад и вести метеорологические наблюдения на станции³.

Построив склад и метеорологическую станцию, 17 ноября 1893 г. экспедиция покинула Люкчун и, разделившись на две группы, отправилась дальше.

В Люкчуне остался Николай Шестаков. В течение двух лет он вел наблюдения на метеорологической станции и постоянно пользовался помощью и покровительством правителя Люкчуна. Поэтому в предисловии к той части трудов экспедиции, которая посвящена работе метеорологической станции, В. И. Роборовский выражает искреннюю благодарность вану Люкчуна⁴. Публикуемый ниже документ представ-

¹ См. «Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского», СПб., 1899—1901, ч. I—III.

² Там же, ч. I, стр. 105.

³ Там же, ч. I, стр. 106.

⁴ Там же, ч. III, стр. 111.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

روسیه نینک پیطر پوئغ دیکان دارالسلطنته تورغان ورع مسکون نینک
 برچریکی قول آستنه روسیه دولتی نینک ایمپراطور شاهنشاهی نینک حمایت
 عالیه سنده وصیانت قوته سنده بولغان و پارچه عالم نینک یرلارینی
 وخلق لارینی یخشئی تفحص ایدوب وصف و تعریف قیلاتورغان جماعت
 اعلم سوزوموز

مذکور جماعت دین لوکچونک و طور فان حد و دینه ییبار لکان رابار فوکی
 دیکان دانشمند و عالم یولاجی غه سیز حرمت لیک و عزت لیک لوکچونک
 وانکی محمود سلطان سانسین مدد و حساب سیز اعانت بییر کانسین
 آینک اوچون جماعت مشارالیه دولت لیک عمر لارینک اوزون و حیوانک
 سلامت برلان مقرون و وجود شرفنک حق سبحانه و تعالی حمایتی
 برلان مصون و لیل لارینک بخت لبق و نهار لارینک سعادت لیک
 بولسون دیب کوبدین کوب رحمت و دعای خیر برلان ایشنبو
 قومغان فی سیلاب باغشالادی

۱۳۱۶ ییلده

کوانک شوی نینک ۲۴ نجی ییلده

ляет собой обращение Русского географического общества к правителю Люкчуна Махмуд-султану⁵ с благодарностью за помощь, оказанную им Роборовскому. Обращение датировано 1312 годом хиджры и 24 годом Гуан-суй.

Это письмо было написано не ранее конца ноября 1895 г., поскольку экспедиция В. И. Роборовского вернулась в Петербург лишь 20 ноября 1895 г.

По-видимому, вскоре после возвращения из экспедиции В. И. Роборовский обратился в Русское географическое общество с просьбой послать от имени Общества благодарственное письмо и подарок вану Люкчуна. Возможно, что письмо вместе с подарком было отправлено ему в том же 1895 г., хотя официально Совет Географического общества вынес решение о выдаче денег для покупки подарка 18 марта 1896 г.⁶

Письмо написано черной тушью на толстой европейской бумаге размером 31×48 см.

Перевод

Во имя Аллаха Всемилосердного Всемилостивого.

Находящееся в столице России — Петербурге под большим покровительством и сильной поддержкой его императорского величества (государя) Российской державы, господствующей над одной четвертью обитаемой части земного шара, высокое научное Общество, занимающееся тщательным изучением и описанием стран и народов всего мира, (обращается к Вам) со своим словом⁷.

Уважаемый и высокочтимый ван Люкчуна Махмуд-султан. Вы оказали безграничную помощь, безмерную поддержку путешественнику — ученому и деятелю науки Роборовскому, посланному упомянутым Обществом в пределы Люкчуна и Турфана.

За это вышеназванное Общество говорит (Вам): да будет долгой Ваша счастливая жизнь, да сопутствует Вам здоровье, (пусть будет) Ваша благородная особа хранима милостью Всевышнего и Всемогущего бога, (да будут) благополучны Ваши ночи, благословенны Ваши дни.

С бесконечной благодарностью, призывая божье благословение, (Общество) приносит (Вам) в дар этот кумган⁸.

1312 год (хиджры), 24 год Гуан-суй.

⁵ Имя правителя Люкчуна приведено только в нашем документе.

⁶ См. «Известия Русского географического общества», т. XXXII, СПб., 1896, стр. 335.

⁷ Буквально «наше слово».

⁸ К у м г а н — металлический кувшин с носиком.

Б. А. Вальская

**ПУТЕШЕСТВИЕ АНДРЕЯ АРГЕНТОВА
НА СЕВЕРО-ВОСТОК СИБИРИ В 1851 ГОДУ**

В архиве Географического общества СССР сохранились неопубликованные выписки из путевого журнала члена-сотрудника Сибирского отдела Русского географического общества Андрея Аргентова. Эти материалы относятся к 1851 г., когда А. Аргентов находился на северо-востоке Сибири и по поручению Сибирского отдела Географического общества, помимо своих обязанностей, занимался сбором этнографических сведений, касающихся территории, расположенной к востоку от нижнего течения Колымы до мыса Шелагского. От мыса Шелагского А. Аргентов намеревался отправиться к о. Колючину и Берингову проливу, но по совету чукчей из-за рано наступившей весны отложил свое путешествие.

На территории Чаунского края, который в настоящее время входит в состав Северо-Восточной Якутии и Чукотского национального округа Магаданской области, А. Аргентов провел первую перепись чукчей. Свою работу он посвятил Географическому обществу. На основании переписи было установлено, что в Чаунском крае проживало 1393 чукчи, в том числе 714 мужчин и 679 женщин. Всего Аргентов переписал 355 семейств по их родам, отмечая при этом имена чукчей, их возраст и название урочищ.

Прожив среди чукчей 15 лет, с 1842 по 1857 г., Андрей Аргентов изучил их язык и составил словарь чукотского языка. В 1879 г. он передал этот словарь в Географическое общество. В кратких выводах к своей работе Аргентов писал, что словарь «послужит пособием к определению корня, от которого исходит чукотский язык, и к обозначению племенной расы, от которой происходят чукчи. И сдается мне, — подчеркивал автор словаря, — что надо будет покинуть мысль об американском происхождении чукчей»¹.

Выписки из путевого журнала Аргентова, которые мы здесь публикуем с небольшими сокращениями, были доставлены в Петербург в январе 1853 г. в копии деятелем Сибирского отдела Общества И. С. Сельским.

9 апреля 1853 г. председатель Отделения этнографии Географического общества Н. И. Надеждин на общем собрании познакомил чле-

¹ Архив Географического общества СССР (далее — АГО), разряд 64, оп. 1, № 31, 1879, л. 52.

нов Общества с материалами Аргентова. Надеждин отметил, что хотя странствования Аргентова «не представляют одной последовательной нити путешествия», но это «нисколько не ослабляет их занимательности и важности для землеведения, так как в крае, столь обширном и мало известном... посещение одних и тех же местностей в разные времена года, разных условиях и обстоятельствах, доставляет неистощимую жатву новых впечатлений, заметок и сведений». К тому же Аргентов, как отмечал Н. И. Надеждин, стремился проникнуть «все дальше и дальше на северо-восток, с твердо укоренившейся в нем мыслью пройти, наконец, весь так называемый Чукотский нос, во всю длину его до самого Берингова пролива»².

В протоколе общего собрания Географического общества отмечено, что сообщение Надеждина «было выслушано собранием с живейшим любопытством», так как в материалах Аргентова заключалось «много новых сведений географических и этнографических»³.

После этого собрания вице-председатель Русского географического общества М. Н. Муравьев обратился с письмом в Сибирский отдел Общества, в котором писал, что выписки из путевого журнала Аргентова, прочитанные на общем собрании, были выслушаны с живейшим любопытством, но возбудили «во многих членах общества и преимущественно в контр-адмирале Матюшкине, близко знакомом с описываемым краем, некоторые сомнения, для разрешения которых было бы весьма желательно получить подлинный дневник... Аргентова»⁴.

Ф. Ф. Матюшкин (1799—1872), лицейский товарищ А. С. Пушкина, в 1820—1824 гг. участвовал в экспедиции Ф. П. Врангеля для описи северных берегов Сибири на восток от р. Колымы до мыса Шелагского и для открытия неизвестной земли в северо-восточной части Северного Ледовитого океана. Экспедиция описала и произвела съемку побережья Сибири от устья р. Колымы до о. Колючина, окончательно установила разделение Азии и Америки Беринговым проливом и по расспросным сведениям нанесла на карту севернее мыса Якан остров, который в 1867 г. был открыт Лонгом и назван именем Врангеля. Летом 1822 г. Матюшкин самостоятельно описал бассейн рек Большого и Малого Анюя и пространство у Чаунской губы.

В 1851 г. путешествие Аргентова проходило по территории, исследованной Матюшкиным, поэтому и не удивительно, что этот выдающийся мореплаватель проявил такой большой интерес к его путевому журналу.

В августе 1853 г. Сибирский отдел Географического общества прислал точную копию дневника Аргентова, которая и была передана Матюшкину. В связи с этим 13 сентября 1853 г. помощник председателя Общества К. И. Арсеньев писал Матюшкину следующее: «По поручению совета Русского географического общества имею честь препроводить... 1) копию с подлинного дневника... Аргентова по Чукотской земле и 2) письма, полученные по поводу этого дневника секретарем Общества от заведывающего делами Сибирского отдела. Совет Общества покорнейше просит Вас, милостивый государь, обязать его рассмотрением этих документов и доставлением Вашего об них мнения»⁵.

Для того чтобы проверить «некоторые сомнения», Ф. Ф. Матюшкин составил подробную карту северо-востока Сибири от устья Колымы до Колючина и нанес на нее путь экспедиции Врангеля, приблизительный

² Там же, ф. 1, оп. 1, 1853, № 14, л. 22.

³ «Вестник Русского географического общества», 1853, кн. III, отд. IX, стр. 2.

⁴ АГО, ф. 1, оп. 1, 1853, № 14, л. 27.

⁵ Там же, л. 25.

путь А. Аргентова и географические названия, встречавшиеся в его путевом журнале. Особо отмечены на карте географические названия, вызвавшие сомнения у Матюшкина, например р. Кытеп-взем (на современных картах — Китапвеем), впадающая в Восточно-Сибирское море к востоку от мыса Большой Баранов, р. Равчу-взем (на современных картах Раучуа), впадающая в Восточно-Сибирское море к западу от полуострова Карчкык, и некоторые другие.

18 ноября 1853 г. на заседании совета Географического общества обсуждались замечания Матюшкина на путевой журнал Аргентова «вместе с особою, составленною им, г. Матюшкиным, картою, поясняющею возникшие по поводу означенной статьи недоразумения. Определено: 1. Изъявить г. Матюшкину искреннюю признательность Общества за исполнение возложенного на него советом поручения. 2. Прочсть в общем собрании и потом напечатать в Вестнике Общества как статью г. Аргентова, так и примечания к ней, составленные г. Матюшкиным, приложив и самую карту, последним сочиненную»⁶.

К сожалению, все эти материалы тогда не были опубликованы. Кроме выписок из путевого журнала А. Аргентова, мы публикуем также рукописную карту Ф. Матюшкина, хранящуюся в настоящее время в Отделе картографии Географического общества. Сопоставление по карте маршрута экспедиции Врангеля — Матюшкина с маршрутом путешествия А. Аргентова показывает, что он посетил и некоторые районы, не исследованные указанной экспедицией. Кроме интересных данных по географии этого отдаленного края (речная сеть, рельеф местности, граница лесной зоны), на карте обозначено расселение в низовьях Колымы русских, якутов, ламутов, юкагиров и чуванцев.

Выписки из путевого журнала А. Аргентова и карта Ф. Ф. Матюшкина представляют значительный интерес для истории географического исследования территории, расположенной по побережью Северного Ледовитого океана от Нижней Колымы до мыса Шелагского. Они дополняют сведения об этом крае, собранные экспедицией Ф. П. Врангеля и Ф. Ф. Матюшкина в 1820—1824 гг.

В выписках из журнала А. Аргентова даны яркие картины полярной природы. Особенно хорошо описаны сезонные изменения климата, а также растительного и животного мира. Публикуемые материалы имеют важное значение и для этнографии народов Северо-Восточной Сибири. Труды А. Аргентова по изучению Чукотского края были оценены его современниками. В 1879 г. за работы «Чукотский словарь» и «В приполярной полосе Якутской области» Русское географическое общество наградило А. Аргентова серебряной медалью.

Выписки из путевого журнала члена-сотрудника Сибирского отдела Русского географического общества Андрея Аргентова, веденного им в 1851 г. во время поездки по Чукотской земле

3 марта отправился я вверх по реке Малому Анюю и в третий день езды прибыл в Анюйскую крепостицу, где в марте бывает так называемая чукотская ярмарка⁷, на которую съезжаются русские, чукчи, юкагиры, ламуты, чуванцы, коряки, тунгусы и якуты. Чукчи сюда вывозят бобров, выдр, куниц, лисиц чернобурых и красных, песцов, клыки моржовые; ламуты — белок и соболей; русские — табак и железо в изделиях.

⁶ АГО, ф. 1, Протоколы совета Русского географического общества за 1853 г.

⁷ Начиная с 1788 г. анюйская русско-чукотская ярмарка проходила в селе Островном.

Говоря о пространстве земли между этой крепостицей и рекой Колымой, мне невольно пришла на мысль странная и непостижимая судьба человеческая. Еще недавно, во времена памятные, все пространство по Малому Анюю было очень населено, — там жило столько народу, что люди кишели, как муравьи. А теперь я проехал 250 верст и не встретил ни одной живой души, которая поведала бы мне чудную историю исчезнувшего народа. Племя это носило название омоков⁸, оно слыло сильным и богатым. Оленьи стада его были бесчисленны, и западные чукчи боялись своих соседей омоков. Теперь этого племени как не бывало, и самое имя его исчезло с лица земли навсегда. Осталось предание, что будто бы омоки бросили землю свою вследствие появления губительной оспы и бежали куда-то за море, но скорее надо допустить, что все племя это сделалось жертвой оспы, свирепствовавшей в конце семисотых годов, от пределов реки Анадыря до Камчатки. Юагиры, между прочим, еще рассказывают, что омоки во время какого-то народного праздника собрались на одном озере, во время игр лед проломился и народ весь перетонул, а олени их ушли за море.

С 16 по 19 марта я все время мое посвятил на сношение с чукчами... К 20 марта возвратился я в Нижнеколымск.

4 апреля в Нижнеколымск прибыл торгующий чукча Катто. Он рассказал мне, что в минувшее лето у чукотских берегов происходило морское сражение, каких наций были враждовавшие корабли, он не знает, и что там же и ныне зимуют чьи-то суда⁹.

18 апреля я должен был опять собираться в путь, но наперед посетил кладбище и отслужил панихиду о прежде отошедших за Веру и Отечество русских...

Оставив семейство свое святому провидению, я отправился на собаках в путь.

22 апреля меня на дороге настигла страшная буря, я насилу добрался до деревни Кабачковой, где и должен был по необходимости дневать.

23 апреля по правому устью реки Колымы выехал я на Ледовитое море. Мы были встречены ослепительным блеском лучей весеннего солнца, которые, отражаясь на этой бесконечной долине снега и льда, совершенно нас ослепили, несмотря на все предосторожности, принятые нами, я и спутники мои страдали сильным воспалением глаз.

Следуя по Ледовитому морю, 27 апреля прибыл я к церкви св. Николая в Чаунском приходе¹⁰. Я был очень обрадован тем, что нашел здесь все в сохранности и добром порядке, и принес мое благодарение богу. Для продовольствия моего и людей я должен был ехать на море с сетями, где нам и посчастливилось, мы поймали тюленя весом в два пуда пятнадцать фунтов.

1 мая... отправился в дальний путь на одной нарте, запряженной шестью собаками, и, следуя по морю, к востоку достиг острова Аеки¹¹.

⁸ Омоки — одно из юагирских племен. В XVII в. среди омоков вспыхивали периодические эпидемии оспы, которые привели почти к полному исчезновению населения.

⁹ В статье «Северная Земля» Аргентов сообщает, что в 1851—1852 гг. на зимовке в Колычинской губе стояло 160 американских китобойных судов. См. «Записки Русского географического общества», 1861, кн. 2, стр. 6.

¹⁰ Церковь находилась у устья р. Большой Баранихи (р. Раучуа).

¹¹ Здесь нельзя не заметить, что Ф. П. Врангель, посетивший эти пределы, как об острове Аеки, так и о других ничего не упоминает (прим. Аргентова). Это примечание Аргентова является ошибочным, так как в действительности экспедиция Врангеля описала и нанесла этот остров на карту под названием Сабадей. Современное название острова — Айон.

В следующий затем день была очень дурная погода, при сильном порывистом ветре шел большой снег, и сделалось темно. Переезжая остров Аеку, я совершенно сбился с тропы и долго блуждал по этой неведомой для меня пустыне. Несколько раз я обваливался в глубокие ручьи, заминаемый нартою, ушибался. Наконец, к совершенному моему несчастью, спускаясь по кочковатому косогору, я никак не мог управиться, при падении меня выбило из нарты, темляк вырвался из рук, собаки рванулись за оленем и убежали с нартою, оставив меня одного, разбитого и обессиленного. Отдохнув, я кое-как через силу пошел сам не зная куда, искать моих собак, и только поздно вечером нашел их в глубоком овраге, откуда они, перепутавшись, не могли выскочить. Вместе с собаками я тут и ночевал без огня и воды.

На другой день только около полудня ветер затих и солнце проглянуло из-за морока. За Чаунской губой показались скалистые утесы. Признав знакомую местность, я взял направление к востоку и северо-востоку и ехал сперва островом, а потом спустился в море.

Чаунское море изобилует нерпами мелкой породы, которые чукотски называются меймень. Весною, чтобы подышать свежим воздухом и подремать на солнце, они выползают из воды сквозь свои норы в великом множестве. Собаки мои, озадаченные сильным запахом этих животных и беспрепятственно встречаемая их на виду, взвыли и понеслись, как одичалые во весь скак. Колчатое прудило гремело, гнулось, глубоко бороздя и снег и лед, и наконец переломилось. Я подвергался большой опасности опрокинуться, разбиться о торос. Отчаянная езда продолжалась четыре часа. В это короткое время я обогнул острова Ругтан и Юругтан¹² и, проскакав более 60 верст, достиг Шелагского мыса.

Надо заметить, что такую быструю езду на собаках можно назвать необычайною. В Чауне и в Колыме обыкновенная езда на собаках от 5—8 и очень редко 12 верст в час. А так называемые паберды¹³ даже и хорошую езду делают медленною: ибо на пабердах много тратится времени понапрасну.

Прибыв на Шелагский мыс, я созвал почетных чукчей, угостил их чаем и табаком и объявил, что еду на остров Колючи¹⁴. Общий голос гостей одобрил мое намерение. «Мне нужен благонадежный проводник», — заметил я. «Найдем и проводника», — отвечали чукчи. И как было все условлено, то и положили мы наутро выехать в путь и держаться от Шелагского мыса к востоку.

Остаток дня и вечер употреблен на приготовление к моей отправке, а между тем я старался собрать предварительные сведения о предстоящей поездке. Но богу угодно было совершить все иначе. В то время когда я думал о далеком, интересном для меня острове, ночью потянул вешний теплый юго-восточный — восточный ветер. Снег, видимо, начал таять, и к утру в первый раз прилетели чайки, постоянные вестники шелагской весны.

Чукчи снова собрались ко мне и положительно объявили, что время для пути на остров запозднилось. Советовали исполнить предприятие в иное, удобное время. Когда же я по настойчивости стал возражать на их представления, чукчи, указывая на окружные утесы, говорили:

¹² Острова Большой и Малый Раутан.

¹³ Паберд — передышка в езде на собаках. В очерке «Нижнеколымский край» Аргентов пишет: «От Нижнеколымска до Ледовитого моря полагается 12 собачьих пабердов. Это значит, что когда едут на собаках — надо дать собакам отдохнуть 12 раз. Собачий паберд равняется примерно десяти верстам», — «Известия Русского географического общества», 1879, т. 15, вып. 6, стр. 439.

¹⁴ О. Колючин.

«Видишь утесы. Они вчера белели по-зимнему, сегодня заперстели по-весеннему, а за утро, если усилится наставшее тепло, зачернеют по-летнему. Сегодня появились чайки, завтра прилетят и гуси. Вода польется с гор, реки распялятся. Сендуха¹⁵ наполнится снежницею, вода разольется по льду моря. Мы, чукчи, в такое время не отправляемся в дорогу; воротись».

Такая убедительная речь склонила меня покориться необходимости. Я простился с чукчами, с большим прискорбием воротился назад и через ночь прибыл домой, не встретя на пути никаких особенных приключений.

Итак, в пять дней я на шести собаках проехал 310 верст и убедился в возможности сблизиться с самыми отдаленными чукчами...

11 мая на восьми собаках ездил собирать лес, нужный для построек к дому. Лес, как для отопления, так и для построек, здесь собирается наносный, выкидываемый волнами моря на берег. Годного бывает очень мало, да и доставка его чрезвычайно затруднительна. Вообще всякая пристройка обходится весьма дорого, потому что плотников надобно выписывать сюда за 350 верст и содержать их на свой счет в такой отдаленной безлюдной и бесплодной пустыне, каково прибрежье Ледовитого моря. Все это крайне убыточно и разорительно для домохозяйства.

13 мая я прибыл в лагерь чукчи Номуляна и произвел перепись обретающихся здесь инородцев. А (так) как Номулян хорошо знает местность и людей чукотской земли, то я и советовался с ним о намерении моем посетить отдаленный Берингов пролив.

Номулян одобрил мои мысли, просил сделать ему честь, взять его в провожатые хотя до Колючи, где, он говорил, есть у него много родственников.

По возвращении от Номуляна получил известие о выкочевывании на морской берег пяти юрт чукчей. Почему на другой день отправился в путь на моей шестерке и приехал в лагерь Камлельгиргина, где переписал местных чукчей и опять возвратился домой.

17 мая приехал посетить меня почетный чукча Ятиргин, сын Окко, и с ним двое его товарищей. Они только что выкочевали из лесов в намерении летовать на морском берегу. Чукчи эти у меня продневали. Вечером они отправились обратно, следуя на оленях, и я, пользуясь их спутностью, поехал на моих собаках.

На следующее утро мы прибыли в становище Омрувге, где и провели весь тот день ожидая ночи. Между тем на дневке переписал всех здешних.

В позднее время весны мы обыкновенно ездим по ночам на нартах, у коих полозья подбиты костями из китовых скул. Днем невозможно следовать: снег, размякнув от тепла, не поднимает ни собак, ни нарты.

19 мая ночью я прибыл к чукчам в лагерь Ятиргина. Родович сей, сын Окко, но, кажется, смешанного происхождения. Его рост высокий, нос длинный, лицо продолговатое, глаза же и выдавшиеся скулы совершенно монгольские. Рассказывают, будто мать его была природная русская, взятая чукчами в плен. Соседние чукчи, чуванцы, юкагиры и сами русские почитают Ятиргина человеком добрым, гостеприимным, скромным, благоразумным. Он имеет большие стада оленей и на своем иждивении содержит до 50 человек бедных чукчей и других инородцев, и все им довольны.

¹⁵ Сендуха — место привала чукчей в пути.

На прощание собрались ко мне здешние напиться чаю и покурить табак, и послушать, и поговорить. Я объявил о намерении моем посетить самые отдаленнейшие места чукотской земли и просил их мнения и совета. Сын Окко, вступив со мной в разговор, отвечал, что предки его — отец, дед и прадед — кочевали далеко отсюда, что и сам он довольно знает и отдаленные места, и отдаленных людей, что там далеко, и здесь близко — одна чукотская земля, и что там и здесь один народ — чукчи. При этом Ятиргин не только не отклонил меня от моего намерения посетить далекие места чукотской земли, но даже обстоятельно рассуждал со мной: когда и как бы лучше отправиться к людям неизвестным, в край неведомый. Одно обстоятельство беспокоило его: «Велика чукотская земля, — говорил он, — поехавши далеко, увидишь людей добрых, повстречаешься, может быть, и с худыми. Сам подумай обо всем».

Простившись с чукчами, в ночь на 20 мая отправился я домой. Топушие разлоги, частые озера, крутоберегие ручьи, быстрые реки я переезжал через, выбирая дорогу самую прямую, и все это 20 мая еще было покрыто снегом и льдом. И путь был гладок, как скатерть. Нарта, подбитая костями, катилась плавно. Собаки мои по крепкому насту бежали рысью или неслись большую часть в скак и поднимали с проталин бесчисленные стада гусей, лебедей и другой прилетной дичи.

Солнце не сходило с горизонта и, ярко светя во всю ночь, высоко катилось по ясному небу. Безумолкный и разнообразный крик птиц, сливаясь в странный, громкий хаос звуков, составлял как бы праздничный хор певчих, которые пели гимн в честь Чаунской весны!..

Олени табунами ходили по отлогостям гор, выбивая копытами обильный мох, которым они питаются. Песцы и лисицы лаяли как-то особенно и, играя подле нор своих, бегали повсюду. Я давно не помню такого приятного путешествия, меня даже не клонило ко сну. Но вспомнить не могу минувшего декабря, когда здесь же все было мрачно и мертво; тундренный вихрь с метелью ревел по безбрежной пустыне, а пурга заживо погребала под свои снежные покровы. Холод был таков, что превышал силы и терпение человека. От стужи я в то время совершенно оцепенел, сердце дрожало и жалось, мне казалось, что вот один миг — и я замерзну... А теперь в этой самой пустыне я не мог налюбоваться возвращением весны. И здесь первенцы ее, стелющиеся тальники, уже распускались и наполняли воздух своим благоуханием. К утру я задремал. Ободневало, и солнце сильно парило, собаки и нарты начали проламываться в рухлый снег, путь становился труден. Но, к радости моей, дом мой был уже близко, высоко поднятый полосатый ветромер реял на виду. Меня ожидал жилой наслег¹⁶, спокойный и теплый, — высокое блаженство, понятное только для путешествующих по арктическим пустыням.

21 мая чаунский родоначальник (эррем)¹⁷, сам четверт, прибыл ко мне на свидание и объявил мне, что он с некоторыми своими родичами намерен летовать неподалеко от церкви, за рекою Оррикоольвэем¹⁸, и просил меня приехать к нему в гости.

Родоначальник этот по имени Омравбургин, человек уважаемый и благоразумный. Его отец Ятиргин, а дед Валетко. Ятиргин имел разные знаки монаршего благоволения, а Валетко в 1812 г. на Чауне исхитил из рук убийц и спас от преждевременной смерти протоиерея и миссионера Слепцова, когда чукчи, надев на себя волчьи шапки, с копьями

¹⁶ Наслег — административно-территориальная единица в Якутии.

¹⁷ Эррем — глава патриархальной семьи оленных чукчей.

¹⁸ Р. Козьминка, впадает в Восточно-Сибирское море, к востоку от р. Раучуа.

в руках, толпою окружили безоружного старца, они хотели убить его, чтоб принести в жертву земле.

Проводив гостей, вечером 21 мая я запряг своих собак и отправился по морскому берегу к западу, для осмотра леса, нужного мне на постройку служб. Снег от дневного тепла размякнул и не подымал ни собак, ни нарты, но скоро занастило его, и путь сделался удобным. Приехав на берег, увидел, что халуй¹⁹ еще толсто покрыт убоем²⁰ и из-под снега не видно было леса.

23 мая, поздно вечером, воротились мы с моря, на котором провели 25 часов, и осматривали наши нерполовные сети. К нашему несчастью, случилась сильная оттепель и ночью неподстыло. Здесь это первая ночь без мороза. Собаки обезножившись не могли идти, мы посадили их на нарту и до берега везли на себе, а сами брели в слякоти по колено.

27 мая я снаряжился повидаться с чукчами и отправился в путь. Со мною были: нарта, лодка и собаки. Первые сутки я местами шел, местами плыл... На другой день точно таким же образом подвигался вперед до самых полдень. За рекою Оррикооль-взем уже забелели чукотские юрты, и по отдаленным возвышенностям запестрели подвешенные табуны оленей. Но путь до того сделался затруднителен, что я решился возвратиться назад. Итак, бросив нарту и лодку, обессиленный, я кое-как, в страшном изнеможении прибред домой, скружив 60 верст тяжелого пути и не сделав ничего полезного.

Во время последней поездки мы питались свежим мясом дичи и яйцами полевых птиц. Хорошая пища оказала благотворное влияние на наше отошало тело, а до того мы, равно как и наши собаки, ели противную нерпиху.

31 мая я опять должен был отправиться в путь. Сначала мы плыли в лодке по реке Равчу-взем и по смежному с ней морскому заливу, а потом шли пешком к востоку по морскому припойку до реки Оррикооль-взем.

1 июня по льду перешли реку Оррикооль-взем и повертели от моря направо, в горы. Следуя по направлению к Чаунским утесам, через 10 верст ходьбы, нашли мы первых чукчей. Составив перепись здешним и взяв с собой благонадежного проводника, прибыл к родоначальнику Омраввургину. После сего я посетил еще два стойбища чукчей, состоящих в Чаунском, Николаевском приходе.

5 июня воротился назад обратно и реку Оррикооль-взем перешел по льду. От этой реки следовал я по морскому припойку и большей частью пешком перебродил оглубелые ручьи, стремящиеся от весеннего половодья. При переправе через один такой ручей рыхлый лед рассыпался под моими ногами, и я провалился в холодную быструю воду. При этом неприятном приключении подмок мой походный архив, и мы утопили последнюю нашу пищу: стегно оленины и 15 лебединых яиц, данные нам про запас чукчами. После этого опять довелось нам есть противную нерпиху. Добравшись до морского залива, смежного с рекою Равчу-взем, сел на лодку и благополучно прибыл домой.

В верховьях реки Глинянки²¹, впадающей в Равчу-взем, слева, в пяти верстах от устья, кочуют бедные ламуты. К ним я отправился пешком 7 июня. С великим трудом и опасением пробираюсь по ледяной почве топучих мхов, грязных львов, мокрых холмов, скользких отгорий. От такого пути я изнемог, утомленный усталостью, я искал сухого ме-

¹⁹ Х а л у й — наносный лес, выбрасываемый морем на берег.

²⁰ У б о й — затвердевшая поверхность снегового покрова.

²¹ Р. Куулькай.

ста, где бы можно было отдохнуть и перевести дух. Но напрасно я искал сухого клочка земли, вся тундра взялась зыбуном, я должен был отдыхать стоя, опершись на палку, а между тем грязь и холодная вода сочились из-под ног моих.

Ламуты приняли меня в своем подвижном легком доме, сшитом из дымленой замши... Когда мне нужно было отправиться обратно, то они поднесли мне три оленьих языка и дали в провожатые двух стрелков; один был вооружен винтовкою, другой — луком. И точно, они оказались знатоками своего дела — на глазах убили тундренного быка наповал и, по их обыкновению, мне, как гостю, из промысла, уделена паевая часть.

18 июня казалось, что все море очистилось; легкая зыбь колыхала синюю поверхность необозримых вод Ледовитого моря. Попутный ветер вызвал меня на мое служение. Я сел в гребную лодку, украшенную нарядным значком, и отправился к чукчам, держа курс к западу. Но спокойное плавание продолжалось не более четырех часов. Торосы, которых с берега вовсе не было видно, по удалении от пристани начали показываться все гуще и гуще. Наконец мы достигли такого места, где море стояло по-зимнему, не тронувшись и где чукотские нерполовы спокойно разъезжали взад и вперед на своих оленях. Я воротился назад.

9 июля я снова отправился водяным путем, мы поплыли по Ледовитому морю на восток. В это время по берегам линяет водяная птица. Собаки наши, бежав по песчаному берегу, гоняли большие стада гусей-гуменников; тысячи этих птиц не могли подняться, спешили укрыться туда, где мох был гуще. Вслед за собаками пошли и мы, покинув лодку, причаленную к замоине. На этот раз поймали сорок гусей. Несмотря на такую богатую добычу, мы, однако ж, не рады были ей и много каялись в легкомыслии и оплошности.

Покуда мы гонялись за гуменниками, внезапно потянул юго-восточный ветер. Вода запала, и отмельный берег обсох на значительное пространство. С полторы версты волокли мы до фарватера тяжелую лодку. В морской слизи мы вязли, и я выбился из сил. На плавеже, весь мокрый от сырости и холода, я еще более обессилел, так что на ночлег к огнищу, с пристани привели меня под руку.

Ввалившись в устье реки Оррикооль-взем, мы вытащили лодку на берег, отправились в горы пешком и пришли к старику Рилькутэт. Все здешние разошлись, кто в табун пастишить оленей, кто по рекам и озерам гонять линялых гусей. Последних бывает в эту пору такое множество, что ими запасаются на всю зиму. В становище домовничала одна чукчанка-старуха. Она приняла нас, вытерла деревянный огонь, сварила бок оленины и, накормив нас, позвала ночевать в ее юрте...

15 июля пришел я к Акугве. Здешние уже отправились в поход за линными гусями и вышли из юрт, когда я приблизился к их жилищам; и как тракт их был один и тот же, вместе со мною, то я пошел с ними в становище Рилькутэта...

16 июля от Рилькутэта пришел к устью реки Оррикооль-взем, спустил лодку на воду и по Ледовитому морю доплыл до церкви св. Николая.

Таким образом прошло в дороге 8 дней. По Ледовитому морю я проплыл 60 верст, по тундре пеший прошел 95 верст, и всего пути совершил 155 верст...

24 июля стояла чудесная ясная погода, ветер был попутный, тишь совершенная. Я спустил лодку на море и отправился в путь, держа курс к западу. Через два часа... начали попадаться льды, которые потом сде-

лались гуще. Однако лодка неприметно удалялась от берега, извилистым путем, все шла вперед. Я пробирался между плавающими островами льдов, меня оттянуло в море верст на 15. Земля едва синелась в моих глазах. Между тем сделался штиль, и запад задернулся черными полосами, впереди видны были одне непроходимые гряды возгроможденных друг на друга торосов, к берегам образовалась стена неподвижных льдов.

Я поворотил назад и, лавируя, искал какого-либо ущелья, чтобы пробраться к земле. Но было поздно; в одно мгновение все изменилось. Налетел оглушительный ураган, море запенилось, и грозно закатотали волны, разбиваясь о торос, от веков пожелтелый. Мы побросали в море весь бывший у нас тяжелый груз, а вместе и наших собак, которые в моем же виду еще живыми были выкинуты на льдину. При неопытности нашей, я совершенно растерялся и не знал, что нам делать. Мы подняли маленький парус, и нас понесло по направлению бури. При совершенной мгле лодку нашу бросало из стороны в сторону, она беспрерывно билась и шаркалась об лед и от колебания так наполнилась водою, что едва успевали отливать ее. Наконец неистовым порывом бури сорвало парус, повернуло лодку боком и, бросив на прибрежный бурун, затопило ее. Мы погибали... Так называемый девятый вал (звянча) прикатился и выбросил всех нас на морской приплесок живыми. Таким образом я совершил 60-верстный путь, самый трудный, самый опасный и самый бесполезный.

Когда я рассказал чукчам об опасности, в которой мы находились, то они в ответ говорили мне, что во время бури никогда не следует искать земли, а следовало вместе с лодкой взобраться на торос и, сидя на нем, спокойно ждать окончания непогоды.

26 июля мне опять должно было плыть в лодке по Ледовитому морю, я направился к востоку и достиг пролива²², которым остров Аека отделяется от материка. Здесь имел свидание с чукотскими пастухами. Пролив этот в своей западной конечности простирается верст на шесть. В малую воду его можно перебродить. В 1844 году я перешел его дважды, впрочем, не без страха и хлопот. Вязкий грунт иловатой почвы по окраинам обеих сторон, излучистые борозды неровного дна, широта пролива и холодная температура едкой морской воды тогда очень затрудняли меня, особенно когда лошади пошли вплавь и на выходе стали вязнуть в глубокой грязи. Теперь я здесь спокойно плавал на лодке.

Из пролива, воротясь назад, отыскиали мы речку Утту-взем, которую вчера за отдаленностью и мглою не могли приметить. При устье этой речки мы построили юрту на том самом месте, где в 1850 году в декабре месяце я чуть не погиб от жестокости здешних невыносимых морозов.

В начале августа я дважды покушался плыть морем к западу и дважды видел неудачу в этом предприятии. 12 августа в третий раз отправился по водам Ледовитого моря. Погода стояла благополучная. Льды хотя и попадались, но важных столкновений не было, мы пробирались извилинами и вечером того же дня вышли в устье реки Романовой.

13 августа, лавируя около ледяных островов, достигли реки Кытэп-взем. Вытащив на берег лодку, я отправился в горы отыскивать чукчей. Долго блуждал я по пустыне, но никого не встретил. Между тем пал морской туман, и настала холодная ночь. Трава от инея совершенно

²² Малый Чаунский пролив.

побелела. Усталый, я расположился ночевать у холма, но сон не смыкал глаз моих. Мне пришло в голову испытать призывный чукотский сигнал. Я начал подражать крику ворона, обожаемого этим народом. Громкое эхо далеко вторилось в тиши, но отклика не последовало. Мне сделалось робко. Я замолчал. Мертвая тишина снова водворилась. Закутавшись в дорожный плащ, я терпеливо дожидался утра, но сон не приходил: сырость, голод, холод и усталость возбуждали во мне неприятные ощущения. На сендухе становилось за полночь. Вдруг на болоте послышался шорох и показалась движущаяся тень. В туманной ночи трудно было разглядеть, человек ли это идет или крадется медведь. Привстав тихо на ноги, я послал дорожную собаку, чтобы разрешить мое недоумение. Надежда и страх колебали меня, но скоро я был успокоен, послышался крик человека. Это был ночной пастух, отыскивавший меня по сигналу.

С 14 на 15 августа я прибыл в становище Етувге и Ятиргина... Воротясь к устью реки Кытэп-взем, спустил лодку на море и вечером плыл вперед дотемна, держа курс к западу... Обогнул мыс (высокую скалу), известный под именем «Большого Баранова». Здесь со мной случилось небольшое происшествие.

Были полдни. Льды отдалились, стояло тихо, море не колыхалось. Мы огибали Большой Баранов; огромное морское животное, футов в 18-ть, протянувшись вдоль узкого припайка, дремало у подошвы скалы²³. Я полагаю, что это отвалившийся камень. Вдруг мнимый камень, зашевелившись, ринулся в море. Круговая зыбь еще не уходилась, как чудовище снова показалось, фыркая и уставя на нас свое щетинистое рыло. Лодка потеряла равновесие. Дерзкое любопытство зверя увеличилось, он делал всплески и, казалось, этим решил затопить нас. Только после трех выстрелов винтовкою мы отделались от этой неподвижной опасности.

В бухте, по западную сторону Большой Барановой скалы, вытащив на берег лодку, пешком отправился в горы к чукчам, в становище Номуляна, Елавге, Гивэвтегена... Последний проводил меня до морского берега, и я с ним приплыл к речке Тайной. Здесь мы разложили огонь и ночевали.

19 августа вместе с чукчею отправился в горы поискать старика Вакатиргина, но он укочевал. Мы видели его юртовиче и полозницу аргиша, запорошенную снегом, и, не рассудив гнаться за ним, воротились к стану. Отсюда проводник мой, простясь со мною, пошел домой, а я, следуя далее, приплыл в бухту, где стоит крест со следующей вырезною надписью: «1787-г. июля 12 поставлен сей крест, морской секретной экспедиции начальником флота капитаном Иосифом Биллингсом, при сем берегу судами»²⁴.

Не в первый, помнится, а в пятый раз я вижу этот крест и читаю эту надпись. Биллингс первый из русских благополучно в духе мира прошел всю Чукотскую землю, чего никто другой по ныне не мог сделать. Что же касается до его плавания по Ледовитому морю, то он был здесь не вовремя. 12 июля лед на море стоит или по-зимнему непо-

²³ Огромное морское животное, вероятно, из породы китов-горбачей, которые летнее время проводили в морях Северного Ледовитого океана. Полностью истреблены.

²⁴ И. И. Биллингс — начальник географо-геодезической экспедиции 1785—1793 гг., снаряженной для исследования Северо-Восточной Сибири и Алеутских островов. В этой экспедиции принимал участие и Г. А. Сарычев. На одном из притоков Колымы экспедиция построила парусные суда «Паллас» и «Ясашна». Попытка Биллингса на «Палласе» пробиться во льдах и обойти Чукотский полуостров закончилась неудачей. В 1791—1792 гг. И. И. Биллингс совершил путешествие по Чукотке на оленях, в результате которого была составлена карта Чукотского полуострова и его описание.

движный, или густо плавают огромными массами, преграждая путь от-
важному путешественнику. Вот существенная причина неудачи Бил-
лингса в его секретной экспедиции по Ледовитому морю. В августе,
когда льды частью растаивают, частью от волнения и взаимного тре-
ния размельчаются и редуют, тогда экспедиция в своем предприятии
могла быть счастливее. При рассуждении об этом предмете надобно
иметь в виду еще одно важное обстоятельство. В некоторые годы, по
летам, на здешнем море льдов совершенно не бывает. Отплывают ли
они на запад Северного океана, или деваются в иные места, неизвес-
тно. Такие годы не весьма редки. В течение десяти годов при мне это
случалось дважды.

Здесь осталось предание, будто бы г. Биллингс, распечатав в этой
бухте какой-то пакет важного содержания, произвел пальбу из орудий
и скомандовал обратный марш на Колыму.

Из Биллингсовой бухты приплыл в Медвежью речку. При подходе
к берегу со мной случилось происшествие. Зыбью так протасило нашу
лодку по мелкому каменику, что сделалась течь и она осела, но берег
был близко и вода не глубока, мы спаслись.

От Медвежьей речки приплыл я к 21-му августу к маяку лейтена-
нта Лаптева, а отсюда по реке Колыме прибыл в первую русскую дерев-
ню Кабачково. После диких чукчей очень приятно было возвратиться
к своим. Один дряхлый старик-моряк, подойдя ко мне, говорил дрожа-
щим голосом: «Отец, таких священников здесь не бывало. Ты лейте-
нант-священник!»

В это последнее путешествие, за пятнадцать дней, я пешком по
тундре прошел 185 верст, водою сделал 375, а всего пути совершил
560 верст...

4 сентября мне снова должно было отправиться в путь, и я поплыл
вверх по реке Большому Анюю. Селение у Двух Висок становилось
близко, я слышал лай охотничьих собак и после большой усталости
мыслил о русском гостеприимстве. Но в одно, можно сказать, мгнове-
ние с бурного запада налетели черные тучи, повалил густой снег, сде-
лалась такая вьюга, об которой в других летах Сибири не могут иметь
и понятия.

До селения оставалось менее полуверсты, но снег завалил нас, и
четыре дня мы должны были лежать под ним, чтобы не замерзнуть
на пустыне и безлюдье. В это время окрестные озера и ручьи замерз-
ли, а по реке Анюю понесло шугу. Пурга не затихала, и снег падал,
как скоро подходили тучи. Наконец, горько натерпевшись, мы на пя-
тый день вышли из нашего логовища, подстегнули собак, запряглись
в лямки и бечевой повели заплескиваемую лодку вниз по реке, в об-
ратный путь, и возвратились в Нижнеколымск.

16 ноября из Нижнеколымска я приехал в деревню Походскую,
отсюда к урочищу Дироватому, где за бурю дневал. Отсюда, следуя
по морской щетке, прибыл к маяку лейтенанта Лаптева²⁵, построенно-
му, кажется, в 1734 году и поныне еще не разрушившемуся; здесь на-
шел я первых чукчей и с ними ночевал.

²⁵ По поводу этого маяка Г. Я. Седов в письме из устья р. Колымы 25 июля 1909 г. писал следующее: «...Южнее мыса Медвежьего около 36 верст, стоит мрачный с виду маяк Лаптева, он весь уже зарос травой и почернел. Маяк деревян-
ный рубленый, имеет форму 4-гранной усеченной пирамиды с высотой около 42 фу-
тов над основанием. Надписей на нем уже никаких не видно, но ему, кажется, уже
около 170 лет и еще бог знает сколько простоят. Ширина его у основания 7 аршин.
Но поставлен он относительно теперешнего бара совсем не на месте, ужасно далеко
и в стороне, не знаю, чем тогда руководствовался Лаптев. Может быть, так сильно-
бар теперь переменялся».

От маяка поехал по Ледовитому морю и достиг Медвежьей бухты, где возникшая снежная пурга задержала меня почти сутки. Следуя далее по морю, 20 ноября был достигнут свирепым ураганом, заблудился во льдах и 17 часов пробыл в пещере, образовавшейся под вековым торосом. Когда же утих невыразимый морской гул бури и мгла разрядилась, я с ужасом увидел, что лед, взломанный бурей, уплыл в безудержную даль и пещера моего спасения, готовая обрушиться, находится на зыблущейся окраине взволнованных вод... Кое-как мы вышли из пещеры и приехали к скале, известной под названием «Большой Баранов», а по-чукотски Ралява. Росол и торосы очень затруднили этот переезд, собаки, обессилев, не могли вести нарту, и я целые сутки шел пешком.

22 ноября при реке Крестовой нашел два семейства чукчей, у коих и ночевал. Река эта названа Крестовой потому, что при устье ее найден был крест. Я его рассматривал, он сделан из огромной лиственницы, но когда-то упал. Я рассмотрел на нем русские буквы С-Г-Ш, и не более. Принимая в основание свойства здешнего климата и гнилость дерева, я полагаю, что кресту этому есть за 200 лет. Не Дежнев ли поставил этот крест? Что же касается до Шалаурова, то памятники его, сколько я видел, не так гнилы. Во всяком случае это только одна догадка. 7 декабря от утеса Чава-кэиты я ехал к юкагирам на устье Пахлявэем и отсюда следовал сперва по Чаунскому морю, а потом поднялся на землю и ехал волоком.

11 декабря по тундрам пронесся ураган. Мгла густо облегла пустыню, небо померкло, воздух потемнел, собаки отказались от повиновения, они свертывались в клубок и ложились на дороге, не принимая даже пищи. По крайней необходимости я выкопал себе яму и пятьдесят часов пролежал в моей снежной могиле. Когда же стихла буря, я вышел на свет и по глубокому снегу едва дотащился до церкви св. Николая...

В последний день 1851 г. минуло 18 месяцев, как я нахожусь в Чаунской пустыне... В последний 1851 г. я пешком прошел до 700 верст, водою проплыл столько же, на собаках проехал более 3690 верст, а всего пути по арктическим пустыням Чауна и по Ледовитому морю совершил пять тысяч девятьсот верст...

Местные наблюдения

В 1851 г. первую чайку заметили у скалы Малый Баранов 24 апреля. На Шелагском мысе они явились 4 мая, а у церкви св. Николая— 8 мая. Первого гуся у этой церкви видели 23 апреля, но потом до 6-го не видно было ни одного из них.

Первая горбоносая утка прилетела 6 мая, а журавель и кулик— 11 мая. Первая гагара явилась 19 мая. Шмели ожили 18 мая. Самый густой прилет лебедей и гусей последовал между 17 и 20 мая. Водяная птица несла яйца преимущественно от 21 мая по 2 июня.

По реке Равчу-вэем, при которой стоит церковь, вода сверх льда прошла 22 мая. Наледь на ней стояла до 31 мая. Через реку Оррикооль-вэем, от церкви к востоку 25 верст, 5 июня я пришел еще по крепкому льду.

Гуси на зимовку полетели с 15 августа, чайки— с 24 августа, а лебеди— с 1 сентября.

Первый дождь у церкви выпал 14 мая— был непродолжителен и кончился снегом. Гром в течение лета я слышал только однажды, и удар его был очень тих.

Солнце при устье реки Колымы, у маяка лейтенанта Лаптева, 17 ноября едва всходило в полдень, показавшись одним краем, а 18, несмотря на ясное утро, оно уже вовсе не взошло.

При устье реки Чаун 25 ноября солнце еще показывалось, 28 уже не всходило. В Нижнеколымске солнце, вступая в знак Козерога, впервые показалось 25 декабря в полдень, и то только одним краем.

26 декабря в Нижнеколымске видимо было полное затмение луны. Это случилось в полнолуние, когда она на нашем горизонте зимой бывает в таком виде несколько дней сряду. Во время затмения луна находилась между востоком и севером, поднявшись на 22—25 градусов. Погода стояла совершенно ясная и тихая. Солнце закатилось. Это было в начале 4-го часа. Сперва начал меркнуть тот край луны, который был обращен к северу, затмение продолжалось часа четыре и кончилось довольно спустя после потуха вечерней зари.

Список печатных трудов Андрея Аргентова

1852

«Новые сведения о чукчах», — «Вестник Русского географического общества», 1852, ч. 2, стр. 143.

1857

«Описание Николаевского Чаунского прихода. С прибавлением о существовании земли и людей на Ледовитом море, в северо-западной стороне от острова Колючи», — «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1857, кн. III, стр. 79—106.

«Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности», — «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1857, кн. IV, стр. 1—59.

«Статистические сведения о прихожанах Спасской церкви в Нижнеколымске, относящиеся к 1855 году и составленные до народной переписи. Статистические сведения о Нижнеколымске 5—20 января 1850 г.», — «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1857, кн. III, стр. 19—21.

1859

«La paroisse de Tschaun (province d'Jakoutsch)», «Extraits des publications de la Société Géographique de Russie», 1859, pp. 345—347.

«Извлечение из путевых записок А. Аргентова», — «Амур», 1860, № 14 и 15.

«Извлечение из путевых записок», — «Прибрежье Ледовитого моря» — «Журнал министерства внутренних дел», 1860, ч. 42, № 6, стр. 18—22.

1861

«Северная Земля», — «Записки Русского географического общества», 1861, кн. II, стр. 1—34.

«О полярной Северной земле» (из путевых записок), — «Амур», 1861, № 67 и 68.

1863

«О полярной экспедиции, предпринимаемой доктором Гайесом», — «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1863, кн. VI, отд. II, стр. 1—6.

1870

«Северное сияние, бывшее в Верхнеудинске 24 марта 1870 г.», — «Известия Сибирского отдела Русского географического общества», 1870, т. I, № 1, стр. 32.

1876

«Заметка о Ледовитом море», — «Известия Сибирского отдела Русского географического общества», 1876, т. VII, № 2—3, стр. 125—126.

«Очерки Нижнеколымского края», — Сб. газ. «Сибирь», 1876, т. I, стр. 387—396.

1879

«Нижнеколымский край», — «Известия Русского географического общества», 1879, т. XV, вып. 6, стр. 433—451.

1887

«Пятнадцать лет в Нижнеколымском крае (1843—1857)», — «Сибирский вестник», 1887, № 58, 78 и 84.

**Список рукописей Андрея Аргентова, хранящихся в архиве
Географического общества СССР**

«Первая народная перепись чукчей, населяющих Чаванский край», 1850, р. 64, оп. I, № 32, 28 листов с приложением трех писем в Русское географическое общество.

«Метеорологическая ведомость, служащая к определению климата в Нижнеколымске», 1848—1851, р. 102, оп. I, № 368, 1 л.

«Выписки из путевого журнала члена-сотрудника Сибирского отдела Русского географического общества Андрея Аргентова, веденного им в 1851 г. во время поездки по Чукотской земле», ф. I, оп. I, 1853, № 14, копия, 18 листов с приложением записки Н. И. Надеждина и четырех писем.

«Чукотский словарь», 1879, р. 64, оп. I, № 31, 55 л.

Рукописная карта Чаунского края. К путешествию Андрея Аргентова, составлена Ф. Ф. Матюшкиным, хранится в Отделе картографии Географического общества. РУК 321.

Т. К. Шафрановская

**ПУТЕШЕСТВИЕ ЛОРЕНЦА ЛАНГА В 1715—1716 гг.
В ПЕКИН И ЕГО ДНЕВНИК**

В конце XVII и в начале XVIII в. в Китае побывали русские дипломатические миссии. Во время путешествий из России в Пекин и на обратном пути участники миссий Н. Г. Спафарий, И. Идес и Л. Ланг составляли подробные записи.

В настоящее время изданы или издаются комментированные переводы описаний путешествий Спафария и Идеса. В ином положении оказались дневники Ланга. Во второй половине XVIII и в начале XIX в. они неоднократно печатались на немецком языке, переводились на французский и английский. Изданием дневников Ланга интересовался один из крупнейших русских ученых XVIII в. П.-С. Паллас, опубликовавший два дневника Ланга на немецком языке. Тогда же появился и русский перевод одного из его дневников, переизданный вторично в начале XIX в.

Таким образом, дневники Ланга получили в свое время широкое признание в мировой литературе. Однако в настоящее время они в значительной степени забыты и остаются вне поля зрения не только читателей, интересующихся сношениями России с Китаем, но в известной степени и специалистов-китаеведов. Это происходит по той причине, что дневники Ланга рассеяны в малодоступных старых иностранных изданиях. На русском же языке из четырех дневников, как мы уже отмечали, был напечатан только один в 1776 г., опубликованный вторично в журнале «Северный архив» за 1822 г.¹

Биографические сведения о Лоренце Ланге до его первой поездки в Пекин в 1715—1716 гг. крайне скудны. Они ограничиваются отдельными отрывочными упоминаниями. Немецкий дипломатический представитель, находившийся в России, Х.-В. Вебер встречался с Лангом и называл его шведским инженером. Академик Г.-Ф. Миллер отмечал, что благодаря заботам Петра I Ланг получил возможность учиться в Берлине и там же приобрести знание языков². Другой дипломатиче-

¹ «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские страны, а именно: в Испагань, в Пекин, Дербент и Константинополь», перевел с французского Михайло Попов, СПб., 1776; «Поденные записи о пребывании Лоренца Ланга, агента императора Российского, при китайском дворе, в 1721 г.», — «Северный архив», 1822, № 17, стр. 19—23.

² G. F. Müller, *Sammlung Russischer Geschichte*, Bd 8, St.-Pbg., 1763, S. 511.

ский представитель — де Лави³ в 1718 г. в своем донесении французскому министерству из Петербурга сообщал, что Ланг был приемным сыном врача Петра I Арескина. Возможно, это указание служит ключом для объяснения того доверия, которым Ланг пользовался в России, а также причиной, побудившей Петра I обеспечить его поездку в Берлин для получения или скорее всего для завершения образования⁴. П.-С. Паллас в предисловии к дневнику Ланга, опубликованному в «*Neue Nordische Beiträge*», писал, что «агент, а впоследствии иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг родом из Стокгольма, в Россию прибыл будучи лейтенантом»⁵. Этим в сущности и ограничиваются сведения о жизни Ланга до 1715 г.

В последние годы жизни Лоренц Ланг состоял вице-губернатором Иркутска. Он умер после 1738 г. (точный год его смерти не установлен). Наследники Ланга передали в Академию наук принадлежавшую ему коллекцию китайских вещей, которая и вошла в состав академического музея — Кунсткамеры. В журнале поступлений Музея антропологии и этнографии им. Петра I, организованного на базе Кунсткамеры, сохранилась запись, относящаяся к 1754 г.: «Большое поступление китайских и татарских вещей. Часть из них передана наследниками умершего вице-губернатора Иркутска Ланга...»⁶.

Наиболее полные из сохранившихся сведений о жизни Ланга относятся к периоду 1715—1736 гг.

В течение ряда лет Ланг был деятельным участником сношений между Россией и Китаем. О начале его многолетней деятельности на этом поприще Н. В. Кюнер писал: «Петр Великий обнаруживал особый интерес к китайским товарам и, желая ближе познакомиться с лучшими образцами китайских изделий, поручил в 1715 г. шведу Лоренцу Лангу отправиться частным образом в Китай для приобретения некоторых китайских предметов украшения, в особенности печи из фарфора для строившегося тогда Петергофского дворца. Ланг был в 1716 г. в Пекине и купил там много ценных вещей; ими Петр I остался настолько доволен, что, убедившись в деловых талантах своего посланца, назначил его в качестве русского официального торгового агента в Пекине и поручил ему сопровождать в 1719 г. посольство Измайлова»⁷.

После 1715—1716 гг. вся биография Ланга была тесно связана с установлением преимущественно торговых сношений России с Китаем. Ланг совершил шесть путешествий из России в Пекин. Он был участником двух исторических посольств в Китай Льва Измайлова и Саввы Рагузинского. При этом во втором, исключительно важном посольстве Рагузинского, установившем взаимоотношения России с Китаем на много лет, Ланг принимал самое активное участие.

Лангу не раз приходилось в течение значительного времени жить в Пекине в качестве русского резидента⁸. Он был близок к китайскому двору, налаживал русские дипломатические сношения, бывал на при-

³ С 1715 г. де Лави состоял морским комиссаром при дворе Петра I в Петербурге (см. «Сборник императорского Русского исторического общества», СПб., 1881, т. 34, стр. 97).

⁴ См. Т. К. Шафрановская, *О поездках Лоренца Ланга в Пекин*, — «Советское китаеведение», 1958, № 4, стр. 155—156.

⁵ P. Pallas, *Tagebuch einer in den Jahren 1727 und 1728 über Kiachta nach Peking unter Anführung des Agenten Lorenz Lang gethanenen Karawanenreise*, — «*Neue Nordische Beiträge*», Bd 2, St.-Pbg. und Leipzig, 1781.

⁶ «Музей антропологии и этнографии, журнал поступлений», т. I, 1754.

⁷ Н. В. Кюнер, *Сношения России с Дальним Востоком*, Владивосток, 1914, стр. 19.

⁸ «В начале нового времени постоянные посольства были еще редкостью, и поэтому, когда представитель страны задерживался на долгое время, он именовался резидентом» (см. «*Dictionnaire diplomatique*», vol. I, Paris, 1933, p. 50).

еме у китайского императора. Наряду с этим Ланг организовывал и сопровождал русские торговые караваны, различными путями направлявшиеся в Пекин. Несомненной заслугой Лоренца Ланга является то, что во время своих путешествий и во время пребывания в Пекине он вел подробные дневники. Сохранилось четыре дневника Ланга, написанных им в разные годы.

Перечислим в хронологическом порядке путешествия Ланга в Китай с соответствующими указаниями о его четырех дневниках:

1715—1716 гг. Первое путешествие в Пекин. Дневник опубликован на немецком и в переводе на французском языке⁹.

1721—1722 гг. Путешествие в составе посольства Льва Измайлова и длительное пребывание в Пекине. Дневник печатался несколько раз на западноевропейских языках и дважды—в 1776 и 1882 гг.—был опубликован в русском переводе¹⁰.

1725—1727 гг. Путешествие в Китай в составе посольства Рагузинского. Пребывание в Пекине.

1727—1728 гг. Путешествие в Пекин во главе торгового каравана. Дневник опубликован П.-С. Палласом на немецком языке¹¹.

1731—1732 гг. Путешествие из Петербурга в Пекин для налаживания торговых сношений России с Китаем.

1736—1737 гг. Последнее путешествие в Пекин также для налаживания торговых сношений. Дневник опубликован П.-С. Палласом на немецком языке¹².

Дневники Лоренца Ланга, насыщенные конкретными фактами, являются ценнейшим источником по географии Сибири и Китая XVIII в., содержат множество сведений по этнографии. Наряду с этим они очень важны для изучения истории экономических и политических сношений России с Китаем на протяжении значительного промежутка времени с 1715 до 1737 г.

Будучи одним из руководителей караванной торговли России с Китаем, Ланг приводит в своих дневниках многочисленные указания о размерах и ходе торговли, о направлявшихся в Китай товарах.

В XIX и в начале XX в. деятельностью Лоренца Ланга интересовались многие историки, выяснявшие взаимоотношения России с Китаем, налаживавшиеся в первой половине XVIII в. Упоминание о нем мы находим и в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Много данных о переговорах Ланга в Китае встречается в документах, опубликованных в книге Н. Н. Бантыш-Каменского «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами» (1888 г.), в работе Х. Трусевича «Посольские и торговые сношения России с Китаем» (1892 г.), в книге Gaston Cahen «Histoire des relations de la Russie avec la Chine» (1912 г.) и др. Наиболее ценные материалы, характери-

⁹ Ch.-W. Weber, *Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung der Geist und weltlichen Regiments, der Kriegsstand zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finanzen...*, Frankfurt, 1721; Ch.-W. Weber, *Nouveaux memoires sur l'état present de la Grande Russie ou de Moſcovie*, vol. 2, Paris, 1725.

¹⁰ «Journal de la residence su Sieur Lange, agent de Sa Majesté impériale de la Grande Russie à la cour de la Chine dans les années 1721 et 1722», A Leide 1726. Переводы на русский язык: «Беловы путешествия через Россию в разные азиатские страны...» и «Поденные записи...».

¹¹ P. Pallas, *Tagebuch einer in den Jahren 1727 und 1728 über Kiachta nach Peking unter Anführung des Agenten Lorenz Lang gethänenen Karawanenreise*, Ss. 83—159.

¹² P. Pallas, *Tagebuch einer im Jahr 1736 unter Anführung des Kanzeleirats Lange und des Comissars Firsof von Zuruchaita durch die Mongoley nach Peking verrichteten Karawanenreise*, — «Neue Nordische Beiträge», Bd. 2, Ss. 160—207. — В библиотеке Университета в Тарту хранится отдельное издание дневников Ланга 1727—1728 и 1736 гг., напечатанное в Лейпциге в 1781 г.

зующие значение путешествий Ланга в Китай, приведены в работах Н. В. Кюнера.

Но уже и в XVIII в. путешествия Лоренца Ланга в Китай и его сношения с представителями китайской власти привлекали внимание западноевропейских деятелей, наблюдавших за судьбами России того времени.

Когда прославленный Вольтер принялся за работу по истории России Петровской эпохи¹³, он обратил внимание на налаживавшиеся при Петре I торговые сношения России с Китаем. Не ускользнула от его внимания и деятельность Лоренца Ланга, совершившего ряд путешествий в Китай. Вольтер писал: «В это же самое время император Ка-мхи (Канси), чувствуя свою слабость и на опыте зная, что математики в Европе знающие математиков китайских, рассудил, что медики европейские также должны быть лучше его медиков, и через послов, возвращавшихся из Пекина в Петербург, приказал просить царя прислать ему медика. В Петербурге был английский хирург, который предложил свои услуги, и отправился в Китай с новым послом и с Ланжем (Лангом), которого осталось описание сего путешествия.

Сие посольство принято с возможным великолепием. Хирург английский нашел императора в добром здравии и почтен за медика очень искусного. Караван, следовавший за сим посольством, выиграл много; но новые успехи, приобретенные оным, были причиною, что китайцы отослали Ланжа, тогдашнего царского резидента при императоре китайском, и с ним всех русских купцов»¹⁴.

По приведенному тексту видно, что знаменитый философ располагал подробными сведениями о поездке Лоренца Ланга с врачом Томасом Карвином в Китай в 1715—1716 гг. По-видимому, Вольтер ознакомился с дневником Ланга, посвященным его первой поездке в Пекин. Но, очевидно, у Вольтера были еще какие-то другие материалы об этой поездке. В дневнике Ланга приводятся лишь очень краткие упоминания о Томасе Карвине. Следовательно, по дневнику никак нельзя было считать врача главным лицом поездки 1715—1716 гг.

В своих исторических работах Вольтер не придавал особенного значения деталям. Он обобщал, старался выявлять наиболее характерные факты. В приведенном выше тексте Вольтер указывал, что просьба о присылке врача была передана через послов, возвращавшихся в Россию. На самом же деле с этой просьбой к губернатору Сибири Гагарину обратились побывавшие в России китайские послы.

В 1715—1716 гг. в Китай направлялись только Ланг и Карвин. Вольтер решил, что они ехали с послом и были великолепно встречены. Но поездка Ланга с послом Львом Измайловым происходила позднее— в 1721 г. В равной степени и высылка Ланга из Китая относится не ко времени путешествия 1715—1716 гг., а к его пребыванию в Пекине после посольства Льва Измайлова.

Только что цитированный текст Вольтера приведен по первому опубликованному на русском языке полному переводу его «Истории Российской империи в царствование Петра Великого». Появившееся на французском языке и вскоре переведенное на несколько западноевропейских языков, это сочинение знаменитого философа не удовлетворило верхушку русского общества. От произведения Вольтера ожидали

¹³ В 1747 г. Вольтер принял поручение написать «Историю России при Петре Великом». Материалы для этой работы доставлялись ему из Петербурга. Написанная Вольтером история впервые была опубликована во Франции в 1759—1763 гг.

¹⁴ «История Российской империи в царствование Петра Великого, сочиненная г-м Вольтером» (М.), в тип. у А. Решетникова, 1809, ч. 2, кн. 2, гл. 12, стр. 65—66.

большого. Обращали внимание и на многие ошибки. Полный перевод этой книги на русский язык, выполненный Семеном Смирновым, напечатанный в виде отдельного издания в двух книгах в Москве, появился только при Александре I в 1809 г.

Остановимся на первом путешествии Л. Ланга в 1715—1716 гг. Как уже упоминалось, Петр I направил Ланга в Китай для приобретения различных китайских вещей, в том числе фарфоровой печи для Петергофского дворца. Ланг успешно выполнил данные ему поручения.

Поездка 1715—1716 гг. не имела определенной дипломатической цели. Очевидно, поэтому и в литературе о ней встречаются лишь краткие упоминания¹⁵. Однако первое путешествие Ланга занимает определенное место в истории русско-китайских отношений и в истории изучения Китая.

Дневник Ланга, относящийся к его первой поездке в Китай, содержит много интересных сведений о Китае начала XVIII в. в целом, о нравах и обычаях, быте и культуре китайского народа.

Полностью этот дневник Ланга не публиковался¹⁶, а его рукопись под названием «Путешествие Лоренца Ланга в Китай и описание этого государства»¹⁷ сохранилась в архиве г. Мерзебурга (ГДР). В сокращенном виде дневник напечатан в записках Х.-В. Вебера «Das veränderte Russland»¹⁸, вышедших в 1721 г. Записки Вебера неоднократно переиздавались на немецком и в переводе на другие западноевропейские языки. В XIX в. был опубликован русский перевод¹⁹ книги Вебера, но без дневника Ланга.

Х.-В. Вебер находился в Петербурге во время возвращения Ланга из первой поездки в Китай (1718 г.). Ланг, как писал Вебер, передал ему свой дневник. Х.-В. Вебер был хорошо осведомлен о политических и придворных делах в России и вел записки, опубликованные, как мы уже отмечали, на немецком языке в 1721 г. Содержание этих записок ценится в качестве источника, сохранившего целый ряд разнообразных известий, относящихся ко времени реформ Петра I.

В первом издании своего дневника Вебер писал: «Чтобы не утомлять чрезмерно читателей экономическими делами в России, я хочу для перемены привести описание путешествия Лоренца Ланга, которое он мне передал в 1718 г. после своего возвращения». Затем идет публикация дневника с описанием путешествия Ланга в 1715—1716 гг. из Петербурга в Китай и его пребывания в Пекине. Следом за дневником помещено состоящее из 14 глав сочинение Ланга «Описание Китайского государства». При этом Вебер не опубликовал часть дневника с описанием обратного пути из Пекина в Россию и значительно сократил ряд глав в сочинении о Китае.

В своем дневнике Ланг отмечает, что 18 августа²⁰ 1715 г. он вме-

¹⁵ См., например: G. Cahen, *Histoire des relations de la Russie avec la Chine*, Paris, 1912, pp. 106—107.

¹⁶ См. В. Krieger, *Die ersten hundert Jahre russisch-hinesischer Politik*, Berlin, 1904, S. 2.

¹⁷ «Deutsches Zentralarchiv. Abteilung Merseburg», Rep. 94 IX. D 2.

¹⁸ Ch.-W. Weber, *Das veränderte Russland in welchem die jetzige Verfassung der Geist und weltlichen Regiments, der Kriegsstand zu Lande und zu Waſſer; wahre Zustand der Russischen Finanzen...*, Ss. 72—116. — В 1725 г. вышел французский перевод книги Вебера: «Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou de Moscovie», vol. 2, Paris, 1725 (дневник Ланга помещен во втором томе). Другое французское издание увидело свет в том же 1725 г. в Амстердаме. В 1738 г. появилось новое немецкое издание.

¹⁹ Русский перевод книги Вебера (без дневника Ланга) помещен в журнале «Русский архив» в 1872 г.

²⁰ Все числа у Л. Ланга приведены по старому (григорианскому) календарю.

сте с врачом Карвином²¹ получил бумаги к китайскому императору. Л. Ланг и Т. Карвин направились вверх по Неве к Шлиссельбургу и затем по Волхову до Новгорода. Далее на подводах или перекладных они двинулись в Москву. Отсюда их путь лежал на Урал к границам Сибири. Ехать приходилось главным образом на лошадях, иногда передвигались по рекам.

В Ярославле путники встретили часть каравана, возвращавшегося из Китая. Другую часть каравана они повстречали возле Тотьмы.

В дневнике Ланг перечислял не только города, в которых путешественникам приходилось останавливаться чаще всего на несколько дней, но и села, а иногда и деревни. В пути Ланг внимательно наблюдал за населением и записал много подробностей о быте и нравах остяков, вогул и татар. Отмечал он и встречавшиеся по пути разработки полезных ископаемых (соль, свинец, железо, медь, драгоценные металлы в горах возле Тобольска). Ланг упоминает и о костях мамонта, которые часто находили возле Енисейска. В связи с этим он приводит распространенную в XVIII в. легенду о мамонтах, опасющихся солнца и воздуха и живущих под землей.

27 января 1716 г. Ланг со своим спутником прибыл в столицу Сибири Тобольск. После длительной остановки в Тобольске путешественники продолжили свой путь и переправились через Байкал. 14 августа они были в Селенгинске. Сюда 2 октября прибыл китайский мандарин с распоряжением императора Канси сопровождать Ланга и Карвина в Пекин. Император предоставлял им подводы и необходимые в пути припасы. Вскоре путешественники достигли Сарацина, где стояла русская и китайская стража на границе между Сибирью и Монголией. После этого пересекли «степь или пустыню», простирающуюся до «знаменитой китайской стены».

Приводим впервые переведенную на русский язык часть дневника Ланга с описанием пути от границы России до Пекина и о пребывании Ланга и Карвина в столице Китайского государства.

Китайская стена

6 ноября мы миновали китайскую стену. Она выстроена из кирпичей, две сажени в ширину и, вероятно, три в высоту. Стена проходит, одинаковая по толщине и высоте, по высочайшим горам; длина с востока на запад имеет триста французских миль по горизонтальной линии, не считая подъемов и спусков. На этой стене видны небольшие четырехугольные бастионы, отстоящие один от другого на расстоянии выстрела из лука²². При нашем проезде у ворот с правой стороны стояли восемь офицеров, опрятно одетых в камчатное²³ платье. Они нас встре-

²¹ Имя врача «Garwin» упоминается только во французском переводе записок Вебера (т. II, стр. 122). В других документах врача называли «Guames Garvin» и «Tomes Kharfin».

²² Великую китайскую стену начали строить в 221 г. до н. э. Приблизительные размеры этого гигантского сооружения от 4,5 до 5 тыс. км. Высота стены почти везде равна 6,6 м. Через каждые несколько сот метров (на расстоянии выстрела из лука) на ней находятся сторожевые башни, а у главных проходов крепость. В книге «Китай в гражданском и нравственном состоянии» Бичурин пишет, что «в геометрическом измерении земли основанием принят лук для стрельбы». 240 луков=му. Один му=0,0667 га (И. Бичурин, *Китай в гражданском и нравственном состоянии*, СПб., 1847, стр. 18).

²³ Камчатная — шелковая одноцветная ткань, узоры которой образуются благодаря изменению переплетений (см. В. Клейн, *Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология*, — «Сборник Оружейной палаты», М., 1925, стр. 56—57).

тили очень вежливо и пригласили к себе в кордегардию, согласно китайским обычаям, на чашку чая и трубку табаку. Слева мы увидели тридцать солдат, выстроенных в ряд с саблями, стрелами и луками²⁴ и, также по китайскому обычаю, отдававших честь оружием.

Отсюда нам оставалось еще полмили до города Калгана, где мандарин, бывший одновременно и комендантом, оказал нам в своем доме всяческое гостеприимство.

Когда мы снова вернулись на свою квартиру, мы застали курьера от губернатора из Пекина, который должен был узнать, где мы задерживаемся, потому что император уже давно ожидал нас.

Мандарин, чтобы избежать немилости, отправил его снова в Пекин с таким ответом, что вся вина в медленной поездке падала на нас.

Седьмого (ноября) мы ускорили наше путешествие по понуждению нашего мандарина и смогли остановиться на ночь в городе Чанпин (Фу)²⁵.

Оттуда мы восьмого (ноября) отправились через многочисленные небольшие города и деревни, расположенные близко друг от друга. На ночлег мы остановились в маленьком городке, называемом Наньгу²⁶.

11 (ноября) мы прибыли в город, называемый Чан-чжи-юань²⁷, расположенный в 1½ милях к западу от Пекина. Здесь пребывал сам император в своем загородном дворце, поэтому мандарин не упустил (случая, чтобы) известить императора о нашем прибытии. Едва ли мандарин отсутствовал полчаса, как он снова появился на полном скаку с приказом императора, что мы сейчас же должны явиться ко двору, так что мы не имели времени ни одеть другие платья, ни смахнуть пыль с тех, которые были на нас.

Лоренц Ланг принят при китайском дворе

Когда мы прибыли ко двору, нас повели с одной дворцовой площади на другую, где нам приказали ожидать императорского приказа²⁸. Едва мы вступили на эту площадь, как весь двор, состоящий из нескольких тысяч человек, с нетерпением хотел нас увидеть. Произошла такая сильная толкотня, что нам почти не оставалось места, чтобы стоять. Окружавшие нас были столь невежливы, что один тянул нас за парик, чтобы посмотреть, каков он, другой — за шляпу, некоторые поднимали платье, чтобы рассмотреть штаны и чулки. Мы простояли там долго в качестве развлечения для окружающих. Наконец, два иезуита, которые были самыми знатными из братства в Пекине, вышли к нам по приказу императора. Одного звали Килиан Штумпф, друго-

²⁴ Ланг правильно описывает вооружение солдат маньчжурской армии того времени (см. Д. В. Путята, *Китай*, СПб., 1895, стр. 170—174; «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XVII, 1957).

²⁵ Чанпин (Фу) — город на Великой китайской равнине, к северо-западу от Пекина.

²⁶ Нанькоу — город на Великой китайской равнине, находится к северо-западу от Пекина, западнее Чанпина.

²⁷ Чан-чжи-юань — вероятно, Ланг имеет в виду город Юань мин-юань, где находился загородный дворец императора.

²⁸ В XVIII в. Пекин подразделялся на внешний и внутренний город. Во внутреннем находился императорский город (Хуан-чэн) с дворцом императора (Цзи-цзин-чэн) в центре. Недалеко от дворца были расположены три огромных тронных зала, предназначенные для церемониальных выходов при дворе. Около дворца находились площади, где Ланг со своими спутниками и ждал императорского приказа (см. И. Бичурин, *Китай в гражданском и нравственном состоянии*, ч. 1, стр. 20—28).

го — Доменико Паренин²⁹. Они должны были по приказу императора спросить нас, давно ли мы выехали из Европы и сколько месяцев мы провели (в дороге) между Петербургом и Пекином. Где находится их императорское величество?

Когда мы на это ответили, доктору были заданы вопросы по медицине, а мне — о войне. После этого император послал каждому из нас серебряную чашу, полную чая, который был сварен с молоком и поджаренной мукой³⁰. При этом он велел сказать, что это чай, который он пьет обычно сам. Нам чай очень понравился, особенно по той причине, что в этот день было холодно, а мы так долго должны были находиться на дворцовой площади под открытым небом. Наконец, после того как мы ответили еще на некоторые вопросы, и императору об этом доложили, последовал приказ императора одному из его министров, который был также генерал-губернатором западной Татарии³¹, чтобы он пригласил нас к себе ужинать. Он это и исполнил и повел нас вместе с иезуитами в свой дом, где нас очень хорошо накормили. После сдв он задержал нас у себя на несколько часов различными вопросами об обычаях в Европе. Но так как была уже полночь и мы после путешествия были несколько утомлены, поблагодарили мы его за оказанную нам честь. Когда мы с ним прощались, он дал нам знать, что по приказу императора мы на следующее утро до восхода солнца опять должны явиться ко двору.

12 (ноября) еще до восхода солнца³² к нам пришли два мандарина и уведомили нас, что император уже встал и мы должны торопиться быть там, так как император уже спрашивал о нас. Мы тотчас собрались и последовали за нашим проводником в императорский дворец, где нас угостили чаем у первого камергера, который был кастратом. Он же дал нам знать, что император уже занят государственными делами, и приказал, чтобы мы оставались в этой комнате, пока дела не будут закончены. Тогда нас допустят к аудиенции. Когда уже было почти два часа пополудни, все управляющие государством были отосланы его императорским величеством. Тогда к нам пришел по приказу императора министр, у которого мы были прошлый вечер, чтобы узнать, есть ли у нас самих желание видеть их императорское величество. На это мы ответили, что нам в стране, столь отдаленной от Европы, не может выпасть большей чести, как выразить наше глубокое почтение такому великому монарху. Уведомив императора об этом ответе, министр снова вернулся к нам и сказал, что император позволил нам предстать перед ним вместе с двумя упомянутыми патерами. Им было приказано идти с двух сторон от нас в качестве переводчиков и провести нас через передний двор в зал, где император сидел на троне.

²⁹ При маньчжурском императорском дворе в царствование Канси большое влияние имели иезуиты, занимавшие государственные посты. Их советы использовались в военном деле и особенно в решении вопросов, требовавших научных знаний.

Штумпф (Kilian Stumpf) — иезуит. Родился в Вюрцбурге в 1655 г. Прибыл в Китай в 1694 г. Умер в Пекине в 1720 г.

Паренин (Parrenin) — иезуит. Родился в 1665 г., умер в Пекине в 1741 г. Находился в Китае с 1698 г. Знал китайский и маньчжурский языки.

³⁰ Таким способом, так же как в Тибете и Монголии, готовили чай и маньчжуры.

³¹ Западная Татария — так Ланг называет Монголию.

³² Древние законодатели в Китае подчинили общественную деятельность императора определенным правилам, которые впоследствии были утверждены законами. Таким образом, весь распорядок дня императора был намечен уже в древности. Каждый из императоров подчинялся этим законам. В частности, вставал император в три часа утра, в четыре входил в кабинет, где рассматривал и решал представленные ему доклады (см. И. Бичурин, *Китай в гражданском и нравственном состоянии*, ч. IV, стр. 69).

Его аудиенция и угощение

Как только мы вошли, мы должны были стать на колени перед императором и три раза поклониться головой до земли. Когда мы это совершили, мы снова встали, но еще раз, как и раньше, опустились на колени, чтобы сделать поклон, и повторили эту церемонию три раза. Тогда мы остались стоять на коленях и получили приказ приблизиться к трону. После чего сразу же камергер взял нас за руки и повел в левую сторону от императора, а иезуиты отошли в правую сторону от трона, где мы все вместе стали на колени на подушки, которые были уже положены перед нами. Первый вопрос императора был о здоровье его царского величества, на который мы ответили через иезуитов, что хотя мы уже в Москве услышали, что его величество после нашего отъезда из Петербурга был нездоров, но мы вскоре после этого получили радостное известие о его выздоровлении. Император ответил, что это ему очень приятно, и спросил далее, как долго мы были в пути. Мы ответили, что от Петербурга до Пекина мы путешествовали 15 месяцев³³. Когда ему это передали через патеров, осведомился он далее, не холодно ли нам в узких и коротких платьях. Мы ответили, что холод в этой стране не кажется нам невыносимым, так как в России мы привыкли к гораздо более жестокому и к тому же запаслись хорошими шубами для защиты от холода.

По окончании этих вопросов император поговорил со своим камергером, который тотчас вышел и принес два камчатных платья с подкладкой из белой лисицы³⁴ и по приказу императора надел нам обоим поверх нашего платья. Мы поблагодарили императора поклоном до земли. Когда мы по требованию надели еще наши перчатки и еще постояли некоторое время, приказал император нашему доктору, чтобы он пощупал ему пульс и высказал бы свое мнение по этому поводу. Доктор выполнил требование и сказал, что он усматривает из всех обстоятельств, что их императорское величество находятся в полном здравии. Этот ответ весьма понравился императору, и он позволил нам снова подняться и идти к камергеру, у которого мы были прежде.

Когда мы к нему пришли и немного посидели, послал нам император различные кушанья со своего стола, которые состояли из нескольких рагу, из вареного бараньего мяса и жареных кур, гусей и уток (их все подавали мелко нарезанными). Далее нам принесли кушанье, приготовленное из рыбы с очень мелко нарубленным мясом, и каждому подали фарфоровую чашку с вареным рисом и несколькими маленькими пирожками, начиненными фруктами³⁵. Когда мы сидели за столом с упомянутым камергером и иезуитами, пришел камердинер от императора и сказал, что его императорское величество послал его, чтобы потчевать нас, чтобы мы (хорошо) ели и сказали бы, как нам понравилась еда. Мы поблагодарили за высокую милость и усиленно расхваливали кушанья. Посланный и сам мог хорошо видеть, что мы не страдали отсутствием аппетита, хотя сначала мы не могли как следует пользоваться китайскими вилками³⁶.

После завершения обеда мы получили разрешение снова вернуться на наши квартиры, но еще до того, как мы покинули дворец, император позвал к себе французского патера Доменика Паренина и через него

³³ Л. Ланг выехал из Петербурга 18 августа 1715 г., в Пекин прибыл 11 ноября 1716 г.

³⁴ Очевидно, речь идет о лисицах-альбиносах.

³⁵ Национальные китайские кушанья.

³⁶ Очевидно, Ланг имеет в виду палочки для еды.

передал нам следующий комплимент. Их величество император всего Китая и первый король во всем мире извещает вас: ему хорошо известно, что вы в этой стране, далеко отдаленной от Европы, чужеземцы, которые не понимают ни обычаев страны, ни языка, но вы не должны поэтому унывать, так как их величество примет вас не как чужеземцев, а как своих собственных детей³⁷. После чего мы покорно поблагодарили императора за высокую милость и отправились домой. Прошло немного времени, и снова пришел камергер с двумя иезуитами, и нам принесли в подарок от императора фрукты: очень вкусную дыню, винограда трех разных сортов и свежую коринку. Потом спросили, думаем ли мы носить в этой стране свою собственную или китайскую одежду. После передачи благодарности за подарок мы подчинились приказу его величества по поводу одежды. Потом для каждого дали два платья вместе с шапками, рубашками, чулками и сапогами. У одного платья была подкладка из лисьего, у другого — из беличьего меха.

14 (ноября) нам снова нанесли визит господ, упомянутые много раз (выше), с которыми мы пошли в императорский дворец, и нас спросили, намерены ли мы переслать что-либо из этой страны его царскому величеству. Мы ответили, что хотя здесь везде есть много курьезных вещей, которые, без сомнения, понравятся его царскому величеству, но мы, как вновь прибывшие, еще ничего не успели осмотреть.

После этого император приказал нам, чтобы мы известили его, какие приблизительно раритеты из этой страны желал иметь его царское величество. Тогда он даст их нам из своего собрания редкостей. В ответ мы сказали, что его императорское величество имеет почти все раритеты из Европы, но китайских у него еще нет, и мы предоставили на императорское усмотрение (решение), что он даст нам с собой. В этот день мы не оставались дольше при дворе, а пошли к полудню на нашу квартиру, куда нам от двора были посланы кровать, одежда и каждому мул для постоянного употребления вместе с седлом и принадлежностями. Нашим же слугам дали лошадей, которых меняли каждый день. В дальнейшем нам назначили месячное содержание: деньги, бараны, рис и фураж, каждый месяц все это исправно доставляли на дом. Один мандарин был всегда у нас в услужении, в нашем доме был установлен надежный караул.

Когда мне после представилась возможность остаться наедине с иезуитами, я спросил французского патера, возможно ли за деньги приобрести в Пекине печь из хорошего фарфора, и попросил его, чтобы он мне помог в этом. Но он ответил, однако, что это трудно исполнить, так как таких вещей в Китае никогда не видели и не делали. Он попросил затем рисунок, и, когда я ему показал, он остался при мнении, что это невозможно и никто не возьмется за эту работу, если не будет строгого приказа императора. Он отправился сразу после этого ко двору и вернулся через час с мандарином и попросил по приказу императора рисунок печи. Как только император увидел его, он известил меня, что мне не надо об этом больше беспокоиться. Никто не может сделать таких вещей для продажи, но он пошлет рисунок с мандарином в провинцию³⁸, где изготавливается фарфор, и прикажет сделать печь. Сейчас же патеру Килиану Штумпфу, который возглавляет математические науки в Пекине, было приказано изготовить деревянную

³⁷ В царствование Канси укреплялись связи Китая с Европой, главным образом с Россией. Император Канси всегда стремился подчеркнуть свое хорошее отношение к иностранцам.

³⁸ Центр фарфорового производства в Китае — г. Цзин дэ-чжэн в провинции Цзянси.

модель и дать мандарину с собой. Но до его отъезда я пригласил его к себе и подарил ему несколько соболей, чтобы он получше выполнил полученное приказание. Он пообещал мне тогда, что в августе 1717 г. он снова будет в Пекине с этой печью.

15 (декабря) император велел мне передать через мандарина, который одновременно был и губернатором западной Татарии, чтобы я как можно скорей приготовился к поездке. Его величество приняли решение направить их царскому величеству посольство, которое я должен сопровождать до места, где их величество будет находиться. После чего (в состав посольства) были назначены два китайских и два татарских³⁹ господина. Не хватало еще только одного. Между тем император поехал на охоту, а мы остались в Пекине. 20 января 1717 г. их величество возвратился с охоты и оставался несколько дней в Чан-чжиюань, а потом поехал в Пекин, чтобы там отпраздновать праздник Нового года.

Праздник Нового года в Китае

2 февраля у китайцев наступил Новый год⁴⁰. Поэтому из всех провинций в Пекин прибыли мандарины, чтобы поздравить императора. Их насчитывается до десяти и более тысяч человек.

Степени мандаринов

Следует знать, что китайские мандарины разделены на различные степени. Мандаринам первой степени разрешалось поздравить императора с Новым годом, стоя на коленях во внутреннем дворе дворца, где император сидел при открытых дверях. Мандарины второй степени должны были пасть на колени во дворе аудиенций и там совершать свои поклоны. Мандарины третьей степени оставались в третьем дворе. Мандарины четвертой степени — в четвертом, и мандарины пятой степени — в пятом переднем дворе. Кроме того, было еще очень много других людей, которые состояли на службе у императора и воздавали ему те же почести на узких улицах перед воротами дворца.

Все они, от самых высших до самых низших, были, по китайскому обычаю, прекрасно одеты в лучшую камчатку с узорами и всякими изображениями из золота в виде драконов, львов, змей, гор, долин, деревьев и т. д. На их верхней одежде на груди и спине виднелся небольшой нагрудный знак с вышитыми различными зверями и птицами. По ним можно было узнать служебное положение каждого. На одежде офицеров имелись львы, тигры, леопарды и т. д. Ученые, имевшие титул доктора письма, носили лавлинов и т. д.⁴¹ Во внутреннем дворе, где мандарины первой степени приветствовали императора, мы также вместе с отцами-иезуитами имели честь поздравить императора с Новым годом. Здесь в это время стояло десять пышно украшенных слонов.

Среди мандаринов третьей степени был один, которому в день Нового года исполнилось сто лет. Он был мандарином в то время, ког-

³⁹ Ланг называет маньчжур татарами.

⁴⁰ Новый год — народный праздник. Год начинается с нарождения месяца, который соответствует февральскому полнолуннию (по ст. ст.).

⁴¹ При маньчжурском дворе существовала такая же строгая регламентация рангов чиновников, их одежды, включая одежду императора, как и при других, более ранних династиях Китая. Степени чиновников различались не по покрою платья, а по качеству ткани, количеству изображений драконов. По изображениям на нагрудных знаках можно было различить военных (хищные звери) и гражданских (птицы) чиновников.

да правящие сейчас в Китае татары⁴² захватили страну. К нему послал император своего первого камердинера и велел сказать, что ему предоставляется честь поздравить его величество в зале. При этом, когда он войдет, император встанет со своего трона, но мандарин должен знать, что эта честь оказывается не ему лично, а его возрасту.

Зажигают фейерверк

По окончании церемоний император принял многочисленные дорогие подарки и опять уехал в Чан-чжи-юань, где 15 (февраля) был устроен фейерверк. Все европейцы и мы по приказу императора должны были присутствовать (на этом зрелище).

Сначала было видно несколько сделанных из дерева людей, стоящих друг против друга и метавших не стрелы, а ракеты. Одна из двух партий должна была отступить. (После этого) оставшиеся атаковали город, который с полчаса обстреливали и защищали. Затем метнули огонь на бастион, в котором было от двух до трех тысяч ракет, издававших ужасный треск. На валу находилось много мужчин с обнаженными мечами в руках. Они все время поворачивались и двигали руками. Внизу были другие, которые в них стреляли. В это время появились два дракона длиной в три сажени, сделанных из бумаги, со многими светильниками внутри. В раскрытой пасти каждого дракона был фонарь. Некоторое время их носили вокруг площади, но скоро они исчезли вместе с людьми, защищавшими город; другие же продолжали обстреливать город, пока не взлетел на воздух еще один бастион. В это время снова появились два дракона, которых носили по площади взад и вперед до тех пор, пока защитники города не отступили. Тогда унесли драконов, и фейерверк окончился. На площади, где был фейерверк, виделось несколько тысяч фонарей, раскрашенных в разные красивые цвета, немало способствовавших украшению представления.

Во время фейерверка император несколько раз посылал к нам с вопросом — нравится ли нам все это?

Патеры уверили нас, что такие же фейерверки, без особых изменений, можно было видеть при правивших императорах две тысячи лет подряд.

Описанием празднования Нового года заканчивается часть дневника Лоренца Ланга, опубликованного Х.-В. Вебером.

По мнению Вебера, читатели должны были получить достаточное представление о путешествии Ланга на основании опубликованного текста. Далее в дневнике, как указывал Вебер, содержалось описание прощальной аудиенции у китайского императора и обратного пути Ланга в Россию.

К опубликованной части дневника Вебер присоединил еще интересное сочинение Ланга о Китае, озаглавленное «Описание Китайского государства и его образования вместе с обычаями страны и нравами, начиная от первого императора, который жил в 2952 г. до р. Х., до настоящего времени и с короткими сообщениями о религии и о прочих достопримечательных вещах».

Сочинение Ланга о Китае, несомненно, заслуживает внимания. Посланный Петром I в 1715 г. в Китай Лоренц Ланг не ограничился составлением только путевого дневника. Он знакомился с прошлым Китая, интересовался протяженностью страны, количеством населения,

⁴² Ланг снова называет маньчжур татарами.

городами, государственным устройством, бытом и обычаями жителей. Сочинение Ланга было написано с определенной целью: познакомить посылавших его из Петербурга в Китай не только с наблюдениями в пути и в Пекине, но и с Китаем в целом.

Свой дневник 1715—1716 гг. Ланг передал Веберу, который и опубликовал его в сокращенном виде в Германии. Дневник составил главы или своего рода приложение к запискам Вебера о России. Но можно предположить, что дневник Ланга был переписан не в одном экземпляре. При существовавшем в XVIII в. придирчивом отношении к денежной отчетности, при выяснении после возвращения в Петербург сроков пребывания в различных городах и пройденного пути Ланг должен был пользоваться своим дневником. Надо полагать, что его сочинение о Китае имелось не только у Вебера. Сочинением, возможно, пользовались при подготовке посольства Льва Измайлова, направлявшегося в Пекин, и при решении дальнейших вопросов, связанных со сношениями с Китаем.

Судьба сочинения Ланга о Китае своеобразна. Опубликованное в Западной Европе, это произведение не изучалось и не исследовалось в дальнейшем в качестве произведения автора, посланного из России в Китай. Этим объясняется то, что оно до сих пор не переводилось на русский язык и историки русско-китайских отношений не обращали на него внимания.

Ниже приводится краткое изложение сочинения Ланга о Китае — одной из ранних попыток дипломатического представителя России по выяснению прошлого, а также состояния этой страны в начале XVIII столетия.

Первая глава о происхождении Китайского государства и названия Китай

В первой главе сочинения содержатся сведения о происхождении китайского народа и о возникновении названия «Китай». Из письменных китайских источников, как сообщает Ланг, известно, что у китайцев было три легендарных правителя: Фу Си, Шэн Нун и Хуан-ди. Фу Си правил в 2592 г. до н. э. Со времени правления Фу Си до 1717 г. прошло 4415 лет — столько времени существует Китайское государство. За этот длительный промежуток времени в Китае сменилось 253 императора, считая и незаконных, захвативших власть силой. Периоды правления различных императоров носят свои названия. Предшествующее правление называлось Минская династия, нынешнее — Цинская династия.

Китайцы были уверены в том, что их страна находится в центре мира. Поэтому они называют ее «Чжунго» — срединное царство. Ланг считал, что слово «Китай» персидского или татарского происхождения⁴³, а Синой называли Китай португальцы, взяв это название от наиболее часто употребляемого в Китае слова «цин» — пожалуйста⁴⁴.

Далее приводятся сведения о китайском языке. В северных и южных провинциях страны произношение различное, но иероглифы по всему государству приняты одинаковые. Иностранцу трудно выучить иероглифы. В разговорном китайском языке не больше 324 слов⁴⁵, но иеро-

⁴³ Китай был назван по имени народности кидане, пришедшей в бассейн Хуанхэ в XII в.

⁴⁴ Сина, хина и др. — европейская транскрипция династии Цинь (III в. до н. э.), по имени которой и был назван Китай.

⁴⁵ Ланг имеет в виду слоги-слова, которых в пекинском диалекте насчитывается 420.

глифов около 30 тысяч. Каждый из них обозначает много различных слов и произносится особым тоном: высоким, низким или средним. В зависимости от произношения изменяется смысл слова.

Доктор или ученый в Китае должен знать наизусть около десяти тысяч иероглифов, грамотный человек — около трех тысяч.

Глава вторая о величине Китая и о граничащих с ним странах

Протяженность Китая с запада на восток — 480 миль, с юга на север — несколько больше. На востоке Китай граничит с Кореей и омывается Южно-Китайским морем. На западе находятся государства Лаос, Аннам и Тибет. Китай отделен от всех стран Великой китайской стеной. В разные времена число провинций в Китае менялось. При Канси их насчитывается шестнадцать. Среди них: Шаньси, Шэньси, Гуанси, Гуандун, Юньнань и др. Китаю принадлежат еще два острова: Хайнань и Тайвань. Каждую из шестнадцати провинций можно рассматривать в качестве целого государства, благодаря большому количеству народа и городов, находящихся в них. Главный город в Китае — Пекин, но в стране имеется еще 137 городов, равных по величине Пекину. Меньших по размеру городов в Китае 223, а местечек и деревень столько, что сосчитать их нет возможности. Но все же в некоторых из них столько же населения, как в Париже или Амстердаме.

Судоходных рек в Китае вместе с некоторыми большими озерами — 1472, известных мостов — 331, больших гор — 2099, языческих храмов — 480, христианских церквей — 260.

Глава третья об императорском дворе в Пекине

Слово «Пекин» в переводе обозначает северная столица. Пекин делится на три части: предместья, внутренний город и запретный город с желтыми и красными стенами, где находится императорский дворец.

Предместье окружено валом из земли и кирпичей, построенным монголами 500 лет тому назад. На валу находятся четырехугольные бастионы.

Главные улицы в Пекине прямые и такие широкие, что по ним могут ехать рядом 25 колясок. Народу в Пекине очень много. Ланг считал, что население города превышало 2 миллиона.

В Пекине нет судоходной реки. Он расположен в 4 милях от реки Юн и в 30 милях от моря.

Глава четвертая об управлении государством

Вся власть в Китае находится в руках императора. Последний избирает в качестве наследника одного из своих сыновей.

Управление государством сосредоточено в шести главных учреждениях — бу. Существуют еще дополнительные учреждения, где осуществляются астрономические наблюдения, ведется торговля с иностранными государствами, сосредоточено руководство морскими делами и распределением продовольствия.

Император очень строг по отношению к своим подданным, не терпит советов, жестоко карает за ошибки. Если подданный навлекает на себя немилость императора, то виновного в соответствии с разрешением императора казнят на площади его же родственники.

Губернаторы, управляющие провинциями, представляют свои отчеты в главные учреждения — бу. После этого отчеты передаются императору. Он их читает и утверждает.

Все начальники во всем государстве получают жалованье от императора, но весьма незначительное. Даже губернаторы провинций получают ежегодно не более 400 унций серебра. Но власть губернатора не ограничена. Он может обращаться с подданными по своему усмотрению. Пользуясь своей властью, губернатор обеспечивает себе годовой доход в 300 тысяч унций серебра.

Уроженец провинции не может управлять ею, чтобы не злоупотреблять и не делать послаблений закона в угоду своим родственникам. Всех начальников, за исключением губернаторов и боевых генералов, каждые три года переводят в другое место.

Глава пятая о количестве китайского народа и дани

Население Китая исключительно многочисленно. Налогом облагаются все мужчины, достигшие двадцати лет. В Китае насчитывается 68 916 780 налогоплательщиков. Не выплачивают налога: женщины и дети; старики с 65 лет; ученые, их в Китае несколько тысяч; идолослужители, их во всем государстве более 1000 тысяч; солдаты, несущие караульную службу вдоль Великой стены, их 902 050; более 700 тысяч солдат, сопровождающих боевых офицеров; 600 тысяч солдат, несущих гарнизонную службу в городах, расположенных у моря и в других местах; татары, живущие в Китае. Однако татары должны на новый год приводить всех своих дочерей старше двенадцати лет; из них император выбирает наложниц себе и сыновьям.

В качестве налога император получает: серебро, соль, атлас, шелк, хлопчатобумажные ткани, рис, просо, фураж, бумагу, шерсть и бараньи шкуры, а также оленей, диких свиней, медведей, барсуков и фазанов.

Кроме налогов, в Китае существуют пошлины, штрафы и конфискации. Богатые люди дарят еще приношения, чтобы приобрести покровительство императора для себя и своих детей.

Все почтовые лошади принадлежат императору. Их насчитывается 70 тысяч. Для офицеров и солдат император содержит еще около 954 тысяч лошадей.

Глава шестая об одежде китайского императора, гербе и звании

Предание говорит, что еще Хуан-ди, живший 2500 лет назад, избрал желтый цвет в качестве императорского цвета. Но сейчас сам император, его дети и родственники редко носят золотисто-желтую или яичного цвета одежду. Чтобы отличаться от других людей, они надевают только желтый пояс, а на их лошади желтая уздечка.

Седло лошади императора, стремя, а также его кровать желтого цвета. Все вещи, которые дарят императору, даже кухонную посуду, обтягивают желтой материей. Преподносящий императору подарок одевается также в желтое платье.

Желтый цвет исключительно императорский. Другие люди вовсе не носят желтой одежды и вообще не имеют вещей желтого цвета.

Со времени образования Китайского государства на китайском гербе изображали дракона с пятью когтями. В 2400 г. до н. э. легендарный император Яо заменил дракона на гербе солнечной птицей. Однако последующие императоры предпочли вновь изображать дракона. О лошади императора, о его карете часто говорят «лошадь или карета дракона».

Дракон в Китае — символ водяных стихий. Существуют легенды, что драконы проливают дождь из облаков, дают начало рекам и родни-

кам. Дракон является также символом могущества. Считается, что драконы могут парить в облаках, плавать в морских глубинах, проходить сквозь горы, уменьшаясь в размерах, и вновь становиться огромными и могущественными.

Одежду с вытканым или вышитым драконом с пятью когтями подданный носит только в том случае, если она подарена ему императором. Подданный в одежде с драконом должен всегда суметь доказать, что одежда подарена ему действительно императором, а не надета самовольно. При отсутствии доказательств его могут подвергнуть смертной казни.

Имя императора, данное ему родителями при рождении, обычно остается в тайне. Когда император приходит к власти, он принимает имя, которое сохраняется (за ним) до самой смерти. Имя нынешнего императора Канси обозначает мир и постоянный покой.

Когда говорят или пишут об императоре, то употребляют слово «ван суй» — 10 тысяч лет, высказывая тем самым пожелание, чтобы император прожил очень долго.

Глава седьмая о том, как нынешние татары овладели Китайским государством

В 1280 г. Китаем овладели западные татары (Ланг имеет в виду монголов), которые правили Китаем до 1368 г. Это была монгольская династия Юань. После изгнания монголов в Китае до 1644 г. правила Минская династия.

Затем Ланг рассказывает о постепенном переходе власти к маньчжурской династии Цинь. При этом и маньчжуров он также называет татарами.

В конце Минской династии произошло большое восстание. Восставшими командовал Ли ⁴⁶, который шадил простой народ и вежливо обращался с ним. Поэтому многие подданные императора перешли на сторону Ли. С большим числом сторонников Ли направился к Пекину и взял его. Последний император Минской династии, видя неминуемую гибель, покончил жизнь самоубийством.

Вскоре после этого изменник У Сань-гуй призвал маньчжуров на помощь против мятежников. Маньчжуры нанесли войскам Ли Цзы-чэна большой урон и к 1644 г. полностью захватили Китай. В 1636 г. Хуан Тай-ци принял титул императора, положив начало Цинской династии. Но вскоре он умер, престол перешел к его шестилетнему сыну — Шицзу. Правил же его дядя — регент Доргунь.

Глава восьмая о ныне правящем императоре Канси

Канси начал свое правление с 1666 г., и продолжалось оно до 1718 г. ⁴⁷. Уже в молодые годы Канси проявил себя умным и чрезвычайно энергичным человеком. Вино, женщины и праздность не привлекали его. Свой день он начинал очень рано. В четыре часа утра Канси принимался за рассмотрение прошений и различных государственных дел. Так продолжалось до обеда. После обеда он занимался упражнениями с оружием. Много времени Канси уделял искусству. Иезуиты обучили его арифметике, геометрии, астрономии, музыке. Поэтому Канси мог

⁴⁶ Ли Цзы-чэн (1606—1645) — вождь крестьянского восстания в Китае в 1628—1645 гг.

⁴⁷ Здесь Ланг допускает ошибку. Император Канси начал царствовать с 1662 г. Умер в 1723 г.

экзаменовать китайцев по книгам, татар по метанию оружия, а европейцев по математике.

Мужественный и умный, страстный охотник и меткий стрелок — таков был Канси. К народу он относился милостиво, с солдатами был строг, но щедр.

Канси поощрял купцов, торговавших с русскими. Нередко он выдавал своим купцам большие суммы из императорской казны для срочных платежей, чтобы русские не испытывали затруднений из-за задержки денег. К ученым Канси относился с большим уважением.

У императора было девятнадцать сыновей и двенадцать дочерей.

Канси был привержен христианской религии. Он поддерживал иезуитов и говорил им, что молится не голубому звездному небу, а живому богу неба и земли. Однако к концу жизни он вновь обратился к язычеству. Тем не менее до конца его жизни иезуиты пользовались неизменной поддержкой Канси.

Глава девятая о религии в Китае

В Китае наибольшим почетом пользуется их первый учитель — Конфуций. Ему оказывают всевозможные почести. Все его последователи тоже пользуются большим почетом.

Поклоняются китайцы также далай-ламе. Уважением пользуется еще бог Фо — Будда. Китайцы считают его бессмертным и оказывают ему божеские почести. Изображение Фо находится в пагодах. Смотреть на изображение можно только издали.

Встречаются в Китае и магометане. Они пришли в Китай около 800 лет тому назад. Их больше миллиона.

Еще Хуан-ди в 2660 г. воздвигнул большой Храм неба. С этого времени все императоры были и первосвященниками. В Храме неба не было идолов и картин. Здесь имела только деревянная или каменная доска с гравированными золотыми иероглифами: Хуан-ди. Когда император приносит жертву, то он обращает свое лицо к этой таблице.

В храмах помещаются еще таблицы с именем Конфуция и таблички в честь умерших родителей. В определенные дни китайцы совершают перед такими табличками земные поклоны, зажигают свечи, ставят еду и напитки. К этой церемонии они относятся с большим благоговением.

В Китае большое смешение самых различных религий и религиозных обрядов. Поэтому чужеземцам трудно обратить китайцев в христианскую веру.

Глава десятая о науках и искусстве в Китае

Ланг считал, что науки в Европе достигли большего совершенства, чем в Китае, но указывал на то, что в Китае они старше.

В 2900 г. до н. э. Да-лэй учил музыке. Хуан-ди знал философию, учение о морали, физику. Фу Си положил начало медицине. Шэн Нун в 2700 г. до н. э. создал первый травник. После него Хуан-ди составил первую книгу о движении крови и болезнях людей. В 1657 г. до н. э. Хуан-ди упорядочил арифметику и изготовил счеты. Астрономия ведет свое начало от Яо. В 2258 г. до н. э. из золота и драгоценных камней в Китае сделали первую сферу.

Календарь ввел император Чжоу Гун в 2513 г. до н. э.

Была ли магнитная игла изобретена в Китае? Ланг считал этот вопрос невыясненным. Сохранилось все же известие, что в 1100 г. до н. э. Чжоу Гун подарил иностранным послам, приехавшим из-за моря,

в числе других вещей магнитную иглу, чтобы они могли найти обратную дорогу.

Архитектура, живопись, скульптура, изделия из стекла, изделия, покрытые глазурью, искусство мастеров золотых и оружейных дел совершеннее в Европе. В Китае особенно развито ткачество, изготовление бумаги, литье металла, изготовление фарфора.

Китайцы задолго до европейцев изобрели боевой порох и пушки. Сначала они пользовались порохом только для праздничных фейерверков и лишь позднее применили его для военных целей. Пушки китайцы научились лить сами. В европейских книгах приводятся ошибочные сведения о том, что литью пушек их научили иезуиты.

Китайские мастера достигли большого искусства в деле изготовления копий с различных предметов. Копия и оригинал настолько похожи, что их очень трудно отличить.

Глава одиннадцатая о китайском учении о морали

В учении китайцев о морали насчитывается шесть обязанностей: 1) одного друга по отношению к другому, 2) ученика к своему наставнику, 3) ребенка к своим родителям, 4) супругов в отношениях между собой, 5) подданных к императору. Сюда же относится и шестая обязанность по отношению к богу.

Китайцы почитают своих родителей. Они помогают им, избавляют их в старости от бедности. В случае смерти отца или матери какого-либо начальника, он, даже будучи губернатором или генералом, слагает с себя должность и три года носит траур.

Китайские женщины очень скромные. Они скрываются в своих домах и не показываются мужчинам. При выезде придворной дамы из дворца на всех улицах, по которым она проезжает, не должно быть мужчин.

Убийства в Китае случаются крайне редко. Характерно для Китая также и то, что миллионы людей проходят по улицам, но нет здесь никакой суеты и толкотни. Каждый идет по своему делу и не мешает другим.

К месту казни преступника сопровождают шесть-восемь солдат. Рядом идут его родственники и несут белое платье, которое надевают на него после казни. Во время казни на улицах стоят тысячи людей, но не слышно никаких криков и не бывает беспорядка.

Глава двенадцатая о христианской религии в Китае

Глава тринадцатая о жалобе на христианских священников, находящихся в Китае, поданной императору Канси в январе 1712 г.

Глава четырнадцатая повествует о том, был ли крещен император Канси и некоторые из его детей

Х.-В. Вебер не дает перевода трех перечисленных глав сочинения Ланга. Он лишь отмечает, что они посвящены преимущественно деятельности иезуитов, описанию прибытия отдельных миссионеров в Китай, их возвращению на родину и т. п.

В кратких выписках из этих глав Вебер сообщает, что иезуиты печатали на китайском языке книги по математике и другим наукам, приводит утверждение Ланга о том, что «император Канси не был крещен и дети его тоже».

П. Е. Скачков

ВЕДОМОСТЬ О КИТАЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

В 1654 г. в Китай было отправлено официальное посольство с грамотой царя Алексея Михайловича. Во главе посольства с его многочисленной свитой был поставлен «боярин знатного рода» Федор Исакович Байков. Главе этого посольства был вручен большой наказ, в котором говорилось о том, как должен он вести себя на приеме у богдыхана и какие сведения собрать в Китае¹.

В 1654 г. исполнилось ровно 36 лет с тех пор, как в Китае побывал Иван Петлин (1618).

За эти годы Китайское государство пережило тяжелый период. В 1618 г. маньчжуры, объединенные под властью Нурхаци, вторглись в Северный Китай. Крестьянская война, вспыхнувшая в 1628 г. в провинции Шэньси, охватывала все большие и большие территории страны. В апреле 1644 г. повстанцы заняли Пекин. Династия Мин пала. Однако из-за измены командовавшего войсками У Сань-гуя соединенные силы маньчжуров и реакции подавили восстание. С тех пор китайский народ подпал под власть маньчжуров. И все же, несмотря на превосходящую силу захватчиков и предательство феодальной верхушки, он еще 40 лет продолжал оказывать своим врагам героическое сопротивление.

Тяжелый период в жизни Китайского государства нашел отражение во многих русских официальных документах второй половины XVII в. В то время считалось, что Китай был разделен на две части: богдойский — т. е. маньчжурский, и никанский — китайский.

За эти же три с лишним десятилетия границы русских владений приблизились к Амуру и подошли непосредственно к маньчжурской территории, находившейся на правой стороне Амура. Попытки русских служилых людей собирать ясак с населения правой стороны Амура вызвали столкновения казаков с маньчжурскими отрядами.

Федор Байков прибыл в Китай, когда маньчжурское правительство еще не овладело всей территорией Китая. На юге шла война. Маньчжуры встретили посольство Байкова с подозрением. Они думали, что ему поручено урегулировать пограничные недоразумения на Амуре. Но, убедившись в том, что в наказе посла об этом не было ни слова, маньчжуры отказались от переговоров и выслали Байкова из Китая под предлогом того, что он не выполнил дворцового этикета, унижительного для посла равного государства.

¹ «Наказ о посольстве в Китай Федора Байкова»; Ивашов Петр, *Описание государственного архива с присовокуплением списков со многих хранящихся в оном любопытных документов*, М., 1842, стр. 385—429.

Неудачные попытки завязать сношения с китайским (И. Петлин), а затем с «богдойским» государством (Ф. Байков), все увеличивающийся интерес к этому государству в связи с непосредственным соприкосновением с ним на Амуре заставляли тобольских воевод собирать о Китае сведения из различных источников. Главными из них были расспросы побывавших в этой стране торговых людей — бухарцев, киргизов и калмыков.

В 60-годах XVII столетия (1667—1670) Сибирью правил тобольский стольник и воевода Петр Иванович Годунов². Он был одним из образованнейших людей того времени и находился в Сибири в почетной ссылке. П. И. Годунову, по-видимому, принадлежит руководство в составленном в 1667 г. «Чертежу Сибири». Он же «со товарищи» считается и автором свода сведений о Китае, собранных в Тобольске в разное время, от разных людей и названных «Ведомостью о Китайской земле и о глубокой Индеи».

Проф. А. И. Андреев, разбирая вопрос об авторстве П. И. Годунова, считает, что «Ведомость» составлена «не лично Годуновым, а всего лишь его „снисканием“, как первого тобольского воеводы, выполнявшего государев указ», нам неизвестный³.

Трудно раскрыть постепенность накопления материала, послужившего к составлению «Ведомости». Его основу составляют расспросы русских торговых и служилых людей, а также бухарцев, калмыков и других соседних народностей, посетивших Китай.

Известно, что до составления «Ведомости» в Китае в 1616—1618 гг. с официальными поручениями побывали Иван Петлин и Андрей Мадов. Затем вследствие запрета из Москвы посылка «посольств» местным начальством прекратилась до 1654 г., когда в Китай был отправлен послом Федор Байков.

Кроме указанных посольств, ко времени составления «Ведомости» из Тобольска, Томска и Иркутска в пограничные области и районы Китая, на свой страх и риск, ездили торговые люди и толмачи по разным поручениям.

«Роспись» путешествия Ивана Петлина и «Статейный список» Федора Байкова, написанные в результате этих поездок, не дают таких многогранных сведений о Китае, какие содержатся в «Ведомости». Правда, в этом документе мы встречаем незначительные данные, заимствованные из «Росписи» Петлина и «Статейного списка» Байкова. Однако это заимствование не составляет и десятой доли «Ведомости». Вся же остальная ее часть составлена исключительно на основании расспросов.

«Ведомость» является одним из замечательнейших образцов русской литературы XVII в. В свое время она использовалась в практических целях в Посольском приказе и, очевидно, была распространена среди русских людей.

В «Очерках по источниковедению Сибири» А. И. Андреев указывает на пять списков «Ведомости» в хронографах XVII в.⁴

² О П. И. Годунове см.: Большая советская энциклопедия, изд. 2, т. 2, М., 1950, стр. 583; А. Б. Лобанов-Ростовский, *Русская родословная книга*, изд. 2, т. 1, СПб., 1895, стр. 158—160; С. В. Бахрушин, *Воеводы Тобольского разряда в XVII в.*, — «Ученые записки Института истории», т. II, М., 1927 (РАНИОН), стр. 168—218.

³ А. И. Андреев, *Очерки по источниковедению Сибири XVII век*, Л., 1939, стр. 14—15.

⁴ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — РОГПБ), фонд Эрмитажн. собр. 1) № 237, лл. 111—114; 2) № 401, лл. 210 об. — 211 об.; 3) № 522, лл. 119—120; 4) F. IV. № 595, лл. 716—728 об.;

5) Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР, шифр 16.4.5., лл. 550—560 об.

В Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина нами найдены еще два списка⁵.

Впервые эта «Ведомость» была опубликована Г. Ф. Миллером в 1791 г.⁶ под заголовком «Летописец вкратце».

Как сообщает издатель «Вивлиофики» Н. Новиков, указанная «Ведомость» была извлечена Г. Ф. Миллером из рукописной книги Библиотеки архива Московской коллегии иностранных дел.

В 1899 г. С. О. Долгов вторично опубликовал «Ведомость», но уже по другому списку, находящемуся в «Столяровском хронографе»⁷.

С. О. Долгов, сличая использованный им список «Ведомости» со списком, изданным Г. Ф. Миллером, установил некоторые различия, незначительные лакуны и неправильно прочтенные слова. Считая, что Миллер неисправно издал «Ведомость», и указывая в примечаниях на слова, которые Миллер, по его мнению, прочел неправильно, С. О. Долгов упустил из виду то, что Г. Ф. Миллер имел другой список «Ведомости».

Нельзя не согласиться с правильностью публикации (за исключением некоторых мест) списка С. О. Долговым, немало потрудившимся над сложной рукописью, написанной древнерусской скорописью.

В опубликованном им списке есть слова, сомнительные для смысла контекста. Поэтому для того чтобы получить наиболее полное представление о подлиннике, приходится принять чтение этих слов по «Ведомости» Миллера. Например, у Долгова об оружии сказано следующее: «А бой у конных и у пеших людей ручной». У Миллера — «лучной», т. е. из луков⁸.

Несмотря на вторичное опубликование «Ведомости» С. О. Долговым в 1899 г., она продолжает оставаться забытой. В XX в. упоминание об этом редком и во многих отношениях примечательном памятнике, к сожалению, можно встретить только в библиографических справочниках и энциклопедиях.

Совершенно не упоминает о ней В. В. Бартольд в своих двух изданиях «Истории изучения Востока в Европе и в России» (СПб., 1911 и Л., 1925).

Рассматривая довольно подробно вопрос о подлинности «Росписи» путешествия в Китай Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, подчеркивая мнимость этого путешествия и говоря о составлении карты Сибири П. И. Годуновым, В. В. Бартольд ни в тексте, ни в примечаниях не указывает на существование «Ведомости». Очевидно, этот исключительный документ остался для него неизвестным или же показался недостаточно разработанным.

Впервые известие о «Ведомости» в работах советских ученых (кроме энциклопедий) находим у Б. Г. Курца⁹, который в сноске на стр. 40 отмечает, что он пытался разыскать подлинник «Ведомости» в главном

⁵ Шифры: 6) Ф, XVII, № 21, лл. 783 об. — 795; 7) Древнехранилище Погодина № 1559, лл. 37 об.—38 (последнее, как и № 1 и 2, в сокращенной редакции).

⁶ «Продолжение Древней российской вивлиофики», 1791, ч. VII, стр. 198—224.

⁷ Из хронографа, принадлежащего Н. М. Карамзину, полученного им от одного столяра и поэтому названного «Столяровским». РОГПБ, Ф. IV, № 595, л. 716 об.—728 об. «Памятники древней письменности и искусства», т. СXXXIII. Отчет о заседании 5 марта 1899 г. с приложениями, стр. 14—35. Предисловие С. О. Долгова, стр. 14—18 и «Ведомость», стр. 19—31.

⁸ Там же в списке Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

⁹ Б. Г. Курц, *Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях*, Днепрпетровск, 1929. — В этой работе на стр. 40 автор указывает, что «Ведомость» значилась в упомянутом архиве.

архиве Министерства иностранных дел (годы попыток не дает), но неудачно. В портфеле Г. Ф. Миллера ее не оказалось¹⁰.

Большое внимание уделяет «Ведомости» проф. А. И. Андреев в своих «Очерках по источниковедению Сибири. XVII век»¹¹.

А. И. Андреев называет «Ведомость» замечательным для своего времени описанием Китая.

«Ведомость», составленная Петром Ивановичем Годуновым «со товарыщи», заслуживает широкой известности. Ведь она по существу является единственным памятником свода знаний русских людей о Китае к середине XVII в. и представляет собой рукописную энциклопедию.

Одно только перечисление вопросов, затронутых в «Ведомости», дает ясное представление о том, что знакомство русских с Китаем началось задолго до установления официальных отношений России с этим древнейшим государством и даже задолго до составления самой «Ведомости», так как она насыщена разнообразными сведениями, полученными от многих людей и в течение многих лет.

«Ведомость» свидетельствует о наблюдательности и пытливости русских торговых и служилых людей, побывавших в Китае. В ней нет того презрительного отношения к китайцам и к их родине, какое встречается в современных ей западноевропейских трудах о Китае. О китайском народе в ней говорится как о народе, равном русскому народу. Авторы «Ведомости» подчеркивают некоторые положительные стороны характера китайцев, например: «А люди ласковы и советны, и в домех у них нескрытно». И, наконец, в «Ведомости» нет ни одного выражения, ни одной мысли или слова, которые свидетельствовали бы о высокомерии русских по отношению к китайцам.

Публикуемый нами текст «Ведомости» в чтении С. О. Долгова сверен с подлинником «Столяровского» хронографа. Неправильно прочтенных и пропущенных С. О. Долговым слов в нем немного. О них, так же как и о словах, взятых из списка, опубликованного Миллером, даны примечания по тексту. Что касается слога и языка «Ведомости», то об этом хорошо сказал С. О. Долгов в предисловии к ее изданию:

«Слог точный и типичный, чисто народный слог, ставит эту „Ведомость“ неизмеримо выше всех искусственных „извитий и сплетений словес“, которыми гордились наши книжники XVI и XVII века... язык и слог „Ведомости“ деловой, приказный...» («Памятники древней письменности и искусства», т. СXXXIII, 1899, стр. 17).

«Ведомость» насыщена различными практическими сведениями о Китае, включающими почти все темы, которые затрагивались в географиях тогдашнего Китая, а также спустя 200—300 лет. В ней можно найти данные о физической географии страны, об ее управлении, экономические сведения о сельском хозяйстве, промышленности и торговле. Много в «Ведомости» и этнографического материала.

Все эти сведения расположены без видимого порядка, вопросы перемешаны. Очевидно, расспросные данные постепенно напластовывались друг на друга.

Китайское государство велико и пространно, много городов, и острова на море. В десять лет всей китайской державы „с теми городами, что и на море“, не объехать, — так русские люди представляли себе Китай, как государство с обширной территорией. Людей «множе-

¹⁰ По нашей просьбе старший научный сотрудник Центрального государственного архива древних актов Н. Ф. Демидова любезно просмотрела документы портфелей Миллера, но «Ведомости» не обнаружила.

¹¹ А. И. Андреев, *Очерки по источниковедению...*, стр. 14, 16, 17, 18.

ство», — говорится в «Ведомости» о народонаселении страны. Разделяется Китай на 13 провинций (углов), и в каждой провинции построено по 13 тысяч городов, городков, острогов и местечек. Зима всего три месяца, лето жаркое, дожди, грозы, бури — больше русского и сибирского. Из «Ведомости» мы узнаем и о том, как появились в Китае маньчжуры, ранее кочевавшие возле Сибири в Даурской земле: «доступил» Китай отец современного богдыхана (Шэн-цзу, 1662—1723) войною.

Есть в ней несколько строк и о политике маньчжур по отношению к китайцам: «А природных китайцев из царствующего своего града царь выводит в иные в дальние города, а в их место населяет природными своими даурцами» (маньчжурами). Соседние народы недолюбливают богдыхана за то, что он принимает воров и убийц, бежавших из других государств, беглецов обратно не отдает, но отправляет их в «дальние места».

Отмечен в «Ведомости» и обряд пахания борозды в храме земледелия императором: «...государства своего людем оказывает себя в год одинова, в марте месяце». Сказано в ней и о привилегированном положении родных богдыхана: «братьям и дядьям» его построены особые дворы, о жалованье придворных, некоторым из которых положено до 1000 лан серебра на месяц, «а иным меньше», о классе помещиков: «за иными есть вотчины с пашнями».

Две строки посвящены взяткам в судах: «судят волокитно и с поманкой, и посулами перемагаютца».

«Ведомость» подробно сообщает о Камбалыке, как тогда назывался Пекин: город каменный «длиной в пять верст, а поперег на три версты»; стена, окружающая город, широка, «розъехатца мочно телеги в две», вышиной с Кремлевскую стену; по стенам «деланы избы для караула каменные, по перестрелу».

«Царев двор» большой, палаты высокие, разукрашены разными красками и золотом. Во двор никого из посторонних не пускают. Стена «царева двора», в которой девять ворот, окружена рвом с водой, текущей из-за города. «А в которые ворота в Камбалыке выезд царев, и тех ворот николи, кроме царева походу, не отпирают». На карауле у ворот стоят по сту человек солдат с короткими копьями.

Много внимания в «Ведомости» уделено военному делу и жалованью китайских солдат, подчеркивается, что огнестрельного оружия у них мало, но из луков стреляют метко.

В «Ведомости» даны сведения о сельском хозяйстве: какие овощи и фрукты выращивают в Китае, какие растут деревья, обращено особое внимание на «трость» — бамбук, строение которого «в ней пусто, а против колен днами крепко». Авторам «Ведомости» было известно и то, что в северной части Китая снимают один урожай, а на юге — два. «А хлеб яровой около города Камбалыка пашут и снимают одинова летом, а в дальних городах по дважды, а ржи у них не бывает».

Перечисляются в ней и разные породы домашних животных, диких и певчих птиц, зверей и рыб.

О промышленности сказано меньше и в общих чертах; есть сведения о мельницах, выделке кож и красок, винокурении, производстве растительного масла, о добыче серебра и каменного угля, который был неизвестен русским и вызвал естественный интерес к внешнему виду и использованию: «А топят те печи камнем, мешают с грязью, которой у них камень горит; А как камень горит и от него дух тяжел, а цветом то камень черно». И тут же добавлены сведения о том, где его добывают: «...а емлют ево в горе, от городу (Пекин) езду три днища».

Сведения о существовании монетной системы изложены довольно подробно и в сравнении с русскими весовыми единицами.

Так же подробно говорится в «Ведомости» о торговле: откуда в Китай доставляют сукна, как происходит торговля с иностранцами, которые приезжают на судах через семь лет и которых на землю, в город допускают сходить не больше 40 человек, пошлины с них не берут, дают им полное довольствие, но больше двух месяцев жить в Китае не разрешают и высылают из государства. Все торговые сделки записывают в книги. Есть сведения и о торговле пушниной («мягкой рухлядью»), в чем были заинтересованы русские купцы. Из «Ведомости» мы узнаем о том, что приезжим купцам разрешалось ходить по городу свободно и смотреть все что хочешь, кроме богдыханова двора.

О внутренней торговле сказано немного: о том, что китайцы, ввозящие в город товары, уплачивают пошлины, что в Пекине есть торговые ряды с разными товарами, упоминаются цены на рабочий скот, отмечено то, что «хлеб дешев; против лана их человеку хлеба не поднять», и тут же говорится о внешнем виде хлеба: «а продают хлебцы малые, по кулаку».

Обращает внимание сведение о торговле пленными (женщинами и мужчинами), которых привозят вместе с ясаком (данью) калмыки и монголы.

Наиболее подробно авторы «Ведомости» останавливаются на быте китайцев: русских людей интересовали обряды при рождении, женитьбе, похоронах. На все эти вопросы «Ведомость» дает короткие, но насыщенные ответы. Например, фасон одежды: «на немецкую статью», т. е. носят длинную одежду, но с широкими рукавами. Любопытно замечание о том, что торговцам не полагается носить такую же одежду, какую носят представители высшего класса (платья черного или вишневого цвета). Прическа женщин сравнивается с немецкой.

Подмечено и то, что китайцы едят палочками: «не лошками, двумя разными спичками круглыми, толщиной с лебяжье перо, а длиною вершков в шесть...»

«Ведомость» изобилует необычными для русских людей сведениями о строении жилых домов: печи делаются в подполье, на манер очага, называются — кан, топятся каменным углем. Каменных погребов под строением нет, так как земля очень крепка, в окнах вставлен пергамент или промасленная бумага, видно «скрозь».

О культуре в «Ведомости» говорится всего в двух строках: «А книги у них есть и знают четыре грамоты, а веруют и держатца одной грамоты». Под четыремя «грамотами» подразумеваются языки китайский, маньчжурский, монгольский и тибетский. Держатся одной «грамоты» — китайского языка.

В «Ведомости» можно найти сведения о дорогах в Китай из Сибири: «через два калмыцкие Албаевы и Селгины улусы» (через кочевья которых в 1654 г. ехал Федор Байков). Описываются эти дороги как удобные: безводных мест мало, по дорогам можно купить хлеб; «вожей» (проводников) можно нанять за небольшие подарки.

В конце «Ведомости» рассказывается о том, как «принял калмыцкую веру прежний китайский царь» (Шунь-чжи), о приезде Далай-ламы в Пекин, о наводнении, о Далай-ламе, ламах и о службе «в местах каменных»¹².

¹² Добавление к «Ведомости» — легенда о происхождении маньчжур под заголовком: «Того же году по иной ведомости природного китайца через калмыцкий язык нами опущена, как не имеющая широкого интереса (см: «Памятники древней письменности и искусства», т. СXXXIII, 1899, стр. 32—35).

Непосредственное ознакомление с «Ведомостью» дает еще более наглядное представление о том, какими многообразными сведениями насыщена эта единственная в своем роде «энциклопедия» XVII в. о Китае.

Расположение материала по строкам нами взято согласно списку, где каждый абзац начинается буквой красного цвета. Буквы і, ө, v, †ъ заменены равнозначными по произношению. Пунктуация наша.

Ввиду частых упоминаний о «Ведомости», опубликованной Миллером, в сносках по тексту она обозначается буквой «М», а опубликованная Долговым — буквой «Д».

О Ведомости о Китайской земле и о глубокой Индеи

177 (1669) году в Сибири, в Тоболску, изысканьем стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи, о Китайском государстве ведомость подлинная взята.

В Китайском государстве после старого царя богдохона обран царем средней его сын, богдохан жа, лет в четырнадцать¹. А ково на Китайское государство царем обируют, и прозоветца то ему имя — Богдохон; а прежние имяна, как до царства, отставливают; а природою они настоящие их китайских царей — дюрчитово роду², что кочуют возле Сибири, в Даурской земле, а достигил тот город отец ево войною³.

А природных китайцев из царствующаго своего града царь выводит в ыные, в далные городы, а в их место населяет природными своими даурцами (л. 717).

А государства своего людем оказывает⁴ себя в год одинова, в марте месяце⁵; а живет против звычайу калмыцких людеи, дерзко и шатко, и воров, которые что заворуют или ково убьют у ближних ево людеи люди и у калмык и иных розных владетелей и заворовав прибегают к нему в царство, и он их принимает и жалует чеством, а назад беглецов никому не отдает, а при себе их не держит; отсылает в дальные места.

И за то ево, и за иные дерзости всем государством недолюбливают.

А царицы держат по две и по три, а наложниц держат и по многу, против⁶ турецково звычайу⁷.

А при царе и царицах живут волохи. А волошат их во младенчестве: истирают ядра руками, а не вырезают.

А поклоняютца китайские люди болваном, а называют их буйными⁸, храбрыми людьми, и за святых почитают, а имяна им у них есть; а свечи ставят перед болваном вошанные и масляныя, а в домех держат по ночам свечи салные.

А ядят они из ценинных чаш⁹, а у богатых (л. 717 об.) из серебряных, всякое крошеное мясо не лошками, двумя розными спичками круглыми, толщиною с лебяжье перо, а длиною вершков в шесть; а сидят против татарского; на полках, ноги подогнув.

¹ Речь идет об императорах: Ши-цзу (годы правления Шунь-чжи—1644—1662) и Шэн-цзу (годы правления Канси — 1662—1723).

² Дюрчитово—маньчжурского рода.

³ См. стр. 210.

⁴ Оказывает — показывает.

⁵ В марте происходил обряд пахания императором борозды в храме земледелия.

⁶ Как и, по.

⁷ Звычайу — по обычаю.

⁸ Бурханы.

⁹ Простая глиняная или фаянсовая посуда.

А суды ¹⁰ серебряные в домех, стаканы и кубки, и братины, и чаши, и треноги, по звычайу их, белые и золоченые, держат и в рядех продажных много.

А книги у них есть и знают четыре грамоты, а веруют и держатца одной грамоты.

А братьям и дядьям у китайского царя в том же царстве построены особые дворы.

А царствующий город Камбалык ¹¹, где живет царь Богдохон, длинной на пять верст, а поперег на три версты.

А царев двор в Камбалыке городе велик, о 9 ворота ¹², и полаты построены многие высокие, писаны всякими разными красками и золотом.

А в воротех служилых людей на карауле стоит по сту человек с луками и з сулицы ¹³.

А на двор опричь ближних людей никою не пускают; а кругом двора река копаная, текучая вода, проведена за город (л. 718).

А большая река от города пять верст, и тут судовая пристань.

А платья носят на немецкую сгать, суконные, добрые: рукава носят широки. А любят мужской и женский пол честные люди цветы черные, а иные рядовые люди — вишневой;

А торговым людем тем образцом платье носить не вольно.

А на руках персни носят со всякими добрыми каменьи.

А женской пол на головах носят против немецкого.

А люди ласковы и советны, и в домех у них нескрытно, и входы в домы их свободно.

А сукна в Китай привозят немцы, а сказывают, что галанские, а подлинно галанские ль или из ыных которых земель и на каких судах приходят, того неведомо.

А в город с товарами пускают немец ¹⁴ всего по сороку человек, а иные оставаютца на судах;

А приходят немцы в Китай в седмой год.

А калмыцкие тайши ¹⁵ присылают послов своих, а пишутца китайскими и называютца меж себя друзья.

А людей в Китайском государстве и в городех множество, и жалованья царского бояром и дворовым людем по тысячи лан (л. 718 об.) серебра на месяц, а иным менши; а за ыными есть вотчины с пашнями.

А конным людем рядовым дают по десяти лан на месяц.

А пешим по пяти лан на месяц;

А ково пошлют на службу, и им дают серебра сверх того много.

А вес в Китайском государстве русково легче; в фунте по 11 лан;

А лан их по 10 золотников;

А московским весом в лане 9 золотников.

И потому в русской вес их весу в фунте 110 золотников,

А русской фунт больши будет 11 золотников.

А дворовых людей у всяких людей живет по силе, хто чем может владеть.

А женятца они против мусульманского звычайу, ходят в мечать.

¹⁰ Чайная и другая посуда, главным образом для еды и питья.

¹¹ Камбалык — Пекин.

¹² У М «О 9 воротах». Д ошибочно принял «о» за цифру.

¹³ У Д и М «з сулемы», а надо «з сулицы», что значит — с копиями. Сулеца — короткое копье.

¹⁴ Т. е. иностранцев.

¹⁵ Тайши — князья, князьки.

А как детей родить, и попов в дома призывают, и имена им дают, и над ними поют;

А по мусульмански не обрезают.

А торгуют в Китаях медными денгами, чюзами; на лан серебра — 1300 чюзов¹⁶;

А на тех чюзах напечатано имя китайского царя, тяжестию чюз против золотника.

А серебряных денег у них нет, а золотые денги есть.

(л. 719) А хто де¹⁷ у них в Китаях умрет, и тем де людем делают гробы дошанные, и великие и высоки, и красят всякими красками.

А жена де и дети и род того умершаго в то время нарядятца в белое платье и провожают до мечатей, а с ними идет поп и говорит, неведомо что, и похороня де того умершаго, род в том белом платье ходят до шти¹⁸ недель.

А огненного ружья у них мало и за-нет. А бой у конных и у пеших людей лучной¹⁹; а луки у них долги и стрелять горазды. А наряду болшего пушашного нет жа, толко ести в одном городе, где царь, пушечки, и те неболшие, пол сажени, и немного их²⁰.

А как приезжают в Китай руские люди и немцы и стреляют ис пищалей птицы и убивают, и китайцы тому дивуютца и о такой стрельбе спрашивают.

А порох у них делают сами: плох. И свинец, и сталь, и красное железо, и медь, и яшмовые и ентарные и хрустальные и цениные и склянишные всякие суды²¹ есть и делают; а железо варят они на ка-мени добро.

Да по ведомости ис²² Тобольского розряду в Березовском уезде по Обе реке такое железо есть (л. 719 об.).

Да в Тоболском уезде в Мурзинской слободе сыскан камень дебе-лекум, цветом вишнев²³ и ис Китай привозят в Тоболеск такие ж ка-мень; цену ему дорожат дороже изумруда и лала, а немецким языком Аметис²⁴.

А в Баян суме²⁵ городе в городских во всяких воротах на карау-лах стоит человек по сороку и по 50, и по 60 на день.

А в которые ворота в Камбалыке выезд царев, и тех ворот нико-ли, кроме царева походу, не отпирают.

А хто с чем в город китайцы едут, и с тем с них в пошлину и емлют.

А с торговых с приезжих людей пошлин не емлют и дают торговым приезжим людем корм;

А болши дву месяц жить не дают; хто откуды приехал, и высылают вон;

А корм им дают довольно; первой статье лутчим людем — по бара-ну человеку.

¹⁶ Чох, мелкая монета (тунцзыр).

¹⁷ Прибавление частицы «де» показывает, что эти сведения взяты со слов дру-рого человека.

¹⁸ Шти — шести.

¹⁹ У Д «ручной». Правильно у М — «лучной».

²⁰ У Д «небольшие, по сажени», у М слитно «посажени». Вероятно, пропущена буква «л» — тогда полсажени. В «Росписи» у Ф. Байкова — «пушечки только в ар-шин».

²¹ Суды — разная посуда.

²² У Д «и». У М — «ис». Здесь Годунов указывает на наличие в России железа.

²³ «Цветом вишнев» — вставка. Указывается на наличие аметистов.

²⁴ «А немецким языком Аметис» — вставка.

²⁵ Баян Суме — предположительно часть Пекина.

Средней — в полы, а иным — и десятерым по барану на день. Да пшена сорочинсково для того, чтоб царство их славно было.

А ходить им всюду и смотреть всего, крме царева двора, поволно.

А продажу всякую записывают в книги.

А лошадей большая половина ишаков, а продают те лошади, и верблюды, и ишаки, и быки, и овцы, и свиньи дешево; а иноходцы купят лан по 10,

(л. 720). А лошадь простую лана в три и в четыре;

А свиньи руских больши и черны, и китайцы ядят и любят свиное мясо лутчи и иной животины; а от мясников свиньи, где их увидят, бегая и зная их на множестве убоя, кричат.

А бычков²⁶ купят в два лана,

А барана и овцу по лану.

А лошади пригоняют к ним табунам калмыки и мугалцы и ясыр к ним — женской и мужской пол²⁷ в продажу привозят.

А для посылок на торгу по всякой день стоит царевых по 300 лошадей и на тех лошадех, для каких дел доведетца послать, и гоняют.

А собаки меделянские²⁸, и гончие, и борзые, и на немецкую стать мохнатые, и постельные²⁹, и дворные ученые есть много.

А кошки и коты розными цветы есть же, мелки.

А ряды в Китаех со всяким товаром есть же розные.

А государство Китайское одержимо китайским царем, великое и пространное, многия города и на море на островах; и с теми городами, что и на море, десятью леты всее Китайской державы не объехать.

А овощи в Китаех родитца всякой: яблоки, и груши, и дули, и вишни, и сливы, и дыни, и арбузы, и шапталы, и черносливы (л. 720 об.), и лимоны, и винограды всякие различные, и миндальные ядра, и мушкат, и орехи грецкие великие, перед грецкими гораздно болши, и сахар трупчатый, и леденец, и ряженые сахара всякие розные, и лекарственные всякие травы, и коренье безчисленно много;

А знатцов, кроме тутошных людей, никово нет. И масло всякое ис конопель, и изо лняново семяни, и из розных орехов, и из розных же ягодных ядер, и из ягод делают.

А инбирь сеют на пашнях; а меда и воски и иного садового овощу, и репы и луку много же.

И мылни торговья каменные с теплыми водами, и в них лекари.

А пчелы водятца в лесах в деревьях, а против русского ульев нет.

Да в садах же деревье великое, а на них овощь, что яблоко, величиною з голову человеческую, а человеку ево съесть одному невозможно; а находит на яблоко, а сладко таково, подобно меду, а отзыв огурешной, а семя яблошное, а цветом посветлее лимону, и тот овощь китайцы любят всех овощей, а называют его наппады.

А корица, и бадьян, и кардамон родитца в Китайской земле по островам на море, толко ис бадьяну и ис корицы ни ис каких из ыных трав водок и масла делать не умеют.

(л. 721). А перец привозят из-за моря немцы,

А шафран привозят из Ындеи.

А рыба белая, крме красной рыбы, осетра и стерляди, и лососи, всякая, и раки есть.

²⁶ У М «быка».

²⁷ Ясыр, или ясырь, — пленник. У Д «полк», приняго чтение М «пол».

²⁸ Меделенская собака, меделянка — крупная, большеголовая, тупорылая собака с гладкой шерстью.

²⁹ Постельная — комнатная, крошечная.

А по их китайскому прозванию, всего Китайского государства земли 13 углов³⁰.

А во всяком углу построены по 13 тысяч городов и городков и острогов, и мест.

А зимы у них всего три месяца, а летом у них живут жарко, а меж теплых дней живут и холоды, а по вечерам и всегда гораздо холодно бывает.

А хлеб дешев; против лана их человеку хлеба не поднять; а печеных хлебов у них больших не продают, а продают хлебцы малые, по кулаку.

А вина сидят изо пшена, из пшеницы, из ячмени, без хмелю самые крепкие: болши двух чарок малых пить не мощно, а вместо хмелю кладут вязельскую³¹ всякую сряду полевую траву, покаместа она молода, знаючи время тому.

И продают вино без заповеди на базаре всяк.

А виноградных питей всяких много.

А харчевники ходят с харчем печеным, и с пирогами, и с вином, и с доросою, что делаетца у них изо пшена, а носят в крошнях железные и медяные горшки (л. 721) на решетках, а под ними уголье, и как надобе, подгревают.

А человеку одному напитокца и сыту быть мочно на 6 денег, и всякой харч, и вино, и мед у него всегда горячее.

А хлеб яровой около города Камбалыка пашут и снимают одинова летом, а в далних городех по дважды, а ржи у них не бывает.

А царствующий город Камбалык и иные города, и ряды в них, каменные.

А по стенам города Камбалыка деланы избы для караула каменные, по перестрелу; а стена широка, розъехатца мочно телеги в две; вышиною царствующего града Москвы с Кремь город.

А полаты каменные строены поземье³², а потолки деревянные, а вместо связей и наугольников кладут чеи железные;

А в стены кладут вместо связей брусы деревянные, и в окна решетки железные ж; а в полатах деланы вместо лавок полки по тотарски.

А печи в полатах деланы в подпольях, подобны чювалом³³ татарским, а называют кан;

А топят те печи (л. 722) камнем, мешают с грязью которой у них камень горит;

А как камень горит и от него дух тяжел, а цветом то каменье черно, а емлют ево в горе, от города езду три днища.

А по ведомости ис³⁴ Тоболского розряду тот камень, куды ходят к Руси через Камень, к Ыжме³⁵ — есть.

А каменных погребов под полатами нет: а земля немерно крепка.

А стены и потолок в полатах писаны по золоту;

А в окнах окончины харатейные³⁶ светлы и витки сквозь.

А краски в Китаех всякие, опричь киновари, есть.

А меди и олова в Китаех много, и цена дешево³⁷.

³⁰ Углов — областей, провинций.

³¹ Вязельская трава — растения, называемые горошком.

³² Поземый — одноэтажный.

³³ Чювал, или чувал, — старинный татарский очаг с шестком и загнеткой.

³⁴ Принято чтение М. Здесь Годунов опять обращает внимание Москвы на то, что в России есть такой камень, и указывает его местонахождение.

³⁵ Ижма — левый приток Печоры.

³⁶ Харатейные — пергаментные (бумажные).

³⁷ У Д «А меди и олова в Китаех много, и цена дешево». У М вместо этого: «А краски в Китаех много, и цена дешево».

А лес всякой, что в Сибири, да в прибавку дуб и певга и кипарис и тавалга³⁸.

А трость растет подле моря, желта, вверх сажень з десять, а толщиною в обоймо и гораздо болши, а в ней пусто, а против колен днами крепко, и камышем китайцы тое трость называют же. А из иных делают и стрелы;

А мелкие трости есть же (л. 722 об.).

А кожи красные юходные делают так же, как и в Сибири, и сафьяны и хозы³⁹ есть всякие.

А серебра в Китайском государстве купить мочно, кому сколько надобно, и заповеди в томь в Китаех отнюдь не живет.

А на сибирские товары, которым им надобны, мочно купить золотник серебра в две деньги и менши.

А сыскано в Китаех серебро издавна во многих местех; только в нынешних годех ево наделано, и умножилось⁴⁰ и делают его в лучих в дву местех,

А в ьных местех, где серебро хуже, делать покинули, и те места закреплены крепостьми и караулами.

А до соболей и до иной мягкой рухляди⁴¹ китайцы охочи добре.

А привозят соболи в Китаи из Даур и из заморских их сторон самые добрые;

А белку привозят: перед сибирскою черна.

А серебро в заморских китайских сторонах, и жемчюг, и каменье всякое, доброе, к среднее, и плохое.

А каменье, яхонты, и лалы⁴², и изумруды — все идет в Китаи из заморских городов, опричь алмаза.

А алмаза в китайских и морских⁴³ городех нет;

(л. 723). А покупают они алмаз сами у немец на алмаженье и на розрез каменьа дорогою ценою.

А каменье в Китаех есть лал; величиною с человеческую голову, с корою, и бывает каменье в ьных большое, а в ьных малое.

А яхонты есть величиной съ яйцо, красным цветом или ал, а только жидок цветом;

Да яхонт же самой красной в голубиное яйцо, весом во 11 золотников.

А жемчюгу у них много, толко жолт и не скатен⁴⁴, а идет из морских городов.

А в Китайской земле, которая по сю сторону моря, каменье и жемчюг не родитца.

А от Москвы де в Китаи мочно поспеть и ис Китаи назад к Москве поворотитца одним годом.

А дороги в Китаи через два калмыцкие Албаевы и Селгины улусы⁴⁵ есть розные и не нужные хлебом и водою; а рек в Китаех мало; а промеж тех улусов кочюют мугалы и тюмети в розных местех; и хлеб купить есть где, а безводных мест болши суток не живет, разве куда по-

³⁸ Кипарис — пихта. Таволга-Волжанка, степная березка.

³⁹ Хозы, хозь — козловая выделанная кожа, сафьян.

⁴⁰ У Д «только в нынешних годех ево не делано, а умножились». Принято чтение М — «... годех ево наделано и умножилось».

⁴¹ Рухлядь — пушнина.

⁴² Лал — драгоценный камень, рубин.

⁴³ У М «заморских».

⁴⁴ Скатен — крупный, круглый, ровный—будто скатанный.

⁴⁵ Улус — кочевье.

ведет незнаючи худой вож⁴⁶; а вожей дают тайши⁴⁷ и за невеликие подарки, без наиму.

А дожди, и град, и молния, и гром, и бури, и ветры (л. 723 об.) и радуга в тамошней стороне болши русского и сибирского, и людей громом побивает много.

А звери всякие: и слоны, и львы, и олени, и волк, и медведь, и барс, и бобр, и облезьяна, и сайгачь, и лисица, и козы дикие великие, и зайцы серы, а белых нет.

А птицы водятца в домех: гуси и утки, и куры, что руские же и индейские, и павы, и лебеди, и жаравли, и чапли, и бакланы, и голубь, и ворон, и грачь, и сорока, и воробей, и иные всякие птицы против русского есть.

Так же и певчие птицы кинорейки, и соловьи и до самого снигиря есть, потому что знатцами засвидетельствовано, что руские знают, все; а попугаев нет. А ловчая птица всякая, и орлы ловят же, опричь кречетов, есть.

А змеи мелки, и ящур, и черепаха, и аспиды⁴⁸ есть; а кричит аспид зычно добре.

А мельницы в Китаех водяные и ветряные каменные, а камень жерновой у водяной мельницы ходит нижней

А татьба и разбой и насильство в Китаех бывает же у них, и суд судят волокитно и с поманкой, и посулами перемагаютца⁴⁹.

А принял калмыцкую веру прежней китайской (л. 724). царь, отец настоящего нынешнего царя, тому болши 20 лет такою причиною. Приходил в Китайское государство калмыцкой начальной вере их Далай Лама, чтоб они китайцы приняли ево Далай Ламы веру, и устроен ему был под Китайским царством двор каменной, от города с версту; и жил в том дворе три годы, и веры де ево китайской царь и китайцы не приняли.

И он Далай Лама напустил дождь, и было того дождю шесть недель безпрестани, день и ночь;

И едва было Китайского царства не потопило водою.

И китайской прежней царь, пришед к тому Далай Ламу поклонился и веру принял, и дождь и перестал.

А Далай от них от царства и поехал во свой тангуской город в Бараронталу, и тем городком и тангутами владеет;

А х китайскому царю посылает по вся годы надсматривать веру.

А китайской царь к нему Далаю посылает всякие товары, и серебро, и камень, и жемчуг в почесть;

И богат от тово тот вере их начальник немерно.

А как месяц млад так и сн Далай млад (л. 724 об.).

А как месяц в вперекрое, и он в то время в Середоличь (всередович),

А как месяц в полне и он в то время стар: он же умирает, и опять он же родитца⁵⁰.

А иные про то говорят, что ложь.

А платья он Далай Лама — и рубашки и штанов — не носит, а обвиваетца сукном жолтым или красным;

А вместо шапки носит калпак суконной, жолтой же, а верх у него гребнем збором, остр.

⁴⁶ Вож — проводник, провожатый.

⁴⁷ Тайша — см. сноску на стр. 213.

⁴⁸ По словарю Даля и другим словарям — ядовитая змея.

⁴⁹ Перемагаютца — одолевают.

⁵⁰ Миф о перерождении далай-ламы.

А жен у него нет и спит всегда сидя; а вина и иново пиять не пьет, а ест на день по одныжды коровье мясо или баранье.

Да иные ламы и монжи⁵¹ под ним Далай Ламою в Калмыцкой земле есть, послушны ему.

А как у них калмыков живет молбише, и к нему Далай Ламе сходятца многие калмыки в мечатех каменных, и сядут около ево вокруг и чтут, всяк в свою, книги, а иные в бубны и в трубы трубят, и в ладоши бьют, и в чашки медные бречат, и в волынки играют.

И говорят они калмыки, что у них болваны повелись с образца индейских вер (л. 725).

А болаго болвана называют они Барахман.

А бога на небеси всеми владеющаго знают и почитают, и говорят, тот де великий бог от него далеко.

А женятца они калмыки против мусульманского звычу.

А в Ындею великую ис Китаи ходят сухим путем, а ходу осмь месяцев, а в дороге степми, только перебродят три реки.

А царя индейского называют Шанджан. От него есть посаженники и иные цари индейские, только он над ними большой.

А вера их: молятца болваном и веруют в корову.

⁵¹ Монжи — монахи.

О. И. Смирнова

КАРТА ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ VIII ВЕКА

В 1933 г. в верховьях р. Зеравшан (Северный Таджикистан) на горе Муг, поблизости от селения Хайрабад, была сделана замечательная находка: в развалинах сторожевой крепостцы (обычно именуемой в литературе «Замок на горе Муг» или «Мугский замок») обнаружены остатки архивов согдийских князей первой четверти VIII в. Среди них находился и архив пенджикентского князя Деваштича, носившего в течение двух лет титул князя Самаркандского и верховного правителя Согда. Мы не будем касаться обстоятельств находки и других вопросов, связанных с исследованием этих архивов, а дадим лишь краткую характеристику документов, легших в основу настоящего исследования¹.

В коллекции, получившей название «мугской», имеется 75 рукописных документов на коже, на бумаге и на дереве — очищенных от коры ветках чинара. Большая часть документов (70) на согдийском языке, один на арабском и три на китайском. Один документ написан руническим письмом. Знакомству с согдийскими документами мы обязаны трудам А. А. Фреймана, опубликовавшего часть документов и их общий список² и составившего краткий каталог найденных архивов³. Блестящее исследование арабского документа опубликовано В. А. Крачковской и И. Ю. Крачковским⁴. Китайские документы изданы А. С. Поляковым⁵, А. Н. Бернштам предложил интересный, хотя и несколько фантастический, разбор документа, написанного руническим письмом⁶.

¹ Об обстоятельствах находки документов см.: А. А. Фрейман, *Находки согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане на горе Муг*, — «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 7—18; А. И. Васильев, *Согдийский замок на горе Муг*, — там же, стр. 18—33.

² А. А. Фрейман, *Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР*, — «Согдийский сборник», стр. 33—52.

³ Рукописный инвентарь согдийских рукописных документов, найденных на горе Муг в Таджикской ССР в 1933 г. Хранится в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР.

⁴ В. А. и И. Ю. Крачковские, *Древнейший арабский документ из Средней Азии*, — «Согдийский сборник», стр. 52—91.

⁵ А. С. Поляков, *Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане*, — «Согдийский сборник», стр. 91—118.

⁶ А. Н. Бернштам, *Древне-тюркский документ из Согда* (предварительное сообщение), — «Эпиграфика Востока», т. V, 1951, стр. 65—75.

В настоящее время группа лиц, в которую входит и автор этой статьи, готовит мугские документы к изданию.

Документы, найденные на горе Муг, представляют коллекцию мирового значения и являются уникальным источником для изучения политической, социальной и культурной жизни народов Средней Азии и в первую очередь средневекового Согда. Вместе с тем это первые документы на согдийском языке, обнаруженные на территории собственно Согда. В одной из своих работ А. А. Фрейман особо подчеркнул последнее обстоятельство.

Как показало исследование, большая часть документов относится к первой четверти VIII в. (не позже 722 года — года гибели Деваштича). По принадлежности же (как архивы определенных лиц) они распадаются на несколько групп. Сплошной просмотр документов позволяет уже сейчас отчетливо выделить их основные группы и по содержанию, а именно:

1) Письма. К ним относится переписка согдийских князей и вельмож и их людей, в том числе донесения некоторых из этих лиц в качестве послов согдийского государя к ферганскому государю и к тюркскому кагану, а также хозяйственно-учетные письма и распоряжения.

2) Собственно хозяйственно-учетные документы. К ним следует отнести и отмеченные выше письма хозяйственного содержания.

3) Юридические документы.

Изучение мугских документов позволило установить, что в них (в основном в хозяйственно-учетных) содержится интересный материал по топонимике Средней Азии и главным образом Согда. В этой связи мугские документы должны рассматриваться не только как важный источник для изучения истории (в широком смысле этого слова) и экономики края, но и как уникальный источник по его исторической топографии.

В мугских документах оказалось зафиксированным свыше пятидесяти названий разного плана. Важно и то, что в связи со спецификой документов (хозяйственные записи, сделанные в разных местах разными людьми, различного типа расписки, хозяйственные и административные распоряжения и т. д.) в них наряду с крупной географической номенклатурой и такими общеизвестными названиями, как, например, $\sigma\tau\omega\delta$ - «Согд», араб. графикой صغد или سغد , позднее سغود тадж. Суғуд, ягноб. Soγdu (название летовки), Самарканд, согд. $\text{sm}^{\prime}\text{gkn}\delta$ -, араб. граф. سمرقند , Пенджикент, согд. $\text{pnscyn}\delta$ -, араб. граф. پنجيكنت (прочтены и идентифицированы А. А. Фрейманом), Чач, согд. $\text{c}^{\prime}\text{c}$, араб. граф. چاچ араб. вар. الشاش — средневековое название районов по р. Чирчик (прочтено и идентифицировано В. А. Лившицем), согд. $\text{w}^{\prime}\text{škr}\delta$, араб. граф. ويشگرد — Вашгирд на месте современного Файзабада, зафиксировано еще около 40 названий. Среди них отметим Хахсар, согд. $\gamma^{\prime}\gamma\text{sr}$ -, араб. граф. خاخرس — город и его округ под Самаркандом (прочтено и этимологизировано автором, идентифицировано А. М. Мандалштамом, принято В. А. Лившицем), Алмалык, согд. $^{\prime}\text{lmlwk}$ - (контекст: $\text{rty}^{\prime}\text{st}^{\prime}\text{lmlwkc} \gamma\omega\beta\omega \dots \text{pnsc}^{\prime}\text{zyh}(\text{?})$) 'И взял алмалыкский князь ... пять копий(?)— док. B1(4) (идет ли в документе речь об усрушанском Алмалыке или сырдарьинском, пока не ясно). К сожалению, большая часть таких названий, встретившихся в документах, не отмечена в географической и исторической литературе до XIX в. Однако многие из них в неизменном виде сохранились в современной местной топонимике, и это дает возможность твердо их идентифицировать.

Поэтому вполне естественно, что для районов, малоизученных в этом отношении, мугские документы представляют особую ценность и как источник по исторической топографии края. В первую очередь к таким районам относятся верховья Зеравшана — высокогорные районы Фальгара и Матчи.

Среднее и нижнее течение Зеравшана сравнительно хорошо изучено, так как об этих районах имеется достаточно сведений, основная часть которых относится ко времени послеарабских завоеваний в Средней Азии, т. е. ко второй половине VIII — XII вв. Это обстоятельство (известная полнота сведения) связано с тем, что древняя Согдиана (Нижний и Средний Зеравшан), средневековый Согд, являлась одним из крупнейших культурных оазисов Средней Азии и здесь расположены такие исторические центры, как Бухара и Самарканд.

Совершенно иначе обстоит дело с районами Верхнего Зеравшана — северной частью горного Таджикистана. О их прошлом мы почти ничего не знаем. Имеющиеся в источниках сведения крайне скудны, что отчасти объясняется суровостью и труднодоступностью края. Между тем через эти районы пролегли древние дороги, одна из которых, проходившая непосредственно по долине Зеравшана, связывала Согд с Восточным Туркестаном через Алайскую долину.

Раннесредневековая география (арабская и персидская) касается этого края главным образом в связи с его орографией и с вопросом об истоках р. Зеравшан. Источники сообщают нам только название области в целом и названия отдельных районов. Правда, некоторые из селений, упоминающихся в источниках, исследователи относят к верховьям Зеравшана. Но отождествить таковые с определенными населенными пунктами или локализовать их пока не удалось, за исключением одного — селения Обурдон, название которого встречается в известном труде Бабура.

Только с появлением русских здесь начались исследования, носившие в основном этнографический и лингвистический характер. Первым нашим реальным сведением о крае мы обязаны работам Искандеркульской экспедиции, участниками которой обследовали долину Зеравшана от Пенджикента до селения Пальдорак в верховьях главного истока Зеравшана р. Матчи и районы оз. Искандеркуль и речки Фон-дарьи. В 1946 г. известный историк и археолог А. Ю. Якубовский организовал Таджикскую археологическую экспедицию, работы которой положили начало систематическому изучению края в археологическом отношении. Один из отрядов экспедиции в течение нескольких лет (1946 — 1950) обследовал районы Верхнего Зеравшана. По данным, собранным этим отрядом, составлены предварительные археологические карты края (три из них опубликованы). Карты дают известное представление о заселении указанной части горного Таджикистана на различных этапах его освоения.

Автор настоящей статьи поставил перед собой задачу — выделить и охарактеризовать материалы по топонимике именно этих районов. В основу цитированного материала легли чтения и толкования документов, установленные нами совместно с М. Н. Боголюбовым. Чтение и идентификация географических названий принадлежат автору.

Главными источниками, использованными в настоящей статье для восстановления географической номенклатуры в мугских документах и на ее основе карты верховьев Зеравшана в первой четверти VIII в., явились: раннесредневековая географическая литература, «Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 года» —

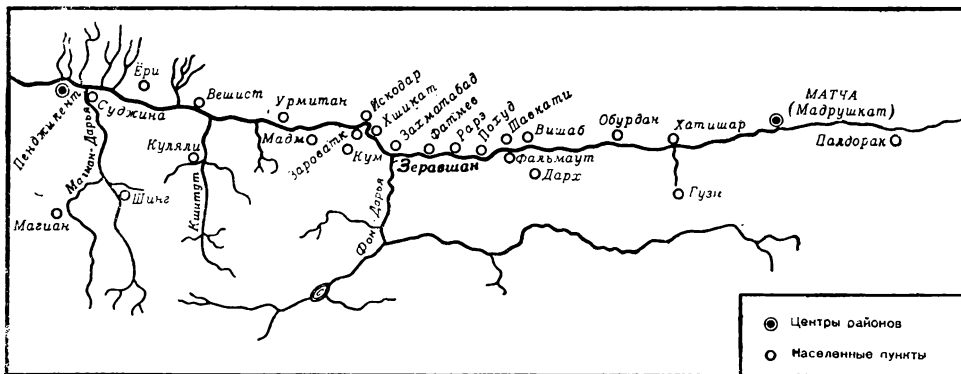
рукопись ЛОИНА, шифр Д 133 (ниже — «Дневник Куна»), материалы Таджикской археологической экспедиции 1946—1950 гг. и личные наблюдения автора.

* * *

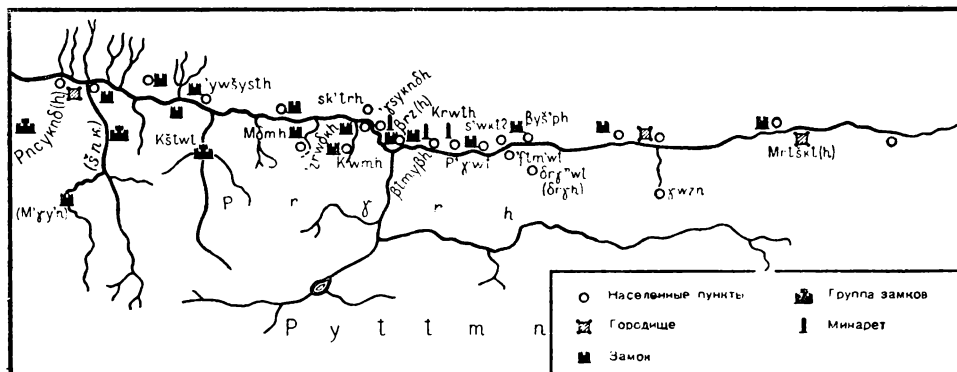
Фальгар и Матча, составляющие северную часть горного Таджикистана, известны в раннесредневековых арабских и персидских источниках под названием 'Буттамāн' или 'ал-Буттам'. Таким же было общее название области в VII—VIII вв. согласно мугским документам, в которых встречено название *pyttm'n* (*pəttmān*). Согдийскому *pyttm'n* соответствует араб. *البتّم* (ал-Буттам) и *البتمان* (ал-Буттамāн), персид. *بتمان* (Бутамāн). Это название зафиксировано в документе А9 (6) в следующем контексте: *rtyšy cnn pyttm'n p'r w'cw...* 'И я отправил его через Буттамāн'. Согдийское *pyttm'n* в арабской графике *بتمان* 'Буттамāн' с кратким редуцированным гласным первого слога представляет иранскую форму вторичного образования, возникшую по аналогии с другими (типа Вахан, Шугнан), оформленную суффиксом *-ān*, от первичного *pyttm*, в арабской графике *بتّم* 'Буттам'. Раннесредневековые арабские и персидские источники в понятие Буттамāн включали горную систему между Уратюбинским плоскогорьем и р. Пяндж и различали Внешний, Средний и Внутренний Буттамāн (Туркестанский, Зеравшанский и Хисарский хребты). Сопоставление согд. *pyttm'n*, араб.-перс. *بتمان* подтверждается тем, что в том же документе упомянута область, название которой, приведенное в форме *γwtwṛstn*⁷, соответствует области *ختل* 'Хуттал' или *ختلان* 'Хутталāн' арабских и персидских источников, т. е. землям между реками Пяндж и Вахш. Оба названия представляются заимствованными в согдийском и принадлежащими к древнему, досогдийскому топонимическому слою. Северная часть Буттамāна, собственно районы Верхнего Зеравшана, в первой четверти VIII в. носили, как и позже, название Паргара, согд. *prγrh* (*paγar-*), *پرغر* в арабской географической литературе, *پرغر* в персидской, *فلغر* у Бабур, *فرغل* на полях рукописи Туманского (л. 23⁶), таджик. Фалғар (собственно 'Нагорная' с опущенным определяемым женского рода *z'y-* 'земля' или *z'yth* 'земли' с общим значением 'нагорные земли'). Название зафиксировано в том же документе А 9:(6) *rtyšy cnn pyttm'n p'r w'cw rty cw ZKwy prγrh msy'ttr z'y(7) th 'skw't rty šy L' pr'us p'rZY...* 'И я его отправил через Буттаман. И что будет находиться на землях паргарского 'старшего' (*msy'ttr*), то это не покидай, потому что...' Если приведенная цитата понята правильно, то Паргар в первой четверти VIII в. представлял особую единицу, правитель которой носил звание *msy'ttr* 'большой', 'старший'; сравни персидско-таджикское *مهتر* (михтар), встречающееся как титул в так называемой рукописи Туманского (среднеазиатском анониме X в.).

⁷ Док. А 9(4)... *rty pyšt w'n'kw pt'ywš'ym 'kw γwtwṛstn ZY wytrk* 'Но я услышал так: он ушел в *γwtwṛstn*'. Название, так же как и предыдущее *pyttm'n*, представляет иранскую форму вторичного образования; ср. согд. *Cynstn* — 'Китай', *δywstn* — 'Страна дивов' (ср. I. Gershevitch, *A grammar of manichean Sogdian*, Oxford, 1954, §-1118).

ВЕРХОВЬЯ ЗЕРАВШАНА

Современная карта

Карта по данным мугских документов

В административном отношении большинство арабских географов причисляет Паргар к Усрушане, т. е. к владениям к северу от Туркестанского хребта, а не к Согду. Прямых свидетельств этому в мугских документах нет, хотя само название в них встречается⁸. На востоке Паргар граничил с рустикаком Матчи (араб. графикой *مسچا*); при Бабуре его границей считалось селение Обурдан, причем последнее причислялось к Матче. Эта граница оставалась неизменной до последнего времени. Границей Фальгара на западе считается селение Дашти Козы против речки Кштут. Таковы же, возможно, были границы согдийского Паргара, так как районы современной Матчи и Кштута составляли, как мы увидим, особые владения. Вместе с тем они могли входить в общее понятие Паргара 'Нагорье'. Жители этой части горного Таджикистана назывались *рггс* 'паргарец', *рггст* 'пар-

⁸ В конце того же документа А 9 (13/14) речь идет о 'strwšnk n'βy, т. е. об усрушанских людях или населении. Зафиксированная в документах форма 'strwšnk' как с начальным протетическим гласным *استروشنه*, так и без него *ستروشنه* обычна в арабской географической литературе [разные написания слова см. МИА 37 (1953), стр. 231]. Несомненно одно, что название области именно в этой форме существовало в VII в.

гарцы'⁹. Очевидно, под этим названием подразумевались вообще все горные жители верховьев Зеравшана, и оно употреблялось в широком значении, таком же, как галча (= согд. γγс) 'горец'; 'житель гор', ягноб. γαlса: γαtса¹⁰.

Особую важность для нас представляет то, что, кроме названий области Буттаман и района Фальгар (ныне существующего), в документах упоминается ряд фальгарских селений. Для удобства изложения мы будем перечислять эти названия с запада на восток, следуя старому пути по Зеравшану.

Левобережные селения согд. mḏ.nh (maḏm-) и kwmh (kūm-), араб. كوم (ат-Табари, II, 1447), «Дневник Куна» كوم (л. 24⁶) и مدم (л. 26⁶), тадж. Мадм и Кум существуют и поныне. Оба названия в форме косвенного падежа (локативе) зафиксированы в документе Б 12:(4) rty 'zyt сумуд wyt'kt kyZY MN mḏmuh ''βyг'nt 15 wyt'k kw kwmyh (5) s'г. 'Из этих веревок, которые принесли из Мадма, взято в Кум 15 веревок'.

Селения расположены по левобережью Зеравшана в горах в верховьях одноименных речек в 8 км друг от друга на старом караванном пути. В хозяйственном отношении в древности, как и в XIX в., эти селения были связаны между собой. Как известно, у селения Кум в 722 г. произошла решающая битва Деваштича с арабами. В 5 км от селения, у впадения речки Кум в Зеравшан, находятся развалины сторожевой крепостцы, куда, согласно ат-Табари, были отгеснены согдийцы из Кума¹¹. Здесь и были обнаружены архивы Деваштича и его сторонников.

В литературе крепостца получила известность под названием Мугского замка. В самом селении Кум сохранились остатки мощного замка из сырцевого кирпича. В селении Мадм также обнаружены остатки раннесредневекового замка, а к юго-востоку от него на холме находятся развалины крепостцы типа Мугской. К югу от нее проходила старая дорога на Кум¹².

Следующим левобережным селением Зеравшана было селение Зароватк, согд., zr' wḏkh (zəḡavaḏk-), вар. zr' wḏkh (zəḡavaḏk-), «Дневник Куна» زارة (л. 28⁶), карты Зароватк, тадж. Зароват. Это селение существует и в наши дни. Название «Зароватк» зафиксировано в трех документах в контекстах, не оставляющих места для сомнений, что речь идет именно об этой местности: Б 12(1) m'γy γwγyзnycy муḏ pγwrtп-rwc rty ''st ZK 'wḡcy'n kw zr'wḏkh s'г (2) MN m'ḏwm(?) pпс 'spḡwḏ 'Месяц γwγyзnycy, день' pγwrtпrwc. 'И взял 'wḡcy'n в Зарāваḏк (2) от Мадума (или из Мадма?) пять попон' (?); Б 11(1)... rty βγ tr/δ/ cw MN 'zr'w'ḏkh (2) ZY cw MN 'sk'trh... ḏβ'nk ''γ/t'n/t rt šy s'tw nḡ'y-sy rtšw mrt[s']r pryšy... (6) rty MN 'zr'w'ḏkh trt[s'r] 63 'stwr pḡ'šyw 'št'tc ḏsty... И владыка туда (к вам), который из Зарāваḏка и который из Искāтара... ḏβ'нк (продукт? вид выдачи?) принесли, ты весь его перепишешь и доставишь его сюда (к нам)... (6) и из Зарāваḏка туда (к вам) я послал 63 овцы с (человеком, именуемым) 'št'tc'; в док. Б 19 читаем: (1) 't 'zr'-w'ḏkh s'г ''ys'nt rtkḏ 'zw'mw ḏβ'nk ḏ'r'n (2) rty γwty kw 'zr'w'ḏkh s'г

⁹ Док. Б 7:(2)... rty ZNh pγrcty... rḡy mḡḏ 'w'γšt'nt(3) rḡy 'γšph муḏ MN' rkh ZY MN pḡm'nh L''nc'y'nt (2) 'А относительно этих паргарцев... то, владыка, они сюда (ко мне) спустились (3) и, владыка, ни ночью ни днем не отвращаются от работы и приказа'

¹⁰ Ср. М. С. Андреев и Е. М. Пещерева, *Ягнобские тексты*, М.—Л., 1957, стр. 257 (ниже—Я. Т.), в которых слово зафиксировано в своем вторичном значении 'раб'.

¹¹ «Согдийский сборник», Л., 1935, стр. 66.

¹² «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 15, стр. 25 и 61 (далее—«МИА»).

''ys'm k'm. 'Они пришли в Зарāвадк. И если этот δβ'пк (продукт? вид выдачи?) я получу, то сам приду в Зарāвадк'.

Таким образом, название селения дважды отмечено в том же документе — Б 12, в котором упоминаются селения Мадм и Кум, и в двух других документах вместе с названием селения Искодар, что отчетливо связывает согдийское zg'wδkh 'Зарāвадк' с районами Фальгара. Современное одноименное селение Зароватк стоит на левом берегу Зеравшана почти прямо против селения Искодар. В раннем средневековье оно, несомненно, играло важную роль в жизни района, так как располагалось у старой переправы через Зеравшан, там, где кумская дорога выходила к реке, переходила на правый берег к селениям Искодар и Хшикат и далее через Шахристанский перевал спускалась в Усрушану¹³. Оба названия встречены и в мугских документах.

Согдийское 'sk'trh (əskātar-), «Дневник Куна» (л. 32^a), карты Искодар, тадж. Искодар (собственно 'sk'trh z'у- 'Вышележащая земля') встречается в мугских архивах несколько раз. Название упоминается в пяти документах, в том числе в док. Б 11(1) наряду с селением Зароватк (см. 'zg'wδkh). В других документах название этого селения зафиксировано в следующих контекстах: Б 13 (5)... MN 'sk'tryh ZKw пум'к дуттруг δβ'г 'Из Искātара тот пум'к (мера? вид взимания?) дуттруг-у (звание?) выдал'; Б 14 (1) муδ 'rtγwšt-gwc rty ''βr MN 'sk'tryh... тумšyr ZY βygrn 8 крс ZY 'yw крс'kk... 'День' 'rtγwšt-gwc. 'И принес(ли) из Искātара... Тимшйр и Вйрпарн 8 кафизов и один малый кафиз'; Б 15 (5)... rtβγ ZKп гуттруг kw 'sk'tryh MN mγδ'k βyk 'пуw ''дусw L' ргm'у δβwrtу 'И, владыка, тому гуттруг-у (=дуттруг) в Искātаре ничего другого, кроме фруктов, не прикажи давать'. Кроме того, прилагательное от того же названия зафиксировано в документе Б 1 (4, 6) 'sk'tryk γwyšt 'Искатарский старшина' и (16)... 'sk'tryk γw's'gkk 'Искатарский' γw's'gkk (имя? звание?).

Современный Искодар в прошлом также являлся важным селением Фальгара благодаря своему удачному расположению на главном пути из Зеравшанской долины в Усрушану и в верховья Матчи. В XVI в. Искодар был некоторое время центром Фальгара. В конце XIX в. он считался самым многолюдным его селением¹⁴. Два главных оросительных канала Искодара сохранили, как и селение, свои согдийские названия (тадж. Парвог и Варсийён)¹⁵.

Согдийское название второго селения — γsyknδh (xsikanδ-), вар. 'γsyknδh (əxsikanδ-), «Дневник Куна» (л. 28^b), карты Хшикат, тадж. Хшикат. Это название встречается в трех документах в следующих контекстах: в документе Б 2 (1) m'γу γwryzпусу муδ 'zpwγtγ-gwc rty ''βyг MN 'γsyknδh ctβ'г пум'kw рδпyh ГMRh 'Месяц γwryzпус, день 'zpwγtγ-gwc'. 'И доставлено из Ахсйканда четыре с половиной рδпyh (меры) вина' (ср. «Проблемы востоковедения», № 1, 1959, стр. 121—124); в Б 10 (1)... rty MN γsyknδh 24 рδпyh w'γyz rty cпn βtmyβh 10 рδпyh (2) γntm ZY 'δw крс w'γyz rty pyrnmstr MN βtmyβh 10 рδпyh γntm w'γyz MN (3) 'γsyknδh γyrtг w'γyz pnc рδпyh ZY 'δw крс'kk yw' 'И из Хсйканда 27 рδпyh (мер) (ячменя) снес. И из Фатмйва 10 рδпyh (мер) (2) пшеницы и 2 кафиза (меры) снес. И из Фатмйва раньше 10 рδпyh (мер) пшеницы снес. (3) Из Ахсйканда позже снес пять

¹³ «МИА», т. 15, стр. 61.

¹⁴ В 1870 г. в нем насчитывалось 100 семей, т. е. минимум 500 жителей (рук. ЛОИНА АН, Д 133, л. 32^b).

¹⁵ «МИА», т. 15, стр. 21 и 61—62.

рõпуh (мер) и два малых кафиза ячменя'; в Б 13: (1) 't βγw γwβw RBch 'nwith prgm'nd'g 'wtt MN γυρδ βntk 'sp'dkk ptškw'nh... (2) rt βγ c'pkw c'β'k wytr rtβγ ZKw нумуд kw 'γsykndh 'ys... 'Владыке государю, великой опоре, фармандару 'wtt (имя собств.?). От его раба 'sp'dkk-а почтительное слово... И, владыка, как только c'pkw от тебя ушел, то владыка он в тот (же) день пришел в Ахсиканд'. Ниже в тексте документа речь идет о распоряжениях, связанных с Искодаром (см. 'sk'trh). Название 'γsykndh в документе Б 2 первым прочел А. А. Фрейман, сопоставивший его с ферганским Ахсикатом (араб. اخسيكت или خشيكт) на правом берегу Сыр-Дарьи¹⁶. В одном из цитированных документов упоминается фальгарское селение Фатмев (см. βtmυβh), в другом — Искодар (см. 'sk'trh). Из контекста документа Б 13 (1—2) можно заключить, что от селения 'γsykndh до ставки фармандара (высшего военного, чиновного лица?) было не более дня пути; а сама ставка, как явствует из документов, вероятнее всего размещалась в Фальгаре. Между тем от Фальгара до ферганского Ахсиката более 300 км. В этой связи встреченное в документе γsykndh: 'γsykndh скорее следует сопоставить с правобережным фальгарским селением Хшикат, ближайшим к Искодару и расположенным на старой дороге. Как раньше, так и теперь эта дорога связывала и связывает долину Зеравшана с Уратюбинским плоскогорьем через Шахристанский перевал. Селение расположено под Шахристанским перевалом и, вероятно, являлось перевалочным местом.

Последним правобережным селением по Зеравшану до впадения в него р. Фон-дарьи было селение Варзиминор (совр. Захматабад). Название этого селения также встречается в мугских документах в форме βgz- (varz-) 'Высокий', «Дневник Куна» ورز ستار или ورز ستار (л. 35⁶ и след.), таджик. Варзиминор. Имена двух жителей Варза упомянуты в документе Б 6: (1)... MN βgz'nk n'β wzγwy'p ZY wgdū'p 'От варзских людей' wzγwy'p и wgdū'p. Известное нам таджикское название «Варзиминор» — дословно 'Варз минарета' является вторичным и связано с древним минаретом, развалины которого еще и сейчас можно увидеть в селении. Поблизости от селения сохранились следы древней оросительной системы и остатки разновременных крепостных сооружений. Одно из них, находящееся у впадения р. Курут в Зеравшан, возникло не позже VII в.

К северо-востоку от Варза, вероятно, находилось селение Курут, согд. krgwt- (kurut), «Дневник Куна» كړود (л. 41⁶), тадж. Курут. Современное селение Курут расположено в верховьях упомянутой одноименной речки. Здесь у места ее впадения в Зеравшан сохранились остатки древней крепостцы Калаи Курут. Очевидно, земли по р. Курут составляли особые владения, так как в архивах сохранилось письмо (док. Б 16) к их владельцу, начинающееся так: (1) 't βγw γwβw RBch 'nwith krgwtcw γwβw... MN γυρδ (2) βntk γw'gy z'tk ptškw'nh 'Владыке государю великой опоре курутскому γwβw ...От его (2) раба, сына (его) сестры почтительное слово'.

В конце XIX в. население Курута состояло всего лишь из 50 семей.

Наиболее плотно были заселены районы по Зеравшану между Варзом (Захматабадом) и Обурданом. Здесь находилось четыре селения. Первое — βtmυβh (fatmif-), «Дневник Куна» فتميو (л. 32⁶), таджик. Фат-

¹⁶ «Проблемы востоковедения», 1959, № 1, стр. 121.

мев¹⁷. Это название упоминается дважды в документе Б 10 наряду с названием Хшиката (см. ḡsykḡḡh). Современный Фатмев лежит на старой дороге из Захматабада в верховья Матчи. В селении сохранились остатки минарета, такого же, как минарет в Захматабаде. В начале XIX в. население Фатмева состояло из 90 семей. Второе — p'ḡwt- (pāxūt-), «Дневник Куна» پاخورد (л. 59^a)¹⁸, таджик. Похуд; третье — 'βtm'wt- (əftmaut-), «Дневник Куна» فتماوت (л. 61^a), ягноб. Fatmout (Я. Т., стр. 252), таджик. Фалмоут, карты — Фальмаут, и четвертое — δḡḡ'wt- (δaḡḡaut-) и δḡḡh, «Дневник Куна» درغ (л. 70^b), ягноб. Daḡḡ (Я. Т., стр. 244), таджик. Дарх.

Три названия зафиксированы в документе Б 6, в том же, в котором упоминаются и жители Варза: (1) MN δḡḡ'wtk n'β... ḡwn ZY ḡḡt'k ZY MN 'βtm'wtk [n'β] 'nwtc ZY pḡḡwnk ZY MN p'ḡwt'k n'β... 'От дарḡаутских людей... ḡун и ḡартḡак, и от афтмаутских людей 'nwtc и Парḡḡунак, и от пḡḡтских людей...' Согд. 'ftm'wt- и δḡḡ'wt- аналогичного образования и являются производными от основных 'βtm- ('первый') и δḡḡ- +суф. -'wt (<-awata-) или +компонент 'wt (<'wt'k). Первое из них упоминается в документах также под названием 'βtm(h) (док. Б 5: (1) rty ''st'nt ZKh 'βtmct 40 kpc 'rzn. 'Взяли Фатм(аут)ы сорок кафизов пшена'). Второе — как δḡḡh. В конце XIX в. самым многолюдным из этих селений было селение Дарх, в котором жило 70 семей, тогда как в Похуде — только 30. Селение Похуд расположено на правом берегу Зеравшана между Варзом и Обурданом, а Фальмаут и Дарх на левобережье. Первое из них в 2 км от Похуда. Дарх считался последним селением Фальгара по левобережью. На том же правом берегу, по-видимому, находилось еще два селения. Одно из них βyš'ph (višār-), «Дневник Куна» ويشپ (л. 62^a), таджик. Вешап, на картах — Вишаб; упоминается в документе Б 26 (2). Этот документ плохо сохранился, и контекст восстановить трудно. Поэтому чтение и толкование отмеченного нами слова нельзя считать твердо установленным. Современный Вишаб находится почти против р. Дарх, у впадения р. Вишаб в Зеравшан. Вход в ущелье, по которому течет речка и проходила старая дорога в Усрушану и Фергану, защищался крепостью, существовавшей до начала прошлого века¹⁹. Второе селение — согд. š'wkth (šavkat-), «Дневник Куна» شوكت (л. 62^b и 62^a), карты — Шавкат, тадж. Шаватк²⁰ («Черный город») зафиксировано в документе А 9: (5) rty 'ḡšywt-rwc ZK š'ykḡ (?) pḡ š'wkth mnc'у 'И в (день) 'ḡšywt-rwc тот š'ykḡ (звание?) остановился в Шавкате'. Кроме фальгарского Шавката, источники упоминают Шавкат Илекский²¹ и Шавкат Усрушанский²². Такое же название встречено в старых письмах²³. Распространенность названия, вероятно, связана с его этимологией. В документе А 9 речь идет о Бутта-

¹⁷ Названия аналогичного образования широко засвидетельствованы в местной топонимике, ср. ягноб. Rurif, Bediw или Bidif (Я. Т. 230), Mustif (Я. Т. 288) и др.

¹⁸ Написание в «Дневнике» отражает, видимо, позднейшую этимологию слова (дословно 'споткнулся').

¹⁹ «МИА», т. 15, стр. 19 и 64.

²⁰ Собственно два селения: Шаватки боло (Верхний Шаватк) и Шаватки поён (Нижний Шаватк).

²¹ В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. II, СПб., 1900, стр. 175.

²² Там же, стр. 165.

²³ š'wk-t 'Volksnahme'? письмо V, строка 27 (Reichelt, *Die Sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museum*, II, Berlin, 1931).

мәне и Парҗаре (Фальгаре), и поэтому предложенное нами сопоставление оправдано.

Земли по Матче выше Обурдана составляли особые владения с центром в Мадрушкате, согд. *mrtšktk* (*martuškat-*), с метатезой *mtršktk*, «Дневник Куна» *مدروشکت* (л. 39⁶), тадж. Мадрушкат (в настоящее время районный центр Матча). В мугских архивах сохранилось письмо (док. Б 7) мартушкатского владетеля, носившего соответственно своим владениям титул *mrtšktc* $\gamma w\beta$ -, к кштутскому владетелю. Текст: (1) **t* $\beta\gamma w$ $\gamma w\beta w$ *kwštwtkw* $\gamma w\beta w$ *wyšt'm* MN βnk *mrtšktc* $\gamma w\beta w$ *rtškw'nh* 'Владыке государю, кштутскому князю. От раба (его) мартушкатского князя почтительное слово'. Современное одноименное селение (Матча) расположено на правом берегу Зеравшана на старой дороге. Рядом с ним отмечены остатки позднего укрепления, возникшего здесь на месте другого ранее существовавшего. На противоположном берегу, в 3 км выше селения Матча, при впадении р. Валгун в Зеравшан сохранились остатки обширного городища Хисорак (производное от арабского *حصار* 'крепость'). В архитектурном отношении постройки цитадели Хисорака близки зданию на горе Муг и постройкам цитадели Пенджикентского городища²⁴. Согласно последним изысканиям археологов, начало жизни этого памятника восходит к кушанскому времени. Можно предположить, что городище Хисорак в настоящем своем виде является остатками древнего Мартушката, после разрушения которого селение переместилось на правый берег.

Мадрушкатскому владетелю принадлежало, очевидно, и селение γwzn - (*γuzn-*), «Дневник Куна» *غوزن* (л. 82^a), таджик. Гузн.(?). Название зафиксировано в документе Б 7 в следующем контексте: (4) *rtβγ w'nk w* *rtškw'nt* ZY $\gamma wznk$ *n'β*... *γrt'nt* *rtšn* (5) *w'nk w* *pr'm* *u* *rcγwtu*... 'И, владыка, докладываю: гузновские люди... ушли. И ты их прикажи наказать'. Современное селение расположено в верховьях одноименной речки, впадающей в Зеравшан против селения Хатишар. Здесь проходила дорога из долины Ягноба в Фергану. Но написание слова $\gamma wznk$ допускает вариант чтения $\gamma wz'k$, и в приведенной цитате речь может идти не о жителях селения Гузн (γwzn -), а о гузских людях ($\gamma wz'k$ *n'β*). В таком случае слово $\gamma wz'k$ будет производным от γwz - названия селения и известного тюркского племени огузов, или гузов, передаваемого арабской графикой *غوز* или *اوغوز*. Такое сближение допустимо, тем более что в другом документе Б 1 (5) упоминается *trwkkm'n* 'туркмен'(?), а в документе Nov. 1 (32), изданном А. А. Фрейманом, и в документе Б 1 (7) *trδ'wš* 'тардуш'.

Земли, граничившие с Фальгаром на западе, также составляли особые владения, носившие название *kwštwt-* (*kštūt-*), *'kštwt-* (*əkštūt*), «Дневник Куна» *کشتود* (л. 17^a), таджик. Кштут. Это название встречается в двух документах — в Б 7, где оно прочтено А. А. Фрейманом, и в Б 20, в котором упоминается *'kštwtc* *γnz'kh* 'кштутский казначей'(?). Как и Мартушкат, Кштут составлял владение; границей его на востоке был Фальгар, на западе — Магйан, согд. *m'γu'p* 'лунный'.

Владетель Кшута носил иранское имя Вйштām (*wyšt'm*) и титул *kwštwtk* $\gamma w\beta$ -. Судя по тому, что в обращении к нему мартушкатский владетель называет себя рабом, можно думать, что кштутский владетель был сильнее. В VIII в. Кштут находился примерно на месте совре-

²⁴ «МИА», т. 37, стр. 181—183; там же см. план городища.

менного селения Куляли при слиянии истоков Кштута рек Вору и Аргуч. Часть селения Куляли сохранила за собой название Кштут. При входе в долину р. Кштут отмечены остатки нескольких разновременных городищ, по которым можно судить о длительности и интенсивности жизни селения.

Ниже Кштута на правом берегу стояло существующее поныне селение Вешист. Название этого селения в форме 'uwšyšt (ēvšišt) тадж. Вешист засвидетельствовано в трех документах: Б 3 (1) rty 'βrnt MN 'uwšyšt... 'И принесли из Вешиста...'; Б 4 (1) rty βyrgw 'zw 'cp' δ'k MN rgm'nδ'g 'wtl kw 'uwšyšt... 'И получил я, 'cpδ'δk (должность?), от фармандара 'wtl-а для Вешиста...'; в документе Б 1 (4) упоминается 'zwšyšt'k srwy'n, т. е. вешистец (по имени) zrwu'n.

Рядом с современным селением, у впадения р. Вурун в Зеравшан, сохранились остатки сильного укрепления. В настоящее время ближайшим селением к Вешисту является селение Дашти Козы, расположенное напротив впадения р. Кштут в Зеравшан. Что представляли селения такого типа, мы не знаем. Кроме титула γwβ-, связанного с названиями некоторых из них, в документах Б 1 (1), (6) и Б 17 (3) упоминается термин kty'βšyws из kt- 'дом', 'селение' (укрепление) и 'βšyws 'господин' с общим значением 'глава kt-а'; ср. западноиранское кадак-хвадау, позднейшее кадхуда (араб. граф. كد خدا).

Таковы предварительные данные по топонимике района, полученные нами на основании мугских документов. Кроме рассмотренных названий, в них имеются и другие, также относящиеся к верховьям Зеравшана. Однако в их чтении еще нет достаточной уверенности. Со временем им будет посвящена особая статья.

Приведенные материалы свидетельствуют прежде всего об устойчивости местной топонимики. Отчасти эта устойчивость является результатом известной изолированности края в силу его географического положения; последняя обусловила почти неизменность этнического состава населения. Содержание же документов подтверждает наличие тесных хозяйственных связей, существовавших между районами Верхнего Зеравшана и Пенджикентом, что говорит об известном административном подчинении этих районов последнему. В свою очередь хозяйственные связи пенджикентских владений указывают на их тяготение к районам Усрушаны, а не к Самарканду. Для нас же особенно важно то, что новый источник — мугские документы позволили заполнить белое пятно на карте Средней Азии в раннем средневековье²⁵.

²⁵ В настоящее время к приведенным в статье названиям можно добавить еще два: 'nz Vh ('nzāV-) (док. Б 16, 8) — селение или местность; соответствует названию перевала Анзоб из долины р. Варзоб в долину Ягноба (в северном Таджикистане) и названию селения, расположенного под тем же перевалом; rgmnyδp(h) (ragnpēδap-) (док. А5, 13) — селение на Зеравшане (араб. فرمیتین); сближается с упоминаемым в вакуфных документах XVI в. названием арыка Фармитан', который был в древности отведен от р. Магган-дарьи; судя по названию арыка, здесь существовало одноименное селение. В тех же документах упоминается селение Фармитан в Анхарском тюмене.

Несколько слов о селении 'γsykпδh. Сопоставление некоторых данных позволяет предположить, что лицо, именуемое в мугских документах 'wtl- или rgm'nδ'g 'wtl, идентично с 'wtlkup-ом в док. Nov. 3 и Nov. 4 и с ферганским царевичем Нйлан-ом, упомянутым у Табары под 104 г. х (тюркское в согд. ottigin < ot 'огонь' + tigin 'царевич', монг. книжное adciqin 'княжич огня', герср. 'младший сын', ср. ДАН, 1925, В, стр. 14). В таком случае в мугских документах речь идет о двух 'γsykпδ-ах — ферганском (док. Б 2) и фальгарском (док. Б 10).

Е. И. Кычанов

**НОВЫЕ СЛОВАРИ В ТАНГУТСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ
РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Весной 1909 г. экспедиция П. К. Козлова вторично посетила развалины Хара-Хото. Еще перед отправлением экспедиции 1907—1909 гг. П. К. Козлов в Петербурге и Москве много слышал от Г. Н. Потанина и В. А. Обручева о затерянном в песках пустыни мертвом городе. «Мысли с Хара-Хото, — писал он, — поэтому целиком приковали наше внимание и наше воображение... Сколько мечталось о Хара-Хото и его таинственных недрах!»¹. В марте 1908 г. небольшой отряд русских путешественников впервые разбил лагерь у стен таинственного города пустыни.

После первых же раскопок П. К. Козлов понял, что работы в Хара-Хото требуют более тщательной подготовки. Поэтому он решил возвратиться сюда уже во всеоружии после посещения района Куку-нора и Амдо. Весной следующего года отряд П. К. Козлова снова прибыл в Хара-Хото. Тогда-то и был открыт «знаменитый субурган», который «подарил экспедиции большое собрание, целую библиотеку книг, свитков, рукописей»². В нижней части субургана обнаружили группу глиняных статуй, размещенных «лицами внутрь, наподобие лам, отправляющих богослужение, перед большими рукописными листами письма Си Ся, сотнями наложенными один на другой»³. Так была найдена уникальная коллекция тангутских рукописей и ксилографов из Хара-Хото.

К сожалению, замечание П. К. Козлова, сделанное им при издании труда «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото», о том, что перечень книг, рукописей и образов, найденных в этом субургане, еще полностью не приведен в известность⁴, до сих пор остается в силе. Изучение тангутского фонда — насущная задача советского востоковедения.

В данной статье мы попытаемся несколько дополнить то, что уже стало известно благодаря трудам А. И. Иванова и Н. А. Невского,

¹ П. К. Козлов, *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото*, М.—Пг., 1923, стр. 103.

² Там же, стр. 554.

³ Там же, стр. 556.

⁴ Там же.

предложив вниманию научной общественности описание нескольких новых тангутских словарей, обнаруженных нами при инвентаризации неразобранной части тангутского фонда Ленинградского отделения Института народов Азии.

Предварительное замечание о датировке фонда. Впервые всю коллекцию памятников из Хара-Хото пытался датировать В. Котвич. Изучая найденные П. К. Козловым монгольские ассигнации из мертвого города, он пришел к выводу, что находка их в Хара-Хото дает основание предполагать, что этот город еще жил в период 1287—1368 гг.⁵ Как известно, при династии Юань неоднократно выпускались издания буддийских сутр на тангутском языке⁶. Можно было бы думать, что часть нашего фонда относится ко времени существования Юаньской династии и появилась на свет после гибели тангутского государства Си Ся (982—1227 гг.). Однако все датированные ксилографы и рукописи не выходят за пределы первой четверти XIII в. Наиболее ранний датированный ксилограф — *Buddhabhāṣitaamitābha-sūtra* — помечен 11 годом правления Да-ань, т. е. 1085 г.⁷ (I). Наиболее поздний по времени из всех датированных ксилографов — «Новые законы» — помечен 1212 г.⁸ Большая часть датированных памятников относится к XII в.

Таким образом, субурган, в котором П. К. Козлов обнаружил тангутскую библиотеку, был закрыт или в последние годы существования тангутского государства, или при осаде Хара-Хото монголами в 1226 г.⁹

В работе «Тангутская письменность и ее фонды» Н. А. Невский писал: «Особенно должно отметить в нашей коллекции обилие лексикографической литературы, что показывает, насколько был важен и актуален для тангутов всякий вопрос, связанный с их идеографической письменностью»¹⁰. Лексикографическая литература тангутского фонда сразу же привлекла внимание исследователей. В ней они справедливо увидели ключ к дешифровке тангутской письменности.

Первые тангутские словари были обнаружены и описаны А. И. Ивановым. В 1909 г. он опубликовал описание тангутско-китайского словаря «Перл в руке»¹¹ (1189 г.). А. И. Иванов также обнаружил и кратко описал тангутские словари¹². Благодаря его стараниям содержание этих словарей стало известно зарубежным ученым. Базируясь на этих материалах, А. И. Иванов начал составлять «Словарь тангутского письма». В 1918 г. этот труд был «уже близок к окончанию»¹³.

Однако честь научного описания тангутских словарей принадлежит Н. А. Невскому.

В 1925 г. А. И. Иванов, занимавший тогда пост старшего переводчика Советского посольства в Китае, привез эти словари в Пекин и показал их находившемуся там Н. А. Невскому. Последний с позволе-

⁵ В. Котвич, *Образцы ассигнаций Юаньской династии в Китае*, — «Известия Российского географического общества», 1909, XIV, стр. 477.

⁶ Ван Цзин-жу, *Тангутоведение*, Пекин, 1932, стр. I, 7, 13.

⁷ Тангутский фонд ЛО бывшего ИВ АН, инв. № 4773 (здесь и далее тангутские написания помечены римскими цифрами и приведены в приложении в конце статьи).

⁸ Н. А. Невский, *Тангутская письменность и ее фонды*, — «Доклады группы востоковедов на сессии Академии наук СССР 20 марта 1935 г.», М.—Л., 1936, стр. 74.

⁹ «История династии Юань», гл. I, издание в серии «Сы-бу бэй-яо», т. 092, Шанхай, 1935, стр. 32.

¹⁰ Н. А. Невский, *Тангутская письменность и ее фонды*, стр. 78.

¹¹ А. И. Иванов, *Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache*, — «Известия Императорской академии наук», 1909, серия VI, т. III, № 12—18, стр. 1221—1233.

¹² А. И. Иванов, *Памятники тангутского письма*, — «Известия Российской академии наук», 1918, стр. 799—800.

¹³ Там же, стр. 799.

ния А. И. Иванова скопировал словари и поместил их подробнейшее описание в одном из японских сборников¹⁴. Так были описаны важнейшие тангутские словари «Гомофоны» и «Море начертаний».

В 1959 г. во время работы над инвентаризацией неразобранной части тангутского фонда Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР нам удалось обнаружить еще несколько новых тангутских словарей.

Один из них мы условно назвали «Предметным словарем тангутской лексики». Его тангутское наименование (II) полностью пока еще не поддается дешифровке. Большая часть словаря — рукопись. Первая и пять последних страниц ксилографированы. По-видимому, перед нами восстановленный от руки экземпляр словаря, изданного прежде ксилографическим способом. Словарь не датирован. Сброшюрован книгой. Его размер 19×13 см, на каждой странице 8 строк по 12 знаков, объем 20 листов. Написан он на серой, многослойной бумаге низкого качества. Местами текст выцвел.

Данный словарь представляет собой собрание тангутских идеографов, сгруппированных по 10 темам, без всяких пояснений. Эти темы, а точнее, разделы словаря следующие: 1) коровы, 2) овцы и козы, 3) пернатые, 4) дикие животные, 5) пресмыкающиеся и насекомые, 6) тангутские фамилии, 7) имена, 8) китайские фамилии, 9) части человеческого тела, 10) жилища (III).

На рис. 1 представлено начало раздела «тангутские фамилии». Список открывается фамилией тангутских государей Вей-мин (IV).

На рис. 2 воспроизведена последняя страница другого словаря такого же типа, изданного ксилографическим способом. Словарь очень плохо сохранился, нижняя часть его истлела.

Объем уцелевшей части словаря 20 листов. В нем представлены разделы: 1) военная подготовка, 2) имена, 3) китайские фамилии, 4) части человеческого тела, 5) жилища, 6) календарь (V. Разделы 2—5 этого словаря совпадают с разделами 7—10 описанного выше словаря).

Для того чтобы читатель смог составить более полное представление о характере этих двух словарей, приведем несколько слов из представленной на рис. 2 последней части раздела «календарь». В крайней правой колонке сверху вниз указаны слова: «прошлый год», «позапрошлый год», «этот год» и т. д. Во второй строке вторая пара слов сверху означает «лето» и «светлый», «ясный» (VI). Затем следует подзаголовок, который значит — «остальные знаки, используемые (в делопроизводстве) всеми управлениями» (VII). Здесь представлены такие слова, как «дворцовое (управление)», первая колонка, третья пара слов; «заслуги и добродетели» (VIII), следующая пара слов и т. д.

Два других словаря относятся к типу описанных Н. А. Невским словарей «Море начертаний» и «Смешанные категории моря иероглифов».

От первого из них сохранилось только два листа. Это рукопись форматом 20,5×13,5 см, которая, по-видимому, была сброшюрована старым китайским способом — «бабочкой». На каждой из сохранившихся страниц пять строк текста по шесть объясняемых знаков (рис. 3). Бумага серая, пожелтевшая, тонкая. Сохранность удовле-

¹⁴ Nicolas Nevsky, *Concerning tangut dictionaries*, — «Сборник статей по Китаеведению, посвященный 60-летию юбилею профессора Кано Наоки», Киото, 1928, стр. 27—41.

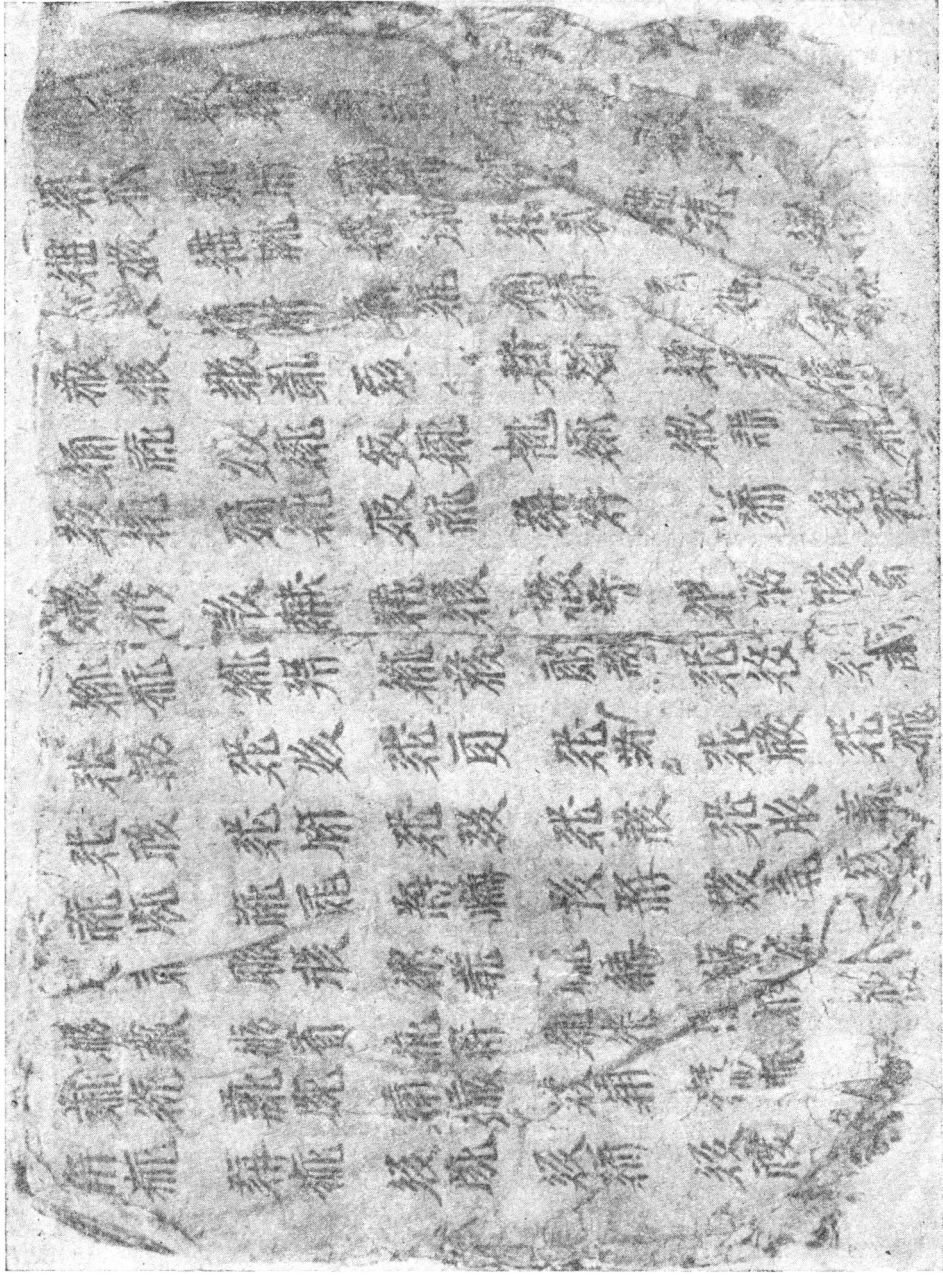

Рис. 1. КОПИЯ СТРАНИЦЫ ИЗ «ПРЕДМЕТНОГО СЛОВАРЯ ТАНГУТСКОЙ ЛЕКСИКИ». НАЧАЛО РАЗДЕЛА «ТАНГУТСКИЕ ФАМИЛИИ».

Рис. 2. КОПИЯ СТРАНИЦЫ ИЗ КСИЛОГРАФИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ
 «ПРЕДМЕТНОГО СЛОВАРЯ ТАНГУТСКОЙ ЛЕКСИКИ»

На рисунке показан конец раздела «Календарь» и начало раздела
 «Знаки, используемые (в делопроизводстве) управлениями».

Рис. 3. КОПИЯ СТРАНИЦЫ ИЗ СЛОВАРЯ ТИПА «МОРЕ НАЧЕРТАНИЙ».

творительная. В данном словаре объясняемый знак написан четким, крупным почерком. Каждый тангутский идеограф получил здесь все-стороннее описание. С правой стороны указаны идеографы, из составных частей которых образован тот или иной знак. Очень любопытно, что в данном фрагменте для обозначения частей исходных знаков использованы условные значки. Эти значки представляют собой сокращения идеографов, служащих для этой же цели в описанном Н. А. Невским словаре «Море начертаний»¹⁵ (см. IX). Сокращенные варианты даны в таблице вместе с полным написанием идеографа в следующем порядке: знаки обозначают, что у исходного знака взята правая половина, левая половина, знак взят полностью, взята верхняя часть, нижняя часть, обрамляющая часть, центральная часть (полное написание последнего знака нам пока неизвестно).

Внизу дано подробное пояснение значения знака и его употребление. Идеографы внутри словаря расположены по фонетическому принципу. Все одинаково читающиеся знаки объединены в одну группу. У первого основного знака, определяющего чтение данной группы идеографов, слева по системе «фань-це» указано чтение всей группы следующих за ним знаков. В данном фрагменте представлены знаки, чтение которых начинается с губных «б» и «м».

Рассмотрим на примере, как читаются знаки в этом словаре. Мы видим, что искомый знак (X) образован из правой части знака «большой» (XI) и правой части знака «обезьяна», «дикое животное» (XII). Знак и вся группа знаков, которую он открывает, помещаются под 69-й рифмой ровного тона (XIII), и значение их объяснено по системе «фань-це» знаками, чтение которых пока еще не определено (XIV—XV).

В объяснении значения знака сказано следующее: «искомый знак (X) означает название дикого животного» (XVI). Таким же образом раскрывается содержание знака «люди» (XVII) (см. рис. 3, второй знак сверху в крайней левой строке). В объяснении его значения говорится, что это собирательный знак, обозначающий всех людей в целом.

В коллекции Ленинградского отделения Института народов Азии обнаружен еще один большой словарь такого же типа. Это рукописный свиток на серой, очень тонкой и ветхой бумаге шириной 22,5 см и длиной 5 м 16 см. Число объясняемых знаков в строке не одинаково. Объяснение идеографов точно такое же, как и в словаре, описанном выше. Словарь без начала и конца, сохранились лишь разделы слов, начинающихся с губных и дентальных. Текст написан на обратной стороне какой-то неизвестной сутры. Это очень затрудняет чтение, так как находящиеся с обратной стороны идеографы текста сутры просвечивают сквозь тонкую бумагу и усложняют понимание и без того мелко и нечетко написанного текста словаря.

Кроме четырех описанных выше словарей, нами обнаружены также многочисленные фрагменты описанного ранее Н. А. Невским словаря «Гомофоны». Этот словарь, как установил Н. А. Невский, включает в себе список тангутских идеографов, расположенных по начальным согласным, объединенным в разделы губные смычные, губные спиранты, дентальные, палатальные, заднеязычные, дентально-альвеолярные (с соответствующими аффрикатами), палато-альвеолярные (с соответствующими аффрикатами), гортанные (в указанный раздел отнесены все гласные фонемы) и ликвидные¹⁶. Внутри каждого отдела все идео-

¹⁵ Nicolas Nevsky, *Concerning tangut dictionaries*, стр. 35—36.

¹⁶ Там же, стр. 29—30.

Рис. 4. «ГОМОФОНЫ». ФРАГМЕНТЫ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ОБЛОЖКИ СУТРА

графы, имеющие один и тот же фонетический коэффициент, соединены в группы, отделенные одна от другой кружком. Таким образом, в нем, как и в словарях типа «Море начертаний», определив чтение хотя бы одного идеографа группы, можно определить чтение всех остальных знаков той же группы. Кроме того, каждый знак сопровождается другим знаком, близким ему по значению или являющимся его синонимом. На рис. 4 представлен фрагмент словаря, извлеченный из обложки сутры (такие обложки, как правило, клеились из обрезков бумаги).

Приведем пример, позволяющий более ясно определить характер данного словаря. Во второй колонке справа нижний знак (XVIII) транскрибируется китайскими знаками чжэ, шэ. Следовательно, вся группа знаков, которую он замыкает, имеет чтение, близкое к произношению указанных китайских иероглифов. Этот знак означает «десять», «десяток» и поясняется другим знаком (XIX), который также значит «десять» и употребляется гораздо чаще, чем объясняемый знак.

Рассмотренные нами типы словарей (исключая разнообразные фонетические таблицы), по-видимому, были наиболее распространенными в тангутском государстве. Эти словари показывают, что тангуты очень хорошо смогли разработать лексику и в особенности фонетику своего родного языка. В данном случае они опирались на богатый опыт китайской лингвистики. Еще А. И. Иванов указывал, что словари типа «Море начертаний» составлены по образцу известного китайского словаря Танской эпохи «Гуан юнь»¹⁷. С другой стороны, большое количество словарей, по нашему мнению, свидетельствует о сложности тангутского письма и трудностях его изучения и понимания.

Как известно, тангутское письмо было создано в 1036 г. Образцом, по которому тангуты строили свою письменность, явилась китайская иероглифика¹⁸. На наш взгляд, такое сходство довольно отчетливо прослеживается в целом ряде элементов тангутских идеографов (см. XX, где тангутские детерминативы: 1) вода, 2) овца, корова, 3) брат, 4) демон, 5) нить, 6) дерево, 7) высокий, прошлый — графически сходны с родственными им по смыслу китайскими иероглифами или элементами китайской иероглифики).

В основу тангутской графики, по нашему предположению, легли восемь основных черт (XXI), из сочетания которых образовались разнообразные элементы идеографов, имеющие смысловое и, возможно, фонетическое значение (XXII: 1) человек, 2) дом, жилище, 3) свет, блеск, 4) пышность, красота, 5) святой, одухотворенный и т. д.). Из сочетания таких элементов уже конструировались тангутские идеографы, а многие из них в свою очередь сами становились исходными знаками для создания все новых и новых идеографов. Например, элементы знаков «желудок» (1) и «полный» (2) образовывали идеограф «сытый»; элементы знаков «святой» (3) и «сын» (4) — идеограф «император»; элементы идеографов «земля» (5) и «демон» (6) — идеограф «ад» (XXIII). Каким образом новые идеографы образовывались из готовых знаков, было показано в описании третьего словаря (X).

Нам кажется, что в самом формировании элементов, образующих тангутские идеографы, есть совершенно определенная закономерность (XXIV). Пока еще нет возможности проследить ее внутренние связи (если таковые имеются), но наличие какого-то единого принципа, кото-

¹⁷ А. И. Иванов, *Памятники тангутского письма*, стр. 800.

¹⁸ Ло Фу-чан, *О тангутской письменности* (издание в серии «дай-ши-сюань-цунь-кань»), Шанхай, 1937, стр. 10а.

рому следовали составители тангутского письма при образовании элементов идеографов, очевидно.

Мы уже отмечали, что некоторые из этих элементов имеют явно китайское происхождение. В свое время Г. Девериа, впервые ознакомившись с большим тангутским текстом, высказал предположение, что тангутская письменность была создана по образцу киданьской¹⁹. В то время киданьская письменность была известна лишь благодаря нескольким знакам, сохранившимся в китайских источниках. Как показали наши наблюдения, действительно, в киданьской письменности есть целый ряд графических элементов, схожих с тангутскими, и заимствование здесь возможно. (См. XXV, где первые элементы тангутские, а рядом с ними сходные киданьские²⁰.) Однако гораздо больше сходства с тангутской графикой имеет чжурчжэньская письменность²¹. Она была создана позднее тангутской, и тангутское влияние на эту письменность сказалось больше, чем влияние киданьской на тангутскую (см. XXVI, где первые элементы тангутские, а рядом с ними чжурчжэньские).

Все эти три еще не дешифрованные письменности в основе своей графической системы имели китайскую иероглифику. Связь между киданьскими элементами письма и китайской иероглификой, основанную на фонетической близости схожих элементов (т. е. связь, не аналогичную указанной нами связи между элементами тангутских и китайских иероглифов см. XX), отмечал еще Л. Н. Рудов²². Но говорить о том, существовала ли какая-нибудь иная связь, кроме внешнего сходства элементов, между интересующими нас тремя системами письма, в настоящее время пока еще невозможно.

Комплексное изучение всей лексикографической литературы тангутов — один из самых верных путей к раскрытию внутренней закономерности системы письма Си Ся. А знание этой системы, возможно, в какой-то мере позволит еще больше приподнять завесу и над тайнами киданьского и чжурчжэньского письма²³, с которым, как мы пытались показать, тангутская письменность была, несомненно, связана.

¹⁹ G. Devéria, *L'écriture du royaume de Si-Hia ou Tangout*, — «Mémoires présentés par divers savants de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», 1-re série, t. XI, 1-re partie, Paris, 1898, pp. 26, 28.

²⁰ Киданьские элементы заимствованы из публикации киданьских текстов в журнале «Го-сюе-ци-кань» («Ежеквартальный синологический вестник»), 1932, т. III, № 3, стр. 397—420.

²¹ Чжурчжэньские элементы взяты из кн.: «A Jučen-Japanese-English Glossary, compiled by Hiroaki Jamaji, Research-room for the Asian and African languages», Токио, 1956.

²² Л. Н. Рудов, *Проблемы киданьской письменности* (архив ЛО бывшего ИВ АН, ф. 77, ед. хр. 7).

²³ О дешифровке чжурчжэньской письменности см.: Louis Ligety, *Note préliminaire sur le déchiffrement des «petits caractères» joutchen*, — «Acta Orientalia», t. III, 1953, fasc. 3, pp. 211—228.

ТАНГУТСКИЕ НАПИСАНИЯ

I. 𠂇尾 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇

II. 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇

III. 1. 𠂇𠂇	6. 𠂇𠂇 𠂇𠂇
2. 𠂇𠂇	7. 𠂇𠂇 𠂇𠂇
3. 𠂇𠂇 𠂇𠂇	8. 𠂇𠂇 𠂇𠂇
4. 𠂇𠂇 𠂇𠂇	9. 𠂇𠂇 𠂇𠂇
5. 𠂇𠂇 𠂇𠂇	10. 𠂇𠂇 𠂇𠂇

IV. 𠂇𠂇 𠂇𠂇

V. 1. 𠂇𠂇 𠂇𠂇... 6. 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇

VI. 𠂇尾 𠂇𠂇, 𠂇尾 𠂇𠂇, 𠂇尾 𠂇𠂇, 𠂇尾 𠂇𠂇

VII. 𠂇尾 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇

VIII. 2. 𠂇尾 𠂇𠂇, 𠂇尾 𠂇𠂇

IX. 𠂇 = 𠂇𠂇; 𠂇 = 𠂇𠂇; 𠂇 = 𠂇𠂇, 𠂇 = 𠂇𠂇;
𠂇 = 𠂇𠂇, 𠂇 = 𠂇𠂇; 又;

X. 𠂇𠂇, XI. 𠂇𠂇, XII. 𠂇𠂇, XIII. 𠂇𠂇,

XIV-XV. 𠂇 + 𠂇𠂇; XVI. 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇 𠂇𠂇,

XVII. 𠂇𠂇,

XVIII. 𠂇𠂇, XIX. 𠂇𠂇,

XX. 1. 𠂇 = 𠂇, 2. 𠂇, 𠂇 = 𠂇, 3. 𠂇 = 𠂇, 4. 𠂇 = 𠂇, 5. 𠂇 = 𠂇;
6. 𠂇 = 𠂇; 7. 尾, 尾 = 長,

XXI. 1 — (.) 5 2
2 | 6 3
3 L 7 /
4 7(777) 8 \

XXII. 1 𠂇, 𠂇, 𠂇, 𠂇, 2 𠂇, 𠂇, = 𠂇, 3 𠂇, 𠂇, 𠂇, = 𠂇,
4 𠂇, 𠂇, 𠂇, 𠂇, 5 𠂇, 𠂇, 𠂇

XXIII. 1 𠂇 + 2 𠂇 = 𠂇, 3 𠂇 + 4 𠂇 = 𠂇;
5 𠂇 + 𠂇 = 𠂇,

XXIV. 1 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 —
𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇
𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇
𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇
𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇
𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇 𠂇

XXV. 1 𠂇 = 𠂇, 2 𠂇 = 𠂇, 3 𠂇 = 𠂇, 4 𠂇 = 𠂇, 5 𠂇 = 𠂇, 6 𠂇 = 𠂇,
7 𠂇 = 𠂇,

XXVI. 1 𠂇 = 𠂇, 2 𠂇 = 𠂇, 3 𠂇 = 𠂇, 4 𠂇 = 𠂇, 5 𠂇 = 𠂇,
6 𠂇 = 𠂇, 7 𠂇 = 𠂇, 8 𠂇 = 𠂇, 9 𠂇 = 𠂇, 10 𠂇 = 𠂇;

З. И. Горбачева

**КИТАЙСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ ТРУДЫ
В КОЛЛЕКЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Китайская медицина обладает давними традициями и богатейшим опытом. Многие древние памятники культуры свидетельствуют о том, что уже 2,5—3 тысячи лет назад эта отрасль науки достигла в Китае высокого уровня развития. Так, в библиографическом справочнике «Ци люе» (III в. до н. э.), составителем которого является Лю Синь, отмечается, что в то далекое время китайские врачи создали 30 медицинских трактатов¹. Однако до нас дошли далеко не все из этих трудов. В течение столь длительного периода многое было утрачено. Но тем большую ценность приобрело все сохранившееся. Поэтому вполне понятно то внимание, с которым правительство КНР относится ко всему, что хранит в себе многовековые традиции китайской медицины, будь то печатные труды или рукописи, зафиксировавшие богатую, передававшуюся из поколения в поколение самобытную народную медицину, рецептуру лекарств и т. п. В течение многих веков народные врачи (и-шэн) собирали и обобщали опыт лечения людей. Их труды — это огромный вклад китайского народа в сокровищницу мировой медицины.

Наиболее древним из сохранившихся медицинских трактатов считается «Нэй цзин» («Трактат о внутреннем»), приписываемый легендарному правителю Китая Хуан-ди (III тысячелетие до н. э.). В дошедшем до нас варианте этот трактат состоит из двух отдельных работ: «Лин шу» («Основы духа») и «Су вэнь» («Простые вопросы»).

Вторым дошедшим до нашего времени трактатом по медицине является «Нань цзин» («Книга о трудном»), составленная по заветам первого выдающегося китайского врача Бянь Цяо.

К III в. н. э. относится труд врача Ван Шу-хэ «Мо цзинь» («Трактат о пульсе»), в котором тщательно классифицированы изменения пульса при различных заболеваниях.

Особого внимания заслуживает «Чжэнь цю цзин» («Трактат об акупунктуре» или чжэнь цю-терапии). Автор этого труда неизвестен, но традиция приписывает его тому же Хуан-ди. И в наши дни чжэнь цю-терапия имеет широкое распространение в Китае и входит в практику европейской медицины. Этот своеобразный вид терапии включает

¹ «История династии Хань» (Литературно-библиографический отдел), цзюань 30, л. 17-а.

в себя акупунктуру (иглоукалывание) и прижигание (мокса) и применяется в Китае уже в течение нескольких тысячелетий. К V в. н. э. в библиографическом справочнике «Цзин цзи и вэнь чжи» указывается уже 43 названия книг по чжэнь цзю-терапии².

Значительные успехи китайской медицины относятся к периоду Сунской династии (960—1276), отмеченному в истории Китая высоким развитием науки и культуры. Именно в это время новые теории начинают появляться и в медицине. Медицинская наука разделяется на ряд отраслей. Влияние новых философских учений того времени, в частности неоконфуцианства, способствовало появлению различных медицинских школ. Развитие книгопечатания также благоприятно отразилось на распространении медицинских знаний. Подготовка врачей кадров входила в ведение государства, в стране открывались государственные аптеки.

В 1026 г. появилась книга «Тун жэнь шу сюе чжэнь цзи» («Атлас точек бронзового человека»). Для наглядного изучения иглотерапии, согласно сведениям исторических хроник, в Китае была отлита бронзовая статуя человека с довольно хитроумным устройством. Оно состояло в том, что при опытах игла проходила только в строго определенные места, которые предназначались для уколов. При правильном уколе из этих мест выступала вода.

Следует отметить, что мнение буржуазных ученых Запада о том, что познания китайских врачей в анатомии якобы стояли на низком уровне, не имеет никаких оснований. Многочисленные труды китайских врачей подтверждают совершенно обратное. В период династии Сун издавались и подробные анатомические таблицы, называемые «Цунь чжэнь ту» («Таблицы человеческого тела»), составленные, согласно китайским данным, в 1102 г. на основании сведений, полученных художником и врачом при вскрытии трупа казненного преступника. Эти таблицы были размножены и переданы врачам.

В этот же период в Китае было создано много работ по отдельным отраслям медицины: терапии, хирургии, педиатрии, гинекологии, инфекционным заболеваниям и др.³

Первые труды по фармакологии появились в Китае в I в. до н. э. Уже тогда в них было описано около 400 различных лекарственных средств. Знаменитые китайские фармакопеи известны в западноевропейской литературе под названием *Botanicon Sinicum*. Таких сборников было выпущено очень много. Последний из них, обобщающего содержания, принадлежит перу выдающегося китайского фармаколога Ли Ши-чжэня (XVI в.). Кроме монументального труда «Основы фармакологии» («Бэнь цао ган му»), он написал труды: «Учение о пульсе». «Изучение пульса», «Способы врачевания» и многие другие.

«Фармакопея» Ли Ши-чжэня, этот огромный труд, состоящий из 52 томов, известна в европейском китаеведении благодаря работам А. Татарина, Э. Бретшнейдера, А. Хюботтера (А. Hübotter) и др., опубликовавших исследования по данному вопросу⁴.

² «Литературно-библиографический отдел исторической хроники династии Суй», Пекин, 1958, стр. 103—110.

³ К. К. Флуг, *История китайской печатной книги Сунской эпохи*, М.—Л., 1959, стр. 178—195; F. Hübotter, *Die chinesische Medizin zu Beginn des XX Jahrhundert und ihr historischer Entwicklungsgang*, — China Bibliothek der «Asia Major», Bd I, Leipzig, 1929, S. 198.

⁴ F. Hübotter, *Die chinesische Medizin zu Beginn...*, Ss. 202—208; E. Bretschneider, *Botanicon Sinicum; notes on chinese Botany, from native and western sources*, Hongkong, 1895.

«Бэнь цао ган му» не утратила своей научной ценности и для современной медицины и представляет собой один из основных источников по изучению медицинской ботаники или лечебных свойств разных органических и неорганических веществ. Ли Ши-чжэнь обобщил научный опыт, приобретенный китайскими врачами за предшествующие столетия, вплоть до XVI в. В своем труде он описал 1892 лекарственных вещества, которые в той или иной степени использовались в китайской медицине. Для более полного представления о содержании книги перечислим ее разделы: 1. Вода с ее флорой и фауной; 2. Деревья; 3. Земля с флорой и фауной; 4. Металлы; 5. Камни; 6. Травы; 7. Злачные растения; 8. Овоши; 9. Черви; 10. Рыбы; 11. Чешуйчатые; 12. Птицы; 13. Животные; 14. Человек.

Судя уже только по этому перечню, можно сказать, что в «Фармакопее» широко и почти исчерпывающе было изучено и включено все то, что имеет отношение к фармакологии. В этом труде зафиксирован богатейший опыт китайской народной медицины.

В настоящее время в КНР проводится большая работа по освоению и дальнейшему развитию национального наследия в области медицины и фармакологии. Для осуществления задач, стоящих перед китайскими учеными, принят ряд мероприятий, направленных на возрождение самобытной китайской медицины, подвергавшейся гонению и дискриминации как в годы господства маньчжуров (XVII—XX вв.), так и особенно в период гоминьдановской реакции.

В 1955 г. в Пекине был создан Научно-исследовательский институт народной медицины. Спустя некоторое время такие же институты были открыты и во многих других городах. При медицинских институтах имеются факультеты китайской медицины. Развернулась работа по сбору сведений о народных врачах и об их методах лечения. Результаты получились разительные: только в провинции Хубэй в течение четырех лет было обнаружено 1800 народных врачей и более 162 тыс. рецептов, ранее хранившихся в секрете у этих врачей и среди простого народа. В провинции Фуцзянь к концу 1958 г. было выявлено 700 тыс. рецептов и более 600 тыс. медицинских рукописей и книг, в том числе и уникальных. Древние китайские трактаты по медицине переводятся на современный язык. Известные врачи китайской медицины создают труды, в которых запечатлевают свой богатый опыт и знания, необходимые для нового поколения⁵.

В связи с этим ознакомление широкой общественности с теми китайскими медицинскими трудами, которые имеются в наших советских хранилищах, приобретает большое значение. Этим мы помогаем китайскому народу восстановить былое значение его самобытной медицины, имеющей свои славные традиции.

В Ленинградском отделении Института народов Азии Академии наук СССР в коллекции ксилографических книг, существующей уже свыше 200 лет, имеется более 50 медицинских сочинений. Представляет известный интерес вопрос о том, как и когда эти сочинения попали в коллекцию. Приобретение и включение их в общую коллекцию, по-видимому, было случайным, так как собрание китайских книг-ксилографов, к которым относятся и медицинские сочинения, носило гуманитарный характер. Следует также отметить, что эти книги поступали либо в конце XVIII в., либо в начале XIX в. Позднее коллекция пополнялась лишь сочинениями, соответствующими профилю Азиатского му-

⁵ Подробнее о китайской медицине и, в частности, народной, см. Цзинь Сянь-чжун, *История китайской народной медицины*, Пекин, 1959.

зая, организованного на базе китайской части библиотеки Академии наук в 1818 г. Поэтому ксилографы по астрономии, математике, сельскому хозяйству, ремеслам и т. п. представлены в коллекции сравнительно слабо.

Первые медицинские сочинения, насколько можно проследить по истории пополнения библиотеки, поступили от врача Х духовной миссии в Пекине И. Войцеховского⁹. Как и все прочие книги, поступившие в Азиатский музей до 1840 г., они составили ту часть собрания, которая в настоящее время носит название «коллекции Броссе». В 1864 г. несколько медицинских сочинений попало при передаче китайской библиотеки из Азиатского департамента в Азиатский музей. Некоторое количество ксилографов по медицине передал в дар музею консул в Ханькоу П. А. Дмитревский. Наконец, о путях поступления единичных книг мы не имеем сведений. Однако, несмотря на это, в коллекции представлены основные китайские сочинения по медицине, причем некоторые из них имеются в различных изданиях.

Древнейшие медицинские сочинения

Как уже указывалось выше, одним из древнейших медицинских трудов является «Нэй цзин» («Трактат о внутреннем»). В нашей коллекции он имеется в минской редакции 1654 г., отличающейся наибольшей полнотой комментариев на «Нэй цзин», приданных к изданию, а также в наиболее распространенной редакции издания 1749 г. Несколькими изданиями в коллекции представлено и входящее в «Нэй цзин» сочинение «Су вэнь»: 1522 г. и стереотипного с него издание 1705 г. Большой интерес представляет сочинение «Лэй цзин» («Трактат-комплекс»), имеющее непосредственное отношение к упомянутому выше «Нэй цзину». Автор этого трактата — Чжан Цзе-бинь (1563—1640), известный медик и исследователь Минской эпохи. Целью своего труда «Лэй цзин» Чжан Цзе-бинь ставил пояснение и интерпретацию довольно трудного для понимания текста «Нэй цзин». В действительности же труд этого замечательного врача явился квинтэссенцией точки зрения автора на главнейшие медицинские вопросы, базирующейся на его многолетнем опыте и глубоком изучении конкретного материала. Китайские ученые — современники Чжан Цзе-биня оценивали эту работу как наиболее ценную и популярную для того времени.

«Чжэнь цю цзин» («Трактат об иглотерапии») представлен в коллекции изданием 1657 г. «Нань цзин» («Трактат о трудном») имеется в двух изданиях — 1680 и 1700 гг. «Мо цзин» («Трактат о пульсе») представлен довольно редким, включающим в себя и «Нань цзин», изданием 1700 г.

Общие труды по медицине

Общие труды по медицине представлены несколькими руководствами. Из них следует отметить работы врачей Минской эпохи (1368—1644), например, сочинение «И. цзун би ду» («Необходимое руководство для врачей»). Автор этой книги, крупный врач того времени Ли Чжун-цзы, более широко известный под именем Ли Ши-цзя. «Необходимое руководство для врачей» состоит из трех частей: критических медицинских работ автора; сокращенной «Фармакопеи» и руководства по лече-

⁹ П. Е. Скачков, *Русские врачи при Российской духовной миссии в Пекине*, — «Советское Китаеведение», 1958, № 4, стр. 136—148.

нию разных болезней. В нашей коллекции имеется два издания этого труда — 1782 и 1801 гг. (первое издание вышло в 1637 г.). Ли Ши-цаю принадлежат также другие три работы, изданные под общим названием «Ли Ши-цай сань шу» («Три труда Ли Ши-цая»), а именно: «О проверке пульса», «Общее руководство по фармакологии» и «Инструментарий врача». В коллекции имеется второе издание книги 1708 г.

К указанному времени относится и работа Ван Юй-тая «Мин и чжи чжан» («Общее руководство по медицине»). В коллекции хранится экземпляр издания 1622 г. (второе издание).

Достижения врачей Минской династии были зафиксированы в сборнике «Мин и лэй ань» («Опыты знаменитых врачей»). Сборник переиздавался неоднократно начиная с 1526 г. Наше издание относится к 1770 г.

Среди медицинских работ, относящихся к Цинской династии (1644—1911), в нашей коллекции имеется «Цзин юе цзинь шу» («Золотая книга Цзин-юе»). В ней указанный выше Чжан Цзе-бинь изложил систему врачевания. Ксилограф относится к 1710 г. Среди общих трудов по медицине нельзя не отметить «И цзун цзинь цзянь» («Золотое зеркало врачей») — сочинение, состоящее из четырех частей: «Главное в изменении человеческой природы в зависимости от действия положительных и отрицательных сил»; «Главное о лихорадке»; «Ключ к познанию разных болезней» и «Основы врачевания женских болезней». Издание этого труда относится к 1742 г.

Значительный интерес представляют и такие работы, как «И мэн фа люй» («Законы врачевания») Юй Чана, «И фан цзи сянь» («Лечение и составление лекарств с пояснениями») Ван Жэн-аня в издании 1682 г. и др.

Разные болезни и их лечение

Этот раздел представлен лечебниками по внутренним и инфекционным болезням, гинекологии, хирургии и т. д.

Руководства по хирургии имеются в нескольких изданиях: «Вай кэ чжэн чжи цюань шэн цзи» («Описание хирургического лечения болезней»), ксилографы 1740 и 1800 гг., «Вай кэ чжэн цзун» («Полный курс хирургии») 1652 г., «Вай кэ цюань шу» («Руководство по хирургии»), издания 1717 г. Автором последней работы является известный китайский врач Доу Хань-цин.

Несколько трудов посвящено лечению оспы. Отметим книги Чжан Сунь-юя «Чжун доу синь шу» («Новое издание руководства лечения оспы»), 1790 г., «Доу чжэнь чжэн цзун» («Общее руководство по лечению оспы»), составленное Сун Линь-сяном и изданное в 1703 и 1721 гг., «Доу чжэнь дин лунь» («Лечение оспы») Чжу Шунь-ци и «Лунь доу цзы» («Об оспе»). Две последние работы относятся к XVIII в.

В коллекции Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР хранятся также труды по глазным болезням, по гинекологии, по лечению болезней кожи, болезней, сопровождающихся лихорадкой, и т. д., работы по фармакологии и фармацевтике.

В дополнение к изложенному выше прилагаем список ксилографов коллекции.

1. 黄帝内经素问 «Хуан ди нэй цзин су вэнь» («Простые вопросы и Трактат о внутреннем Хуан-ди»), издание 1609 г. с комментариями У Хао-гао, коллекция Броссе, XI, 7. Шифр Д 149.

2. То же, с комментариями Ма Юань-тая, издание 1705 г., коллекция Азиатского департамента, № 286. Шифр Д 335.

3. 黄帝素問靈樞合纂 «Хуан ди су вэнь лин шу хэ цзуань» («Простые вопросы и Основы духа Хуан-ди, изданные вместе»), ксилограф 1779 г., коллекция Броссе, XI, 17. Шифр Д 156.

4. 函註難經 «Ту чжу нань цзин» («Трактат о трудном, комментированный и иллюстрированный»), комментарии Чжан Ши-сяня. Издание не датированное, из коллекции Броссе, XI, 36. Шифр Д 170.

5. 王叔和函註難經脈訣 «Ван Шу хэ ту чжу нань цзин мо цзюе» («Трактат о трудном и Трактат о пульсе, комментированные Ван Шу-хэ», субкомментарии Чжан Ши-сяня, ксилограф 1700 г., из коллекции Броссе, XI, 15. Шифр Д 155.

6. 類經 «Лэй цзин» («Трактат-комплекс»), автор Чжан Цзе-бинь. Ксилограф, изданный в 1624 г., из коллекции Броссе, XI, 3. Шифр Д 146.

7. 重刊鍼灸大成 «Чун кань чжэнь цзю да чэн» («Вновь изданное полное руководство по чжэнь цзю терапии»), ксилограф 1680 г., из коллекции Броссе, XI, 27. Шифр Д 166.

8. 詳訂医宗必讀 «Сян дин и цзун би ду» («Общее руководство по медицине, пересмотренное и отредактированное»), автор Ли Ши-цай, ксилограф 1782 г., из коллекции Броссе, XI, 5. Шифр Д 147.

9. То же, шифр Д 148.

10. То же, шифр Д 154.

11. 增補医宗必讀 «Цзэн бу и цзун би ду» («Дополненное общее руководство по медицине»), автор Ли Ши-цай, редактор данного издания Цай Дун-янь, ксилограф 1801 г., из коллекции Броссе, XI, 14. Шифр Д 154.

12. 御纂医宗金鑑 «Юй цзуань и цзун цзинь цзянь» («Золотое зеркало врачей, составленное по высочайшему повелению»), ксилограф 1742 г., из коллекции Азиатского департамента № 284. Шифр Д 334.

13. То же, из коллекции Броссе, XI, 16. Шифр С 36.

14. 景岳金書 «Цзин юе цзинь шу» («Золотая книга Цзин-юе»), автор Чжан Цзе-бинь, ксилограф 1710 г., из коллекции Азиатского департамента, № 287. Шифр Д 336.

15. 医門法律 «И мэнь фа люй» («Правила врачевания»), автор Юй Чан. Ксилограф не датированный, из коллекции Азиатского департамента, № 295. Шифр Д 342.

16. 名医類安 «Мин и лэй ань» («Опыты знаменитых врачей»), ксилограф 1770 г., из коллекции Азиатского департамента, № 290. Шифр Е 239.

17. 定補名醫指掌 «Дин бу мин и чжи чжан» («Руководство по медицине, вновь отредактированное и дополненное»), автор Ван Юй-тай, ксилограф 1622 г., из коллекции Азиатского департамента, № 289. Шифр Д 337.

18. 合纂增補士才三書 «Хэ цзюань цзэн бу Ши цай сань шу» («Три работы Ли Ши-цай, в новой расширенной редакции, изданные вместе»), ксилограф 1708 г., из коллекции Броссе, XI, 10. Шифр Д 152.

19. 医学啓蒙彙編 «И сюе ци мэнь хой бянь» («Учебник медицины»), автор Хо Юй-хуа. Ксилограф не датированный, из коллекции Броссе, XI, 43. Шифр Д 174.

20. 医方集解 «И фан цзи цзе» («Руководство по медицине»), автор Ван Ан, ксилограф 1682 г., из коллекции Броссе, XI, 8. Шифр Д 150.

21. 大生編 «Да шэн бянь» («О проникновенном»), автор неизвестен, ксилограф XVIII в., из коллекции Броссе, XI, 19. Шифр Д 157.

22. То же, ксилограф 1591 г., из коллекции Броссе, XI, 13. Шифр Д 153.

23. 東医寶鑑 «Дун и бао цзянь» («Драгоценное зеркало восточной,

т. е. корейской, медицины»), ксилограф 1613 г., из коллекции Е. Бретшнейдера. Шифр С 151.

24. 寶太氏外科全書 «Доу тай ши вай кэ цюань шу» («Полное руководство по хирургии г. Доу»), автор Доу Хань-цин, ксилограф 1717 г., из коллекции Броссе, XI, 20. Шифр Д 159.

25. 外科大成 «Вай кэ да чэн» («Руководство по хирургии»), автор Ци Гуан-шэн, ксилограф 1743 г., из коллекции Броссе, XI, 21. Шифр Д 160.

26. 繡梓圖詳外科正綜 «Сю цзы ту сян вай кэ чжэн цзун» («Новое иллюстрированное издание полного руководства по хирургии»), ксилограф, напечатанный в годы правления Юн-чжэн (1723—1735), из коллекции Броссе, XI, 22. Шифр Д 161.

27. 外科症治全生集 «Вай кэ чжэн чжи цюань шэн цзи» («Полное руководство лечения болезней хирургическим способом», составитель Ван Вэй-дэ, ксилограф 1800 г., из коллекции Броссе, XI. Шифр С 37.

28. 痘疹正綜 «Доу чжэнь чжэн цзун» («Руководство по лечению оспы»), автор Сун Линь-сян, ксилограф 1781 г. из коллекции Броссе, XI, 24. Шифр Д 163.

29. 痘疹定論 «Доу чжэнь дин лунь» («О лечении оспы»), автор Чжу Шунь-цзе, ксилограф 1781 г., из коллекции Броссе, XI, 24. Шифр Д 162.

30. 重訂種痘新書 «Чун дин чжун доу синь шу» («Новое руководство по лечению оспы»), автор Чжан Сунь-юй, ксилограф 1790 г., из коллекции Броссе, XI, 32-а. Шифр С 39.

31. 論痘子 «Лунь доу цзы» («Об оспе»), ксилограф 1781 г., из коллекции Броссе, XI, 23. Шифр Д 162.

32. 女科經編 «Нюй кэ цзин бянь» («Трактат о лечении женских болезней»), редактор Сяо Гэнь-лю, ксилограф 1684 г., из коллекции Броссе, XI, 18. Шифр Д 158.

33. 重刊太產新法 «Чун кань тай чань синь фа» («Методы помощи беременным»), автор неизвестен. Время издания 1828 г., из коллекции Азиатского департамента, 296. Шифр С 726.

34. 傅氏眼科大全 «Фу ши янь кэ да цюань» («Полное руководство по глазным болезням г. Фу»). Ксилограф не датированный, из коллекции Броссе, XI, 28-а. Шифр Д 167.

35. 瘡瘍經驗全書 «Цан чан цзин янь цюань шу» («Полное руководство по исследованию язв и нарывов»). Ксилограф без даты, из коллекции Броссе, XI, 26. Шифр Д 165.

36. 傷寒活人指掌 «Шан хань хо жэнь чжи чжан» («Руководство по лечению лихорадки»), автор Чжан Чжун-цин. Ксилограф не датированный, из коллекции Броссе, XI, 29. Шифр Д 168.

37. 重纂元享療馬集大全 «Чун цюань юань чунь ляо ма цзи да цюань» («Полное руководство к лечению лошадей, вновь изданное в годы правления Юань-чунь»), ксилограф 1786 г., из коллекции Броссе, XI, 30. Шифр Д 169.

38. 洞仁堂藥 «Тун жэнь тан яо» («Лекарства аптеки Тун жэнь тан»), ксилограф 1706 г., из коллекции Азиатского департамента, 293. Шифр Д 340.

39. 重刻孫真人千金醫方 «Чун кэ Сунь Чжэнь-жэнь цян цзинь и фан» («Тысяча золотых средств Сунь Чжэнь-жэня, вновь изданные»), автор Сунь Чжэнь-жэнь, ксилограф 1763 г., из коллекции Азиатского департамента, № 294. Шифр Д 341.

40. 藥目 «Яо му» («Перечень лекарств аптеки Тун жэнь тан»), автор неизвестен, ксилограф издания 1889 г., из коллекции Азиатского департамента. Шифр С 354.

41. 太和堂重訂本草綱目 «Тай хэ тан чун дин бэнь цао ган му» («Вновь отредактированная фармакопея, изданная в Тай-хэ тане»), автор Ли Ши-чэнь. Ксилограф конца XVII в., из коллекции Е. Бретшнейдера. Шифр Д 486.

42. То же, под редакцией Чжан Вэнь-жу, из коллекции Броссе, X, 2. Шифр Д 138.

43. 本草綱目 «Бэнь цао ган му» («Фармакопея»), автор Ли Ши-чжэнь, редакция Чжан Цин-ваня и Чжан Юнь-чжуна издания 1684 г., из коллекции Броссе, X, 3. Шифр Д 139.

44. 三岳齋重訂本草綱目 «Сань юе чжай чун дин бэнь цао ган му» («Фармакопея, вновь отредактированная и изданная в Сань-юе чжае»), автор Ли Ши-чжэнь. Издание 1735 г., редакция издания 1717 г., из коллекции Броссе, X, 1. Шифр Д 137.

45. 本立堂重訂本草綱目 «Бэнь ли тан чун дин бэнь цао ган му» («Фармакопея, вновь отредактированная и изданная в Бэнь-ли тане»), автор Ли Ши-чжэнь. Ксилограф 1717 г., напечатанный с авторского экземпляра, редакция Ли Минь-цзюня, стереотипное с издания 1658 г., из коллекции Азиатского департамента, № 281. Шифр Д 332.

46. То же, шифр Д 1073.

47. То же, шифр Д 1091.

48. То же, шифр Д 1109.

49. 芥子園重訂本草綱目 «Цзе цзы юань чун дин бэнь цао ган му» («Фармакопея, вновь отредактированная Цзе Цзы-юанем»), ксилограф XVIII в., издание с приложением других трудов Ли Ши-чжэня, автора «Фармакопеи», а именно: 萬方指線 «Вань фан чжи сянь» («Указания к составлению рецептов») и 瀕湖脈学 «Пинь ху мо сюе» («Учение Пинь-ху [т. е. Ли Ши-чжэня] о пульсе»), из коллекции П. А. Дмитриевского, № 96. Шифр В 150.

50. 增訂圖註本草備要 «Цзэн дин ту чжу бэнь цао бэй яо» («Дополненное, вновь отредактированное, иллюстрированное и комментированное издание сокращенного варианта Фармакопеи»), ксилограф 1784 г., из коллекции Броссе, X, 12. Шифр Д 143.

51. 新纂增補詳註本草備要 «Синь цзюань цзэн бу сянь чжу бэнь цао бэй яо» («Новое издание, дополненное и комментированное, сокращенного варианта Фармакопеи»), редакция Ван Жэн-аня, ксилограф начала XVIII в., из коллекции Азиатского департамента, № 292. Шифр Д 339.

52. 本草備要 «Бэнь цао бэй яо» («Фармакопея в сокращенном варианте»), автор неизвестен. Литография XIX в. Шифр Е 376.

53. 神農本草經書 «Шэнь нун бэнь цао цзин шу» («Фармакопея Шэн-нуна с комментариями»), автор Мяо Си-юн. Ксилограф не датированный, из коллекции Азиатского департамента, № 291. Шифр Д 338.

54. 本草萬方鍼線 «Бэнь цао вань фан чжэнь сянь» («Руководство к составлению рецептов к применению иглотерапии, на основе использования Фармакопеи»), автор Цай Юй-чжай. Ксилограф без указания даты, из коллекции Броссе, X, 5. Шифр С 33.

55. 本草蒙筮 «Бэнь цао мэн и» («Популярная Фармакопея»), автор Чэнь Цзя-мо, ксилограф 1523 г., из коллекции Броссе, X, 7. Шифр Е 110.

Л. В. Дмитриева

**ТУРЕЦКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ РУКОПИСИ
В СОБРАНИИ ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ АКАДЕМИИ
НАУК СССР**

Широко отмечавшийся в 1952 г. 1000-летний юбилей великого мыслителя средневековья Абу Али ибн Сина (Авиценны) и опубликование в связи с этим новых переводов его «Канона врачебной науки»¹ усилили интерес работников медицины нашей страны и за рубежом к ранним (IX—XV вв.) сочинениям медиков Средней Азии и Ближнего Востока — учеников и последователей Ибн Сина.

Эти сочинения имеют большое значение для истории восточной медицины. Что касается истории турецкой медицины, то она мало разработана, а турецкие медицинские рукописи до сих пор не изучены и в большинстве случаев даже не учтены по всем хранилищам рукописей. Однако только их исследование может дать подлинный, фактический материал для будущей истории турецкой медицины.

Ее библиография невелика. Ведущее место в ней до сих пор занимает двухтомное сочинение Б. Штерна², в котором дается лишь общий и далеко не полный перечень придворных медиков, городских больниц и аптек, приводятся довольно беглые характеристики важнейших направлений турецкой медицины, сведения о «гигиенических» обычаях и «медицинских» суевериях турок и т. п. И все это основано преимущественно на трудах европейских авторов, посвященных в основном арабской медицине³.

Схематичность, бедность фактического материала, отсутствие даже упоминания сочинений турецких медиков в этом двухтомнике обусловлены тем, что Б. Штерн, как и другие авторы, почти полностью игнорирует такой важный источник, каким являются восточные медицинские рукописи.

Изучение медицинских рукописей связано с большими трудностями и требует от исследователя не только востоковедно-филологического, но и специального медицинского образования. Однако первую, подгото-

¹ Русский и узбекский переводы — Ташкент, 1954 (I кн.), 1956 (II кн.), изд. АН УзССР.

² В. Stern, *Medizin, Aberglaube und Geschlechtsleben in der Türkei*, Bd 1, 2, Berlin, 1903.

³ Б. Штерн приводит лишь одну ссылку на медицинские рукописи, описанные в каталоге, — G. Flügel, *Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften des kaiserlich-königlich Hoffbibliothek zu Wien*, Bd II, Wien, 1865.

вительную работу здесь, бесспорно, выполняют востоковеды, ибо они выявляют и описывают восточные рукописи, в том числе и медицинские.

Приводим обзор турецких медицинских рукописей в собрании Института народов Азии АН СССР.

* * *

Турецких рукописных медицинских сочинений известно не более десятка. Самое старое из них относится к концу XIV в. Очевидно, поэтому и в современной Турции исследователи медицинской терминологии считают началом ее развития именно XIV век⁴.

Истоки турецкой, как и всей ближневосточной, медицины находятся в арабоязычных сочинениях целого ряда врачей разных национальностей (уроженцев Средней Азии, Ирана, собственно арабских стран) и вероисповеданий (мусульман, христиан, иудеев, зороастрийцев и др.), живших в IX—XI вв. на территории Арабского халифата. Одни из них исполняли обязанности придворных медиков, всецело завися от прихотей своих покровителей. Другие получали большую практику в городских больницах и аптеках (Багдад, Дамаск, Рей). Это давало им возможность более глубоко изучать различные болезни и невольно приводило к мысли о важнейшем значении практики.

На трудах многих восточных ученых средневековья, «сочетавших в себе знания энциклопедистов и опыт незаурядных медиков-практиков»⁵, сказалось влияние сочинений Гиппократ и Галена, неоднократно комментируемых в ранних сирийских и других восточных же переводах.

Античное наследие, собственный опыт и практика помогли медикам Арабского халифата собрать большой и разнообразный материал, который уже в конце X — начале XI в. был талантливо обобщен и развит в трудах Ибн Сина с привлечением сведений из индийской и китайской медицины и новых практических данных. «Канон» Ибн Сина представляет собой вершину развития медицинской мысли того времени. При помощи этой обширной медицинской энциклопедии, после ее перевода на латинский язык в XII в., средневековые европейские ученые впервые познакомились с достижениями народов Востока в области медицины. После выхода «Канона», наряду с повторением догм античных «отцов» медицины в трудах их старых и новых арабских и иных восточных интерпретаторов, начали изучать и это знаменитое произведение. Но рядом с врачами население «лечили» своими «средствами» бесчисленные знахари, гадалки и астрологи.

Основные положения медиков средневекового Востока сводились к следующему. Вслед за античными образцами и медицинскими трудами Ибн Сина цель своей науки они видели не только в умении лечить болезни, но и сохранять здоровье путем соблюдения разумных правил гигиены. Эти правила разрабатывались особенно тщательно. Медики безоговорочно принимали завет Галена о необходимости поддерживать все тело и отдельные его части в естественном состоянии и согласовывать с ним всю жизнь человека. Поэтому в своих сочинениях они от-

⁴ Этим вопросам были посвящены доклады Ф. Н. Узлука и Б. Шехсувароглу на VIII съезде Общества турецкого языка в июле 1957 г. в Анкаре (см. Э. В. Севортян *На VIII съезде Общества турецкого языка*, — «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

⁵ Д. Г. Вороновский, *Канон медицинских знаний Ибн Сина*, — «Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летию юбилею Ибн Сина», Ташкент, 1953, стр. 58 (далее — сб. «Ибн Сина»).

мечали важность режима питания, физических упражнений, хорошего воздуха, чистой питьевой воды, гигиены тела, массажа и т. д. Уравновешенность телесной и духовной жизни, искусство владеть своими страстями объявлялись необходимейшими условиями долголетия.

Физиология являлась одной из слабых сторон восточной медицины— она базировалась на учении Гиппократов о четырех жидкостях (кровь, флегма, желтая и черная желчь) и их «переваривании». Правильные пропорции смешения этих соков, по мнению восточных ученых средневековья, определяли здоровье человека, нарушение пропорций служило причиной болезни. Добавление Галена о зависимости болезней и от изменений функций «твердых» частей тела восточные медики отвергали. Ибн Сина поддерживал основные положения Гиппократов. Но в отличие от своих предшественников и ряда современников он развивал воззрение Галена на необходимость при лечении вызывать состояние, противоположное тому, что составляет предмет болезни.

Подробно и сравнительно точно излагались основы диагностики, ибо она была хорошо разработана еще Гиппократом. Этот великий врач античности требовал совершенствования приемов выявления симптомов болезней путем участия в их определении почти всех органов чувств врача. Практически же им применялось выслушивание и простукивание (перкуссия). Ибн Сина усовершенствовал диагностику Гиппократов и своих предшественников до точности, поразительной даже в наше время. Метод перкуссии рассматривался им как один из важнейших.

Рядом с диагностикой стоит частная и общая терапия, излагаемая у восточных медиков в виде описаний «местных» и «общих» болезней и способов их лечения. При этом частная терапия разработана лучше. Обычно она рассматривается в традиционном порядке описания человеческого тела «от головы до пят». Ибн Сина не только творчески подходил к освоению наследия прошлого, изучал и обобщал опыт восточной медицины, но и внес в нее много нового на основе обобщения собственной практики. Так, например, в «Каноне» описание человеческого тела значительно уточнено.

Многие ученые на протяжении столетий считали, что главной частью глаза является хрусталик, который и дает изображение предмета. Ибн Сина отверг это представление и доказал, что изображение дает сетчатка. Кроме того, он создал оригинальное учение о пульсе, профилактике и лечении оспы, кори и т. д.

В общей терапии от Гиппократов и Галена по традиции господствует описание лихорадки. Вслед за Гиппократом Ибн Сина говорит о строгой необходимости выбора удобного для приема каждого лекарства времени и состояния болезни того или иного органа или всего организма в целом.

И, наконец, основную часть всех средневековых восточных медицинских сочинений по образцу античных авторов (особенно Галена и Диоскорида) составляет фармакология с неизбежным выделением «простых» и «сложных» лекарств.

«Простыми» вслед за Галеном считались не подвергшиеся специальной обработке, используемые в лечебных целях естественные растительные, животные и минеральные средства или лекарства. Лекарства, составленные в результате полного смешения отдельных, простых частиц и действующие на организм новым, не присущим каждой отдельной частице качеством, были определены как «сложные».

При изготовлении и определении лекарств главное внимание обращалось на их вкусовые качества. Назначались же они для каждой болезни, исходя из указанного выше принципа лечения «от противного».

Фармакологические сочинения восточных медиков очень часто содержат не только алфавитный перечень лекарств (без разделения на виды — растительные, животные, минеральные), но и краткие указания на способы их приготовления и применения.

В таких списках лекарств нередко встречаются народные средства (в ряде случаев с неизбежным — «говорят, что»), а также разного рода талисманы, амулеты и даже заговоры. Особенно интересны встречающиеся в некоторых «мусульманских» рукописях поздние записи о народных средствах. На материале тюркских рукописей ими специально никто не занимался. Однако некоторые из них, вероятно, смогли бы представить определенный интерес и в наши дни.

Многие из лекарств, описанных во второй и пятой книгах «Канона» Ибн Сина, не потеряли своей ценности и по сей день. Но ознакомление с ними затруднено из-за невозможности точного определения этих лекарств (например, разные названия одних и тех же трав у различных авторов), установления точных пропорций смешения, доз употребления и т. д. В фармакологической части «Канона» описаны неизвестные предшественникам Ибн Сина китайские и индийские целебные средства, а также ранее не включавшиеся в сочинения восточных медиков многочисленные народные средства.

Анатомия и хирургия у большей части восточных медиков были развиты сравнительно слабо, возможно, потому, что кораном запрещалось вскрытие трупов и проведение каких бы то ни было операций, кроме кровопусканий.

Такова общая характеристика направлений средневековой восточной медицины Арабского халифата. Для нас представляет интерес обзор арабских медицинских рукописей бывшего ИВ АН СССР, данный в статье В. И. Беляева «Арабские рукописи в собрании Института востоковедения АН СССР»⁶. В Институте народов Азии Академии наук СССР имеются арабские рукописи по следующим разделам медицинской науки: глазные болезни, терапия и диагностика, фармакология, гигиена, общие руководства («Канон» Ибн Сина и др.), а также комментарии к некоторым из них. В этом же собрании есть переводы двух сочинений Гипократа — «Основы медицины» и «Разделение слабостей и болезней, причин, симптомов и признаков, начал и концов» и даже перевод сочинения Парацельса (1493—1541) «Книги новой алхимической медицины».

Все сказанное о средневековой восточной медицине в общих чертах характерно и для ее турецкой части. Судя по имеющимся в Ленинграде каталогам рукописей, турецкая медицина представлена в них почти всеми указанными разделами, кроме хирургии и анатомии.

Общие медицинские сочинения

Турецкий комментарий Муслих ад-дина ибн Шабана Сурури (XVI в.) к сокращенной редакции «Канона» Ибн Сина, выполненной на арабском языке в Средней Азии Ала ад-дином Али Абу ал-Харамом ал-Карши, известным под именем Ибн ан-Нафис (ум. в 687/1288 или 696/1296 г.).

«Канон» Ибн Сина делится на пять книг⁷: I — философия медицины, физиологический и анатомический очерки, диагностика, гигиена;

⁶ См. «Ученые записки ИВ АН СССР», VI, М.—Л., 1953, стр. 54—103.

⁷ Список книг, частей, отделов и глав «Канона» Ибн Сина составил Д. Г. Воронковский (см. приложение к его статье «Канон медицинских знаний Ибн Сина», — сб. «Ибн Сина», стр. 71—78).

II — фармакология с разделом «простых» лекарств; III — частная терапия; IV — общая терапия; V — фармакология с разделом «сложных» лекарств. Ибн ан-Нафис кратко излагает содержание «Канона» в несколько ином строении: I раздел в его редакции — общий (по I книге «Канона»); II — фармакология с разделами — «простые» и «сложные» лекарства (II, V книги «Канона»); III — частная терапия (III книга); IV — общая терапия (IV книга). Свою обработку Ибн ан-Нафис справедливо назвал «Сокращением Канона».

Комментарий Сурури, известного турецкого филолога-переводчика и комментатора крупнейших персидских и арабских сочинений (в прозе и стихах), представляет собой, по сути дела, лишь подстрочный перевод с немногими пояснениями.

По известным (более распространенным) каталогам подобный комментарий не значится. Но, очевидно, он имеется не только в ИНА АН СССР, где хранятся две рукописи этого комментария: первая — полная (шифр С 2000; судя по палеографическим данным, переписанная в начале XIX в. в Поволжье); вторая — неполная (шифр А 1072, переписана приблизительно в конце XVII в. в Турции). В этой рукописи отсутствуют конец III и весь IV раздел.

«Полезда для людей» — сочинение Бедр ад-дина Мухаммеда ибн Мухаммеда Кайсуни (ум. в 975/1567 или 976/1569 г.), придворного медика султана Сулеймана I (926—974/1520—1566) и крымского хана Сахиб Гирея I (939—957/1540—1551). Первоначально составленное в прозе, оно в 974/1566 г. этим автором (под именем Нидаи) поэтически обработано для поднесения в дар вступившему на престол султану Селиму II (974—982/1566—1574).

Сочинение делится на 60 глав, включающих рассуждения о божественном происхождении человека как объекта медицины, объяснение причин болезней и краткий физиологический очерк (главы I—VIII), основы диагностики и частной терапии (главы IX—XVII), общую терапию, фармакологию «простых» и «сложных» лекарств. В отдельной главе (IX) автор говорит о причинах написания сочинения.

Сочинение Кайсуни, хорошо известное по каталогам⁸, преследует чисто практические задачи — диагностику и лечение болезней. Его основные разделы — частная и общая терапия, фармакология. В разделах о философии медицины, основах физиологии и др. автор целиком повторяет главные положения античных медиков.

В Институте народов Азии Академии наук СССР имеется пять рукописей труда Кайсуни-Нидаи (шифры: В 4064, Д 567, В 4193, В 3684, В 3658). Все они относятся к XVIII и XIX вв. и переписаны главным образом в Поволжье. Самая полная и лучшая рукопись — В 4064. Здесь же есть две рукописи трактата о головной боли и ее лечении, представляющего собой переложение неизвестным лицом одной главы из сочинения Кайсуни-Нидаи. Поэтому трактат назван «Извлечение из книги „Полезда для людей“» (шифры: В 3808, В 3657). Очевидно, и эти рукописи переписаны в конце XVIII — начале XIX в. в Поволжье.

«Предел пояснения устройства человеческого тела» — неизвестное по каталогам сочинение Салиха ибн Насраллахи, по прозвищу — Ибн Суллум (видимо, XVIII в.).

«Предел пояснения» состоит из четырех отделов: I — гигиена; II — фармакология «простых» и «сложных» лекарств; III — частная терапия;

⁸ См., например, каталоги: Ch. Rieu, *Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum*, London, 1888, p. 125a; H. Ethe, *Catalogue of the Persian, Turkish and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library* II, Oxford, 1930, p. 1243.

IV — общая терапия. По своему научному содержанию это сочинение более серьезно, чем предыдущие. На его строении и форме изложения чувствуется влияние «Канона» Ибн Сина.

В ИНА АН СССР есть две рукописи сочинения Ибн Суллума (шифры: В 887 — полностью список и В 3069), переписанные в конце XVIII — начале XIX в., по всей вероятности в Поволжье.

Сочинения по терапии

«Облегчающее» — самое раннее из турецких медицинских сочинений, составленное в 790/1388 г. Исааком ибн Мурадом, рукописи которого имеются в немногих хранилищах (Ленинград, Дрезден, Гота)⁹. Этот труд посвящен вопросам частной терапии, изложенным в 62 главах по традиционным античным и старым восточным (до Ибн Сина) образцам.

Рукопись ИНА АН СССР (шифр Д 651) несколько неполная (отсутствуют 1—2 листа), и переписана она, вероятно, в конце XVIII — начале XIX в. в Поволжье.

Сочинения по гигиене

«Исцеление сердца султана Мурада» — сочинение придворного медика султана Мурада IV (1032—1049/1623—1640) Зейн ал-Абидин ибн Халиля, составленное им за 17 дней месяца джумади II 1037/февраль 1628 г. специально для султана.

В 17 главах сочинения перечисляются полезные для сохранения и поддержания здоровья свойства различных естественных средств, режим питания, сна и т. п. (гигиена). Автор дает свои советы в форме афоризмов, нередко содержащих ссылки на Гиппократ, Галена, Диоскорида, Платона, Сократа и даже Аристотеля. Названия профилактических средств приводятся чаще по-арабски, но с обязательными пояснениями их по-турецки (на полях, вместе с пояснениями к указанным выше именам античных философов и врачей). Все эти пояснения интересны тем, что дают представление о взглядах, нравах и обычаях турок XVII в. и содержат материал для исторической лексикологии турецкого и арабского языков XVII в. На это обратил внимание еще В. Д. Смирнов — один из виднейших русских тюркологов конца XIX — начала XX в.¹⁰

Рукописей сочинения Ибн Халиля известно немного. Самая полная из пока что обнаруженных находится в ИНА АН СССР (шифр А 485). Она содержит все 17 глав, авторское послесловие и глоссы к тексту и переписана, видимо, в XVIII в. в Турции.

Сочинения по фармакологии

Анонимный алфавитный список арабских названий лекарственных трав с указанием их турецких названий и в ряде случаев краткого внешнего описания и пояснения, при каких заболеваниях их следует применять. В тексте некоторых пояснений, а иногда и на полях встречаются ссылки на фармаколога Ибн Байтара (лл. 5а, 17а, 96а рукопи-

⁹ См. описание готской рукописи W. Pertsch, *Die türkischen Handschriften der herzoglichen Bibliothek zu Gotha*, Wien, 1864, S. 99.

¹⁰ W. D. Smirnow, *Manuscripts turcs*, S.-Pbg., 1897, p. 66. — В. Д. Смирнов описал это сочинение по рукописи бывшего ИВ АН СССР (А 485).

си), а также на известные на Востоке словари аз-Замахшари («Анму-задж»), аль-Ахтери и др.

Данный список лекарственных трав представлен одной рукописью ИНА АН СССР (шифр В 1171, переписана она, видимо, в XVIII в. в Турции). Других рукописей пока не обнаружено.

Все названные в обзоре турецкие медицинские сочинения представляют интерес для изучения истории турецкой медицины. Тем более что они вовсе не значатся в труде Б. Штерна, а их авторы (кроме Кайсуни-Нидаи) не указаны в помещенном им списке турецких придворных медиков (например, Зейн ал-Абидин ибн Халиль), врачей больниц и аптек. Содержание же пяти сочинений (кроме комментария к «Сокращению Канона»), несомненно, могло бы представить общий познавательный интерес для медиков всех специальностей.

Л. В. Дмитриева

**МАТЕРИАЛЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
В СОБРАНИИ ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ АКАДЕМИИ
НАУК СССР**

При выявлении и собирании образцов фольклора тюркских народов необходимо учитывать и такие сокровищницы, как хранилища тюркских рукописей и архивных материалов. Здесь, в записях и рукописях встречаются разнообразные фольклорные образцы: народные песни, эпические сказания, сказки, рассказы и т. п. Часть из них носит на себе следы редактирования, стилизации неизвестными редакторами и переписчиками рукописей, другие же не прошли специального редактирования и остались близкими своим устным оригиналам, а некоторые представляют собой первоначальные записи устных вариантов.

Каждая из этих групп материалов требует специального изучения. Такое изучение может дать нашему литературоведению не только серьезные исследования отдельных произведений, но и большой общетеоретический материал о жанрах тюркского фольклора, их эволюции, взаимодействии фольклора с авторской, книжной литературой и т. п. Все это очень важно для истории тюркской и других, близких ей ближне- и средневосточных литератур, в которых рукописная традиция распространения всех литературных образцов была очень сильной и длительной.

Выполнив одну из подготовительных работ по выявлению фольклорных материалов в хранилищах тюркских рукописей и архивных востоковедных материалов, предлагаем вниманию фольклористов обзор таких образцов в собрании Института народов Азии Академии наук СССР. Многие из этих материалов впервые упоминаются в печати. Обзор не претендует на абсолютную полноту, ибо тюркоязычные фонды ИНА АН СССР еще не изучены.

За 140 лет своего существования (1818—1958) ИНА АН СССР (до 1930 г. — Азиатский музей) сосредоточил в себе богатейшее собрание рукописей на узбекском, татарском, турецком, уйгурском, туркменском, азербайджанском, казахском и крымско-татарском тюркских языках¹. Здесь имеется около 3,5 тыс. списков разных сочинений и произведений, а также значительное количество тюркоязычных архивных материалов; рукописное наследие, черновики, выписки, бумаги и

¹ Порядок перечисления языков обусловлен количеством рукописей на каждом из них — от большего к меньшему.

другие записи востоковедов, работавших в Азиатском музее и Институте народов Азии Академии наук СССР².

Приводимый ниже обзор построен по принципу нахождения интересующих нас материалов в собрании тюркских рукописей и в архивных фондах. Внутри каждого раздела дана характеристика по видам записей и языку материалов. Ссылки на издания, переводы записей того или иного сюжета не приводятся.

Фольклорные материалы в собрании тюркских рукописей. Записи материалов

Наиболее значительными по содержанию и разнообразию являются записи **казахского** фольклора. К ним примыкают сборники народных песен, поговорок, сказок и рассказов туркмен, турок, крымских и казанских татар, азербайджанцев, уйгур и узбеков.

В собрании рукописей казахский фольклор представлен двумя ранними записями разных версий эпической поэмы социально-бытового и любовно-романтического характера о Козы-Корпеше и его верной и мужественной подруге — Баян-Слу. Первая запись 1841 г., произведенная, как значится в рукописи (шифр В 4043)³, «толмачем Алгузского Внегинского Окружного Приказа» Андреем Фроловым по версии акына Жанака. Запись сделана в Алгузе, где, по народной легенде, погребены Козы-Корпеш и Баян-Слу. Вторая запись 1858 г., неполная (рукопись В 4428), приобретена у члена Казахской АН А. Х. Маргулана в 1940—1941 гг.

Среди рукописей из коллекции А. Х. Маргулана есть тетради с фольклорными записями: романтической «Песни о Назым-беке и девушке Кўльше» — запись начала XX в. (В 4312), с пометкой (А. Х. Маргулана) о том, что эта песня «на казахско-ногайский сюжет» известна с XVI в.; сборник 82 песен крупнейшего акына первой половины XIX в. Махамбета (Мамбета) Утемисова, записанных в 1919 г. известным казахским этнографом и собирателем фольклора А. А. Диваевым (В 4315); сборник народных песен, поговорок, басен в его же записи (В 4313 — начало XX в.); собрание народных сказок и рассказов в рукописи из коллекции филолога-фольклориста В. И. Даля, приобретенной им в Оренбурге и переданной в Азиатский музей в 1842 г. (В 328 — видимо, начало XIX в.).

Туркменский фольклор представлен сборниками, записанными в 1906—1908 гг. в Мерве и окрестных аулах местным муллой Сабуром для тюрколога А. Н. Самойловича, командированного в те годы Азиатским музеем в Среднюю Азию для сбора рукописей. В этих сборниках, кроме записей бытующих в народе стихов туркменских поэтов-классиков Махтум-кули, Зелили, Сеиди, Молла-Непеса, Мискин-Клыча и др., содержатся и фольклорные материалы: сказки (Д 21, С 162), пословицы (С 162) и поэма о воинских доблестях и подвигах Коушут-хана (В 322).

В рукописях сборников стихов **турецких** поэтов, на листах, свободных от текстов стихов, позднее были записаны образцы турецкого песенного фольклора: четверостишия — мани, песни — турки, шаркы и

² Общий краткий обзор Архива востоковедов ИВ АН СССР дан в статье Н. П. Журавлева и А. М. Мугинова, *Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР*, — «Ученые записки ИВ АН СССР», VI, М.—Л., 1953, стр. 34—53.

³ Об этой рукописи см. автореферат кандидатской диссертации И. Т. Дюсенбаева, *Социально-бытовой эпос казахского народа* (очерк), Алма-Ата, 1955, стр. 6—9.

религиозные гимны — илахи (А 119, В 344, В 1182 — конца XVIII — начала XIX в.). Кроме того, здесь имеются и специальные сборники записей турецкого фольклора: песен — тюрки (А 113), шарки (А 496), конца XVIII — начала XIX в., народных сказок и рассказов (В 255, В 340) того же времени. В одной из рукописей содержатся турецкие народные песни — тюрки, записанные в районах Варны и Стамбула (В 120 — начало XIX в.). Среди этих рукописей имеются и тюрки из сказания о влюбленном певце-импровизаторе Ашик Гарибе, крымско-татарские народные песни, стихи турецких поэтов.

Татарский (казанские татары) фольклор представлен сборниками: песен (А 1551, В 4106), сказок и рассказов (А 1060, А 1284, А 1478, 21545, В 3370, В 3443, В 4092, 21318 — XIX — начало XX в.).

Сборник стихов **азербайджанских** поэтов включает в себя образцы народных песен — тюрки, сказки, отрывки из азербайджанской версии сказания об Ашик Гарибе, запись родословной черкесских князей (В 332 — первая половина XIX в., коллекция кавказоведа А. М. Шегрена).

Уйгурские образцы характеризуются сборниками народных песен и сказок, записанных в местности Караходжа в Восточном Туркестане неким Омеды для С. Ф. Ольденбурга в 1909 г. (В 333) и сказок (С 172 — конец XIX в.) из коллекции С. Ф. Ольденбурга.

Узбекский фольклор представлен сборником сказок (С 171—XIX в., коллекция В. В. Радлова).

Рукописные варианты народных сказаний, переписанные с других рукописей или литографированных и печатных изданий

Логически в таком положении могут оказаться народные образцы всех жанров, ставшие в силу своего «письменного», «книжного» бытования в полном смысле слова рукописными народными книгами с разной степенью обработки их первоначальных устных оригиналов переписчиками или иными «редакторами». Практически же в собрании ИНА АН СССР, как и в большинстве других хранилищ, встречаются рукописные списки народных повествований, определяемых в рукописях словами «кысса» (сказание, повествование), «дастан» (былина, повествование, мелодия, напев), «хикайят» (рассказ, сказка).

Обычно два первых определения относятся к одному виду повествований, называемых в устной тюркской народной традиции «народными дастанами», «дастанным эпосом». Народные дастаны — это «произведения устного народного эпоса как героического, так и романтического содержания, независимо от своего происхождения из древней, устной традиции или из письменных книжных источников более недавнего времени»⁴. Для тюркского фольклора их формальные особенности определяются чередованием стихов и прозы. Такое чередование можно считать традиционным для народных дастанов всех ближне- и средне-восточных народов. Рукописные варианты дастанов также сохраняют это чередование.

Установить закономерность употребления определений «кысса», «дастан» на материале сравнительно поздних по времени рукописей тюркских народных книг, какими в подавляющем большинстве являются рукописи ИНА АН СССР, нельзя. В этих рукописях такие определения относятся к одним и тем же вариантам и спискам совершенно

⁴ В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, *Узбекский народный героический эпос*, М., 1947, стр. 23—24.

произвольно. Необходимо исследовать наиболее старые рукописи, проследить по ним эволюцию определений «кысса», «дастан», их содержание и особенности для каждой эпохи. Отметим только, что определение «кысса» в рукописях ИНА АН СССР встречается чаще, хотя нередки случаи одновременного применения определений «кысса», «дастан» к одним и тем же рукописным спискам.

Рукописным тюркским народным повествованиям охарактеризованного выше вида по-русски более соответствует определение «народное сказание», так как оно хорошо передает особенности этого повествования.

Определение «хикайят» относится в тюркских рукописных книгах к сказкам и народным рассказам. Ознакомиться с ними в рукописях ИНА АН СССР нам не удалось.

Приводим перечень «кысса» и «дастанов» по главным героям каждого сюжета, отмечая имеющиеся в ИНА АН СССР различные тюркские варианты. Эти различия затрагивают лишь отдельные эпизоды при общей сюжетной близости для большинства вариантов. Наибольшее внимание в обзоре уделено народным сказаниям. Это объясняется тем, что они издавна пользуются безоговорочным и всеобщим народным признанием и распространением у тюрков как в устной, так и в письменной передаче.

Абу Али Сина: полная вымысла и чудес «биография» известного среднеазиатского врача и ученого X в. Абу Али Сина (Авиценны). В сказании он изображен чародеем, овладевшим искусством врачевания посредством волшебства.

Вариант татарский — в рукописи начала XIX в. (А 1288). Большую турецкую сказку того же сюжета содержит рукопись 1689 г. (В 1187).

Абу Муслим: борьба владетеля Хорасана и Хорезма Абу Муслима с «неверными» во имя упрочения «истинной веры». Исторический Абу Муслим — полководец и наместник аббасидских халифов в Иране и Средней Азии — таковым и являлся и был убит своими религиозными противниками — исмаилитами в 755 г. Роман о нем издавна популярен в Персии и приписывается определенному автору — Тарсуси или Тартсуси. Историки с большим вниманием относятся к роману, находя в нем некоторые факты подлинной исторической действительности⁵.

Варианты: два узбекских; первый — народное сказание (С 1503 — XVIII в.), второй — прозаический народный рассказ — предание полужуровнического характера (Д 433 — XIX в.).

Али: богатырские сражения сподвижника и родственника пророка Мухаммеда «благородного святого» Али с чудовищами и врагами ислама.

Варианты: татарский — в рукописи 1846 г. (В 2975 — нет первой половины сказания), узбекский перевод персидского варианта, выполненный неким Сулейманом, — рукопись XIX в. (В 1725 — нет начала.)

Баба Раушан: подвиги и дела на поприще борьбы за чистоту и укрепление ислама, совершаемые последователем пророка Али-Баба Раушаном.

Варианты: два узбекских; первый — в четырех рукописях XIX в. (С 2355, С 1496, В 2198, С 175 — последняя дефектна: есть лишь начало), второй — в трех рукописях того же времени (С 1934, С 176,

⁵ В. В. Бартольд, *К истории Мерва*, — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», XIX, стр. 115—138.

В 1962 — последняя не имеет конца). Близка к последнему варианту еще одна рукопись (С 2425—1876 г.), с поэтическим послесловием некоего Ахмеда, в котором он называет себя автором, составившим свое произведение по другим «кысса» этого сюжета. Соответствует ли это действительности или же конец — фантазия «культурного» переписчика, без специальных исследований рукописей второго варианта и данной рукописи, решить невозможно.

Джемшид: повествование об одном из первых падишахов Персии — Джемшиде — идеальном правителе, основателе культуры, земледелия и религии у персов.

Вариант: узбекский — в рукописи 1850 г. (С 169), в тексте которой встречаются обороты «нужно слушать дастан», «теперь нужно слушать слова», редкие для других рукописных сказаний. Возможно, это позволяет отнести данную рукопись к одной из ранних, т. е. мало обработанных в рукописных передачах, записей устного дастана.

Ибрахим Эдхем: романтическое сказание о султани-мистике Ибрахиме Эдхеме и его любви к прекрасной Малике Хобан.

Вариант: узбекский — в рукописи начала XIX в. (С 2413 — нет начала).

Кёр-оглы: героические подвиги и приключения удалого Кёр-оглы, его детей и внуков. Этот сюжет очень распространен у тюркских и других народов — он разработан в виде целого цикла героико-романтических, эпических сказаний о Кёр-оглы, его соратниках и потомках.

Варианты: два записанных от узбека или среди узбеков (несколько «обузбеченный» язык) туркменских, относящихся к разным периодам «циклической» биографии героя. Первый — о делах уже прославленного героя Кёр-оглы, его сорока молодцов, приемного сына Аваза и внука Хасана (В 1094 — XIX в.; воспроизводит казанское издание 1873 г.), второй — о достоинствах юного Кёр-оглы, его молодцов и любви героя к Ай-султан, ради которой он отправляется искать подвигов и приключений (В 341—1852 г.).

Малика: испытание мудрой правительницей Малики всех претендентов на ее руку 1001 труднейшим вопросом. Давший на них правильные ответы становится ее мужем, избавляет тем самым от наказания или смерти неудачливых соперников и принимает ислам.

Варианты: уйгурский, в котором «победителем» является мудрый юноша-законовед из Туркестана. Стиль повествования рукописи (В 348 — XIX в.) изобличает в данном варианте «редакторскую» обработку народной версии. Есть в ИНА АН СССР несколько узбекских версий сказок и народных рассказов этого сюжета: первая (В 1018, В 1629) и вторая (В 2157, А 1193, С 173, С 1483) — полные, третья (В 1958, А 1456, Д 433) — краткая (все рукописи XIX в.). Двумя несколько разнящимися текстуально рукописями того же времени представлена татарская сказка о Малика в краткой версии. Во всех этих сказках и рассказах обычен «религиозный» конец.

Малика Дилларам: страдания мужественной и чистой девушки Малика, жертвующей собою ради блага других.

Вариант: узбекский — в рукописях XIX в. (С 1484, С 1208, С 1722, С 1404 — две последние не имеют начала).

Мухаммед Ханефи и Зейн ал-Араб: «чудесные» сражения с волшебниками и «неверными» с целью подчинения одних и обращения в ислам — других, ведущиеся сыном сподвижника пророка Мухаммеда — Али — Мухаммедом Ханефи «между дел» по пути к месту охоты.

Варианты: два узбекских; первый — в двух рукописях XIX в. (С 342, В 2198); второй — почти исключительно поэтический с очень редкими

прозаическими вставками. В одной рукописи того же времени (С 1465) нет начала.

Сад-Ваккас: сказание о щедром и верном мусульманине Сад-Ваккасе, жертвующем во имя Аллаха и веры своим сыном.

Варианты: узбекский — в рукописи XIX в. (С 1648) и уйгурский — в рукописи того же времени (С 177).

Санаубар: романтическое повествование о верной любви царевича Санаубара и Гюль-Перизад.

Вариант: узбекский — в рукописи XIX в. (С 1484).

Темим Сахаба: странствования по «белому свету» Темима Сахаба в борьбе с кознями своих многочисленных недоброжелателей, старавшихся во что бы то ни стало погубить его. Больше всего Темиму Сахаба пришлось претерпеть от своей неверной жены. Однако он всюду одерживает победу.

Вариант: турецкий — в двух списках, заключенных в одной рукописи конца XVIII — начала XIX в. (В 4P59 — оба списка без начала и конца).

Хамра и Хурлыка: романтическое сказание о верной любви этих героев.

Варианты: узбекский — в рукописях конца XVIII — начала XIX в. (А 1292 — нет начала, А 1450) и уйгурский — в рукописях XIX в. (В 352, С 177).

Хатам Тай: повествование о необыкновенно щедром Хатам Тае, помогающем всем, кто нуждается в помощи, и особенно несчастным влюбленным.

Вариант: уйгурский перевод — обработка персидской версии — в рукописи конца XVIII — начала XIX в. (С 172).

Шахсанем и Гариб: романтическое повествование о любви бедного певца Гариба к дочери шаха.

Варианты: уйгурский — в рукописи XIX в. (С 177) и татарский в рукописи того же времени (В 3518).

Юсуф и Ахмед: воинское, героическое сказание о подвигах и борьбе с «неверными» двоюродных братьев Юсуфа и Ахмеда, племянников правителя Исфакхана — хана Боз-оглана, по имени которого часто называется и само сказание. Оно очень популярно у турок.

Варианты: узбекский — в трех близких между собою версиях (первая — С 175, С 1484, В 2198 — XIX в., последняя рукопись не имеет начальной части сказания; вторая — С 1724; третья — В 342, все того же времени. Вторая и третья версии — сокращенные передачи первой); уйгурский — в двух близких версиях (первая — В 346, С 177; вторая — А 450 — все XIX в. Вторая версия — сокращенная передача первой).

Помимо перечисленных выше вариантов рукописных народных сказаний с неизменным чередованием стихов и прозы, следует отметить прозаические варианты некоторых других сюжетов, представляющих собой, как уже говорилось, сказки и большие рукописные народные рассказы или предания романтического, героического и полуисторического характера.

Перечисляем некоторые из них, наиболее интересные по содержанию:

Бузурджумхур: легендарный везир сасанидского шаха Ануширвана (VI в.) Бузурджумхур (мудрец, ученик Сократа) с помощью своего учителя составил собрание мудрых поучений на все случаи жизни для наследника — Хормуз-шаха. Узбекский вариант в рукописи конца XVIII — начала XIX в. (В 463);

Сейид Батгал-гази: легендарный герой — борец за утверждение ислама в Малой Азии совершает в этой борьбе бесчисленные подвиги и одерживает многие победы.

Два турецких варианта: первый — в рукописи 1685 г. (С 158); второй — аналогичный казанскому изданию 1888 г., в рукописи XIX в. (В 1137). Очень интересна «отредактированная» неким Абу ал-Мунхафом Шами узбекская версия — в двух дефектных рукописях (С 20—XVIII в. и С 1879—XIX в.);

Сейф ал-Мулук: романтическое повествование о любви Сейф ал-Мулука и прекрасной Бади ал-Джамал.

Два узбекских варианта: первый — перевод персидской версии (В 2403—XVIII в.), второй — в рукописи начала XIX в. (В 3778 — нет конечной части повествования). Рукописи этих вариантов переписаны в Татарии. Уйгурский вариант представлен рукописью XIX в. (Д. 27);

Фархад и Ширин: прославление самоотверженной любви Фархада и Ширин, а также созидательного человеческого труда. Турецкий вариант в рукописи XVIII в. (В 1139 — только начальная часть);

Чингисхан и Аксак Тимур: полуисторические богатырские предания о делах и походах Чингисхана и Аксак Тимура, образующие целый цикл от Чингисхана до Едигея и легендарного описания некоторых исторических событий времен Едигея и Тохтымышы. Наиболее достоверны в нем повествования о Тимуре.

Рукописи повествований этого сюжета в ИНА АН СССР содержат: цикл последовательных татарских повествований от Чингисхана до Едигея и исторических преданий этого времени (В 744—1799 г., В 2640, В 344, В 3205, В 2587, В 742 — XVIII — начала XIX в.; полные и неполные рукописи, состоящие из отдельных частей — «дастанов»);

татарские повествования о Чингисхане (С 695 II — с параллельным русским переводом; В 343, В 743 — XIX в., обе без начала);

татарские повествования об Аксак Тимуре (С 695 III — с параллельным русским переводом; А 121, В 345 — конца XVIII — начала XIX в., две первые рукописи дефектны).

Тюркские фольклорные материалы в Архиве востоковедов

Хотя этих материалов сравнительно немного, но они различны по языкам и видам и специально еще не изучались⁶. Перечень этих материалов дается по принадлежности их к определенным тюркским народам, а именно:

казахи: народные песни о р. Кызыл-Дарье, некогда соединявшей Сыр-Дарью с Аму-Дарьей; песни о быте и нравах казахов (фонд № 3 — М. С. Андреева, XIX—XX вв.);

каракалпаки: эпические поэмы и сказания об Едигее, Коблан-батыре, Баба Раушан Юсип-беке, родословная каракалпаков — записи И. А. Беляева 1903—1917 гг. (разряд II, опись № 4);

кизилыцы: песни и похоронные причитания — записи 1850—1853 гг. (фонд № 5 — И. Н. Березина, XIX в.);

киргизы: песни киргизов бывшего Пишпекского уезда — текст, транскрипция и перевод А. П. Белинского (XIX в., разряд II, опись № 4);

ногайцы: сказание об Едигее в записи П. А. Фалева (XX в., разряд II, опись № 4);

⁶ См. упоминавшийся нами общий краткий обзор Архива востоковедов АН СССР в статье Н. П. Журавлева и А. М. Мугинава.

татары: различные материалы с переводами (фонд № 5 — И. Н. Березина) и без них (разряд II, опись № 4);

турки: материалы с записями пословиц и отрывков из эпических произведений (фонд № 5 — И. Н. Березина);

узбеки: сказки, песни, пословицы, поговорки, загадки, записанные в Самарканде в 1869—1870 гг.; загадки, поверья, приметы жителей Ходженда (фонд № 33 — А. Л. Куна, XIX в.);

чуваши: загадки, пословицы, песни, сказки, собранные И. Н. Юркиным; чувашские и мордовские сказки в записи Е. Винтер в 1871 г. (разряд II, опись № 4);

якуты: сказки в записи В. Н. Васильева 1906 г. (разряд II, опись № 4); материалы в фонде В. М. Ионова (фонд № 22), конец XIX — начало XX в.: загадки, пословицы, поговорки, скороговорки, песни, отрывки из былин — олонхо, русский перевод некоторых исторических преданий, заклинаний, заметки В. М. Ионова о русско-якутских фольклорных «параллелях», список якутских сказителей.

Среди архивных материалов ИНА АН СССР имеется также собрание «турецких и татарских» пословиц и поговорок Х. Ксенофонтова (Тифлис, 1849). По языку это **турецкие** и **азербайджанские** пословицы и поговорки (разряд I, опись № 7).

В коллекции документов, официальных и других разрозненных бумаг и их фрагментов на тюркских языках в собрании института⁷ хранится небольшая папка с записями (в тетрадях и на разрозненных листах) по **казахскому** фольклору: версия эпической поэмы о Козы-Корпеше и Баян-Слу, тетрадь песен, пословиц, поговорок. Время и место их записи — неизвестны (видимо, конец XIX в.).

Все перечисленные фольклорные тюркоязычные материалы из собрания Института народов Азии Академии наук СССР по своему содержанию, разнообразию жанров, языковых и текстуальных вариантов представляют большую ценность.

⁷ О всех тюркских материалах этой коллекции см. Л. В. Дмитриева, *Краткий обзор документов и фрагментов на тюркских языках из собрания ИВ АН СССР*, — «Ученые записки ИВ АН СССР», IX, 1954, стр. 241—245.

Н. А. Петров

**НЕКОТОРЫЕ ИЗДАНИЯ КИТАЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА XIX ВЕКА
В КОЛЛЕКЦИИ КСИЛОГРАФОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Китай — страна многовековой и своеобразной культуры — уже с отдаленных времен отличался богатством фольклора¹. На протяжении многих тысячелетий в этой великой стране существовала передававшаяся из поколения в поколение устная литература, отражавшая жизнь китайского народа. Значительное место среди произведений народной литературы занимают трудовые песни земледельца, рыбака и т. д. Никакие сельскохозяйственные работы китайского крестьянина не обходились без песни. Пастухи, рыбаки, грузчики, лодочники также имели свои песни. Любовные, грустные и веселые, гневные и шуточные, безнадёжные и полные веры в будущее, сатирические и протестующие против национального и социального гнета — все эти песни в той или иной степени отражали быт народа, его настроения и переживания. В качестве примера можно привести отрывок из песни «Ненавидные налоги и сборы»², сложенной в годы господства маньчжурской династии Цин.

Увы! Маньчжуры трудиться не хотят.
От рождения ленивые, они думают быть чиновниками.
Всю тяжесть налогов распределяют по *цзя*³,
чтобы долг погашался.

Жизнь семьи, ох, как тяжела!
Ай-я! Каждый месяц ненавидные налоги!
Жизнь семьи, ох, как тяжела!
Каждый месяц ненавидные налоги!

В небольшом отрывке из этой песни ярко выражена ненависть народа к захватчикам. В ней отражена жалоба на невероятно тяжелые налоги, которыми маньчжуры облагали китайских крестьян. В после-

¹ До наших дней сохранились песни и гимны китайского народа, относящиеся к XI—VII вв. до н. э. (см. русский перевод «Книги песен» — «Шицзин», М., 1957).

² Изд. Бэньлитан, Пекин, б. г., 2 книжечки.

³ «Цзя» — десять дворов, объединенных по системе круговой поруки. За каждый двор должника отвечали девять остальных.

дующих частях песни говорится об отношении народа к чиновникам-маньчжурам, деревенским должностным лицам и т. д.

Богаты и разнообразны формы китайского народного повествовательного творчества. Ни один из традиционных, любимых праздников китайского народа, например Новый год, «Праздник весны», «Праздник фонарей», «Праздник дракона» и др., не проходит без массовых гуляний, песен, танцев и различных представлений как в городе, так и в деревне.

В Китае с незапамятных времен существуют профессиональные певцы-рассказчики, выступающие в общественных местах с рассказами и песнями⁴. Их повествования чередуются с пением под музыку ударных инструментов, таких, как бамбуковые кастаньеты, барабаны, или щипковые — *пиба*, *саньсян* и т. п. Иногда пение и музыка дополняются мимикой и жестикующей, а подчас разыгрываются диалоги, отдельные сценки.

Особенностью произведений, исполняемых певцами-рассказчиками, является прежде всего то, что в них содержатся известные события из истории страны, из местных преданий. Певцы-рассказчики, как правило, исполняли свои песни на местные мелодии и на местном наречии.

Существует три вида такого искусства: повествовательное, песенное и песенно-повествовательное. В соответствии с ними и создавались произведения, которые рассказчики и певцы доносили до народа. В подавляющем большинстве эти сказы и песни не сохранили имен своих авторов. Благодаря импровизации рассказчиков излагаемые ими отдельные исторические события, происходившие в той или иной местности, с каждым выступлением «обрастали» все новыми и новыми подробностями. Записанные и обработанные писателями, такие сказы превращались в большие произведения — романы разных жанров⁵. Таковы, например, известные советскому читателю романы «Троецарствие» («Саньго яньни») ⁶, «Речные заводы» («Шуйху») ⁷ и др.

В коллекции китайских ксилографов, хранящихся в Ленинградском отделении Института народов Азии, имеется большое количество изданий произведений народного творчества различных жанров и форм, представляющих научный интерес для исследования китайского фольклора. В частности, здесь можно найти произведения, распространенные в XIX в. Несколько сот небольших книжечек, от 3 до 20 листов, напечатанных ксилографическим способом, представляют собой как бы либретто для певцов и рассказчиков. Укажем на некоторые формы и жанры из этого собрания китайского фольклора.

Первое место по количеству занимают произведения формы *гуцы*. Эти произведения относятся к литературе, называемой в Китае *цзянчан вэньсюэ*, т. е. «песенно-речевая литература». В ней повествование чередуется с пением. Форма *гуцы* широко распространена в северных провинциях Китая. К произведениям этой формы, обычно исполнявшимся под аккомпанемент барабана *гу*⁸, относятся, например,

⁴ Первые упоминания о профессиональных певцах-рассказчиках встречаются в литературе эпохи династии Тан (618—907).

⁵ В лекциях по истории развития китайской повествовательной литературы Лу Синь весьма подробно прослеживает развитие романа из устной народной литературы — сказов (см. Лу Синь, *Историческая эволюция китайской художественной прозы «сяо шо»*, — «Дружба», 1958, № 36—42).

⁶ Ло Гуань-чжун, *Троецарствие*, М., 1954, т. 1—2.

⁷ Ши Най-ань, *Речные заводы*, М., 1955, т. 1—2.

⁸ В Южном Китае сходные по форме произведения носят название *таньцы*. Они сопровождаются игрой на китайской гитаре *пиба*.

«История красного фонаря», изд. «Сювэньтан», б. г., 6 книжечек)⁹, «Защита Наньчана» (изд. «Вэньдуйтан», б. г., 8 книжечек), «История сорочки» (изд. «Сювэньтан», б. г., 6 книжечек), и др.

В собрании ксилографов имеется также большое количество произведений жанра *сяодяо*, или *сяоцзюй*, т. е. песенки, при исполнении которых певец сам аккомпанирует себе на музыкальном инструменте¹⁰. Для усиления впечатления у слушателей он сопровождает свое пение мимикой и жестиком. Произведения этого жанра весьма разнообразны по своему содержанию и музыке. Так, в нашей коллекции имеется значительное количество *сяоцзюй* на мелодии *банцзыцян*, исполнявшихся под аккомпанемент деревянных кастаньет. Иногда эти песни называются по месту происхождения мелодии — *хугуандяо*¹¹. Отрывок из такой песни приведен выше. К *хугуандяо* относятся и песни из пьесы «Пожалованная чиновом», автор Чэн Эр-бо (изд. «Чжунцзихао», Пекин, б. г., 4 книжечки) и «Горный хребет Угун», того же изд. (б. г., 4 книжечки).

Исполняемые певицами песни на «мелодии пристаней», как отмечает Чжэн Чжэнь-до, были распространены в районах оживленной торговли и портовых городах. В таких песнях, помимо лирики, отражены отдельные события, местные рассказы, отрывки из романов¹². В нашей коллекции к ним относятся: «Ненавижу нежности» (изд. «Чжунгухао», Пекин, б. г., 2 книжечки), «Траурное платье» (изд. «Чжунцзиган», Пекин, б. г., 2 книжечки).

К мелодиям *сяньцзыцян*, т. е. исполняемым под аккомпанемент лютни, относится песня «Ян Эр-шэ собирает подаяние» (изд. «Чжунцзихао», б. г., 10 книжечек).

В XIX в. на севере Китая одной из наиболее распространенных форм народных произведений была форма *янгэ*, получившая в наши дни особенно широкое развитие. Эта форма сложилась из песен, которые крестьяне пели при посадке рассады риса. Позднее *янгэ* развились в игру-представление. Примером произведений жанра *янгэ* в нашей коллекции может служить «Чжу Ма-чэнь, нарубив дров, вернулся домой»¹³ (изд. «Хунничжай», Пекин, б. г., 4 книжечки).

В рассматриваемом здесь собрании ксилографов китайского фольклора из коллекции Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР представлены в основном произведения народного творчества северных провинций Китая. Однако некоторые из них, например фучжоуские песни *сяодяо* — «Гу-цзинь жэнь мин ши-эр шэнсяо» (изд. «Цзюйсиньтан», Фучжоу, б. г., 1 книжечка), были распространены в южных районах страны.

Богатые по разнообразию жанров и форм произведения народного

⁹ Чжэн Чжэнь-до в «Истории китайской простонародной литературы» делит *гуци* на три группы по количеству книжечек *цэ*: одна — с большим количеством, от 50 до 100 и более, другая — от 10 до 50, и третья — от 2 до 10 (т. II, Пекин, 1954, стр. 386, 396).

¹⁰ В известном сборнике «Нишан сюй пу» составитель Юй Ди-шэн, изд. «Цзисяньтан», б. м., 1795, собраны песни *сяоцзюй* различных жанров с указанием нот и определенных музыкальных инструментов, необходимых при исполнении той или иной песни.

¹¹ Хугуан — древнее название провинции, бывшей некогда на месте нынешних провинций Хубэй и Хунань. Однако эта мелодия, перенесенная в другие провинции, приобрела свой местный колорит. Поэтому мелодии *хугуандяо* встречаются в Шэньси, Шаньси, Хэнань, Шаньдуне и Хэбэе.

¹² Чжэн Чжэнь-до, *История китайской простонародной литературы*, т. II, стр. 438.

¹³ Чжу Ма-чэнь — историческая личность (жил при династии Хань). Выходец из бедной семьи, он, для того чтобы прокормить семью, продавал дрова, которые сам рубил в лесу. Много занимался песнями и чтением книг. Мечтал разбогатеть. Впоследствии стал министром.

творчества, несомненно, привлекут к себе внимание исследователей китайского фольклора. Не имея возможности в небольшой статье перечислить все эти произведения, приведем лишь шифры изданий, хранящихся в ЛО ИНА АН СССР. Это: А 6, А 41, А 43—44, А 46—47, А 51, А 55, А 60—61, А 64, А 70—89, А 95, А 102—169, А 171—172, А 174—185, А 187—188, А 194—229, А 231—321, В 33. Издания указанной фольклорной литературы поступили в свое время от Азиатского департамента, китаеведов А. О. Ивановского, М. Броссе, В. М. Алексеева, а также от неизвестных лиц.

В заключение необходимо отметить, что произведения китайской народной поэзии и прозы, создававшиеся в течение длительного периода, исчисляемого столетиями, отражали не только феодальный образ жизни, но и явились художественным выражением могучих моральных сил свободолюбия и независимости китайского народа. Все лучшее, что было создано в литературе старого Китая, теперь становится достоянием нового Китая. В последние годы в Китайской Народной Республике развернулось всенародное движение за создание новых песен и стихов, отражающих творческий пафос социалистического строительства, высокий производственный энтузиазм трудящихся масс. Насколько широкий характер приняло это движение, можно видеть на примере провинций Хэнань. Только в одном из ее уездов при составлении плана развития массового песенно-поэтического творчества возможное число новых народных песен определялось первоначально в сотни тысяч, потом — в миллион, а затем — в десять миллионов...¹⁴.

В народном Китае созданы все условия для проявления творческих способностей масс. В стране ведется большая работа по отбору, систематизации, а также изданию стихов и песен, слагаемых народом.

¹⁴ Ма Кэ, *Расцвет музыкальной культуры*, — «Дружба», 1959, № 11, стр. 27.

Ю. Е. Борщевский

НОВАЯ КНИГА ОБ ИСФАГАНЕ

حسن عابدى، اصفهان از لحاظ اجتماعى و اقتصادى، اصفهان، تیرماه ۱۳۳۴،
کتابفروشى تأیید، ص ۲۴۲+۲

Хасан Абеди, *Исфаган. Социально-экономический очерк*,
Исфаган, изд-во «Тайид», 1955, 242+2 стр.

Довольно значительное число персидских работ, посвященных городу и области Исфаган¹, пополнилось книгой инженера Хасана Абеди. В 1950 г. «Плановая организация Ирана» назначает его на пост директора исфаганской ткацкой фабрики «Нур», и в течение последующих пяти лет он занимал различные административные должности в Исфагане: был председателем отдела «Плановой организации» десятого астана, управляющим Торговой палаты Исфагана, заведующим отделом Министерства национальной экономики десятого астана². Благодаря этому Хасан Абеди мог пользоваться официальными статистическими данными, недоступными другим лицам, и привлекать своих подчиненных к сбору материалов для рецензируемой работы³.

Книга открывается небольшим предисловием автора (стр. 4—5), за которым следует обзор административного деления десятого астана (стр. 6—35), где приведены сведения о количестве и составе входящих в него шахристанов, бахшей, дехистанов и населенных пунктов, а также данные о количестве населения в каждом из них⁴.

¹ C. A. Storey, *Persian Literature. A Bio-bibliographical Survey*, vol. I, pt. 1, fasc. 2, London, 1936, pp. 349—350; pt. 2, pp. 1292, 1293; vol. II, pt. I, London, 1958, pp. 172, 174, 175, 184 (см. также محمد صدر هاشمى، تاريخ جرائد ومجلات ايران، جلد اول. اصفهان، ۱۳۲۷، ص ۲۴۸-۲۴۷):

² См. предисловие Абеди, стр. 4.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Хасан Абеди отмечает, что десятый астан состоит из семи шахристанов. В справочнике «Современный Иран» (М., 1957, стр. 624—625) пропущен шестой шахристан — Ардестан, состоящий из четырех бахшей, в которые входит 131 населенный пункт с общим количеством населения 54 923 человека. Всего же в десятом астане, по данным автора, 7 шахристанов, 28 бахшей, 63 дехистана и 2192 населенных пункта с населением 1 701 404 человека (стр. 6); ср. «Современный Иран», стр. 626.

Следует, однако, отметить, что в книге Абеди много противоречий в цифровых данных. Так, например, на стр. 6 говорится, что в шахристане Исфаган имеется 586 населенных пунктов с населением в 731 546 человек, тогда как подсчет данных по тому же шахристану, приведенных на стр. 7, дает 593 населенных пункта с населением 488 920 человек, а на стр. 53 говорится, что в этом шахристане 621 населенный пункт с населением 670 027 человек, без города Исфагана, население которого принимается за 210 тыс.

Такая путаница в статистических данных, к сожалению, довольно часто встречается в книге, и читателю следует иметь в виду, что все цифровые данные автора нуждаются в тщательной проверке.

Следующая глава посвящена описанию г. Исфагана, его географического положения и климатических условий (стр. 36—51). В этой главе имеется очень краткий обзор истории города (стр. 39—40), сопровождающийся таблицей исторических зданий Исфагана, с указанием местонахождения и года постройки каждого объекта (стр. 44—46). Всего перечислено 51 архитектурное сооружение.

Эта глава книги несколько напоминает краткий путеводитель по Исфагану.

Административное устройство шахристана Исфаган изложено в следующей главе (стр. 52—67), снабженной таблицами, в которых перечислено 58 правительственных и 14 муниципальных учреждений шахристана.

В четвертой главе разбираются вопросы ирригации шахристана Исфаган: автор приводит сведения о режиме р. Зендеруд, о размерах площадей, орошаемых ее водами, и принципах раздела воды в соответствии с так называемым тумаром шейха Бехайи⁵.

Автор довольно подробно останавливается на истории создания и деятельности общества «Кухранг», основанного еще в 1944 г. с целью постройки туннелей через горный хребет Кухранг для переброски части вод р. Карун в верхнее течение р. Зендеруд. Проектом предусмотрена постройка отводной плотины на р. Карун, бетонированного туннеля длиной 2830 м, шириной 11 м и водослива длиной 150 м и высотой 60 м. Работы по строительству туннелей были начаты в 1948 г.

Мысль о соединении р. Карун с р. Зендеруд впервые возникла еще при шахе Тахмаспе Сефевии (1524—1576), при котором приступили к прорытию У-образного канала через хребет Кухранг. Работа была продолжена при шахе Аббасе I (1587—1629), но не завершена и по сей день. По подсчетам, которые приводит Хасан Абеди (стр. 74), на сооружение канала было затрачено 5 млн. человеко-дней; иными словами 2200 человек работали ежедневно пять месяцев в году в течение 15 лет.

В пятой главе (стр. 79—102) автор кратко знакомит читателя с экономическим положением Исфагана и его округа в древние и средневековые времена. Затем он переходит к рассмотрению основных экономических преобразований в районе за последний период, разбирает вопросы использования земли и производства основных видов сельскохозяйственной продукции, описывает жилой и промышленный фонд Исфагана, пути сообщения и транспорт. Глава заканчивается обзором основных источников дохода населения и постановки банковского дела в Исфагане (приложен список наиболее богатых жителей города).

Шестая глава (стр. 103—137) посвящена фабрично-заводским предприятиям Исфагана и содержит весьма ценный материал. В ней приведены сведения о годах основания, первоначальном и современном капитале, характере и объеме продукции, количестве станков и энергетической мощности, годовом потреблении сырья, площади производственных и подсобных цехов, о количестве персонала 23 фабричных предприятий города (сюда же включены данные о прядильной фабрике в Неджефабаде). Ввиду того что Хасан Абеди был непосредственно связан с фабричным производством в Исфагане, приводимые им сведения заслуживают особого внимания.

⁵ См. также: A. K. S. Lambton, *The Régulation of the Waters of the Zayande Rud*,— «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», vol. IX, London, 1937—1939, pp. 663—673.

Автор отмечает, что в Исфагане имеется четыре шерстяные фабрики с персоналом 5035 человек, где выделяются ткани и нитки⁶; три хлопчатобумажные ткацкие фабрики с персоналом 2813 человек; пять прядильных хлопчатобумажных фабрик с персоналом 2834 человека (данные о количестве рабочих на фабрике в Неджефабаде не приведены, стр. 117)⁷; две трикотажные фабрики с персоналом 72 человека.

Всего в Исфагане на текстильных предприятиях фабричного типа занято 10 754 человека. В это число не входят рабочие пяти хлопкоочистительных заводов (два из которых не работали во время написания книги).

Кроме упомянутых текстильных предприятий, в Исфагане имеется две спичечные фабрики с персоналом 90 человек и одна электростанция мощностью 12 тыс. *квт*, оборудованная паровыми турбинами (количество рабочих не указано).

По данным автора, суточный заработок рабочего-мужчины составляет 34 риала (на эти деньги нельзя купить даже 1,5 кг хлеба), а женщин — 26 риалов. Около 12% денежного заработка отчисляется на социальное страхование (стр. 134). Однако автор добавляет, что на практике существуют большие различия от приведенной им средней нормы, и отмечает, что в связи с низкими заработками и плохими условиями труда имеет место эмиграция технического персонала и наиболее квалифицированных рабочих за границу.

Далее Хасан Абеди приводит тексты проекта закона о создании «Центральной комиссии промышленного надзора» и устав этой комиссии, принятые в 1952 г.

Глава завершается таблицей, в которой приведены данные о расходе сырья (хлопок и шерсть) на 11 текстильных фабриках Исфагана в 1332 г. хиджры солнечной (1953—1954 гг.) и об объеме готовой продукции, выпущенной за это же время.

Весьма интересные сведения содержатся также и в главе 7 (стр. 138—145) о местных ремеслах. Глава открывается описанием коврового производства в Исфагане. Автор отмечает, что в Исфагане и его окрестностях имеется около 300 ковровых мастерских, которые производят примерно 5 тыс. *кв. м* ковров в год. По мнению автора, производство ковров в одном только Исфагане могло бы быть увеличено по крайней мере в шесть раз. В послевоенные годы качество ковров снизилось, и автор объясняет это плохим качеством шерсти и красок, а также их значительным подорожанием (стр. 138—139).

Когда-то Исфаган славился производством набоек (каламкар), но и их качество также упало. В настоящее время около 30 мастерских в Исфагане и Неджефабаде выпускают в год приблизительно 40 тыс. пар набоек и 10 тыс. скатертей. Иностранные рынки почти полностью утрачены, и из перечисленных мастерских только четыре выпускают продукцию сравнительно хорошего качества (стр. 139—140).

Таким же падением качества характеризуется и работа серебряных дел мастеров. В Исфагане имеется 86 мастерских (450 рабочих), выпускающих изделия из серебра (стр. 142—143), и более 110 мастерских со штатом около 800 человек, которые заняты гравировкой по серебру (стр. 140—141). Кроме того, здесь есть 169 мастерских со штатом около 500 человек по производству золотых женских украшений (в основном, из старинных монет).

⁶ Ср. «Современный Иран», стр. 196: «в 1956 г. на 12 шерстяных фабриках работало 6618 человек».

⁷ Ср. там же, стр. 195.

В несколько лучшем положении находятся мастерские художественной росписи по слоновой кости, папье-маше и фарфору (28 мастерских со штатом около 100 человек), продукция которых почти целиком идет на экспорт (стр. 142).

Изготовлением миниатюр в Исфагане в настоящее время занимается девять мастерских (15 мастеров и учеников), работы по эмали ведутся в 15 мастерских (20 мастеров), мозаичное дело практикуется в 40 мастерских шахристана (более 100 мастеров), изготовлением тканей, шитых золотом, занимается на дому не менее 500 человек (стр. 143—145). Продукция всех этих мастерских, как правило, отправляется за границу.

Старинное ремесло инкрустации по дереву, которым в настоящее время в шахристане занимается восемь мастерских (40 человек), постепенно глохнет, так как их продукция почти не пользуется спросом (стр. 144—145).

Таким образом, старинные художественные ремесла Ирана, принесшие этой стране заслуженную славу, находятся сейчас в довольно плачевном состоянии.

Следующая глава (стр. 146—153) посвящена подробному разбору кустарной ткацкой промышленности. Как сообщает автор, по данным «Национального экономического управления десятого астана», в нем насчитывается 30 тыс. работающих ручных ткацких станков, которые прямо или косвенно обслуживают около 100 тыс. человек, причем в день производится около 300 тыс. м ткани (стр. 146)⁸.

Класс ткачей является самым многочисленным в Исфагане, и его положение наиболее тяжелое. Обычно семья в пять-шесть человек начинает работу с проблесками зари и заканчивает ее лишь с наступлением темноты. За день удается произвести 5—6 м ткани. Готовую продукцию сразу же относят торговцу. Аванса, который с большим трудом удается получить у торговца, на суточное пропитание семьи не хватает. Невыносимые условия работы в затхлых и темных помещениях, скудная пища, отсутствие элементарного медицинского обслуживания — все это ведет к распространению среди ткачей легочных заболеваний и трахомы (стр. 147).

В 1954 г. из Японии в Иран было завезено 300 ткацких ручных станков, 60 из них попали в Исфаган. Однако эта мера, как и другие, носящие характер благотворительности, не привела к улучшению положения ткачей (стр. 150 и 152).

Глава 9 (стр. 154—170) посвящена внутренней и внешней торговле Исфагана. Наибольший интерес представляют приведенные в ней таблицы. Так, например, в одной из них перечислены местные торгово-промышленные компании, получившие или продлившие лицензии в 1954 г. (стр. 159—161); указаны их названия, размер капитала, употребляемое сырье и выпускаемая продукция. Другая таблица наглядно знакомит читателя со всеми ремесленными предприятиями Исфагана (стр. 166—170); в ней указано 92 профессии, количество предприятий и число занятых работников.

Глава 10 (стр. 171—180) начинается кратким обзором сельского хозяйства. Основная ценность этой главы, как и предыдущей, заключается в представленном в ней статистическом материале: здесь и таблица поголовья скота в десятом астане (стр. 174); таблица наиболее распространенных в нем болезней скота (стр. 175—176); таблица объе-

⁸ Ср. «Современный Иран», стр. 199: «В кустарной ткацкой промышленности занята 21 тысяча человек».

ма годового производства различных видов сельскохозяйственной продукции по шахристанам; данные о размерах засеваемых площадей и урожае пшеницы, ячменя, гороха, бобовых культур, проса, кукурузы, опиума, хлопка, гуммидраганта, асафетиды и картофеля; таблица способов раздела урожая между землевладельцем и арендатором по различным шахристанам и бахшам десятого астана в зависимости от вида продукции (стр. 177—180).

Специальный раздел своей книги Хасан Абеди посвящает лесному хозяйству Исфагана (стр. 181—190). После небольшого обзора лесных районов астана он переходит к более обстоятельной характеристике 18 пород деревьев, составляющих основу лесных массивов района, приводит нормы прироста древесины, данные о способах посадки деревьев, а также сведения об основных методах использования древесины и других лесопродуктов.

Весьма интересен краткий очерк социально-экономического положения населения лесистых районов десятого астана, живущего в крайне тяжелых условиях. Продукции богарного и поливного земледелия здесь не хватает, и местные жители вынуждены собирать желуди для приготовления «муки». Из-за периодических голодовок и неоплатных долгов крестьяне покидают свои жилища и отправляются в другие районы страны в поисках работы и пропитания. Здесь свирепствует малярия, распространены глазные болезни, но нет ни врачей, ни лекарств. Местные ханы безнаказанно угнетают население и пользуются любым поводом, чтобы устанавливать всевозможные поборы с крестьян. Положение населения лесистых районов, как отмечает автор, ухудшается с каждым годом (стр. 190).

Далее Хасан Абеди рассматривает производство гуммидраганта (стр. 191—194), перечисляет его основные сорта и размеры урожая. Остальные разделы главы посвящены хлопководству (приведена таблица годового потребления хлопка фабриками Исфагана и округи, стр. 197), производству опиума (стр. 198) и табака (стр. 199). Глава заканчивается таблицей, в которой указаны размеры годового сбора различных сортов орехов и других культур, а также объем годового производства сухофруктов с указанием стран, куда вывозится вся эта продукция (стр. 201—202).

Следующая глава (стр. 203—214) знакомит читателя с положением в горнодобывающей промышленности. В ней приведены сведения о ряде копей по добыче свинца, цинка, сурьмы, меди и соли, описаны некоторые методы их разработки. Количество рабочих, занятых на этих копиях, указывается не во всех случаях.

Последняя часть книги состоит из небольших разделов, посвященных медико-санитарному состоянию шахристана (стр. 215—217). Автор приводит данные о рождаемости и смертности (стр. 218—221), о различных вероисповеданиях, о жандармерии, учебных заведениях и прессе Исфагана (стр. 222—236).

Книга заканчивается перечнем основных потребностей Исфагана, которые, по мнению автора, заключаются: в создании акционерного общества по заготовке хлопка; в постройке завода по переработке сахарной свеклы и завода пастеризованного молока; в постройке машиноремонтного завода, на котором можно было бы производить также запасные части для машин и станков исфаганских фабрик; в постройке плотины на р. Зендеруд; в создании таможенного управления; в строительстве цементного завода; в постройке шоссе Исфаган — Ахвас; в постройке автоматической телефонной станции, а также водопровода и канализации.

В заключение следует отметить, что название рассмотренной нами книги несколько шире ее фактического содержания, так как социальным вопросам автор уделяет сравнительно немного места. Труд Хасана Абеди — это скорее всего экономический справочник, ценность которого заключается в обилии разнообразных статистических сведений по Ирану, отсутствующих во многих других работах, в том числе и в специальных справочниках. Но, несмотря на некоторые недостатки книги, она, несомненно, заслуживает внимания каждого экономиста и географа, занимающегося изучением современного Ирана.

К ПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СОЗДАНИЯ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

(Хроника работы)

В прошлом году исполнилось пять лет со времени организации Восточной комиссии Географического общества СССР. В связи с этим мы помещаем краткий хронологический обзор деятельности комиссии.

Восточная комиссия была создана в декабре 1955 г. по инициативе старейшего члена Общества А. В. Королева, при активной поддержке акад. В. В. Струве, З. И. Горбачевой и Е. Е. Воронова¹. Согласно выработанному положению, перед комиссией была поставлена задача — всесторонне изучать страны зарубежного Востока и популяризировать географические и исторические знания об этих странах среди населения.

9 декабря 1955 г. на первом организационном собрании было избрано бюро Восточной комиссии во главе с В. В. Струве. В состав бюро вошли А. В. Королев (заместитель председателя), Н. М. Сеницин, В. М. Сеницин, В. М. Штейн, З. И. Горбачева, О. П. Петрова и В. С. Воробьев-Десятовский. На первом заседании был заслушан доклад А. В. Королева «Русские и советские писатели и художники об Индии».

В 1956 г. состоялось 16 заседаний комиссии:

12 января — критический разбор некоторых справочников и популярных изданий по географии зарубежной Азии. Рецензентами выступили: А. В. Королев, З. И. Горбачева, В. А. Ромодин и В. С. Воробьев-Десятовский.

26 января на совместном заседании с отделением истории географических знаний были заслушаны сообщения П. Е. Скачкова «Забытый русский источник XVII в. о Китае» и В. А. Ромодина «Путешествие Назарова в Коканд в 1812—1813 гг.».

9 февраля Восточная комиссия посвятила свое заседание памяти великого русского писателя Ф. М. Достоевского (к 75-летию со дня смерти). Вступительное слово сделал акад. В. В. Струве. А. В. Королев выступил с докладом на тему «Ф. М. Достоевский и деятели Географического общества (П. П. Семенов и Ч. Ч. Валиханов)».

23 февраля состоялся доклад Б. А. Вальской «Путешествия Е. П. Ковалевского по странам Азии».

5 марта Восточная комиссия отметила 20-летие со дня смерти Г. Е. Грумм-Гржимайло. С воспоминаниями об этом выдающемся гео-

¹ Подробнее о начале работы комиссии см.: В. А. Ромодин, *Год работы Восточной комиссии Географического общества СССР*, — «Советское востоковедение», 1957, № 1, стр. 185—187.

графу и путешественнику выступили А. В. Королев и Л. С. Пучковский. На этом заседании было принято решение образовать особую комиссию в составе В. В. Струве, В. М. Штейна, А. В. Королева, З. И. Горбачевой, Л. С. Пучковского, Е. И. Лубо-Лесниченко и К. В. Вяткиной для издания неопубликованных исторических карт Г. Е. Грумм-Гржимайло. В заключение заседания В. М. Штейн сделал доклад на тему «Возникновение экономической географии у китайцев»².

29 марта члены комиссии заслушали доклад Г. П. Куриленко «Первые русские послы в Индии» и сообщение Э. А. Лалаянца «Остров Ява и его население»³.

12 апреля состоялся доклад В. С. Воробьева-Десятовского «Г. П. Лебедев — первый русский индолог и создатель европейского театра в Индии в конце XVIII в.» и сообщение В. А. Ромодина «Историко-географическая характеристика княжеств Сват и Дир, населенных афганцами»⁴.

26 апреля — доклад В. С. Старикова «Города Северо-Восточного Китая (Дунбэя) по личным наблюдениям».

17 мая Восточная комиссия посвятила свое заседание памяти выдающегося китаеведа, путешественника и деятеля Географического общества В. М. Алексева. Со вступительным словом выступил В. В. Струве. Затем М. В. Алексева сообщила о сохранившихся в архиве акад. Алексева его дневниках путешествия по Северному Китаю в 1908—1910 гг., а Л. Н. Меньшиков рассказал о собрании эстампажей и народных картин из коллекции этого неугомого ученого⁵. А. В. Королев остановился на характеристике В. М. Алексева как замечательного путешественника и деятеля Географического общества.

12 октября Восточная комиссия посвятила свое заседание памяти молодого советского индолога В. С. Воробьева-Десятовского. С воспоминаниями о своем товарище выступили А. В. Королев, Г. А. Зограф и В. А. Ромодин. На этом же заседании были заслушаны доклады Р. Р. Орбели «Малоизвестный путешественник в Индию Рафаэл Данибегов и его книга „Путешествие в Индию“ конца XVIII в.» и А. В. Королева «Новейшие открытия в Гималайских горах и на Кара-Коруме».

26 октября состоялось два доклада: О. П. Петровой «Города Китая — Шанхай, Нанкин, Ханчжоу — по личным впечатлениям» (с демонстрацией фотографий) и В. С. Старикова «Русское кладбище в Пекине за два века (XVIII и XIX вв.)». В. С. Стариков продемонстрировал собранному 16 снимков с надгробий, самый ранний из которых датирован 1817 г. По этому докладу комиссия вынесла решение: обратиться в соответствующие организации с просьбой о реставрации памятников на русском кладбище в Пекине.

16 ноября И. Я. Слоним сделал доклад «О происхождении некоторых географических названий зарубежной Азии»⁶. В сообщении «Предварительное совещание по вопросам орфографии и орфоэпии географических названий зарубежной Азии» приняли участие В. И. Беляев, А. В. Королев и др.

23 ноября состоялось очередное заседание Восточной комиссии, посвященное Суэцкому каналу. С докладами выступили: Е. Е. Шведе «Суэцкий канал как один из важнейших мировых путей» и А. М. Лю-

² См. сб.: «Страны и народы Востока», М., 1959, вып. I, стр. 194—203.

³ Там же, стр. 30—47.

⁴ Там же, стр. 110—129.

⁵ Там же, стр. 302—313.

⁶ Там же, стр. 336—347.

барская «Наблюдения русских путешественников и моряков над строительством Суэцкого канала»⁷.

3 декабря на совместном заседании с комиссией медицинской географии, Паразитологическим обществом и Паразитологическим отделом Зоологического института Академии наук СССР были заслушаны доклады проф. Гун Цзянь-чжана «Филяриозы и их географическое распространение в Китае» и проф. Юй Хуань-Вэня «География лихорадки цуцугамуши в приморском районе юго-восточной части КНР».

13 декабря члены комиссии заслушали доклад Б. Б. Пиотровского «О поездке в Египет в 1956 г.», и доклад А. П. Окладникова «Полевые наблюдения по каменному веку в Египте в 1956 г.».

Б. Б. Пиотровский сообщил, что летом 1956 г. группа советских ученых совершила поездку по Египту с целью установления личного контакта с египетскими учеными, ознакомления с древними памятниками, находящимися в зоне затопления Асуанской плотины, и проведения археологических раскопок. Маршрут путешествия проходил от Каира до Вади-Хальфи. В своем докладе А. П. Окладников сообщил, что ему удалось обнаружить в Египте сотни различных вещей из камня. Доклады были иллюстрированы интересными фотографиями.

20 декабря с докладом «Великие строительства на реке Янцзы» выступил китайский профессор Ши Цзя-ян.

В 1957 г. состоялось девять заседаний Восточной комиссии:

11 января на совместном заседании с отделением этнографии было заслушано сообщение В. С. Старикова «Китайская игрушка».

24 января происходило совместное заседание с отделением экономической географии, на котором Ю. Е. Борщевский выступил с докладом на тему «Новые иранские работы по истории и географии сельского хозяйства Ирана».

25 февраля — совместное заседание с комиссией медицинской географии. Доклад К. Ф. Блинова «Экспедиция за лекарственными растениями тибетской медицины».

14 марта — доклад Т. К. Шафрановской «Первые китайские книги в России в XVIII в.»⁸.

16 мая М. А. Салахетдинова сделала доклад на тему: «Результаты археологических раскопок последних лет в государстве Волжских булгар», а В. И. Кальянов и Г. А. Зограф выступили с сообщением «Личные впечатления о посещении Индии». А. В. Королев познакомил членов комиссии с тезисами доклада «Новые данные и соображения об йэти и голуб-яване (о так называемом снежном человеке)».

13 июня состоялся доклад Т. А. Шумовского «Морская арабская энциклопедия 1490 г. и вопрос о географических открытиях арабов в Индийском и западной части Тихого океана»⁹. А. В. Королев сделал предварительное сообщение о своей работе на тему «Центральная Азия как родина homo sapiens в свете учения академика П. П. Сушкина и новейших данных».

17 октября состоялся доклад И. В. Сахарова «Новое административное деление Индии и его экономическое значение»¹⁰. Доклад был повторен на заседании, состоявшемся 10 января 1958 г.

13 декабря состоялось заседание Восточной комиссии, посвященное успехам советской географии и истории в изучении Китая и Средней Азии. На этом заседании было заслушано два доклада: «Изучение

⁷ Там же, стр. 148—161.

⁸ Там же, стр. 295—301.

⁹ Там же, стр. 162—193.

¹⁰ Там же, стр. 5—29.

прошлого народов Средней Азии за 40 лет» В. А. Ромодина и «Взаимоотношения народов нашей страны и Китая в прошлом и настоящем» А. В. Королева.

23 декабря на совместном заседании с комиссией медицинской географии А. Ф. Гаммерман выступил с докладом на тему «Лекарственные растения тибетской медицины».

С 1957 г. бюро Восточной комиссии работает в следующем составе: акад. В. В. Струве, А. В. Королев, З. И. Горбачева, В. М. Синицин, В. А. Ромодин, Б. А. Вальская, И. В. Сахаров и Н. Н. Миронич.

В 1958 г. состоялось 16 заседаний Восточной комиссии:

23 января на совместном заседании с Российским Палестинским обществом заслушано два доклада: «Забутые русские путешественники по арабским странам (Египет, Сирия, Ливан)»¹¹ А. М. Любарской и «Новейшие археологические открытия на берегу Мертвого моря и их историческое значение» К. Б. Старковой.

14 февраля В. С. Стариков выступил с докладом на тему «Маньчжуры в Китайской Народной Республике». Затем состоялось обсуждение книг: «Зарубежная Азия» — коллектив авторов московских географов; «Азия» П. Гуру и «Зарубежная Азия» А. В. Королева. В обсуждении приняли участие В. В. Струве, В. А. Ромодин, Т. К. Шафрановская, В. В. Перцмакер и др.¹²

10 января было заслушано два доклада: И. В. Сахарова «Новое административное деление Индии и его экономическое значение»¹³ и В. Н. Горегляда «Японские путешественники в России в конце XVIII в.»¹⁴.

15 и 17 марта Восточная комиссия совместно с отделением истории географических знаний и Ассоциацией ленинградских арабистов провела сессию, посвященную 75-летию со дня рождения акад. И. Ю. Крачковского. На сессии были заслушаны следующие доклады: А. И. Андреева «Деятельность И. Ю. Крачковского в Географическом обществе СССР», В. А. Крачковской «Как И. Ю. Крачковский создавал свой труд „Арабская географическая литература“», В. И. Беляева и Т. А. Шумовского «О морской географии XV—XVI вв. у арабов и турок в труде И. Ю. Крачковского „Арабская географическая литература“», Н. Д. Миклухо-Маклая «О значении труда И. Ю. Крачковского „Арабская географическая литература“ для изучения географической литературы на персидском языке» и Ю. Е. Борщевского «Персидская географическая литература в XIX—XX вв. в труде И. Ю. Крачковского „Арабская географическая литература“».

17 апреля Т. К. Шафрановская сделала доклад на тему «Лоренц Ланг и его первое путешествие в Пекин в 1715—1716 гг.», а Е. И. Кычанов сообщение «Китайский рукописный атлас карт Тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина»¹⁵.

28 апреля на совместном заседании с комиссией медицинской географии был заслушан доклад В. П. Латыш «Географическое распространение проказы в Индии».

15 мая на совместном заседании с отделением истории географических знаний заслушан доклад Б. П. Полевого «Первое сообщение сибирских казаков о японцах (1652—1653)».

¹¹ «Звезда», 1958, № 7, стр. 137—144.

¹² См. сб.: «Страны и народы Востока», вып. I, стр. 348—350.

¹³ Там же, стр. 5—29.

¹⁴ Там же, стр. 213—228.

¹⁵ Там же, стр. 204—212.

29 мая состоялся доклад Б. А. Вальской на тему «Новые материалы о путешествиях Е. П. Ковалевского в Египет и Китай»¹⁶.

27 июня происходило совместное заседание Восточной комиссии и Российского Палестинского общества, посвященное археологическим открытиям в районе Мертвого моря. С докладом «Физико-географическая характеристика побережья Мертвого моря» выступил И. И. Бабков. К. Б. Старкова сделала сообщение «Апокрифон на книгу „Бытия“ и его значение для географа и историка (из новых публикаций Кумранских рукописей)».

3 октября на совместном заседании с отделением этнографии был заслушан доклад Ю. Н. Рериха: «Научно-исследовательские работы в Монголии, Тибетском районе Китая и Гималаях в 1923—1957 гг.». Ю. Н. Рерих охарактеризовал деятельность Н. К. Рериха как художника, археолога и путешественника. Особенно подробно он остановился на экспедиции Н. К. Рериха в Гималаи и Центральную Азию в 1926—1929 гг., а также рассказал о деятельности созданного Н. К. Рерихом научно-исследовательского института в Гималаях в долине Кулу. Изучению Гималаев и Центральной Азии Н. К. Рерих посвятил свыше 30 лет своей жизни.

В заключение докладчик кратко остановился на работах по изучению Монголии, Тибетского района Китая и Гималаев, выполненных им лично в период с 1923 по 1957 г.

Присутствующие на совместном заседании выразили Ю. Н. Рериху глубокую благодарность не только за доклад, но и за исследование малоизученных районов Азии. Было решено просить Президиум Географического общества обратиться в вышестоящие организации с просьбой организовать в Ленинграде постоянную выставку произведений выдающегося русского художника — путешественника Николая Константиновича Рериха (1874—1947).

29 октября состоялось совместное заседание Восточной комиссии, комиссии медицинской географии и отделения истории географических знаний, посвященное 100-летию со дня рождения А. В. Елисеева. С докладом «Жизнь и труды доктора А. В. Елисеева в области общей и медицинской географии» выступил А. П. Марковин. Затем А. М. Любарская рассказала о путешествиях А. В. Елисеева по Египту. К заседанию была подготовлена выставка основных работ А. В. Елисеева и исследований о его жизни и деятельности.

14 ноября А. В. Королев сделал доклад на тему «Художественное наследие Н. К. Рериха и его значение для географической науки».

28 ноября на совместном заседании с комиссией медицинской географии состоялись доклад В. П. Бякова на тему «Некоторые итоги медико-географического изучения Памира (по материалам Памирской экспедиции Академии наук СССР за 1958 г.)» и сообщение П. Е. Скачкова «Работы русских врачей при Пекинской духовной миссии».

3 декабря И. В. Сахаров сделал доклад «Некоторые вопросы экономического районирования Индии», а Ю. Д. Дмитриевский — сообщение «Искусственное орошение в Африке»¹⁷.

22 декабря на совместном заседании с отделением истории географических знаний заслушан доклад А. Л. Биркенгофа «Как, кто, когда и почему назвал острова Берингова пролива» и сообщение А. И. Андреева «Русский путешественник в Индию купец Н. И. Челобитчиков».

В 1959 г. состоялось 14 заседаний Восточной комиссии:

¹⁶ Там же, стр. 263—285.

¹⁷ См. настоящий сборник, стр. 61.

8 января на совместном заседании с отделением экономической географии заслушано сообщение Л. И. Бонифатьевой «Впечатления о поездке в Индию».

15 января совместно с комиссией медицинской географии, отделением этнографии и истории географических знаний Географического общества, Ленинградским отделением Астрономо-геодезического общества и Российским Палестинским обществом Восточная комиссия отметила 75-летие со дня рождения и 50-летие научной и педагогической деятельности заместителя председателя комиссии Александра Васильевича Королева. Акад. В. В. Струве охарактеризовал жизненный путь юбиляра и отметил его заслуги в изучении географии стран Востока, в изучении и преобразовании природы Западного Казахстана, и особенно в педагогической деятельности. Затем Ю. Н. Рерих сделал сообщение «О кочевниках Тибета»¹⁸. В заключение заседания были зачитаны многочисленные приветствия, направленные в адрес юбиляра.

30 января заслушано сообщение Р. И. Баранниковой «Религиозные праздники Индии».

3 февраля Восточная комиссия приняла участие в чествовании своего председателя академика Василия Васильевича Струве в связи с 75-летием со дня рождения. Чествование было организовано Академией наук, Ленинградским университетом и другими учреждениями.

9 февраля на совместном заседании с комиссией медицинской географии заслушан доклад Л. В. Дмитриевой: «Турецкие медицинские трактаты из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР»¹⁹.

18 февраля состоялось заседание, посвященное 150-летию со дня рождения выдающегося путешественника, общественного деятеля и писателя, почетного члена Географического общества Егора Петровича Ковалевского. С докладом «Е. П. Ковалевский, русские востоковеды и писатели» выступила Б. А. Вальская. Л. А. Мандрыкина рассказала о материалах, хранящихся в фонде Ковалевского в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Восточная комиссия постановила: обратиться в Издательство восточной литературы с просьбой переиздать важнейшие труды Е. П. Ковалевского о странах Востока, издать сборник его неопубликованных документов и полную биографию. Комиссия обратилась также к президиуму Географического общества с просьбой установить памятник на могиле Ковалевского.

4 марта заседание Восточной комиссии происходило в скульптурной мастерской Г. Ф. Богатыревой-Кононовой, продемонстрировавшей собравшимся созданный ею скульптурный портрет Е. П. Ковалевского, который она решила подарить Географическому обществу. Члены Восточной комиссии единодушно одобрили труд скульптора и выразили Г. Ф. Богатыревой-Кононовой глубокую благодарность.

23 марта члены комиссии заслушали два доклада: А. М. Любарской «Английский поэт и путешественник Вилфрид Блант — обличитель колониализма»²⁰ и Т. К. Шафрановской «Новые данные об изобретении компаса в Китае».

24 апреля М. Ф. Хван сделал доклад на тему «Происхождение и значение главнейших китайских географических названий и терминов», а Э. А. Лалаянц — сообщение «Сельская община у яванцев».

¹⁸ Там же стр. 7.

¹⁹ Там же стр. 251.

²⁰ Там же стр. 130.

8 мая состоялось продолжение доклада М. Ф. Хвана «Происхождение и значение главнейших китайских географических названий и терминов» и сообщение Ю. Д. Дмитриевского «Гидроэнергетика Африки»²¹.

22 мая были заслушаны доклад Т. К. Шафрановской «Путешествия Ф. Л. Елачича в Китай в 1753 г.», сообщение А. Д. Дридзо «Индийцы Вост-Индии»²² и сообщение В. С. Старикова «Народность сибо в Китайской Народной Республике».

15 октября состоялось торжественное заседание Восточной комиссии, посвященное 10-летию Китайской Народной Республики. Во вступительном слове акад. В. В. Струве рассказал о выдающихся успехах Китайской Народной Республики в социалистическом строительстве. С докладом «10 лет Китайской Народной Республики и изменения в географии Китая» выступила З. И. Горбачева. В. С. Стариков сделал сообщение на тему: «Производство железных цветов в Китае» (с демонстрацией изделий).

На этом же заседании Восточная комиссия обсудила и одобрила доклад Б. А. Вальской «Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока», представленный на XXV Международный конгресс востоковедов. К заседанию были подготовлены выставка книг о Китайской Народной Республике и выставка трудов Русского географического общества о странах Востока. Кроме того, были показаны рукописные и печатные карты, связанные с изучением стран Востока Географическим обществом.

12 ноября состоялся доклад В. А. Ромодина «Новые историко-географические данные о киргизах и вопрос о происхождении эпоса „Манас“».

22 декабря Т. К. Шафрановская сделала доклад на тему «К 150-летию выхода в свет сборника „Архив азиатской литературы, истории и языкознания“, изданного в 1810 г. Академией наук в Петербурге».

В 1959 г. Издательство восточной литературы опубликовало первый выпуск сборника «Страны и народы Востока», подготовленный к печати Восточной комиссией под редакцией В. В. Струве. В сборник вошли доклады и сообщения, сделанные на заседаниях Восточной комиссии, по истории, географии и этнографии стран Востока, а также статьи и рецензии, написанные членами Восточной комиссии. Объем сборника 22 печатных листа, тираж 1700 экземпляров.

В первой половине 1960 г. состоялось девять заседаний Восточной комиссии:

8 января — доклад А. Г. Шпринцина «Современная русская транскрипция китайских географических названий». Докладчик и выступавшие отметили, что в написании китайских географических названий существует большой и неоправданный разнбой. Для установления общих принципов транскрипции китайских географических названий Восточная комиссия постановила организовать специальную подкомиссию по транскрипции китайских географических названий в следующем составе: А. Г. Шпринцин, В. С. Стариков, С. Е. Яхонтов, М. Ф. Хван, А. В. Королев и В. С. Колоколов.

Вторым докладчиком на этом заседании был В. С. Стариков, который рассказал о А. Е. Дьячкове, первом анадырском краеведе-самоходке. На заседании также обсуждался вопрос о предстоящем III съезде Географического общества СССР. Кандидатом в делегаты на съезд была избрана Б. А. Вальская.

²¹ Там же, стр. 74.

²² Там же, стр. 89.

21 января О. И. Смирнова сделала доклад на тему «Согдийские документы VIII в. и современная карта верховьев Зеравшана»²³.

19 февраля на совместном заседании с комитетом преобразования природы состоялся доклад А. И. Дзенс-Литовского «По провинциям Нового Китая Сычуани и Юньнани (природа и население)».

26 февраля — доклад Е. В. Бунакова «Новый источник о нравах и быте китайцев в начале XVII в.» и сообщение Е. И. Кычанова «Вновь обнаруженные словари тангутского языка из коллекции П. К. Козлова (из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР)»²⁴.

7 апреля состоялся доклад М. И. Богданова «Вопросы водного хозяйства Китая» и сообщение Т. К. Шафрановской «О научном значении посольства Саввы Владиславича (1725—1728) в Китай».

14 апреля — доклад Г. П. Куриленко «Петр Триногин — русский путешественник в Среднюю Азию и Индию XVII в.» (по новым материалам).

5 мая Н. Т. Агафонов сделал доклад на тему «Из истории хозяйственного освоения Тургая»²⁵. На этом же заседании обсуждался справочник «Наш друг Китай». Рецензентами выступили Н. А. Петров и З. И. Горбачева.

24 мая происходило заседание подкомиссии по транскрипции китайских географических названий.

26 мая состоялось заседание Восточной комиссии, посвященное памяти Ю. Н. Рериха. Во вступительном слове А. В. Королев говорил о том, что советские востоковеды потеряли замечательного ученого, филолога и историка, крупнейшего знатока многих стран Востока. Восточная комиссия постановила переиздать книгу Ю. Н. Рериха «По путям и дорогам Центральной Азии». Затем с докладом «Путешествие по Египту, Нубии и Северному Судану в 1959—1960 гг.» выступил Н. С. Петровский. В заключение А. В. Королев сделал сообщение «Новые данные об антропиде Центральной Азии, одичавших людях и синантропе».

17 июня 1960 г. по инициативе Восточной комиссии совместно с президиумом Географического общества Союза ССР была организована встреча с выдающимся индийским художником Святославом Николаевичем Рерихом и его супругой Девикой Рани Рерих. Председательствовал на встрече Президент Общества акад. Е. Н. Павловский.

В заключение следует отметить большую работу секретарей Комиссии О. Я. Ткаченко (1955—1956 гг.), Н. Н. Миронич (1956—1958 гг.) и Б. А. Вальской (с 1959 г.).

²³ Там же, стр. 220.

²⁴ Там же, стр. 231.

²⁵ Там же, стр. 114.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Памяти Юрия Николаевича Рериха	3
<u>Ю. Н. Рерих.</u> Кочевые племена Тибета	7
<i>И. В. Сахаров.</i> Экономические последствия раздела Бенгала (1947 г.)	13
<i>И. В. Сахаров.</i> О сырьевой и топливной базе черной металлургии Восточной Индии	30
<i>Ю. Д. Дмитриевский.</i> Некоторые вопросы ирригации в Африке	61
<i>Ю. Д. Дмитриевский.</i> Гидроэнергетика Африки	74
<i>А. Д. Дридзо.</i> Индийцы острова Тринидад	89
<i>Л. Н. Гумилев.</i> Три исчезнувших народа	103
<i>Н. Т. Агафонов.</i> Из истории экономического развития Тургая	114
<i>А. М. Любарская.</i> Английский поэт и путешественник Вилфрид Блант — обличитель колониализма	130
<i>Т. А. Шумовский.</i> Теория и практика в арабской географии	143
<i>Т. А. Шумовский.</i> Синдбад и Ахмад ибн Маджид	160
<i>М. А. Салахетдинова.</i> Письмо Русского географического общества правителю Люкчуна	169
<i>Б. А. Вальская.</i> Путешествие Андрея Аргентова на северо-восток Сибири в 1851 году	172
<i>Т. К. Шафрановская.</i> Путешествие Лоренца Ланга в 1715—1716 гг. в Пекин и его дневник	188
<i>П. Е. Скачков.</i> Ведомость о Китайской земле	206
<i>О. И. Смирнова.</i> Карта верховьев Зеравшана первой четверти VIII века	220
<i>Е. И. Кычанов.</i> Новые словари в тангутской коллекции рукописного собрания Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР	231
<i>З. И. Горбачева.</i> Китайские медицинские труды в коллекции Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР	243
<i>Л. В. Дмитриева.</i> Турецкие медицинские рукописи в собрании Института народов Азии Академии наук СССР	251
<i>Л. В. Дмитриева.</i> Материалы по фольклору тюркских народов в собрании Института народов Азии Академии наук СССР	258
<i>Н. А. Петров.</i> Некоторые издания китайского фольклора XIX века в коллекции ксилографов Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР	266
<i>Ю. Е. Борщевский.</i> Новая книга об Исфагане	270
К пятилетию со дня создания Восточной комиссии Географического общества СССР (Хроника работы)	276

«СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА»

Вып. II

Сборник статей

Утверждено к печати Восточной комиссией Географического общества СССР Академии наук СССР

*

Редактор издательства *В. В. Бирюков* Технический редактор *Л. Т. Мичкина*

Художник *Н. Ю. Гитман*

Корректоры *Л. М. Манчели* и *В. Д. Светова*

Сдано в набор 17/IV 1961 г. Подписано к печати 22/XI 1961 г. А098693 Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 17,5
Усл.-печ. л. 24,3. Уч.-изд. л. 24,1. Тираж 1800 экз. Зак. 676. Цена 1 руб. 75 коп.

Издательство восточной литературы Москва, Центр, Армянский пер., 2.
Гипография Издательства восточной литературы. Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
56	7 сн.	„Демаг“	„Демаг“
131	4 сн.	1930	1903
172	20 сн.	Чуанском	Чаунском

Зак. 1709

